

Елена КРЮКОВА

СОЛДАТЪ И ЦАРЬ

Переводъ въ до-реформенную орфографію исполнилъ Вячеславъ Мясниковъ

Томъ первый

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ¹*«Москва, 27 мая 1918 года.**Дорогая моя!**Я нахожусь въ самомъ огнѣ борьбы. Жизнь солдата, у котораго нѣтъ отдыха, ибо нужно спасать нашъ домъ. Некогда думать о своихъ и себѣ, работа и борьба адская. Но сердце мое въ этой борьбѣ осталось живымъ, тѣмъ же самымъ, какимъ было и раньше. Все мое время – это одно непрерывное дѣйствіе...**Мысль моя заставляетъ меня быть безпощаднымъ, и во мнѣ твердая воля идти за мыслью до конца...**Кольцо враговъ сжимаетъ насъ все сильнѣе и сильнѣе, приближаясь къ сердцу... Каждый день заставляетъ насъ прибѣгать ко все болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Сейчасъ предсталъ передъ нами величайшій нашъ врагъ – настоящій голодъ. Для того чтобы получить хлѣбъ, надо его отнять у тѣхъ, у кого онъ имѣется, и передать тѣмъ, у которыхъ его нѣтъ. Гражданская война должна разгорѣться до небывалыхъ размѣровъ. Я выдвинулъ на постъ передовой линіи огня, и моя воля – бороться и смотрѣть открытыми глазами на всю опасность грознаго положенія и самому быть безпощаднымъ...**Физически я усталъ, но держусь нервами, и чуждо мнѣ уныніе. Почти совсѣмъ не выхожу изъ моего кабинета – здѣсь работаю, тутъ же въ углу, за ширмой, стоитъ моя кровать. Въ Москвѣ я нахожусь уже нѣсколько мѣсяцевъ. Адресъ мой: Большая Лубянка, II.**Быть-можетъ, ты найдешь оказію, чтобы написать мнѣ о себѣ и Ясикѣ. Вашъ Феликсъ».**Изъ письма Феликса Дзержинскаго Софьѣ Дзержинской**Нѣжный, слабый свѣтъ. Разсвѣтъ.**Сколько разсвѣтовъ уже встрѣчено въ жизни? Они не считали. Да развѣ кто считаетъ? Во дворѣ уже стоятъ дорожныя кошевки, онѣ очень смѣшныя, и дѣвушки, едва осушивъ лица отъ слезъ, смѣются: это просто огромныя корзины, и онѣ положены на длинныя слеги, а сидѣть не на чемъ, надо набросать на дно корзины тряпки, наложить шубы, тулупы, кошмы, и такъ садиться, а можно лечь и спать.**Спать – тряско. Но дѣлать нечего. Сонъ поборетъ тебя, окажется сильнѣе тебя.**– Папа, а смерть – это тоже сонъ?**– Не говори глупостей, Машка, что это тебѣ лѣзетъ въ голову.**Онъ никогда не грубилъ дочерямъ. А сейчасъ вотъ нагрубилъ Маріи. Положилъ руку ей на теплую голову, на мягкіе густые волосы, и заглянулъ въ глаза, прося прощенья.**Во дворъ въѣхалъ новый возокъ, крытый.**– Это для гражданки Романовой! – крикнулъ Авдеевъ и взялъ коня подъ-узды и повелъ къ крыльцу. Конь фыркалъ и билъ копытомъ настъ.**– Машинька, ты почему съ голой головой? Гдѣ твоя шапочка?**Марія безъ словъ вынула теплую шапку изъ рукава своего овечьяго полушубка.**Ляминъ и Мерзляковъ подтаскивали къ крытому возку матрацъ и бросили его внутрь.**– Сѣно тащи!*¹ Главы 1-3 романа «Солдат и царь» опубликованы в №6 «Невского проспекта».

– Самъ тащи, Мишка.

Ляминъ побѣжалъ въ сарай. Выхватилъ изъ копны охапку. Побѣжалъ обратно. Яковлевъ ихъ всѣхъ такъ торопилъ, что ему казалось – комиссару легче всѣхъ ихъ застрѣлить, для быстроты, и положить трупы въ повозки, и завопить: гони!

Домъ Свободы, онъ нынче плакалъ весь, всякой своей щелью, каждой доской. Человѣкъ, онъ такъ устроенъ, что непрерывно плачетъ; онъ оплакиваетъ ушедшихъ и льетъ слезы надъ кроватью больного, онъ плачетъ отъ любви и радости, и онъ плачетъ одинъ, покинутый всѣми, на паперти храма, на порогѣ нишей избы. А еще, они это точно знали, человѣкъ плачетъ отъ боли.

Гдѣ она, боль? А вотъ она. Боль не одна сегодня. Ихъ нѣсколько. Ихъ – четверо. Вотъ стоятъ на крыльцѣ дочери, и каждая – боль. Дѣвочки плачутъ оттого, что не знаютъ, какъ родные доѣдутъ, и доѣдутъ ли: имъ сказали, что на дорогахъ волки, а еще, кромѣ волковъ, есть и люди, и люди эти хуже волковъ, они и стрѣляютъ, и воютъ, и нападаютъ, и вонзаютъ клыки, и грызутъ живое мясо. Какая ерунда! Настя, что ты сочиняешь! Я не сочиняю, мнѣ охранникъ Ляминъ сказалъ. Мало ли что сказалъ охранникъ Ляминъ! Нѣтъ никакихъ волковъ, дѣточка! Мы доѣдемъ великолѣпно! Смотри, у мамы даже крытая кошева!

Царь подходилъ къ каждой изъ дочерей и крестилъ ихъ. Рука его дергалась. Ноги тоже подергивались, мышцы надъ колѣнями; и дергалась щека надъ лѣвымъ усомъ. Это тикъ, и это все отъ нервовъ. Полковникъ, будьте мужественны! Пусть плачутъ женщины. Надо взять себя въ руки, а то отъ горя кошевки, и тѣ по дорогѣ развалятся. Отъ человѣка, терпящаго горе, идетъ особое излученіе; и оно опасно для вещей и для звѣрей. Какъ бы ни было тяжело – давайте радоваться! Попробуемъ?

Старуха стояла гордо. Презрительно, сверху внизъ, глядѣла на красныхъ. Красные радуются нашему горю; такъ не нужно имъ это горе показывать. Мы должны быть выше. Мы и такъ выше. Имъ – до насъ – никогда не дорасти. Ни полководцу, ни солдату, ни этому ихъ лысому вождю. Это онъ убилъ Россію. А ему кажется – онъ ее строитъ. Какъ это въ ихъ отвратительномъ гимнѣ поется? Мы нашъ, мы новый міръ построимъ? Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ?

Царь шепнулъ женѣ: ты какъ деревянная. Она шепнула въ отвѣтъ: нельзя показывать имъ наше безсиліе. Мы – сильные.

И онъ послушно наклонилъ голову: да, мы – сильные.

– Сколько дней пути до Тюмени? Я ужъ и запомнилъ. Тамъ вѣдь сядемъ на поѣздъ?

Яковлевъ сначала сдѣлалъ видъ, что не услышалъ. Потомъ нехотя обернулся.

Красногвардейцы, что толклись рядомъ, близъ кошевокъ, внимательно взглядывали на него.

Ляминъ наклонился и почесалъ ногу подъ штаниной, чуть выше сапога.

«Бойся, что подслушаютъ. Непростой товарищъ этотъ Яковлевъ».

Ляминъ чуялъ въ немъ большую глубину; такъ бываетъ, когдаходишь въ нѣжную, свѣтлую солнечную рѣку, заходишь по колѣно, потомъ по грудь, хочешь плыть, и вдругъ дно подъ тобой обрывается, и ты ухаешь въ черную бездну, въ яму.

– Дней – не знаю. Какъ поѣдемъ. Какой свѣжести будутъ кони. Коней будемъ мѣнять... намъ скажутъ, гдѣ. Знаю лишь, что до Тюмени верстъ триста будетъ, не меньше, – обернулся къ Николаю, старухѣ и Маріи. – Эй! – крикнулъ для всѣхъ. Шагнулъ къ нимъ. – Ваше величество, – тихо сказалъ ему одному. – Садитесь. Пора.

Лицо Николая будто запорошило крупными хлопьями снѣга. Теплый овчинный треухъ былъ великъ ему, сползалъ со лба на брови. Онъ протянулъ руку, Аликсъ оперлась на нее и уже занесла ногу – царь хотѣлъ посадить ее въ кошеву.

Уперлась носкомъ сапожка въ ободъ колеса, огромнаго деревяннаго солнца, и такъ стояла.

– Нѣтъ, – Яковлевъ положилъ руку на обшлагъ шинели царя. – Нельзя сюда. Съ вами поѣду я.

– Но почему?

Царь дышалъ шумно и тяжело, какъ конь.

– Я обязанъ васъ сопровождать. Мнѣ приказано.

Старуха опустила ногу, поправила юбку.

– Ваши приказы!

Плюнула на ночной слежалый снѣгъ.

– Душенька, тише...

Яковлевъ самъ подаль царя руку.

– Я васъ посажу. Извольте сюда, – и опять добавилъ слишкомъ тихо, такъ, чтобы только она слыхала: – Ваше величество.

Аликсъ тяжело перевалилась черезъ плетеный край кошевки. Усѣлась, нервно расправляя

юбки. Нижняя челюсть ея дрожала, она стучала зубами.

– Тебѣ холодно?

Царь наклонился надъ кошевкой.

– Страшно, – отвѣтила она.

Марія подошла, горло кутала въ платокъ. Утро и холодъ. Глаза ея холодно искрились. Мать подвинулась. Мать смотрѣла на дочь, а дочь смотрѣла въ сторону.

Ляминь смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ, его конь поодаль стоялъ, спокойно, подогнувъ ногу, будто спалъ: не шелохнулся волосъ на гривѣ.

Вдругъ завертѣлъ головой, цѣплялъ копытомъ промерзшую за ночь землю.

Бойцы придерживали коней. Курили, сидя въ сѣдлахъ. Плевали сквозь зубы.

Къ царю подошелъ докторъ Боткинъ и передалъ ему громадную овечью доху.

– Давайте я васъ укурою, – шепнулъ царь женѣ и дочери.

Марія и Александръ обнялись. Царь накрылъ ихъ необъятной дохой, укутываль, подтыкалъ могучія, лохматія, пахнуція звѣремъ полы.

– Тепло?

– Очень, – сказала Марія. Ея голова лежала на плечѣ матери.

– Апрель, а морозы по утрамъ какіе, – беззвучно выдохнулъ царь.

– Усѣлись, что ли? – презрительно спросилъ Мерзляковъ.

– Ищо нѣтъ. Ищо слуги щасъ усядуцца. Вишь, кошевы ищо пустыя.

Подъ Сашкой Люкинымъ перебиралъ длинными худыми ногами изящный конекъ, что тебѣ статуэтка.

– Эгей, Мишка! Ты свою коня чистилъ? Што-то онъ грязенъ у тя, какъ немытое авто. Ха-а!

Михаиль гладилъ коня по холкѣ.

– Сань, а тебѣ что, лишь бы зубоскалить? Медомъ не корми...

Замолчали. И молчали всѣ; лишь вѣтеръ вылъ и бормоталъ несурезицу гдѣ-то высоко, надъ скопищемъ крышь.

Дома почудились Лямину людскими клѣтками; и въ нихъ, внутри, спали и чирикали людскія птицы.

«А потомъ всѣмъ отрубятъ на скотномъ дворѣ башки, и – въ супъ».

Слуги и докторъ Боткинъ влѣзали въ возки. Дѣвица Демидова съ трудомъ залѣзла въ кошеву; черезъ край ея кошевки свѣшивался потертый яркій коверъ: тканья розы, шерстяныя лили. Лакей, камердинеръ, компаньонъ, врачъ – крошечная свита.

«Они привыкли къ большему. Къ лучшему. И вотъ у нихъ это отняли. Какъ они будутъ безъ людей обихаживать себя, если вдругъ у нихъ – всѣхъ, весь народецъ отнять? Сами? Здѣсь-то хоть дрова научились колоть...»

Пашкинъ конь торчалъ у самыхъ воротъ. На выѣздѣ изъ двора. Ворота уже открыты, и грязь и застывшія лужи за ними, въ утреннемъ влажномъ туманѣ.

Пашка сидѣла лицомъ къ воротамъ, затылкомъ къ Лямину.

Тамъ, въ Домѣ Свободы, во тѣмѣ утреннихъ комнатъ, спить этотъ странный больной мальчишка. Онъ умненькій. Онъ, кажется, даже можетъ предсказывать будущее: онъ говоритъ, что по океанамъ въ будущемъ будутъ ходить пароходы величиной съ цѣлый городъ, а въ небо полетятъ длинныя желѣзныя сигары и поднимутся надъ землей и помчатся къ Лунѣ и звѣздамъ. Около него сидитъ печальный, съ лицомъ кислѣе лимона, швейцарскій гувернеръ, гладить атласное одѣяло сухой птичьей лапой.

Докторъ Боткинъ сидѣлъ въ возкѣ. Ему былъ великъ въ плечахъ заячій тулупъ князя Долгорукова. Свою доху онъ отдалъ царю – укутать женщинъ. Лицо Боткина дергалось, дергались брови и губы, а лицо царя было такъ спокойно, будто бы онъ сидѣлъ въ ложѣ Большого театра на премьерѣ оперы.

Докторъ наклонился черезъ край кошевы и негромко сказалъ, но всѣ услышали:

– Всѣ на мѣстахъ!

Кони и люди зашевелились. Дѣвушки на крыльцѣ заплакали и замахали руками. Пашка первой выѣхала изъ воротъ. Хвостъ ея коня мотался мохнатымъ маятникомъ. Андрусевичъ качался въ сѣдлѣ такъ странно, будто молился. Игнатъ Завьяловъ ѣхалъ мрачно, чернѣе всѣхъ, черной тучей. Глѣбъ намедни сказалъ ему: братъ, я боленъ тяжело и долго не проживу. Люкинъ пересталъ ерничать, натягивалъ поводья. У него были самые грязные сапоги. Ляминъ старался ѣхать рядомъ съ кошевой царицы и Маріи. То-и-дѣло косился на нихъ. Онѣ такъ и сидѣли, крѣпко обнявшись, а ихъ мохнато, душно обнимала мощная доха. Разсвѣтъ ярчѣлъ, и лицо Маріи свѣтлѣло.

«Славная она. И на личико... и – душевная... и все при ней...»

«Что ты, впервые ее увидаль?»

«Она... всякій разъ разная...»

Ляминь трясся на конѣ и глядѣль на Марію, какъ впервые въ жизни. И его рѣзануло: вонъ Пашка впереди, и вотъ эта царская дочь; и куда онъ лѣзеть, на что притязаетъ?

«А что, и женился бы... Пашку – бросить какъ спичку... да я ужъ и бросилъ, считай...»

«Бросилъ, а она опять загорится...»

«А эта? Что, великимъ княземъ захотѣль стать, мужикъ?»

«Вѣдь убьютъ всѣхъ ихъ... убьютъ къ бычиной матери...»

Кошевы выѣхали изъ воротъ. И тутъ Марія оглянулась.

Она оглянулась на Домъ Свободы, а наткнулась глазами на морду ляминскаго коня.

И глаза – выше подняла.

Царь взялся рукой за плетеный край кошевы. Онъ смотрѣль на дочь, а она смотрѣла на коня товарища Лямина. А можетъ, на него самого.

Яковлевъ глядѣль на царя. На его неподвижное, какъ сколь льда, лицо. Ледяные глаза, ледяно сжатые губы. Ледяная, въ сивой сѣдинѣ, борода. Онъ глядитъ на кошеву, гдѣ его жена и дочь; и пусть глядитъ. Онъ о нихъ тревожится.

Ляминь, какъ конь мордой, повель лицомъ вбокъ и увидалъ глаза царя.

Такъ бѣжала между всѣми тонкая морозная нить, хрусткая и непрочная, тоньше льда на лужахъ; тоньше волоса изъ веселаго конскаго хвоста. Хвосты мотались, мерзлая дорога стелилась подъ кошевы, и Мерзляковъ тихо пѣль:

– Бѣлой акаціи... гроздь душистыя...

Марія поддерживала мать подъ спину.

– Мама... тебѣ удобно? Ты... откинсья... вотъ сюда...

– Растрясеть... голову...

Городъ спалъ. Городъ молчалъ. И молчали дома.

И все молчало. Лишь ледъ хрустѣль подъ колесами и подъ копытами.

...вдругъ Пашка осадил коня, конь попятился, она подождала, пока Ляминь съ нею поравняется.

Ляминь бросилъ ей сквозь зубы, не глядя на нее:

– Ну что ты? Что стала?

Пашкинъ конь терся бокомъ о бокъ Михайлова коня.

– Я вѣдь только проводить, – слова съ блѣдныхъ Пашкиныхъ губъ слетали шелухой сѣмячекъ. – Я – у Авдеева обратно выпросилась. Вернусь.

Онъ изумленно обернулъ къ ней заолодавшее на вѣтру, заросшее рыжей щетиной злое лицо.

– По кой вернешься-то? На тебя жъ приказъ.

– Есть приказъ, и есть отказъ.

Кони перебирали ногами. Возки уже укатились далеко впередъ.

– И мнѣ не скажешь, что тамъ у тебя въ Тобольскѣ стряслось?

– А ничего. Одна хочу побыть. Безъ тебя. Надоѣль ты мнѣ.

Отъ ея щеки, отъ губъ налеталъ табачный духъ. Ея конь толкнулъ Мишкинаго коня крупомъ, взрыль задними ногами талый снѣгъ, Пашка развернула коня обратно по тобольской дорогѣ, конь заржалъ коротко и весело, она ударила его пятками въ бока и рѣзво поскакала прочь отъ царскаго обоза.

* * *

Михаиль то понукаль коня, то натягиваль поводья. Рядомъ трясся возокъ. Въ немъ – царь и съ нимъ этотъ человѣкъ изъ Москвы. Яковлевъ. Шутка ли – уполномоченный ВЦИК. Это, считай, отъ самого Ленина посланникъ.

«Всѣ мы другъ другу посланники. И всѣ – змѣи. Рыбы хищныя. Рыба рыбу жретъ. Человѣкъ – человѣка. По образу и подобію Божію? Много чести».

Мысли вились безсонной гнилой пряжей, рвались, вылетали камнями изъ-подъ копытъ коня.

Глаза ловили трясущіеся впереди зады трехъ возковъ. Изъ нихъ торчали пулеметы. Даже не укрывали рогожами: наплевали на маскарадъ. Ыдутъ, смерть везутъ. Пусть всѣ видятъ.

Теперь къ смерти привыкли, и она выглядывала отовсюду, и было скучно и страшно.

Передъ пулеметчиками бодро скакали кавалеристы. Яковлевъ приказаль разбить отрядъ на-двое: одни всадники показывали дорогу, другіе, сзади, замыкали.

А далеко впереди мотались гнѣдые, сивые, вороные, бѣлые хвосты еще коней. Самыхъ рѣзвыхъ. Эти бойцы, авангардъ, во-всю на дорогу тарачились. Провѣряли, не ховается ли кто за кустомъ. У развѣдки кони самые сытые. Овса имъ даютъ вдоволь. Скачутъ быстрѣе

всѣхъ.

Пыль, глухой стукъ копытъ, скрипъ песка на зубахъ. Изъ-подъ копытъ въ бока возковъ, въ лица всадниковъ летятъ грязь и мелкіе камешки.

Ляминъ почему-то боялся за пулеметы. Ему казалось, тряхани возокъ сильнѣй на ухабѣ, и пулеметь на дорогу вывалится.

«Смѣхъ со мной, да и только. Чай, тамъ красноармейцы сидятъ. Крѣпко въ орудія впились. Какъ клещи».

Смерть, всюду смерть. Они везутъ смерть.

А этотъ, еще недавно – въ коронѣ, въ мантии на приемахъ, въ мундирѣ – полковникъ – передъ своимъ несчастнымъ полкомъ, – онъ для всѣхъ нихъ – смерть или жизнь?

«Прежняя жизнь. И она уже померла. А нынѣшняя смерть глядитъ изъ кустовъ. Изъ-за уваловъ. А кони-то у насъ какіе. Гладкіе. Играютъ. Хвостами вертятъ. Кровь въ нихъ огненная. Да и солдаты не промахъ. Съ такими – какъ всю нечисть не побѣдить! Конечно, побѣдимъ. Впухъ разобьемъ».

«А ты что, нечистью родной народъ обзываешь? Хорошъ же ты гусь».

«Кто жъ виноватъ, что народъ – на нечисть и на правыхъ раздѣлился».

«А можетъ, и не раздѣлился онъ вовсе? А только тебѣ такъ примстилось?»

«Не мнѣ одному. Другимъ. Другихъ – тысячи, мильёны. Развѣ мильёны не правы? Развѣ у мильёновъ не можетъ быть за душой правды?»

Рядомъ, рядомъ съ возкомъ скакать, еще ближе. Бокъ-о-бокъ. Горячій глазъ коня выпучивался, ворочался. Наливался сливовой кровью. Ноздри Лямина раздувались, онъ нюхалъ запахъ конскаго терпкаго пота.

«Этотъ сидитъ тамъ. Трясется. И рожа у него тоскливая. Небось думаетъ: куда меня везутъ? А можетъ, послѣднимъ путемъ везутъ? Ну да, у тебя, Кровавый, всякая дорожка сейчасъ – послѣдняя. А дышитъ какъ глубоко! Пьетъ вѣтеръ, глотаетъ. Соскучился по вѣтру-то, видать. Сидѣли они въ Губернаторскомъ домѣ, какъ пауки въ коробѣ. А нынче на дорогу глядитъ. Дорога, она вьется. И онъ себя обманываетъ: думаетъ, что свободенъ. А я? Я себя – обманываю? А я, я – свободенъ?»

Прямо сидѣлъ на конѣ. Такъ думалъ – впервые. Конскія ноги обгоняли его мысли, онъ не успѣвалъ додумать, дышалъ быстро и хрипло. Весна идетъ. А эти? Устали всѣ они съ ними. Сторожать, къ чему? Что высторожать?

«Пашкѣ я надоѣлъ, ишь. А намъ – эти надоѣли».

Жить. Дышать. А потомъ вразъ умереть. Быть убиту. Война, ихъ всѣхъ убьютъ. И правыхъ, и виноватыхъ. Такъ на войнѣ положено.

«Да сами мы другъ друга перебьемъ. Сами. И никого на подмогу звать не будемъ».

А дорога, дрянъ такая, вся въ рытвинахъ! И раскисаетъ уже. Грязь изъ-подъ копытъ всѣ сапоги, портки забрызгала. Возокъ съ царемъ на одинъ бокъ кренится, на другой. Царь и уполномоченный хватаются за бока телѣги. Старой изодранной кошмой укрыты ноги царя. Будто онъ старикъ, и ему надобно тепло.

Коврикъ теплый, валенки, треухъ. Ну какой же ты въ треухѣ царь?

Телѣги тянутъ кони. Колеса вязнуть въ таломъ снѣгу, въ грязи, застреваютъ среди колотаго льда. Телѣги ѣдутъ по простору. По волѣ. Развѣваются на вѣтру хвосты коней.

Возокъ съ царемъ чуть не перевернулся на поворотѣ, и Ляминъ выдохнулъ изъ себя, вмѣстѣ съ табачнымъ перегаромъ, тусклое «ахъ!»

Оглянулся на скаку. Царь, блѣдный, вонзиль пальцы въ закраину телѣги. Бѣдный, какъ ему воли надо. Какъ мало ему воли. Подневольный. Рабъ. Рабъ вотъ этой дороги, и онъ не знаетъ, куда. Одинъ говоритъ ему одно, другой другое. Брови вонъ искривилъ. Ротъ подъ усами крѣпко сжалъ. О чемъ онъ думаетъ? О томъ, какъ его женѣ эта ледяная дорога тяжка?

Въ телѣгѣ за крупомъ Михайлова коня ѣхали царица и Марія.

«Это умно они рѣшили, Марию съ собой везти. А не Ольгу или младшенькую. Марія... пособить... она все умѣетъ... и руки у ней – тѣмъ концомъ вставлены...»

Мысли слились въ смутный теплый шерстяной клубокъ. Не размотать.

Старуха молчала. Губы сложила подковой. Телѣга тряслась, и плоеные кружева воротничка тряслись, высываясь изъ-подъ шубы.

«О чемъ думаетъ, стервь? А обо всемъ понемногу, должно. Роскошную жись свою вспоминаетъ. Андрусевичъ баялъ: у нихъ въ Питерѣ яхта была, такъ они всей семьей на ней въ море ходили. И несчастнаго царенка – къ морскому дѣлу пріохочивали. Яхта, море, набережныя! Мосты! Въ пролеткахъ катались! Въ этихъ, какъ ихъ... въ кабріолетахъ... А теперь вотъ въ телѣгахъ покатайтесь, милые».

На дно телѣгъ навалена солома. И для мягкости, и для тепла опять же. Изломъ зимы, весна только снится. Ночью подморозить, и еще какъ.

Возки, телѣги, кони. Впередъ, безъ остановокъ. Марія поддерживала мать подъ локоть.

«Бойся, что старуха выпадетъ изъ возка».

Ляминъ то-и-дѣло оглядывался на Маріинъ возокъ. Марія смотрѣла вбокъ и вдаль.

«Вретъ сама себѣ, что не видитъ, какъ я гляжу на нее! Я себѣ скоро шею такъ сверну!»

Сцѣпилъ зубы: не оглянусь, буду скакать и глядѣть впередъ. Продержался лишь пять минутъ. Такъ засвербило подъ сердцемъ, что воздуху не хватило, и онъ чуть придержалъ коня и еле вдохнулъ.

«Съ Пашкой такъ не было никогда. Да и Пашка...»

Оборвалъ колючую пряжу мысли. Обернулся.

Марія смотрѣла на него.

Увидала, что онъ оглянулся, и быстро отвела глаза.

«А что, когда ихъ казнять, – а вѣдь ихъ казнять когда-нибудь, точно, на сѣверныя моря убѣжать не отпустить, – ихъ – въ такихъ же вотъ телѣгахъ повезуть?»

Конь грызъ удила. Ляминъ еще, еще придержалъ горячаго звѣря. Возокъ со старухой и Маріей поравнялся съ нимъ.

– Что, знатно трясеть?! Колея подмерзаетъ!

И подмигнулъ.

«Зачѣмъ я такъ глупо... насмѣялся...» Губы кусаль.

Марія не оборачивалась къ нему. Воздухъ между телѣгой и конемъ накалился, плылъ маревомъ. Снѣгъ таялъ и ползъ. Солнце клонилось къ закату. Царица зашарила слабыми, нынче не отечными, а странно сухими руками, вынула изъ ридикюля зеркальце и долго, отчаянно и мертво стала глядѣться въ кусокъ стекла.

Конь танцовать совсѣмъ близко къ ней. Къ Маріи. Всхрапываль.

«Я тоже конь. Я вспашу ее. Я! Заломлю ей руки! Они же сейчасъ наши рабы! И можемъ съ ними все что уго...»

Марія медленно повернула къ нему лицо. Ея широкія скулы, вишневыя отъ вѣтра, свѣтились изнутри, какъ красныя лампы; губы раздвигались то ли въ усмѣшкѣ, то ли для плева.

...Царь не смотрѣлъ на Яковлева. Онъ видѣлъ его ухомъ, затылкомъ, вискомъ. Яковлевъ говорилъ громко, вызывалъ царя на споръ, на откровенность. Онъ подкидывалъ царю неразрѣшимыя политическія задачи, и царь, измявъ подвижными бровями кожу лба подъ фуражкой, измѣнялъ своему молчанію – отвѣчалъ, вздыхалъ, рубилъ вѣтеръ ребромъ ладони. Споръ лежитъ слишкомъ рядомъ со ссорой. А рессоръ у телѣги нѣтъ.

Слово за слово, темное дыханіе. Скрытыя подъ полой шубы оскорбленія, обидный, побѣдный смѣхъ. Красные – побѣдители? Это бабушка на-двое сказала. Никто не знаетъ, что въ нашей странѣ будетъ черезъ двадцать лѣтъ. А вы думаете, вы черезъ двадцать лѣтъ станете царствовать? Я думаю, что народу нужна крѣпкая власть. Опора, традиція. Это у васъ-то была крѣпкая власть? Вотъ вы и рухнули, едва вамъ корни подпилили! А наша пила – острѣе некуда! Нашъ топоръ – рубить въ щепки! Вашъ топоръ срубилъ башку вамъ самимъ. Вы и ахнуть не успѣете.

Ухъ ты! Какіе мы важные! Николай Александрычъ, а скажите, если бы сейчасъ васъ вдругъ освободили, ну, англичане какіе-нибудь или тамъ датчане, и поставили васъ во главѣ арміи, – вы бы эту армію – на Москву, на Петроградъ – повели? И – шире – на Красную Россію?

Вы задаете провокаціонные вопросы, Яковлевъ.

Не провокаціонные, а запрещенные! Но, пока мы ѣдемъ, и вѣтеръ относитъ въ снѣжную степь наши слова, – почему не почесать языки?

Будетъ приваль, и я лучше себѣ языкъ и ротъ ложкой почешу.

О, ваше бывшее величество, да вы шутникъ.

Ужъ какой есть.

Ляминъ скакалъ и озирался. Яковлевъ сказалъ имъ: по всей дорогѣ отъ Тобольска до Тюмени стоятъ мои патрули. Доѣхавъ до приземистой чернобровенной избы на окраинѣ села, красноармейцы помѣняли лошадей, запрягли новыхъ въ телѣги.

– Эй! – крикнулъ Яковлевъ изъ царскаго возка мрачному Лямину. – Какъ думаешь, Бусяцкій вѣрно поступить?

Распутица густѣла. Вѣтеръ усиливался. Грязь вспучивалась холодной гречневой кашей. Тучи налетали, застилали черными похоронными платками чистый свѣтъ. Царица украдкой шупала корзины съ провизіей.

– Да песь его знаетъ! – нарочно бодро крикнулъ Ляминъ.

– Песь-то не знаетъ, а ты?

Царица обернулась къ дочери. Нижняя губа ея дрожала, верхняя, съ мышинными усиками, обнажила мелкіе зубы. Могло показаться, она улыбається.

– Мари, вся наша ѣда холодная. А я-то думала, мы тепленькими пирожки до ночлега

довеземъ.

Марія стащила съ руки перчатку, голыми пальцами коснулась щеки и шеи матери.

– Мама. Главное, у насъ ѣда есть. А горячая она или холодная – это какую Богъ захочетъ насъ угостить.

– И правда, – старуха ловила и цѣловала ладонь дѣвочки, – и правда, ma chérie...

Ляминъ хмурился. Развѣ онъ командирь, ровня Яковлеву, что онъ такъ дотошно о Бусяцкомъ его спрашиваетъ?

«Пытай кого другого, уполномоченный, только не меня. А что, можетъ, у меня рожа такая умная. Уваженіе вызываю».

Онъ зналъ: два отряда уральцевъ спереди и сзади. Они въ тискахъ. Если вдругъ Яковлеву стукнетъ въ голову устроить царю побѣгъ – Заславскій и Бусяцкій разстрѣляютъ его на мѣстѣ. Штыками въ землю вобьютъ. Въ рѣкѣ утопятъ. Сожгутъ живьемъ.

«А вдругъ нападутъ? Нѣтъ, кишка у нихъ тонка. Безъ приказа Москвы... А, чортъ! Москва, Москва! Всюду Москва эта вшивая! Куда ни сунься, вездѣ она! Пупъ земли, вишь ли!»

Въ двухъ телѣгахъ сзади царей тряслись докторъ Боткинъ, дѣвушка Демидова, Сѣднень и Чемодуровъ. Солдаты не сводили съ челяди глазъ. Кто ихъ знаетъ, вѣрныхъ слугъ, можетъ, у нихъ на днѣ телѣгъ, подъ соломой, револьверы да винтовки припрятаны?

Морозъ сверху, таяніе снизу. Схлестнулись ледъ и весна.

– Село впереди!

– Што за сельцо?

– Іевлево! Перекуръ, братцы! Вынимай котелки!

Подѣхали къ избѣ, огромной, какъ убитый черный медвѣдь. Ворота отперли изнутри. Бородатый мужикъ, открывшій обозу ворота, такъ походилъ на Распутина, что старуха громко втянула горломъ воздухъ и заклеила губы рукой въ вязаной перчаткѣ.

– А-а-а-а-ахъ... Нашъ Другъ... Милый... Гдѣ онъ теперь...

Марія заботливо помогала матери выйти изъ возка. Конь рылъ копытомъ заледенѣвшую грязь. Осколки грязнаго льда летѣли Маріи въ лицо. Она отирала щеки концомъ пуховаго шарфа.

Близъ избы было слышно, какъ рядомъ, на Тоболѣ, шумить, шуршить, съ шорохомъ движется ледъ. Это вода, вольная, веселая, рѣзала тьму, младенчески прорѣзывалась сквозъ желѣзныя кости зимняго лона.

– Прошу всѣхъ гостей дорогихъ въ избу! Повечерять приготавимъ, что Богъ послалъ!

Царица вскинула подбородокъ.

– У насъ у самихъ все есть! Не трудитесь, добрые люди! Намъ бы только чаю горячаго!

Ноги сами внесли Лямина въ гостиную, за царями. Николай наклонился и долго чистилъ сапоги тряпичей, оттирая отъ липкой грязи. Со старухи шубу грубо стащилъ Мерзляковъ. Молча бросилъ въ уголь, на лавку, на ворохъ солдатскихъ одеждъ.

Бородатый мужикъ растопилъ самоваръ. Вотъ уже вынуты изъ шкапа разномастныя чашки, узкіе длинные стаканы. Молчаливая, голова и лицо плотно, какъ у татарки хиджабомъ, обвязаны чернымъ платкомъ, плоскогрудая, какъ доска, баба старательно, медленно заваривала чай въ расписномъ заварочномъ чайничкѣ.

– Не приставайте къ ней съ разспросами, – бородачъ горько махнулъ рукой, – вчера мы младшенькаго схоронили. Разливай, мать! Садитесь, пейте!

«Яковлевъ не сказалъ хозяевамъ, кого мы возьмемъ. Да и вѣрно. Ни къ чему это. Мы для нихъ путники. Просто заѣзжіе люди».

Половицы сіяли чистымъ зеркальнымъ солнцемъ – въ нихъ, ярко-желтыя, можно было глядѣться.

Ляминъ наблюдалъ, прихлебывая чай, какъ царь ведетъ жену въ спальню. Баба въ черномъ платкѣ услужливо, низко склонившись, открыла передъ ними дверь.

«Что-то черезчуръ низко нагибается. Будто – знаетъ».

– Хорошій домъ у васъ! Большой!

– Благодарствую, – баба опустила плечи и выгнула колесомъ спину, – раньше тутъ сельская торговля была.

– Магазины?

– Ну...

Марія утерла ротъ кружевнымъ платочкомъ и медленно встала съ лавки. Поставила чашку за фаянсовое ушко на столъ, ближе къ баранкамъ и хлѣбнымъ крошкамъ. Подъ иконой висѣла клѣтка съ синимъ попугаемъ. Клѣтка была укрыта черной тряпкой, но попугая изъ-за тряпицы все равно видать было, темно-синій хвостъ, сизое крыло, бирюзовую грудку: онъ, вцѣпившись игрушечными лапами въ перекладину, сидя, съ открытыми глазами, спалъ.

«Замерь. Какъ замерзъ. А можетъ, его застрѣлили, и онъ уже трупъ».

Марія пошла впередъ. Прошла мимо Лямина. Махнула холщовой юбкой по его нарочно выставленному колѣну. И его какъ прижгло. Длинно и жарко выдохнувъ, всталъ съ лавки. Она шла, и онъ шелъ за ней. И всѣ на нихъ глядѣли.

«Стой! Ты! Всѣмъ уже все показали».

Вернулся, сѣлъ на лавку. Если бѣ одинъ – не при всѣхъ – себя бы по головѣ кулаками побилъ.

– А вы, молодчики... вотъ тутъ, на коечкахъ, ложитесь. Разувайтесь! Ноги отъ сапоговъ ночью и отдохнуть. Кому водички – вотъ ковшъ и бадья.

Дверь въ спальню пріоткрыта. Забыли закрыть. Ляминъ легъ на кровать. «Самъ мужикъ, вѣрно, ладилъ; дерево крѣпкое, кровать ровнехонькая. Не перина, а матрацъ, да жестковатъ, но и такъ послѣ коня-то охъ, хорошо». Привсталъ, уткнувъ локоть въ подушку; силится разглядѣть, что тамъ, за дверью.

Сизыя тѣни. Голубиные спорхи. Крылья тьмы. Качели паутины. Старыя веревки разстрѣянной зыбки. Утихнувшій навѣкъ визгъ младенца. Отогнуты полы ночной шинели. Пахнетъ то навозомъ, а то вдругъ французскими духами. Потокъ свѣта, угрюмыя косы тьмы. Кто-то жадно ѣстъ и глотаешь, кто-то пьетъ изъ ковша, кто-то плачетъ и кричитъ во снѣ. Утѣшающій шопотъ. Ясные глаза. Они закрываются. Они ждутъ горячихъ губъ. Губы далеко. И онъ чужія. Онъ ему не принадлежать.

«Кровати-то крѣпкія. А бѣлье-то чистенькое. Я какъ въ Раю. Да, должно-быть, въ Раю. А хорошо тутъ. Вѣкъ бы не уѣхалъ. Да и никогда не укатилъ никуда. Въ никуда».

Солдаты только головы доносили до подушки – храпѣли. Изъ спальни доносились стоны. Царица стонала, въ дверную щель онъ видѣлъ – лежитъ на высокиихъ подушкахъ, съ мокрой тряпкой на лбу. У нея болитъ голова. Она у нея всегда болитъ. У господъ эта хворь называется – мигрень.

Тишина и храпъ. Гдѣ легли хозяева? А какая разница.

Посреди ночи Ляминъ, дрожа, сѣлъ въ кровати. Эка ихъ рядомъ положили. Она всего лишь за стѣной. За толщей сруба! И рядомъ съ ней спятъ ея отецъ и мать. Ты съ ума сбѣжалъ, Мишка! Ты – объ чемъ мыслишь?!

Ноги съ кровати спустиль. Босыя ступни ощупывали половицы, какъ губы – любимую щеку. Нѣжно, сторожко пошелъ впередъ. Доски подъ нимъ не скрипѣли. Плотно уложилъ ихъ мужикъ, толстыя, длинныя, гладко оструганныя. Дошелъ до пріоткрытой двери. Ее такъ никто и не захлопнулъ. Голову къ щели прислонилъ. Глазъ – внутрь – какъ лучъ, направилъ. Глазомъ вращалъ.

«Однимъ глазомъ вижу ее, а – какъ сердце къ сердцу».

Онъ все понималъ про себя: сгибъ онъ, и дѣлу конецъ. Нечего это все и обсуждать.

«Самъ съ собою всю дорогу балакаешь; а къ добру ли это? Спяишь – тебя первымъ Заславскій и кончить. Или Бусяцкій».

Дрожь охватывала, обнимала ледяной водой. Вода ночи стояла въ бадѣ спальни. Чуть колыхалась. Старуха спала тихо, не хрюкала и грудью не булькала: видать, голова прекратила болѣть у нея. Царь лежалъ на животѣ на кровати напротивъ, лицо въ подушку уткнулъ. Ляминъ видѣлъ его лысѣющій сивый затылокъ. Пальцы царя во снѣ оцарапали подушку. На губахъ вспыхнула и застыла иноземная рѣчь. Нерусскій, они всѣ нерусскіе. Панкратовъ говорилъ – они всѣ нѣмцы. Такъ зачѣмъ же они намъ? Все правильно, значить. Все справедливо.

А гдѣ же она? Она-то гдѣ?

Озирался. Туда, сюда вертѣлъ головой. Кровать одна, кровать другая. Дѣвицу Демидову, что ли, съ солдатами въ горницѣ спать положили? Подъ ногами мелькнуло бѣлое, сугробное. Онъ чуть не споткнулся, не полетѣлъ носомъ впередъ. Прямо передъ нимъ, на полу, на нищемъ, на доскахъ разстеленномъ матрацѣ, спала Марія.

Подложила руки подъ щеку. Двѣ сложенныхъ лодочкой руки. Щекой налегла на ладони. Тихо лежала. Будто и не дышала. Будто бы не спала, а притворялась.

Ляминъ облизнулъ губы. Сѣлъ на корточки. Когда присѣдалъ, въ колѣняхъ хрустнуло.

«Хрущу костями, какъ стариканъ запечный. Это все холодъ, сырость. Кости не желѣзныя».

Марія во снѣ разлѣпила губы. Зубы блеснули въ лунномъ свѣтѣ. Ляминъ представилъ рѣку при лунѣ. Ледоходъ, мрачный и страшный, съ шорохомъ, со свистомъ идетъ, мощно и неуклонно. Льдины наползаютъ другъ на дружку. Такъ люди въ любви другъ на друга наползаютъ. Другъ друга покрываютъ. А потомъ разламываются на-двое. А потомъ таютъ, таютъ. И растворяются во всеобщей водѣ. Исчезаютъ навсегда.

Онъ, дрожа, легъ на полъ рядомъ съ Маріей. «Только не проснись, прошу тебя, не проснись. Дай мнѣ...» Слова пугались, молитва не получалась. Половицы сквозь гимнастерку холодили бокъ, ребра, плечо. Онъ согнулъ ноги. Колѣно уперлось въ Марининъ матрацъ.

Ловиль носомъ и ртомъ ея тихое дыханіе. Ея выдохъ – его вдохъ. Ея вдохъ – его выдохъ. Между ними протянулись тонкія веревки дыханія. Не веревки, а нити. Не нитки, а паутина. Михайль поднялъ надъ головой руку. На полъ легла пятипалая тѣнь. Луна слишкомъ ярко свѣтила въ окно. Грозно колотили въ стѣну. Срубъ трещаль по швамъ. Это колотилось его сердце, онъ понялъ, да поздно.

Рука сама легла дѣвущкѣ на волосы. Легче пуха. Легче дыханья. Такъ держаль руку, не смѣя гладить, боясь ея шевельнуть. Темнорусые, густые волосы Маріи слегка завились: отъ пота подъ зимней шапкой и платками. Да нѣтъ, они у ней вились отроду. Онъ зналъ.

Дыханье, вдохъ, выдохъ – одна связь. Рука и волосы – другая. И не разнять теперъ.

«Сейчасъ всѣ проснутся, этотъ проснется, старуха тоже, и завизжитъ; солдаты ворвутся, насъ увидятъ, какъ мы лежимъ на полу. И попробуй кому докажи».

Что докажи? Онъ не понималъ. Онъ не могъ отнять руку, перекатиться на-бокъ и укатиться прочь изъ спальни – за шкапъ, за порогъ. А можетъ, вскочить, подхватить ее на руки, вскочить на подоконникъ, выбить ногою раму и вмѣстѣ съ ней выпрыгнуть въ окно? И въ конюшню. И коня отвязать. Пустое. Догонять. Объ этомъ смѣшно и думать.

«Да она такъ орать будетъ, что голось сорветъ. Она же тебя – ненавидить».

«Откуда ты знаешь?»

«Знаю».

«Нѣтъ, не знаешь. Провѣрь!»

Ладонь медленно, обреченно поползла внизъ. Съ волосъ – на високъ. Съ виска – на горячую скулу. Со скулы – на щеку. Со щеки...

Вотъ онѣ, ея губы. Чуть приоткрытыя.

...И внезапно что-то сдѣлалось со временемъ, съ избой, со спальней. Съ тѣлами, спящими и медленно дышащими. Съ нимъ, сумасшедшимъ. Гимнастерка и портки запылала прямо на тѣлѣ, на ребрахъ и хребтѣ, и раскаленное тѣло сожгло одежду, онъ и охнуть не успѣлъ. Онъ лежалъ на полу передъ Маріей голый и стыдный. А она проснулась и смѣялась. Она смѣялась! И это было радостно и необходимо. Отецъ и мать по обѣ стороны отъ нихъ не исчезли, нѣтъ; просто кровати, на которыхъ спали они, чуть приподнялись, оторвали ножки отъ пола и взлетѣли, и зависли въ воздухѣ. Марія сонно откинула одѣяло. Онъ смотрѣлъ, какія у нея торчатъ изъ-подъ ночной сорочки тонкія ноги, круглыя аккуратныя колѣнныя чашечки. Она дышала часто и глубоко, твердые треугольники грудей подпирала сладкую, приторную волну кружевъ. Кружева. Зимнія кружева. Въ Петроградѣ ей ту сорочку шили!

Мнѣ страшно, говорилъ онъ себѣ медленно, по слогамъ, мнѣ-страш-но, мнѣ-страш-но, я-не-бу-ду, но-я-о-чень-хочу. Ладонь сползла на Маріинъ подбородокъ, и большой палецъ самъ, ужасаясь себѣ, провель по нѣжной, согрѣтой частымъ дыханьемъ губѣ. Лицо ближе присунуть, да, вотъ такъ.

Внутри Лямина образовалась пустота. Онъ прыгнулъ въ нее. Самъ летѣлъ въ пустотѣ, а вокругъ свистѣло время. Такъ умирають, подумалъ онъ, и мѣсто мыслей властно и быстро занялъ свистящій вѣтеръ.

Онъ не зналъ и не помнилъ уже ничего. Паденіе прекратилось, онъ повисъ внутри радостнаго ужаса и медленно сталъ подниматься. Взлетать. Лица Маріи не было. Не было ея плечъ и его рукъ. Было одно неуклонное и тяжелое поднятіе, тяжелое, безуспѣшное. Гири тянула внизъ и одновременно тянула вверхъ, и это было мучительно. Дойти до верха неба, а потомъ опять рухнуть?

Онъ приподнялъ самъ себя надо всѣмъ, что было въ его прошломъ. Надъ криками. Надъ воплями убиваемыхъ людей. Надъ желтками половицъ. Надъ хриплымъ дыханьемъ Пашки Бочаровой. Висѣлъ. Чуть качался. Тѣло замерло. А пустой ледяной вѣтеръ внутри метался, вздувая и разрывая реберную клѣтку.

И – ребро взрѣзало плевру и кожу, и воздухъ весь вышелъ, выходилъ стремительно, онъ сталъ падать, все сильнѣе и быстрѣе, и что-то дикое случилось съ тѣломъ: кисть руки оторвалась и полетѣла прочь, другая рука – вкось и вверхъ, отрывались и падали ноги, брызгали ошметки живота, трескались и ломались кости, разлетались по волоску волосы, становясь небеснымъ вѣнцомъ, каждый палецъ отламывался и тоже летѣлъ, плыль рыбой, бѣлымъ и кровавымъ малькомъ, убѣгалъ, ускальзывалъ – на свободу, въ просторъ.

И послѣдней взорвалась и покатиалась сверкающими, слѣпящими осколками башка. Мозгъ кровавыми искрами орошалъ пустоту. Мыслить онъ уже не могъ. За него мыслило пронизанное имъ самимъ, его обломками и щепками холодное апрѣльское небо. Внизу подъ нимъ, далеко, плыла земля, сельцо Іевлево, изба, гдѣ они заночевали; Тура, Тоболь, Иртышъ, отягченные ледоходомъ, торосы, плахи источенныхъ зубами весны льдинъ, на льдинахъ – собаки, медвѣди, одинокія птицы; плыла тайга, плыли прочь тропы и тракты, не было видно съ высоты лошадей и людей – такъ они были мелки, мельче блохъ. Синій, туманный просторъ раскидывался и стелился ковромъ подъ то, что осталось отъ Михаила.

Подъ брызги его, отломки, кровавую щебенку.
 ...Очнулся.
 Рука его лежала на холодномъ полу. Самъ онъ лежалъ мертвымъ тюленемъ рядомъ съ Маріей. Дышалъ по-собачьи.
 «Мокрый я весь, стыдный».
 Вернулся. Воскресь.
 «Въ бога душу, какъ Христось».
 Ничего не сознавалъ, кромѣ одного: надо встать и уйти. Утечь водой.
 Медленно перевалился на спину. Потомъ на бокъ. Откатился къ порогу.
 Вползъ въ щель между дверью и притолокой, головою впередъ. Просочился.
 Всталъ на четвереньки. На ноги поднялся. Качнулся. Подтянулъ мокрые порты.
 Выругался шопотомъ.
 Марія лежала на своемъ жесткомъ матрацѣ и ровно дышала.
 Она такъ и не проснулась.

* * *

Били часы среди ночи. Смутно разсвѣтало, и часы мѣдно, тяжело пробили четыре раза. Первой зашелестѣла лаптями по избѣ хозяйка. Такъ же одѣта, такъ же повязана чернымъ платомъ: какъ и не раздѣвалась для сна. Отлучилась. «Скотинѣ кормъ задавать пошла», – Ляминъ потянулся, разгибая сиротски согнутый позвоночникъ. На кровати, гдѣ они валетомъ спали вдвоемъ съ Андрусевичемъ, утѣдился большой рыжій котъ. Онъ свернулся въ рыжій крендель и спалъ рядомъ со щекой Михаила, стало-быть, въ ногахъ у Андрусевича.

Ляминъ ткнулъ кота пальцами въ бокъ. Котъ противно мяукнулъ и, какъ кулъ съ мякиной, свалился на полъ.

Жгуче пахло гнилью портянокъ. Ляминъ спрыгнулъ съ кровати. И другіе вставали. Лѣнливо бросали другъ другу тихія слова. Въ дверяхъ появился бородатый хозяинъ, поклонился ночевальщикамъ. Позолоченный пузатый шаръ закрывалъ рубаху, мускулистую, не по годамъ, грудь. Изъ трубы надъ шаромъ валилъ паръ.

– Чайку, господа...

– Господь ужъ нѣтъ, запомни это.

– Товарищи, простите старика.

Мужикъ осторожно водрузилъ самоваръ на укрытый бѣленнымъ холстомъ столъ. Солдаты рассаживались, терли неумытые лица. Не до умыванья ужъ было.

Спѣшили, а вдругъ солнце днемъ пригрѣтъ, и черезъ рѣку не переберешься просто; хотѣли – пока разсвѣтъ, и морозомъ вода схвачена.

Хлебали чай громко. То-и-дѣло вертѣли самоварный краникъ – кипятка подливали. Подлил и Ляминъ. Чай у старика пахъ горечавкой и звѣробоемъ. Явно травы въ чай добавляеть; а откуда тутъ индійскіе чай? Чай, тутъ не столица.

Изъ спальни появились цари. Ляминъ боялся глаза поднять. Такъ и сидѣлъ, цѣпнымъ псомъ уставившись въ чашку. Чай покрывался коричневой тончайшей пленкой. Царямъ поднесли на блюдцѣ расколотый щипцами сахаръ. «Голову сахарную въ нѣдрахъ буфета держать, скупердяи. А намъ не дали угоститься».

– Я тоже сахару хочу, – сказалъ, не поднимая глазъ, и рѣзко, нахально протянулъ руку.

Ладонь ожгло холодное и острое. Будто сосульку положили. Глаза сами вскинулись. Марія держала надъ его рукой свою руку. Потомъ спокойно положила руку, какъ если бы это была брошка или ожерелье, рядомъ со своимъ дымящимся стаканомъ. Взяла ложку и стала ею мѣшать въ стаканѣ сахаръ.

– Берите, товарищъ.

Онъ сидѣлъ отупѣло, съ вытянутой рукой, съ сахаромъ въ кулакѣ. Зло бросилъ его въ ротъ. Запилъ горячимъ и чуть не захлебнулся. Поставилъ чашку на столъ. Продѣлъ палецъ въ вензель фаянсовой ручки.

– У васъ стаканъ. Вамъ неудобно. Вотъ, чашку возьмите.

Взялъ да переставилъ посуду: ея стаканъ подвинулъ себѣ, свою чашку – ей.

Марія не улыбнулась. Вѣжливо наклонила голову.

– Спасибо.

Старуха вскинулась.

– Мари, это просто кошмаръ! Такъ нельзя! Что ты позволяешь дѣлать съ собой этому мужлану! It'sashame!

Марія смолчала. Всѣ пили чай въ молчаніи, и молчала она.

У царицы руки тряслись. Хозяинъ принесъ въ мискѣ пирожковъ.

– Звиняйте... на всѣхъ можетъ не хватить...

Солдаты нагло расхватили пирожки. Въ мискѣ лежали всего два.

«Ему и старухѣ, значить. А – ей?»

Рука сама протянулась и цапнула пирожокъ изъ блюда Андрусевича.

Ляминъ положилъ пирожокъ передъ великой княжной.

– Ъшь, – грубо, на «ты», сказалъ.

Видѣлъ, какъ ей была радостна, пріятна эта грубость.

Андрусевичъ зло сверкнулъ глазами. Бѣлки красные, какъ и не спалъ.

– А ты хлѣбца поѣшь, – миролюбиво сказалъ Ляминъ.

...Допили чай и стали собираться. Баулы, узлы понесли въ телѣги. Вошла хозяйка, ея каменное лицо слегка дрогнуло. Стала составлять на подносъ грязную посуду.

– Вода на Тоболѣ ужъ поверхъ льда идетъ. Поторопитесь.

– Спасибо, – вотъ тутъ Марія улыбнулась.

– На здоровьичко. Господь вамъ въ помощь. Авось переберетесь.

И больше ничего не сказала; вышла, выпрямивъ спину, высоко неся подносъ съ чашками и стаканами.

Лямину въ лицо прямо на крыльцѣ ударилъ мощный, наглый вѣтеръ.

«Ну ничего себѣ, вотъ это вѣтерокъ. Вѣтеръ, вѣтрило, не дуй мнѣ въ рыло! А дуй мнѣ въ задъ, чтобъ не воротился... назадъ...»

Помогаль дотащить до возковъ поклажу. Царь глядѣлъ тускло, безнадежно. Усы обвисли. Онъ иногда подергивалъ ихъ пальцами и громко, какъ передъ длинной торжественной рѣчью, откашливался.

– Эй! Все забрали? Никто ни о чемъ не заплачетъ?!

Цари и дочка переглянулись. Мерзляковъ махнулъ рукой.

– Погружайся въ телѣги! Да поживѣ!

«Командуетъ ими, какъ скотиной».

Разсѣлись. Красноармейцы отвязали коней.

– Сашка! Кони кормлены?

– Кормлены, товарищ командиръ! Ищо какъ! За ушами у ихъ трещало!

Бородатый мужикъ низко поклонился старухѣ.

– Все знаемъ, все знаемъ... – шепталъ торопливо, косился, будто вотъ-вотъ разстрѣляютъ. – Дай Господи вамъ... Не обезсудьте... принимали бѣдно... бѣдные мы...

Старуха пошарила въ ридикюль и дала хозяину длинную никчемную бумажку.

«На эти деньги ничего уже нельзя купить. Зря это она».

Мужикъ схватилъ, хотѣлъ къ рукѣ припасть, да не припалъ. Глядѣлъ слезливыми глазами. Шепталъ уже вовсе неслышно. Губы сложились въ птичій клювъ. Соленья капли сверкали въ путаной бородѣ. Царица уже садилась въ возокъ; царь заботливо подбиралъ ей юбки, поправлялъ на груди крестъ-на-крестъ завязанную ангорскую шаль.

– Тебѣ не холодно, душа моя?

– Нѣтъ, солнце мое, мнѣ чудесно.

Подъ Михаиломъ уже танцовалъ конь. Сверху внизъ онъ смотрѣлъ на Марію. Она повязала поверхъ мерлушковой шапочки ажурный шарфикъ. «Такой шарфикъ смѣшной... отъ вѣтра затишье, отъ солнца холодокъ. А ты-то, ты чѣмъ ее согрѣешь? Такъ тебѣ и разрѣшили».

– Колесо у насъ сломалось, скажи комиссару!

– А запасного-то въ телѣгѣ нѣтъ?

– Да нѣтъ, я ужъ все обсмотрѣлъ!

– А ты въ сѣнѣ, въ сѣнѣ еще пошарь!

Вѣтеръ билъ въ грудь лошадей, валилъ ихъ съ ногъ. Еще немного, и ураганъ. Такіе тутъ внезапно налетаютъ по веснѣ. Тучи рѣзво, быстрѣе коней, мчались въ зенитѣ, слоились сѣрыми пирогами на горизонтѣ. Все ниже спускались къ землѣ, накрывали дрожащія крыши. Изъ трубъ навстрѣчу тучамъ поднимался сѣрый лисій, мохнатый дымъ: сельчане топили печи, холода вернулись.

– Чортова весна. Не весна, а тьма въ погребицѣ! – Мерзляковъ густо плюнулъ въ грязь. – И вода пошла, слышалъ, что хозяйка сказала! Потонемъ!

Ляминъ нарочно подставлялъ вѣтру щеки. Онъ слишкомъ жарко горѣли.

Тронулись. Передній отрядъ, должно-быть, уже переправился; а задніе еще не подскакали. А можетъ, гдѣ-то рядомъ затаились и слѣдятъ за ними.

Выѣхали на берегъ. Посмотрѣли налѣво, направо. Молодой боецъ, затесавшійся къ нимъ изъ отряда Заславскаго, громко захохоталъ и поправилъ фуражку.

– Да мы што, ума лишились! Тутъ уже на долбленкахъ надо!

Изъ отрядовъ Заславскаго и Бусяцкаго къ ним, пока ѣхали, прибилося немного солдатъ,

и Яковлевъ презрительно, хитро кривиль губы: шпіоняты и помогаютъ разомъ.

Издалека слѣва, едва видѣль глазъ, шла медленная, ужасающая громада ледохода. Здѣсь, гдѣ стояли они всѣ – люди, лошади, телѣги, – ледъ еще стояль; вода шла поверхъ льда, въ ней, сѣрой и мутной, отражалось бурное стылое небо. Ознобный вѣтеръ выдуваль душу. Но сильный онъ былъ, радостный, весенний, хоть и жестокий.

Ляминъ потеръ лицо ладонью. Жесткіе заусенцы окарабляли щеку. Кинуль воровскіе глаза вбокъ, на телѣгу съ Маріей. Марія сидѣла прямо, гордо. «Какъ на тронѣ сидить. Будто бы уже и царица. Язва!»

Почему язва, онъ и самъ не зналь.

«Мнѣ все ночью привидѣлось. Дрыхъ я безъ заднихъ пятокъ, вотъ что».

За спиной молча ползли по землѣ приземистыя чернобревенныя избы Іевлева. Вѣтеръ нещадно сѣкъ щеки и голыя руки. «Даже ноги въ сапогахъ заволодали. На вѣтру-то что тебѣ зима. Сибирь, одно слово».

– Я не поѣду по водѣ! Я не могу! Лучше умереть!

Михаиль оглядывался, откуда раздался голосъ. Изъ возка бывшей императрицы.

– Чортъ! Капризы! – самъ Яковлевъ не выдержаль. – Чепуха какая!

Конь подъ Яковлевымъ ходиль ходуномъ. Ляминъ глядѣль исподлобья. «Норовистый, можетъ и сбросить». Царица закрыла лицо руками. Потомъ отняла руки. Ляминъ видѣль, какой складчатый, черепаший сталь у нея подбородокъ. Баранья шапочка низко налѣзла на лобъ. Она была похожа на мужчину. Съ этими ясно обозначенными сѣдыми усиками – на командира полка.

«Она-то на дѣлѣ полковникъ, не мужъ. И то вѣрно, имъ вертѣла какъ хотѣла!»

– Я не поѣду! – возвысила голосъ царица. – Можете меня здѣсь...

Не договорила страшное слово. Замучить? Утопить? Разстрѣлять?

Яковлевъ раздраженно пощупаль на боку кобуру. Сплюнулъ. Осадилъ коня. Повернулся къ отряду.

– Отрядъ, слушай мою команду! Привезти на телѣгѣ досокъ изъ села!

– На какой телѣгѣ, товарищ командиръ?

Литовцевъ, сѣдоусый приземистый боецъ изъ-подъ Мариуполя, по-русски говорилъ съ хохлацкимъ акцентомъ. Прокурень былъ дожелта. Табакомъ отъ него несло за версту.

– На какой, на какой! – повернулся къ царицѣ и Маріи. – Товарищи, а ну выходите!

– Мы вамъ не товарищи!

Яковлевъ рукой махнулъ. Михаилъ видѣль: не до препирательствъ ему. Марія, безотрывно глядя на револьверъ въ кобурѣ на боку командира, шагнула изъ телѣги первой и подала матери руку. Старуха цапнула руку жадно, будто кусокъ хлѣба. Ковыляя на больныхъ ногахъ, отошла отъ возка. Солдаты съ гиканьемъ попрыгали въ возокъ, натянули поводья, коняшка рвануль впередъ, телѣга затарахтѣла вверхъ, къ селу, по весеннимъ ухабамъ. Грязное земное тѣсто. И они всѣ вѣдь лягутъ въ эту землю; лягутъ.

Мысль пронизала Лямина ржавой иглой, потянула за собой, дальше, нить невеселыхъ раздумій.

– Што ты, какъ коняга, башку всю дорогу опускашь, а? А може, ты предатель, а?

Ляминъ подняль взглядъ, разрѣзаль имъ говорящаго.

– А можетъ, ты по шеѣ схлопочешь, а?

– Но, но, я жъ такъ просто... на холоду-то только шуточками и согрѣсси...

Вотъ она и телѣга съ бойцами, вернулась. Быстро они управились. На телѣгѣ – доски, деревянные хвосты по землѣ волочатся. Конь дышитъ тяжело, бока раздуваются, вспотѣль.

– Кто дощечки-то даль?

Солдаты молчали, выгружали доски. Ухвативъ за два конца, несли къ рѣкѣ.

– Да все тотъ же мужикъ и даль! У кого ночевали!

– Богатый, видать, мужикъ.

– Да если бѣ не даль! Зналь, собака, что съ нимъ будетъ!

«Вотъ мужикъ уже и собака. Чаемъ насъ поиль, пирожками кормиль, спать уложиль, постелиль. И собаку – въ расходъ бы пустили».

Вѣтеръ усиливался. Срываль съ солдатъ кепки, фуражки, ушанки. Поперекъ рѣки бойцы клали доски. Изъ возка, кряхтя, вылезли докторъ Боткинъ и князь Василій Долгоруковъ. Старухино лицо посвѣтлѣло, будто его снизу подсвѣтили жалкой свѣчей, и пламя на вѣтру рвалось. Она крѣпко оперлась на руку князя Вали. Докторъ тутъ же подбѣжалъ съ другого боку и поддержаль ее подъ локоть.

– Осторожнѣй, ваше величество... ножку правильно ставьте, не оступитесь...

«Величество. Уже давно не величество, а просто – старая тетка. Какъ всѣ. Какъ всѣ!»

Вѣтеръ билъ въ чрепъ снаружи, а мысли – изнутри. Ляминъ поправиль кепку. Мерзляковъ махнулъ рукой. Возки стали вѣзжать на ледъ. Вода поднималась до середины

колесь. Старуха выпученными свѣтлыми глазами смотрѣла на воду; въ глазахъ плаваль ужась.

– Не доберемся... не доберемся... – скреблись другъ объ дружку на вѣтру выставшія губы.

А солнце поднималось. Солнцу дѣла не было до людскихъ мукъ.

Старуха, черезъ плечо доктора Боткина, беспомощно обернулась къ Маріи.

– Darling, ты не споткнешься? Ради Бога!

Марія шла и даже юбки не подбирала. Такъ и мокли въ водѣ. Всплыли, вспучились, сырѣмъ колоколомъ стояли вокругъ ея ногъ.

– Мама, я всегда осторожна. Не волнуйтесь.

Царица, князь Валя и Боткинъ шли впереди, Марія за ними. Слѣдомъ осторожно, съ печальной лѣнливой граціей, переступали ногами армейскіе кони. Солдаты похлопывали ихъ по шеямъ: не балуй, не играй, не бойся. Не бойся, какъ людямъ, говорили звѣрямъ.

«Всѣ все понимаютъ. Все живое все понимаетъ. А звѣри-то и лучше насъ смерть чуютъ. Раньше, чѣмъ всѣ мы».

Царь и Яковлевъ шли послѣдними. «Если бъ Николай вооружень былъ – былъ бы шансъ убѣжать. Да нѣтъ, все равно подстрѣлили бы».

Царица шла по доскамъ такъ осторожно, какъ по набросанной на ледъ сѣрой вяленой тарани. И будто бы сушенная рыба подъ ногой уже плыла, уплывала, и надо было носкомъ, пяткой ее прижать, принакрыть. Остановить. Цесаревна точь-въ-точь повторяла выраженіе материнскаго лица. По лицу Маріи ходили хмуряя тучи. А шла – по-иному. Легко и весело. По лодыжки въ водѣ, а какъ на балу по паркету.

«Молодая дакъ. Двигается гибко. Ночь, ты была или нѣтъ?»

Никто Лямину не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. И онъ прекратилъ его себѣ задавать.

Сѣрыя доски просвѣчивали сквозь воду. Царица вскричала:

– Боже! Какъ у меня замерзли ноги!

Яковлевъ пустилъ царя впередъ себя. Царь шелъ по доскамъ, а казалось – идетъ по водѣ. Яковлевъ зажмурился и головой тряхнулъ: отваживалъ видѣнье. Теперь пошелъ странный участокъ переправы, самый опасный: плаха льда справа обрывалась, и подъ брюхами коней и сапогами солдатъ клубилась водяная тьма. Подъ ногой Михайлова коня прогнулась хлипкая доска. Конь едва не оскользнулся, чудомъ удержался копытомъ, громко и отчаянно заржалъ. Михаилъ обнялъ коня за шею, крѣпко прижался къ нему.

«Утонули, какъ пить дать, вмѣстѣ бы съ конемъ».

Мысли, на удивленіе, вдругъ понеслись вскачь, шальныя, озорныя.

Они всѣ были уже на серединѣ Тобола.

«Еще немного осталось. Ништо! Вотъ мы какіе!»

Выпятить гордо грудь. Конь шелъ теперь крайне медленно, нащупывая копытомъ узкую плашку доски.

Доски на льду. Поклали доски на ледъ, а подъ нимъ – вода и тьма.

«Вотъ такъ же и мы: переходимъ наше страшное время. Кто въ-бродъ, кто по дощатому настилу. Шатаемся, руками вѣтеръ ловимъ. И кто въ воду валится. И тонетъ, навѣки. А кого – на тѣхъ доскахъ – пуля находить, огонь жретъ! И обратнаго хода по той переправѣ нѣтъ».

Впереди Лямина конь съ бойцомъ сталъ заваливаться набокъ. Оба, конь и всадникъ, рухнули въ воду. Конь ржалъ тоскливо, голосомъ звалъ на помощь. Чѣмъ могли помочь люди? Имъ бы самимъ удержаться, все хрупко и смятенно, и доски прогибаются, и вѣтеръ шапки сносить. Боецъ тянулъ изъ ледяной воды руки. Андрусевичъ – рядомъ оказался – безуспѣшно тянулъ тонущему прикладъ винтовки.

– Держись! Держись, Антоша! Ну что же ты!

Боецъ выпучилъ глаза и хлебнулъ воды. Макушка скрылась подъ водой. Руки еще вздернулись. Уже не выплылъ. Ляминъ глядѣлъ, какъ изнутри, изъ черной глубины, идутъ сверху и лопаются серебряные пузыри.

– Эхъ, ну что же ты...

– Впередъ! Впередъ!

Конь плылъ, отфыркиваясь. Вотъ уже выбирался на берегъ, встряхивался. Оглядывался на рѣку. Тоскливо, коротко ржалъ. Не убѣгалъ: стоялъ и ждалъ людей.

Больше половины рѣки пройдено. А старуха-то, поди-жь ты, даже и не оглянулась. Да для нея смерть краснаго бойца – радость неопиcуемая.

«Мы-жь всѣ ея враги. Вражины. Если-бъ она могла – каждого бы своими руками задушила. Змѣя нѣмецкая».

Думалъ такъ, а видѣлъ впереди себя старый затылокъ, укутанный въ пуховой платокъ и баранью шапку, старыя плечи, ежащіяся подъ старымъ пальто, похожимъ на солдатскую

шинель, старья руки, беспомощно хватающіяся за другія живья руки.

И странной, ни на что не похожей болью истекало глупое сердце.

– Красноармейцы! Прибодрись! Вонъ онъ, берегъ-то, уже!

Мерзляковъ, для веселья, еще гикнулъ и свистнулъ, сложивъ пальцы кольцомъ.

– Берегъ, – шепнула царица доктору, словно въ забытьи, – и правда берегъ...

Докторъ Боткинъ плакалъ.

– Ну что вы!

Царица обернулась къ нему. И у нея по щекамъ катились мелкія, какъ мошки, слезы.

– Глаза на вѣтру слезятся...

– И у меня тоже.

Она вцѣпилась крѣпче въ руку князя Вали, и князь Валя сдавленно охнулъ и тихо размѣялся.

– Вы мнѣ такъ руку раздавите, ваше величество.

До берега досокъ не хватило, и шли по льду. Старухѣ вода налилась въ ботики. Царь высоко поднималъ ноги, спасая сапоги отъ воды. Маріи было все равно. Она вымокла почти по колѣно.

– Всѣ на берегу?

– Всѣ, товарищъ командирь!

– А точно всѣ?

– По головамъ насъ считай, какъ барановъ!

– Не барановъ, а коней.

– Да, лошадокъ-то сочти! Одна-то – вонъ, рядомъ бродить!

– Упокой, Господи, душу раба Твоего Антона Солоницына...

– Но, ты не попъ на амвонѣ!

– Да всѣ, всѣ тутъ, и считать не надоть!

– Не, Солоницынъ – утопъ!

– Мнѣ холодно, – однѣми губами сказала царица.

Марія подошла къ ней близко, близко, и руку ея взяла, перчатку стащила, дыханіемъ грѣла.

– Мамочка, вы потерпите. Мамочка, еще немного!

Ледяныя искры просверкнули подъ красными отъ вѣтра старыми вѣсками.

– Что – немного? Ты хочешь сказать, все скоро кончится?

– Мы доберемся до теплой избы!

– До ледяной смерти мы доберемся.

Марія задрожала и сжала губы.

– Мама, вы не должны такъ говорить. И думать. Никто не знаетъ часа своего! И Господь...

Царица медленно перекрестилась на вѣтру.

– Ну что встали! – крикнулъ зло Мерзляковъ. – Устали?!

Яковлевъ подошелъ къ старухѣ и Маріи. Наклонился щека къ щеке царицы, чтобъ никто не слышалъ.

– Ваше величество. Ступайте впередъ. Я отвѣчаю за васъ.

Старуха и дѣвочка, медленно переставляя промокнушія ноги, волоча за собою мокрыя юбки, побрели въ гору. Весело, глупо-радостно, будто закатилось сюда изъ другого міра, горѣло между рваными тучами солнце.

– Мнѣ одинъ солдатъ... – Марія замялась. Вѣтеръ крутилъ выскочившую изъ-подъ шапки нѣжную прядь. – Сказалъ, что уже Покровское недалеко! Наше – Покровское!

Мать преобразилась. Изъ старухи превратилась въ юницу. Шагъ измѣнился: сталь легокъ, танцовалень, будто въ мазуркѣ. Глаза расширились: ужасъ въ нихъ смѣнился живымъ и настоящимъ счастьемъ.

– Я знала! – высоко, не стѣняясь, воскликнула она. – Знала, что мы еще, до нашей смерти, увидимъ родные края нашего Друга!

Ляминъ гарцовалъ поодаль, но возгласъ царицы услыхалъ.

«Вотъ какъ она. Прямо рубить. Про смерть говорить – прямо. Уже не боится о ней говорить!»

Солдаты переговаривались, закуривали, прыгивали съ коней, выжимали мокрые порты. Докторъ Боткинъ грязнымъ, обшитымъ фламандскими кружевами платкомъ тщательно вытиралъ глаза и очки. Валя Долгоруковъ держалъ себя руками за локти. Трясся въ ознобъ.

– Докторъ... у меня будетъ... двустороннее крупозное...

– Вѣруйте, Валичка, и Богъ васъ милуетъ.

Князь Валя перекрестился негнуцимися на вѣтру пальцами, похожими на мѣдные мясные крючья. Старуха тоже перекрестилась. Марія – тоже. Боткинъ – тоже. Демидова – тоже. Они всѣ стояли и крестились, и Боткинъ читалъ молитву.

– Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его! и да бѣжать отъ лица Его...

Яковлевъ отшагнуль назадъ и помѣняль лицо, какъ одежду.

– Не останавливайтесь! Если не хотите околѣть! Впередь!

– Ненавидящій Его...

Вѣтеръ перерасталь въ ураганъ. Люди гнулись ивовыми мерзлыми вѣтками, сгибались ниже, пригибались къ землѣ, едва не хватались за нее, еще немного – и поползли бы. Кони ржали, вставали на дыбы. Вѣтеръ толкаль коней въ бока, пытался опрокинуть, они перебирали тонкими ногами и вскидывали бѣшенныя морды.

– Граждане арестованные! Въ телѣги!

Марія втащила мать въ возокъ. Усадила. Усѣлась рядомъ. Крѣпко взяла ее за руку. У матери мелко, тряпично дрожали губы. Она бесильно закрыла глаза. Марія поцѣловала матери голую руку. Вытащила у нея изъ кармана пальто перчатку, натягивала.

– Мама, согрѣйтесь... вамъ будетъ тепло...

– Трогай!

Яковлевъ вскочилъ на коня-сироту погибшаго бойца Солоницына. Разсерженно вкололъ шпоры въ худые, мокрые конскіе бока. Конь возмущенно заржалъ и выбѣжалъ въ самый авангардъ, передъ всѣмъ обозомъ. Командиръ поскакаль быстро, всѣ за нимъ заторопились. Царя въ возокъ подсадилъ Мерзляковъ и самъ прыгнуль вслѣдъ. Сѣли на солому рядомъ.

– Теперь я тебя буду стеречь. А чтобъ не убѣгъ, – Мерзляковъ ожегъ царя веселыми бѣшенными глазами и поправилъ ушанку. – А то убѣжишь невзначай. А я тутъ, вотъ.

Николай улыбнулся. Придерживаль обѣими руками, чтобъ ураганъ не сорвалъ, громоздкій треухъ.

– А можетъ, это ты отъ меня убѣжишь?

Мерзляковъ потеряль даръ рѣчи. Ощупываль глазами гражданина Романова, будто впервые увидалъ.

– То-есть какъ это? Я?

Ткнуль себя большимъ пальцемъ въ кожаную грудь.

Ротъ Николая былъ серьезнымъ, а глаза его смѣялись.

– Да, ты. Ты же мой подначальный.

– Я?!

На нихъ оглядывались. Обозъ быстро двигался вверхъ по пологому взгорку. Колеса увязали въ грязи. Въ лужахъ отражались умалишенные небеса.

Мерзляковъ схватился за револьверъ. Телѣга тряслась, и стучали у людей зубы.

– Да у тебя даже оружія нѣтъ! Подначальный! – сплюнулъ. – Это ты мой подначальный! Забудь то время, гражданинъ! Теперь – наше время! Не твое!

– Нѣтъ. Время всегда Богово.

– А! Ну да! Воздадите кесарю кесарево, или какъ тамъ?! Вотъ мы – тебѣ – сполна – и воздали! За все твое хорошее! Мерзляковъ уже ораль не стѣснясь. Весь отрядъ на него тарачился. Но въ разговоръ не вмѣшивался никто.

Ляминъ ѣхаль близко и все слышалъ. И тоже молчалъ. А что было встреть?

– За все?

– Ну да! За Ходынку! Съ чего царство началъ! Съ горы труповъ! За японскую войну! Скольکو людей угрохаль! За тюрьмы и ссылки! Гдѣ хорошихъ людей ни за что гноилъ! За Ленский разстрѣлъ! За вѣшателя твоего, Побѣдоносцева! За кровавое твое, девятое января! Красное воскресенье! Христосъ воскресъ! Можетъ, для кого Онъ и воскресъ, только не для тебя! Кровопійца! Кровосось!

Мерзляковъ побѣлѣль и уже брызгалъ слюной. Старался совладать съ собой, и не получалось. Все, что накопилось, выплескивалось наружу мощно, злобно.

«Онъ все справедливо вопить. Все это правда. Все!»

Ляминъ тоже начиналь мелко, противно дрожать. Что-то сгушалось въ воздухѣ. Будто горѣло гдѣ-то рядомъ, и вѣтеръ доносилъ запахъ гнблага пожара, чудовищной гари, криковъ заживо палимыхъ. Мерзляковъ ораль объ убитыхъ, о разстрѣлянныхъ, о повѣшенныхъ, о взорванныхъ на корабляхъ русской эскадры, о замученныхъ въ застѣнкахъ, о голодныхъ дѣтяхъ.

– Ты! Царишка ты! Не зналь, какъ въ твоей чортовой имперіи дѣти въ деревняхъ живутъ?! Какъ – съ голоду – на печи – помираютъ?! А мать на лавкѣ лежитъ, да не подыметъ, лежитъ, а рожа черная, а животъ вздуть, а ротъ набить соломой! Такъ съ этой соломой и найдутъ! А въ ротъ сунула передъ смертью, чтобъ – жевать! Чтобы себя обмануть, что – ѣсть! А подъ лавкой – другой младенчикъ валяется! И того ужъ мухи жрутъ! И крысы! Вотъ твое царство! Государство!

Обозъ двигался все такъ же быстро. Не останавливался.

Лошади шли, скакали, телѣги ѣхали, заплетались колеса о кочки, тонули во влажныхъ

яминахъ. Ляминъ закусилъ губу. «Эхъ, покурить бы. Что жъ онъ такъ ореть? Сорвался песь съ цѣпи. Ну да, нагноился чирей. А кто взрѣзалъ? Теперь развѣ разберешь», – думалъ быстро, невнятно, морща лобъ.

Лицо Мерзлякова свела судорога. Вѣтеръ снесъ ему кепку. Махнулъ рукой.

Такъ и вѣхалъ дальше съ голой головой.

– Царишка! Проклятый! Ходынку давай вспомни! Сколько людей сгубилъ коронаціей своей! И тѣмъ, что – подачку имъ посулилъ! А на хрѣна имъ была твоя подачка! Не нуждался народъ въ твоей нищенской подачкѣ! Въ водкѣ твоей! Въ кружкѣ твоей! Въ пирогахъ твоихъ кровавыхъ! Всѣ давились и задавились, лишь бы изъ твоихъ рукъ милостыню взять! Ахъ ты песь! Да вѣдь сколько тамъ всѣхъ загнуло! Жень! Дѣтокъ! Мужиковъ въ соку! Работниковъ! И за что?! За что, нѣтъ, ты мнѣ скажи?!

Руки Мерзлякова сами протянулись и схватили Николая за плечи. Вцѣпились въ сѣрое, сырое сукно шинели. Тряхнули царя, какъ мѣшокъ съ картошкой.

– А! Молчишь! Да потому что сказать тебѣ нечего! А про Красное воскресенье – тоже ни слова?! Молчокъ, зубы на крючокъ?! Люди къ тебѣ пошли на поклонъ! На просьбу! Замучилъ ты народъ злобой своей! И народъ къ тебѣ, какъ къ человѣку, пошелъ! Чтобы ты, сволочь, всѣхъ политическихъ – на волю – выпустилъ! Люди шли – матери съ дѣтьми! Старики! Рабочіе! А ты противъ нихъ пѣхоту, кавалерію выставилъ! Казаковъ! А вожаки-то къ тебѣ шли – безоружные! А ты казакамъ приказалъ – нагайками людей! Шашками рубить! И рубили! И кровь лилась! Твоего, волкъ сѣрый ты зубастый, народа – кровь! Да не твой это народъ! И никогда имъ не былъ! И не будетъ! Ты – нѣмчура проклятая! Чужакъ ты! Какъ вы всѣ, въ дворцахъ этихъ ледяныхъ кто спрятался! Но мы сейчасъ-то васъ оттуда – и вытащили! И вотъ веземъ! А куда веземъ?! Самъ – ты – знаешь – куда!

Ляминъ поднаправилъ коня ближе къ телѣгѣ царя. Яковлевъ скакалъ далеко впереди, не слыхалъ дикихъ криковъ Мерзлякова.

«Ужъ больно рьяно кричить. Какъ бы чего съ царемъ не сдѣлалъ».

Вмѣсто рта у орущаго Мерзлякова глядѣла, шевелилась черная, кривая яма.

– Стрѣляли людямъ въ грудь! Безоружнымъ! Топтали лошадьми! Мостовая вся кровью была залита! И я! Я тамъ былъ! Медь-пиво пилъ! По усамъ, кровавое, текло, а въ ротъ... Да не волкъ ты! Какой ты волкъ теперь! Сучонокъ ты теперъ вонючій! Сапоги наши будешь лизать! Ноги мыть и воду пить! А мы стегать тебя будемъ! Такими же вотъ нагайками! И, если надо, шашками порубимъ! Чтобы ты сполна вкусилъ все свое! Чтобы – въ свой, сука, народъ поглядѣлъ, какъ въ зеркало! Ужъ мы тебя отразимъ! Во всей красѣ! Вѣкъ на небесахъ помнить будешь! А на небеса ты не попадешь... нѣ-е-е-егъ! Никогда! Ты – прямехонько – въ преисподнюю! Тамъ тебѣ и мѣсто! И покоя не обрѣтешь! Вѣкъ мучиться будешь! За все, что на землѣ надѣлалъ! Гадъ! Сволочь! Волкъ! У-би...

Мерзляковъ захрипѣлъ. Ляминъ подскакалъ совсѣмъ близко къ царской телѣгѣ. Вытащилъ изъ-за пазухи флягу и сунулъ Мерзлякову ко рту.

– Эй, слышь, товарищъ... давай охолонь... глотни...

Мерзляковъ слѣпой рукой нащупалъ флягу, крѣпко сжалъ. Припалъ ртомъ къ горлышку. Глоталъ.

Царь сидѣлъ ледяно, какъ аршинъ проглотилъ.

Вѣтеръ мялъ мѣхъ его треуха.

Тучи ошалѣло неслись надъ голой головой Мерзлякова.

Подвѣхалъ солдатъ, съ тучей глубокихъ рытвинъ-оспинъ по всему коричневому, какъ гречишный медъ, лицу. Кепку протянулъ.

– Вотъ, товарищъ командиръ. Кепка ваша!

Мерзляковъ вернулъ флягу Лямину и глубоко, туго, по самыя брови, натянулъ кепку.

Сзади донесся долгій и звонкій, трелью жаворонка, юношескій крикъ:

– Э-э-эй! Командиры! Колесо скovyрнулось, мать его!

* * *

Поспѣшали. Яковлевъ гналъ лошадей. Доѣхали до новой рѣчной излучины.

– Паромъ! – закричала Марія, привставъ въ телѣгѣ и придерживая отъ вѣтра шапку. – Я вижу паромъ!

Царица осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, будто мелко, быстро, какъ поваръ – супъ, осолила.

– Слава Тебѣ, Господи силь...

Медленно подплывалъ большой и плоскій паромъ.

– Братва! Мы всѣ тутъ не умѣстимся!

– Кто-то въ рѣчку синюю попрыгаетъ. Охъ и холодно тамъ, въ рѣчкѣ! Люто.

– Не люто, а любо! Я по веснѣ всегда купаюсь! Въ любой водицѣ!

– Ну, крѣпокъ ты. Я бы сразу зачихаль.

– А судоргой бы ножонку-ти не свело?!

– Лошадокъ-то мѣнять въ Покровскомъ будемъ?

– А то гдѣ же еще!

Старуха долго, солнечно глядѣла на дочь. Марія мяла, горячо тискала въ рукахъ ея руку.

– Мама, вы согрѣлись?

– Дѣтка... – придвинула старое лицо къ румяному юному лицу. Говорила очень тихо, будто тайну какую. – Развѣ на вѣчномъ холоду можно согрѣться? Вокругъ насъ вѣчный холодъ. Замерзаеъ Россія. Уже замерзла. И мы... – помолчала. – Вмерзнемъ въ ледъ. Я чувствую, мы рыбы. Мы всѣ окуни. И мы вмерзаемъ въ ледъ... какъ мухи... въ янтарь.

Марія прижалась щекой къ щека матери.

– Мама, ну что вы такое думаете... Прошу, выбросьте такія мысли изъ головы! Какіе окуни? Какой ледъ?

Ляминъ видѣлъ, какъ она растерялась.

«О чемъ она шепчетъ ей? Что набалтываетъ? Какую ахинею? Она вся ажъ побѣлѣла. Ахъ ты!»

Чуть было не подѣхаль и не оходилъ старуху прикладомъ поперекъ спины.

– Всѣ на паромъ! Ловчѣй заходи! За конями гляди! Чтобъ въ рѣку не свалились!

– Да они сами, звѣри, осторожны... чо намъ коней-то острачивать...

– Давай, давай, быстрѣй! Не медли! Утро-то мгновенно минеъ! Въ Покровскомъ – чаю попьемъ!

Съ трудомъ, но всѣ умѣстились на широченномъ паромѣ.

– Мамочка, это какъ плотъ въ Потопѣ.

– О нѣтъ, душка, это вѣдь знаешь что? Это... ковчегъ...

Марія усмѣхнулась, дернула плечомъ.

– А вмѣсто Ноя – комиссаръ Яковлевъ? А мы, значить, скоты?

Старуха засмѣялась и заплакала вмѣстѣ.

– Ха, ха, душка, ахъ... Похоже на то!

Кони боялись воды, жались грязными крупами, боками другъ къ дружкѣ. Иные изъ солдатъ спѣшились, стояли возлѣ мордъ своихъ коней, оглаживали ихъ, успокаивали. Ледъ шумно, длинными грязными когтями, царапаль борта парома. Рѣка катилась, катила на загривкѣ ледъ, мертвую зиму, и они катились вмѣстѣ съ зимой и рѣкой; плыли и плыли, наискось, отъ берега до берега – будто кухоннымъ тесакомъ, съ наклономъ, рѣзали колбасу; тишины не было – въ уши лѣзъ разноголосый гомонъ весны: шорохъ льда, свистъ веселаго, какъ отчаянный цыганъ, вѣтра, ржанье лошадей, буханье гигантскаго колеса парома, переругиванья солдатъ; и очень далеко, слишкомъ далеко, будто въ иной, забытой жизни, звонилъ колоколь на призрачной, невидимой, выкрашенной въ цвѣтъ небесъ сельской церкви.

А можетъ, это съ небесъ и звонили?

Чухаль и чихаль паромъ, грохотали машины въ трюмѣ, переваливались и вертѣлись желѣзные валы, а они стояли на крѣпкихъ листовничныхъ доскахъ, переглядывались, отдавались движенію, теченью рѣки. Тоболь, что за название? Татарское, должно-быть. Много здѣсь татары поевали. Да все равно казакъ Ермакъ всѣхъ положилъ. И русское царство здѣсь устроилъ.

...А теперь это царство – подъ ними. Какъ старая палуба подъ животами лошадей.

...Покровское показалось внезапно. Ляминъ думаль – долше добираться будутъ. Избы, какъ вездѣ въ Сибири, черными бобрами по землѣ пластаются. Низкія, будто въ землю вросшія. И то правда: погреба глубокіе, въ погребахъ множество семей можетъ схорониться, если вдругъ военная перепалка какая. Сарай отмѣнные. Сарай – что тебѣ заимка. Живутъ зажиточно. Бѣдняковъ мало. Ляминъ кусаль губы.

«Вотъ бы у насъ такъ въ Новомъ-то Буянѣ. И вѣрны слухи эти, что въ Сибири жизнь лучше. Сытнѣе».

Онъ помнилъ вкусъ молока, что въ Тобольскѣ приносила царямъ торговка Василиса. Онъ самъ бралъ крынку у Василисы изъ рукъ, насмѣшливо кланялся: спасибо, молъ! – и шелъ по темному коридору съ крынкой въ рукахъ, крынка живымъ коровьимъ тепломъ грѣла ладони. Онъ чюяль спиной – торговка ушла, заходилъ за шаткую пирамиду изъ двухъ сломанныхъ безногихъ кресель, припадалъ ртомъ къ крынкѣ и дѣлаль большой глотокъ, два, три, четыре. А иногда, обнаглѣвъ, и всю крынку выпиваль. И ничего никакимъ царямъ не говорилъ. А зачѣмъ говорить. Все и такъ понятно.

И – да, они все понимали.

Товарищъ Ляминъ, сегодня Василиса для Бэби молочко приносила? Для кого-кого? Для

ребенка. Ахъ, для ребенка. «Они его всѣ ребенкомъ называютъ. У насъ въ деревняхъ, да по всей Россіи, такихъ парнишекъ ужъ женятъ, а они уже и въ полѣ пашутъ, и на охоту ходятъ». Нѣтъ, не приносила. А почему отъ васъ молокомъ пахнетъ? Не молокомъ, гражданка Романова, а навозомъ.

И прикрывалъ ротъ ладонью, чтобы открытымъ настезь смѣхомъ не обидѣть.

И все равно старуха стояла красная до корней волосъ, разсерженная и слабая, такая слабая. Руки-плети, ноги-ухваты. И сама какъ сожженное бревно: еще лежитъ въ срубѣ, а ткни пальцемъ – и разсыплется въ золу.

– Товарищи! Покровское! Коней перепрягать!

Царица перевалилась черезъ край возка. Марія выпрыгнула первой и еле успѣла поймать ее.

– Мама, что...

– Да вотъ, чуть не выпала. Спина... не удержала...

– Мама, вы устали!

– Старая я стала, вотъ что, дѣтка.

Къ нимъ, на околицу, изъ села быстрымъ шагомъ шли мужики. Всѣ бородатые, и бороды – до пуповъ.

– Какъ у нашего Друга, гляди...

Старуха смотрѣла умильно.

Марія постаралась улыбнуться мужикамъ.

– Добрый день вамъ всѣмъ!

Комиссаръ Яковлевъ вышелъ впередъ и всталъ передъ Маріей, заслонивъ ее отъ щупающихъ взглядомъ своей чернокожаной статью.

– Здравствуйте, товарищи! Мы къ вамъ на постой. Воземъ драгоценный грузъ въ Тюмень!

Обвелъ рукой въ кожаной перчаткѣ царя, жену, Марію, слугъ, доктора.

Мужики смекнули. Не шевельнулись ихъ лица. Ни бровь, ни губа не дрогнули.

– Милости просимъ гостей дорогихъ!

– Это Покровское?

– Такъ точно, оно самое! – по-военному отвѣтилъ высокій худой мужикъ съ желтобѣлой мочальной бородищей. Одернулъ на себѣ бараній зипунъ.

«Старый солдатъ, какъ на плацу, рапортуетъ».

– Ну такъ ведите! Воля ваша!

Лошади пошли медленно, телѣги покатались. Люди двинулись: кто верхомъ, кто пѣшимъ.

Царь и Яковлевъ смотрѣли на пѣшихъ изъ возка. Щеки Николая надъ усами и бородой отсвѣчивали блѣдно, зелено, зеркально. Онъ былъ весь выпить дорогой.

– Это и есть Покровское? – Андрусевичъ подѣхалъ на конѣ. Вороная шкура коня отблескивала болотной зеленью, будто конь только искупался въ заросшемъ ряской пруду. – Неказистое сельцо!

– Казистое, неказистое, – Ляминъ куснулъ ноготь. – Заколдованное это село. Это родина... одного человѣка.

Отчего-то рѣшилъ не говорить ничего, замолчать. Было чувство: сейчасъ все разболтаешь – и этимъ Марію обидить.

– Да знаю, Гришки Распутина! Урода! – Андрусевичъ похлопалъ коня по черной холкѣ. Спрыгнулъ наземь. – Ни дна бы ему, ни покрышки!

Марія оглянулась. Разслышала? Нѣтъ?

– Россію, какъ вошь, къ ногтю прижалъ! И – надавилъ! И сокъ брызнулъ! Кровь – брызнула. Кто жъ онъ опосля этого?

– А ты вправду думаешь, – Ляминъ старался говорить тихо и четко, – что именно онъ всю эту заваруху заварилъ? Гришка?

– А то кто! Кобель царицынь! Сперва съ ней снюхался, а потомъ всю ея челядь перетопталъ! И всѣ довольны, всѣ счастливы! А онъ – на ушко ей: то-то, молъ, и то-то сдѣлай! А она – царю. Изъ уха въ ухо. Изъ спальни въ спальню! Такъ – Россію кромсали! Такъ они и войну-то начали... дамы, короли!

Андрусевичъ плюнулъ себѣ подъ сапоги, а попалъ точно на сапогъ. Выругался. Покаталъ сапогъ въ ноздреватомъ сугробѣ, почистилъ. Указалъ на сапогъ. Остро, жгуче глянулъ на Лямина.

– Вотъ. Сапогъ-отъ можно почистить. Тряпицей масляной потереть. А Россію въ грязи вымазать – теперь знаешь сколько чистки будетъ? Догадался?! Вотъ и я догадался. Давно ужъ.

Царица защищалась ладонью отъ солнца, какъ крестьянская баба въ поляхъ. Марія

укутала ей горло концомъ вязаного платка.

– Мама... простудитесь...

– Я и такъ простуженная. Горло болитъ все время. Чаю бы съ малиной. Спроси, душенька, кого-нибудь: гдѣ здѣсь домъ Распутиныхъ? Ты... потихоньку спроси... Чтобы они... не разгнѣвались...

...Красноармейцы мѣняли лошадей. Распрягали, отгоняли прочь отъ возковъ. Впрягали новыхъ, свѣжихъ. Съ весело косящими глазами; весело храпящихъ; роющихъ копытами талый снѣгъ и молодую, заолодавшую на вѣтру землю.

Бойцы смотрѣли на старую женщину и дѣвочку: онѣ стояли навытяжку, какъ солдаты, передъ окнами большого, во много оконъ, дома, обитаго сѣрыми, выщѣтшими на дождяхъ и снѣгахъ досками.

– И што они тамъ нашли? Чаю, што ли, просятъ?

– Какъ нищенки, што ль?

– Да нѣтъ, ребята. Просто любуются!

– На што? На герань?

– На занавѣски вышитыя!

– Эка невидаль.

– Въ Губернаторскомъ домѣ – не вышитыя висѣли.

– Самихъ бы повѣсить вмѣсто тѣхъ занавѣсокъ.

– Очень ты злой, Касьянъ.

– Я не могу всѣхъ любить! Ихъ – пуще всѣхъ не могу!

– Ты слѣди за ними.

– Да смирно стоять, коровы. Никуда не убѣгутъ!

...Женщины стояли передъ окнами избы Григорія Распутина, и Ляминъ глядѣлъ имъ въ спины. Ему хотѣлось дернуть шинель и набросить на плечи Маріи. А вотъ интересно, что бы было, если бъ онъ по правдѣ сдѣлалъ это? Кто бы его наказалъ? Комиссаръ приказалъ разстрѣлять? Или Мерзляковъ, безъ суда и слѣдствія, поставилъ къ стѣнкѣ? Къ стѣнкѣ какой избы?

«Да развѣ на войнѣ обязательно къ стѣнкѣ? Тебя пустить въ расходъ могутъ хоть въ чистомъ полѣ. Это неважно, гдѣ».

Зубы клацали. Замерзъ. А онѣ? Тоже. Какъ долго стоять! И въ домъ ихъ не пригласятъ. Боятся. Онъ прищурился. Изъ оконъ выглядывали люди. Семья. Семья этого чернаго волка, растерзавшаго Россію своими хищными крѣпкими сибирскими зубами.

Такъ, значить, они два волка? Царь – волкъ, и Распутинъ – волкъ? Тогда кто же такой Ленинъ, тамъ, въ далекой Москвѣ, въ непонятномъ чужомъ Кремлѣ, онъ сидитъ въ креслѣ, передъ нимъ газеты, сводки, военные карты, онъ отдаетъ распоряженія – кого убить, кого вознаграждать, кого – живьемъ закопать, – а можетъ, за нимъ тоже кто-то стоитъ, большой и невидимо-страшный, и ржетъ какъ конь, показываетъ всѣ зубы, показываетъ зажатый въ кулакѣ мѣшокъ съ кучей денегъ, и все на самомъ дѣлѣ куплено и продано уже тысячу разъ, – а они всѣ вѣрятъ, вѣрятъ въ то, что это – страна, а вотъ это – народъ, а вотъ это – Бога нѣтъ, царя нѣтъ, а это, люди, вашъ – кто? Новый царь?

«Ленинъ – новый царь», – на сыромъ рѣчномъ вѣтру вылѣпили ужаснувшіяся губы.

И такъ всюду? И такъ навѣкъ и всегда? А народъ – опять подъ владыкой? Подъ правителемъ?

– Эй, Андрусевичъ, слышь, – досталь изъ кармана куртки самокрутку, заранѣе изготовленную. – А міровую войну – и правда, кто началъ? Что, правда Гришка?

Андрусевичъ по-волчьи, маленькими желтыми глазками, слѣдилъ, какъ Ляминъ шаркаетъ отсырѣлыми спичками по коробкѣ, какъ наконецъ добываетъ пламя и курить.

– Война начинается всегда нипочему. И вродѣ бы никто не виноватъ! А оглянешься – у всѣхъ хвосты замараны. И рыльца въ пуху. Иванъ киваетъ на Петра, Петръ – на Ивана. Ты вѣришь въ эти розказни, что какой-то тамъ студентикъ пальнулъ въ какого-то аристократишку, и все загорѣлось? Да? Нѣтъ? Головой чо мотаешь, какъ быкъ подъ оводомъ? Вотъ и я не вѣрю. Дай огня!

Андрусевичъ протянулъ свою «козью ножку». Ляминъ долго чиркалъ спичкой. Огонь всегда появлялся между ладоней внезапно, пугаль горячей рыжиной.

– Охъ, одна отрада – затянуться... Вродѣ какъ у печки погрѣлся. Слушай! А эти все стоять.

– Да, стоять, – съ виду равнодушно согласился Ляминъ, обнимая вдохомъ табачную струю.

Лошади отворачивали башки.

– Табакъ не любить, у, черти. Не бойсь! А такъ – клещей изъ тебя, дура, выкуримъ.

Андрусевичъ подергалъ лошадь за гриву. Намоталъ гриву на палець.

– Волосья какъ у бабы. Эхъ, Мишка! Дѣвку бы щась потискать. Я бѣ не отказался! А ты? Что мрачный такой? Блиновъ тебѣ тутъ никто не разжарилъ! Не Масленая! Ну гляди, слѣди за ними.

Андрусевичъ отошелъ вразвалку, кривымъ, будто пьянымъ шагомъ; ноги ставилъ ухватами. Ляминъ потянулъ правую ногу вверхъ, сапогъ выскользнулъ изъ грязи неохотно, со смачнымъ чавканьемъ. Выпросталъ лѣвую. Такъ же вперевалку пошагалъ впередъ. Туда, къ избѣ. Ближе, все ближе.

Подходилъ и видѣлъ лица тѣхъ, кто толпился передъ распахнутымъ окномъ. И когда успѣли выставить зимнія рамы? Кажись, за стекломъ лица-то маячили. А теперь головы, какъ живые шары, круглятся, вываливаются; семья тщится разсмотрѣть тѣхъ двухъ, что стоятъ на вѣтру подъ окномъ.

«Какъ бы не передали имъ что! Если что опасное передадутъ и это потомъ вскроется – комиссаръ меня убьетъ! А потомъ, еще по разику, убьютъ и Заславскій, и Панкратовъ, и Хохряковъ!»

Ближе, быстрѣе! Ему казалось – вотъ имъ что-то тайное протягиваютъ изъ окна. Уже бѣжалъ! Глазами стрѣлялъ. Щурился. Это Марія подняла руки! И да, ей въ руки что-то кладутъ. Что? Ножъ? Револьверъ? Бомбу?!

– Чортова баба... чортова дѣвка... чертовки... я зналъ...

Подбѣгалъ къ дому, задыхаясь. Не помня себя, схватилъ Марію за руку. Вертѣлъ руку. Рука – пустая! Куда взятое спрятала? Въ шапку? Въ ботикъ? За пазуху?

– Отдай, хуже будетъ.

Духъ съ трудомъ переводилъ. Марія вырвала руку.

– Вы сдѣлали мнѣ больно!

«Ишь ты, и ноздри раздула. Царская порода! Кобыла!»

– Дай то, что тебѣ дали!

Въ окнѣ – никого. Всѣ поразбѣжались.

Онъ скользнулъ ослѣпшими отъ гнѣва и страха глазами по щекѣ царицы. Ея профиль таялъ въ апрѣльскомъ маревѣ. Солнце пригрѣвало. Старуха медленно поворачивала голову, и профиль превращался въ надменное лицо, разстрѣливающее его. Два глаза – два пулемета. Носъ – револьверный стволъ. Приоткрытый ротъ – тамъ мина языка.

– Оставьте въ покоѣ мою дочь!

– Замолчи! – въ ярости онъ ихъ обѣихъ называлъ на «ты». – Я видѣлъ, ей что-то передали!

Красная тьма застлала вѣки. Слѣпой, онъ вырвалъ револьверъ изъ кобуры.

Наставилъ на Марію.

Наставилъ на цесаревну оружіе, и ничего, земля не треснула подъ нимъ!

Онъ не видѣлъ, какъ мѣняется ея лицо. Плыветъ и заслоняется облакомъ. Расплываются и мерцаютъ черты, кѣпятся въ одинъ плотный, тяжелый и горячій комъ неодоушевленной плоти. Человѣкъ – всего лишь кровавое тѣсто, напичканное горячими нитями и пузырями потроховъ; почему же именно это тѣло такъ любишь, именно эти губы тебѣ такъ хочется цѣловать? Не отникать отъ нихъ?

Не видѣтъ больше это лицо. Не тянуться къ нему. Она спрятала то, чего брать нельзя. Схвала за пазухой свою смерть! Но вѣдь и его, его смерть тоже!

– Дай!

Онъ схватилъ ее пятерней за шею, за затылокъ. Старуха не смѣла его оттолкнуть или ударить. Ей было разрѣшено только смотрѣть. Умри, но смотри!

– Товарищъ Ля... Ляминъ...

Одной рукой Ляминъ держалъ Марію за шею, какъ дохлаго цыпленка, другой приставилъ револьверъ къ ея потному подъ шапкой лбу.

– Отдавай! Быстро!

Маріины глаза слишкомъ близко. Умалишеніе таяло, и таяла слѣпота. Онъ снова видѣлъ. Видѣлъ стволъ револьвера, и Маріины густыя брови, и ея широкія крестьянскія скулы, и коричневья мелкія, какъ просо, пятна на щекахъ, около носа. У нея же веснушки, а онъ не замѣчалъ! Веснушки! Чортъ!

Марія ползла за пазуху. Вынула свертокъ. Ему показалось, свертокъ шевелится. И тамъ что-то живое. Она развернула свертокъ. Одинъ слой промасленной бумаги, второй, третій. Бумага падала на землю бѣлыми отстрѣленными крыльями. Ляминъ глядѣлъ и не видѣлъ. Марія разворачивала бумагу: еще слой, еще, и нѣтъ конца. Наконецъ, въ ея рукахъ осталось это. То опасное. Смертельное.

Ляминъ изумленно глядѣлъ на кусокъ пирога. Пахло рыбой и лукомъ. Прекрасной рубленой рыбой и жаренымъ рѣпчатымъ лукомъ. И корочка у пирога была свѣжая, помазанная сливочнымъ масломъ: все какъ надо. Только-что изъ печи. Отмѣнный. И на вкусъ – языкъ проглотишь.

– Такъ ты...

Царица молчала презрительно, страшно.

Потомъ разлѣпила губы.

– Отдай ему. Онъ такъ этого добивался!

Марія вытянула руки и протянула Лямину еще теплый пирогъ.

– Они знали, что мы поѣдемъ. Они намъ нарочно испекли. Они... ждали...

– Что болтаешь! – старуха поглядѣла сверху внизъ. – Откуда кто зналъ! Просто сегодня праздникъ! Лазарево воскресенье!

– Ну да... праздникъ...

Ляминъ, ничего не думая, только видя потный лобъ и завитокъ на лбу, на мокрой отъ слезъ веснушчатой щекѣ, взявъ пирогъ изъ рукъ Маріи, наклонился, глубоко вдохнулъ луковый запахъ, внезапно приложился къ пирогу губами, будто бы ко кресту въ рукъ батюшки послѣ причастія, голову поднял, на Маріины глаза наткнулся, отпрянул, отшагнул, попятился, повернулся, побѣжалъ.

* * *

Вечеръ черной овечьей шерстью обвернулъ увалы, надъ головой робко выглядывали булавки звѣздъ изъ шевелящейся рваной тьмы. За околицей незнакомаго села высились двѣ мощныхъ старыхъ березы: на одной уже надувались почки, другая стояла мертвая, сухая и гордая. Солдаты разожгли два костра: одинъ – себѣ, другой – командирамъ. Огонь подлизывался къ ночи, упрашивалъ ее не приходить, не забивать ротъ и глаза почти землянымъ мракомъ. Днемъ проѣзжали мимо высокой кудрявой, въ соснахъ и еляхъ, горы; народъ не зналъ ея имени, Ляминъ про-себя назвалъ ее – Бабенка. Пашка незримо ѣхала впереди, онъ видѣлъ, какъ весело мотается, факеломъ взмываетъ хвостъ ея коня. Тьфу, опять накатило. Изыди, призракъ! Его баба. Его гиря. Держать тяжело, а бросить – ноги расплывишь.

«Да что тамъ ноги. Душу раздавишь въ кровь».

Видя ея качающийся надъ солдатскими фуражками и конскими мордами, смутно снящийся ему затылокъ, понималъ, какъ онъ къ ней присохъ.

«Какъ болячка. Сковырнуть бы. А кровища хлестнетъ».

Здѣсь, въ ночи, у огня, думы наѣхали грязными колесами мотора. Головой трепаль по-собачьи, чтобы ихъ повытрясти. Не уходили. Что жъ, значить, курице, фляга. Ляминъ, одинъ изъ немногихъ въ отрядѣ, всегда имѣлъ при себѣ выпить. Въ Тобольскѣ въ аптеку ходилъ, тамъ аптекаря чуть не до смерти застрашалъ: давай спиртъ, иначе хлопну! Аптекарь, малорослый еврей Штейнеръ, бормоталъ: да налью, налью, не убивайте, толечко у насъ разбавленный, аптекарскій, семьдесятъ процентовъ, таки да! Семьдесятъ такъ семьдесятъ, махалъ радостно рукою Ляминъ, лишь бы забирало. «Заберетъ, еще какъ заберетъ, молодой человекъ!»

Лопатками почуялъ – сзади кто-то выросъ. Оборачиваться? Или самъ окликнуть? Вѣтки подъ чужими ногами хрустнули, огонь качнулся вбокъ, будто убоился пришельца. Рядомъ сѣлъ Яковлевъ.

Ляминъ рванулся встать. Командиръ положилъ руку ему на руку.

– Сиди... другъ.

«Другъ, ого! И языкъ повернулся?»

– Не стряслось ничего, товарищъ командиръ?

– А что, товарищъ Ляминъ, удивленъ, что я къ тебѣ подсѣлъ?

Михаилу ни къ чему было врать.

– Да, немного. Что это вы къ намъ... на огонекъ.

– Хочешь сказать, у насъ свой?

– Ну да.

– А у царей – свой?

Ляминъ вертѣлъ головой. Не видѣлъ рядомъ съ царскими телѣгами костра.

– Не видать ихъ костерка, товарищъ командиръ.

– Слушай, у меня есть имя. Вотъ ты – Михаилъ. А я...

Отчего-то замялся. Уши у Лямина выросли не хуже заячьихъ. Старался разслышать, понять такое внезапное довѣріе.

– Я – Василій.

– А вы пошто мое имя помните? Насъ же тутъ много.

– А памятливыи я.

Еще помолчали. Ляминъ вытасилъ фляжку.

– Пейте, товарищъ... Василій.

– Ты сперва.

Михаиль отпилъ, потомъ глотнулъ Яковлевъ.

Командиръ заговорилъ тихо, осторожно бросая слова, будто медленно, плавно сѣялъ зерно во влажную весеннюю, вспаханную почву.

– Одиноко мнѣ. И вижу, какъ все кругомъ горить. Вотъ какъ костеръ этотъ, – боднулъ темный воздухъ. – Это вѣдь мои родныя мѣста. Недалеко тутъ мое село. Родился я тутъ. И думать не думалъ, что оно вотъ такъ все... обернется. Крестьяне мы, – вытянулъ руки, разсматривалъ ихъ горько. – Земли руки просятъ. Земли. А въ нихъ – оружіе всунули. И держать руки эту чортову сталь, и – стрѣляютъ. Я себѣ давно ужъ душу прострѣлили. Мертвецъ я, Михаилъ, ходячій мертвецъ. Только никто объ этомъ не знаетъ. Я... какъ шпионъ съ того свѣта.

Криво хохотнулъ. Ляминъ молчалъ.

– Отецъ меня рано изъ избы въ люди вытолкнулъ. Отвезъ въ Уфу. Тамъ мальчикомъ въ сапожный магазинъ опредѣлили. Бѣгалъ какъ челнокъ, туда-сюда, старался хозяевамъ услужить. Потомъ проштрафился. Избили меня сильно. Рожу всю расквасили. А кому пожалуешься? Господу Богу? Хозяинъ выгналъ меня. Я побирался. На рынокѣ меня часовщикъ подобралъ. Въ мастерскую привелъ: «Служить у меня будешь?» Опять на побѣгушкахъ. Выполняю указъ хозяина и думаю: мѣръ такъ устроены, одни въ немъ хозяева, другіе – слуги. Чортъ, думаю! Невѣрно это. А – какъ помѣнять? Если все такъ идетъ и идетъ уже тысячи лѣтъ?

Взялъ сухую вѣтку съ земли, пошевелилъ ею хворостъ въ кострѣ. Огонь выбухнулъ счастливо, свободно. Опалилъ лица.

– Убѣжалъ я отъ часовщика. Навѣкъ запомнилъ изобиліе часовъ въ его мастерской. И такіе, и сякіе. Круглые, квадратные, маленькіе, громадныя, всякіе. По стѣнамъ висятъ, на шкафахъ, на лавкахъ стоятъ. Трюмо у хозяина было, такое изящное, говорилъ – изъ Венеціи. Такъ передъ трюмо этихъ часовъ горы высились. А я однажды трюмо разбилъ.

– Дыкъ случайно же...

– Нѣтъ. Не случайно. Нарочно. Взялъ самые тяжелые часы и въ трюмо кинулъ. И – вдребезги. Обидѣлъ онъ меня сильно. У него собачка была, онъ меня заставлялъ съ ней гулять. На собачку огромный песъ набѣжалъ и вмигъ ее загрызъ. Горло перекусилъ. Можетъ, бѣшенный былъ, не знаю. Можетъ, эту малявку за кошку принялъ. Я принесъ трупикъ въ мастерскую, кровь мнѣ на руки, на штаны капаетъ. Весь полъ измазалъ. Пытался спасти, перевязать. Она захрипѣла и сдохла. Часовщикъ пришелъ, видитъ картину... налилъ въ собачью миску на полу супа изъ костей, собачьяго супа... меня рожей въ тотъ супъ – тыкалъ... А самъ ревелъ и плакалъ. Вдовецъ онъ былъ, и бездѣтный. Собачка одной отрадой была.

Ляминъ смотрѣлъ въ огонь. Глубоко въ пасть пламени заглядывалъ.

– Я ужъ большенькій былъ. Взяли меня въ желѣзнодорожныя мастерскія слесарить. Ловко я управлялся. Среди рабочихъ своимъ сталъ. И мнѣ они стали родныя. Это, братъ, была моя семья.

Бросилъ опаленную вѣтку въ огонь, глядѣлъ, какъ она горитъ и сгораетъ.

– И революція – стала семьей. Такъ вышло. А иначе и быть не могло.

Солдаты напротивъ, за безумными языками костра, переговаривались то невнятно, то въ полный голосъ, то замолкали, пытаюсь услышать, о чемъ Ляминъ съ командиромъ лясы точать. Но Яковлевъ говорилъ слишкомъ тихо. Не для публики.

Для одного Михаила.

– Вмѣстѣ съ рабочими противъ власти пошелъ. Противъ жирныхъ заводчиковъ. Противъ жандармовъ. Да противъ всѣхъ, кто давилъ насъ, какъ клоповъ. Молодь была! И смѣлъ. И видѣлъ одинъ путь: убей того, кто притѣсняетъ тебя! Иначе онъ сожретъ тебя. Видѣлъ: жизнь – борьба, и цѣна жизни – смерть. Быстро, хорошо я это понялъ.

Ляминъ обнялъ руками острия колѣни.

– Дровишекъ въ костерокъ подбросить?.. Василій...

– Да, подкинь, ежели не лѣнь.

Ляминъ всталъ упруго, живо, взялъ лежащій поодаль топорикъ, быстро нарубилъ тонкіе стволы сухостоя, приволокъ, одинъ за другимъ въ костеръ бросалъ. Пламя еще мигъ назадъ умирало и вотъ ожило. Разъярилось. Яковлевъ даже отодвинулся отъ огненного буйства, засмѣялся беззвучно.

– Вотъ спасибо. Уважилъ. Люблю огонь. Когда гляжу на огонь – всю жизнь свою вижу. Не только прошлое, но и... будущее.

– Ухъ ты! Какъ колдунъ?

– Былъ у насъ въ селѣ колдунъ. Онъ – на крестьянскія свадьбы ходилъ. Гульба въ избѣ идетъ, а онъ тутъ какъ тутъ, въ дверь стучитъ. Заходитъ, тутъ пироги, вино, а онъ все въ

одной шапкѣ мохнатой – и зимой, и лѣтомъ. И въ собачьемъ зипунѣ. Руки вскидываль, хрипѣль: жить будете такъ-то и эдакъ! А то: жить не будете, а вотъ когда умрете! И день смерти молодымъ называль. Они – въ слезы! Невѣста, бывало, чувствъ лишалась.

– Вотъ бы къ намъ такой колдунъ явился, – вырвалось у Лямина. – Онъ бы намъ...

– Ну и что, узналъ бы ты свою смерть? Я вотъ не хочу. Богъ вѣрно положилъ: никто не знаетъ часа своего.

– А вы – въ Бога вѣрите?

– Я-то? – усмѣхнулся, пламя украдиво выхватило изъ-подъ небритыхъ губъ хищный блескъ зубовъ. – А кто его знаетъ.

На другой сторонѣ огненнаго озера вскинулъ руку Андрусевичъ.

– Эй, товарищи! Табачку не надо? Я сигарки скрутилъ.

– Давай, – Ляминъ обошелъ костеръ, взялъ у Андрусевича самокрутки. Вернулся къ Яковлеву. Протянулъ ему сигарку.

– Курите, товарищъ... Василий.

Яковлевъ пытался прикурить отъ костра. Затлѣлъ рукавъ тужурки. Командиръ ладонью хлопалъ пламя. Ловилъ губами первую, самую сладкую затяжку.

– Я вѣдь, Михаилъ, поѣздъ ограбилъ. Почтовый вагонъ. Шашкой химической его подорвалъ. Оружіе у насъ было. Стрѣляли! Охрану перебили почти всю. Они отбивались. Наши ребята швыряли изъ вагона мѣшки съ купюрами. И золото мы взяли, полтора пуда. Героями себя ощущали! Мы – у богатыхъ – ихъ доброшко стащили! Возстановили, стало-быть, справедливость. И что? Всю жандармерию Миасса тогда задѣйствовали. Приказъ былъ имъ – насъ всѣхъ отловить и повѣсить! А насъ-то, всѣхъ, было – ни много ни мало – семнадцать парней.

Замолчалъ надолго. Курилъ. Ляминъ ждалъ. Не выдержалъ.

– И что? Сбѣгли вы? Убереглись?

– Изъ семнадцати, – голосъ Яковлева былъ тихъ и сухъ, – только четверо спаслись отъ петли. Рябовъ, Кауровъ, Стожаровъ и я. Я отъ полиціи отстрѣлялся. Дворами ушелъ. Это было въ Самарѣ. А потомъ... потомъ вонъ изъ Россіи. Паспортъ чужой. Фамилія, отчество – чужія. А вотъ имя совпало. Имя – мое.

Теперь Ляминъ всталъ, вѣтку нашель, ею возилъ головешки въ кострѣ, чтобы вспыхнули.

– Въ Швеціи оказался. Въ Стокгольмѣ. Стокгольмъ, знаешь, такой красивый городъ. Но – холодный. Дома какъ изо льда высѣчены. Строгіе, надменные. И людей на улицахъ мало. Сидятъ въ своихъ заносчивыхъ домахъ и грѣются. Каминны топятъ. Тамъ я влюбился. Шведка эта была ростомъ выше меня. И у ней волосы были – что твой снѣгъ. Бѣлые-бѣлые!

– А она...

– Нѣтъ, до дѣла не дошло. Она изъ богатаго семейства. А я кто? Меня наши революціонеры приютили. Я спалъ въ шведскомъ сараѣ. Онъ, скажу тебѣ, роскошнѣй, чѣмъ наши дворцы, – хохотнулъ. – Тамъ жизнь другая. Слишкомъ чистая. Чистенькая. Меня въ Бельгію послали. Я въ поѣздѣ ѣду въ заграничномъ – и наши телячьи вагончики вспоминаю. И принцемъ чувствую себя. И такое зло на сердцѣ. Все бы въ этомъ зеркальномъ вагончикѣ въ щепки разнесъ. Въ Брюсселѣ я, знаешь?.. пирогъ такой чудесный ѣлъ. Такъ и называется – брюссельскій пирогъ. Въ начинкѣ всего понемножку. И мясо, и лукъ, и помидоры, и чортъ-те что, но главное – кусочками – голубой сыръ. Ну да, голубой, цвѣта неба. М-м-м! Умѣешь.

– Эхъ, не надо... такихъ рассказовъ... слюни рѣкой потекутъ... Мы-то тутъ у костерка... по ржаному куску щасъ пожевали – и будя...

– Не буду, прости. Просто – вспомнилось. Долго я за границей торчалъ. Языкъ родной забывать сталъ. Да вѣдь не забудешь его. И Россію – тоже. Семнадцатый годъ грянулъ. И я вернулся. И сразу – головой въ омутъ – въ революцію. Назначили меня комиссаромъ на Центральную телефонную станцію. Я ее защищаль отъ юнкеровъ. И защитилъ! Товарищъ Свердловъ меня къ себѣ вызвалъ. Благодарность мнѣ вынесъ. Юнкеровъ я тамъ положилъ – смерть... сме-е-е-ертъ...

Передернулся. Будто мерзъ. Будто – видѣлъ эти трупы, этихъ безусыхъ юнцовъ, мальчишекъ, бревнами лежащихъ одинъ на другомъ.

– Свердловъ мнѣ говоритъ: товарищъ Яковлевъ, васъ самъ Ленинъ на замѣтку взялъ! Я ему – про васъ – рассказывалъ! Ну я тутъ вродѣ какъ возгордился, – долгій вздохъ командира неслышно повторилъ Ляминъ. – А зря. Человѣкъ, не гордись ничѣмъ. Накажутъ тебя. И подѣломъ. Меня въ ЧеКа работать взяли. А это самъ знаешь что. У меня, братъ, руки... по локоть, нѣтъ, по плечи въ крови. По плечи, слышишь ты!

Выкрикнулъ это не полнымъ голосомъ, а свистящимъ шопотомъ. Ляминъ не шевельнулся.

– Я приказы подписывалъ... о разстрѣлахъ... сотенъ, тысячь человѣкъ. Да что тамъ! Десятковъ тысячь. Однажды... день былъ такой... сырой, сѣрый... на пустырь одинъ

московскій, по моему приказу, десять тысячъ народу согнали. И всѣхъ – слышишь! всѣхъ! – изъ пулеметовъ положили. Палили въ красное крошево. Въ людское тѣсто. Смерть – мѣсили! Я, первый поварь, самъ мѣсилъ. Языкомъ своимъ, вѣчнымъ перомъ своимъ, бумагами, криками – смерть раздавалъ. Направо-налѣво. Бери, мнѣ не жалко! И самъ на разстрѣлы приѣзжалъ. Видѣлъ этотъ весь ужасъ. Народу тьма! Вопять, другъ друга обнимають! Кто – ко мнѣ бросается. Валится мнѣ въ ноги, сапоги обнимають. Кричить: ты командиръ тутъ, мы поняли, видимъ, ты! Отмѣни разстрѣлы! Отведи нашу смерть, жить хотимъ! Такъ выли, какъ волки: жи-и-и-ить! Жи-и-и-ить! Солдаты на меня косятся. А я руку поднимаю и ору: пли! На томъ пустырь... такое море крови было... кровь вокругъ моихъ сапогъ текла... я – въ сапогахъ – въ красной лужѣ стоялъ... и видѣлъ, Ляминъ, видѣлъ, какъ еще живые – хрипять, руки кручатъ... есть бойня для скотовъ, а есть – для человѣковъ... и я – главный мясникъ... А сколько такихъ мясниковъ... по Россіи...

– Ты пей. Пей, легче станетъ.

Ляминъ протянулъ Яковлеву флягу. На боку фляжки красовалась глубокая вмятина.

– Стрѣляли, да фляга спасла? – Яковлевъ глотнулъ мощно, крупно. – Ахъ, благодать.

Утеръ ротъ тыломъ ладони.

Ляминъ глядѣлъ исподлобья. Такую исповѣдь онъ слышалъ впервые.

Вечеръ обнялъ темной, шерстяной синевою, какъ въ господскій плэдъ закуталъ. Ляминъ молчалъ, боясь спугнуть откровенность командира.

«Я простой солдатъ, и вотъ онъ со мной какъ съ равнымъ. Онъ сколько всего видалъ, всѣми, кѣмъ ни попадя, командовалъ. А я тутъ, рядышкомъ. И онъ мнѣ – жизнь свою – чулкомъ выворачиваетъ».

Свернутый въ рулонъ мѣшокъ изъ-подъ картошки, на которомъ сидѣли, просырѣлъ на землѣ, только-что скинувшей съ себя старую шкуру плотнаго снѣга. Чирикнула подъ далекой стрѣхой бѣшеная бессонная птица, умолкла.

Тогда вновь заговорилъ Яковлевъ.

Флягу держалъ въ рукѣ; обратно Лямину не протягивалъ.

– Ну вотъ, наступилъ этотъ годъ. Адскій годъ, Михаилъ! Назначили меня военнымъ комиссаромъ Уральской области. Я – съ мандатомъ – ѣду въ Екатеринбургъ. Приѣзжаю – и вотъ тебѣ разъ, Уралоблсовѣтъ уже назначилъ Голощекина. Двое на одно мѣсто? Это тебѣ не телячій вагонъ. Мандатъ мой аннулировали. Что дѣлать? Я въ Уфу подался. Она мнѣ все-таки родная. Городъ дѣтства. Думаю: что бы такое сотворить, чтобы всѣ ахнули? И придумалъ. Добылъ хлѣба, забилъ имъ составъ ажъ въ сорокъ вагоновъ! Гдѣ такое видано! Нигдѣ. Только безумецъ Яковлевъ такое могъ учудить. И – веду этотъ составъ на западъ! Въ Петроградъ. Въ умирающей съ голоду Питеръ! И довожу! Черезъ выстрѣлы, огонь, всю нашу заваруху... довожу... этотъ составъ съ хлѣбомъ... Кровью за него заплачено, Ляминъ. Кровью! И моей тоже.

«Щасъ раны покажетъ. Заголится!»

Не обнажился, нѣтъ. Только большимъ пальцемъ провель наискось себѣ по груди.

– Менжинскій далъ мнѣ денегъ. Я купилъ оружія вдоволь и набилъ имъ другой поѣздъ! И двинулся опять сюда, на Уралъ. Черезъ Москву. Я зналъ, что мнѣ дѣлать. Въ мозгу свербило: Свердловъ, Свердловъ. Онъ меня знаетъ, помнитъ. Онъ – мнѣ прикажетъ, что дѣлать. Въ кого – изъ этого оружія – палить. Видишь, Ляминъ! Мнѣ все равно нуженъ хозяинъ. Хозяинъ! – тяжело задышалъ, сцѣпилъ зубы и стиснулъ кулаки. – Хозяинъ! Видишь, я не избавился отъ чувства слуги! Я – слуга! Только – кого?! Своего народа?! Моего... народа... обезумѣвшаго, очумѣвшаго...

Отдышался. Кулаки разжалъ.

Ляминъ на отлетѣ держалъ двумя пальцами окурочъ.

– И вотъ я встрѣтился съ хозяиномъ. Ну, со Свердловымъ. Свердловъ меня глазами насквозь просверлилъ. Стою противъ него и думаю: онъ думаетъ, а вдругъ я предатель. Сейчасъ вѣдь всѣ про всѣхъ такъ думаютъ! Говорить мнѣ тонкимъ голосомъ, мягко такъ: мнѣ нуженъ вѣрный человѣкъ. Слуга тебѣ нуженъ вѣрный, думаю. Чтобы не подвель. Не заложилъ. Свердловъ выдаетъ мнѣ бумагу. Тамъ двѣ подписи: его и Ленина. Я стоялъ ждалъ, а онъ на подпись – къ Ленину въ кабинетъ ходилъ. Быстро примчался. Улыбается, и борода дергается: Ильичъ тебя помнитъ. Сердечно напутствуетъ. И знаешь, что еще Свердловъ сказалъ?

Ляминъ пожалъ плечами.

– Откуда мнѣ знать.

– Онъ сказалъ...

Яковлевъ очень близко придвинулъ щеку къ щекѣ Лямина. Бойцы косились на нихъ изъ-за потухающаго костра.

– Сказалъ: вывози Романовыхъ въ Екатеринбургъ, да гляди въ оба. На нихъ многіе

будутъ охотиться. Всѣ хотятъ ими завладѣть. И что? Онъ какъ въ воду глядѣль. Изъ Омска послали отрядъ. Изъ Тюмени – послали. Изъ Екатеринбургa прибыли Хохряковъ, у него въ отрядѣ – одни головорѣзы. Чуешь, что происходитъ? Насъ всѣ пасутъ. Омичи сторожатъ. Тюменцы – наизготовѣ. Уральцы спятъ и видятъ – заполучить Романовыхъ. Дѣлежъ! Романовы – пирогъ. Его разрѣзать не хотятъ, каждый хочетъ ухватить цѣленькимъ. А получается такъ, что – рѣжутъ! И каждый свой кусъ къ себѣ – тащить... Я удваивалъ карауль, усиливалъ патрули. Безполезно! – сжалъ слѣпой рукой запястье Лямина. – Разложеніе! Кто въ лѣсъ, кто по дрова. Вотъ скачемъ мы въ Екатеринбургъ. А что насъ тамъ ждетъ? Меня Голощекинъ разгромить впухъ. Перестрѣляетъ всѣхъ моихъ... и присвоить царей.

Ляминъ не зналъ, что сказать.

– Товарищъ... Василій! Ты это брось. Ты жъ тутъ надо всѣми – начальникъ.

– У насъ теперъ каждый! Надо всѣми! Начальникъ! Каждый – самъ себѣ царь! И владыка! И приказы отдаетъ, пупъ земли! Я, видишь, сколько новаго народу взялъ этой зимой въ карауль?! Поль-Тобольска! Жалованье повысилъ! Ручныхъ гранатъ, пулеметовъ – вдосталь закупилъ! Изъ Москвы мнѣ – отъ Свердлова – обѣщано денегъ прислать, и еще пулеметовъ, и еще гранатъ! Я телеграмму изъ ВЦИКа получилъ! И все-таки я боюсь. Боюсь!

Лямина сталь бить ознобъ.

– Брось, Василій... ты же безстрашный...

– Да. Я безстрашный! А найдутся безстрашнѣ меня. Или – хитрѣ. Или – гранатъ у нихъ окажется больше! Все такъ просто! У насъ сто человекъ до зубовъ вооружены. Пятнадцать лошадей. Кавалеристы отмѣнные. Я въ Екатеринбургъ съ Голощекинымъ встрѣчался. Все вродѣ порѣшили, чинъ чинаремъ. Романовыхъ привозимъ въ Екатеринбургъ, а тамъ время покажетъ. Но болтовня – одно, а дѣло – другое! У него въ глазахъ такая жуть мелькнула.

– У Голощекина?

– У кого жъ еще! Я въ его глазахъ прочиталъ: не устережешь гадовъ, убьемъ мы ихъ все равно. Хохрякова и Заславскаго послали, насъ сопровождать. Что за сторожа, я тебя спрашиваю?! Это я-то, Яковлевъ, разбойникъ революціонный, шесть лѣтъ въ заграничномъ подпольѣ, самъ Свердловъ, самъ Ленинъ мнѣ мандаты подписываютъ – и я – подъ надзоромъ?!

Солдаты за гаснувшимъ костромъ подобрали подъ зады шинели: холодало. Костеръ догоралъ.

– Унизительно, Ляминъ... позорно...

Михаилъ слышалъ чахоточные хрипы въ груди командира.

– Я всѣхъ, кого на пути увижу, подчиню себѣ. Пусть попробуютъ меня послушаться! – глаза Яковлева пьяно блестя. – Они всѣ хотятъ ихъ убить. Всѣ! А зачѣмъ хотятъ? Изъ ненависти великой? Или – чтобы присвоить славу? Молъ, мы тѣ, кто убилъ царя? Именно мы, и никто другой?!

Ляминъ смотрѣлъ на мерцающую лиловымъ и алымъ головню, и призрачныя вспышки выѣдали глаза не хуже лука.

– Ты... вы только не... кипятитесь...

– Что не кипятитесь, – вдругъ весь опаль, утихъ, будто дырявый мячъ. – Они добьются своего. Увидишь! И я...

Замолкъ. Ляминъ ждалъ. И ночь – ждала.

– Я... хочу ихъ... увезти... въ Омскъ... спасти...

«Спасти? Спятъ командиръ. Или лукавить? А резонъ ему со мной лукавить. Пьянь? Съ одного-то глотка? Нѣтъ. Правду говорить?»

– Переправить... въ Симскій горный округъ... и тамъ... они будутъ... въ безопасности...

Лямина будто въ ледяную воду цѣликомъ, съ макушкой, окунули.

– Такъ ты... самъ хочешь ихъ... украсть?

«Украсть, плохое слово сказалъ. Обидится сейчасъ».

– Украсть! – горько повторилъ Яковлевъ. – Украсть... Да. Украсть. И вѣдь, – обернулъ пустое, плоское, выѣденное клювами тысячь выстрѣловъ лицо къ Лямину, – они люди. Они – люди!

«Сколько людей утыпалъ, а этихъ – пожалѣлъ».

Пламя умирало. Еще дергалось. Еще сочилось краснымъ. Вотъ – умерло.

Тускло, мучительно вздрагивали головни.

Далеко, на краю лагеря, разносился крикъ часового:

– Кончай жечь костры! Отбо-о-о-ой!

* * *

Первая тройка въ обозѣ везла телѣгу съ пулеметомъ. Вторая – тоже. И третья пулеметъ

тащила. Пулеметчики перекидывались шутками: «Если нападутъ – жаркую баню устроимъ!» Возокъ съ Яковлевымъ и царемъ теперь ѣхалъ не сзади, а за пулеметчиками. По слѣду возка съ Николаемъ катилась телѣга съ Маріей и царицей. За ними – тройка везла доктора Боткина и князя Валю Долгорукова. Дѣвушка Демидова, Чемодуровъ и Сѣднень въѣхали слѣдомъ. И замыкали обозъ, то ли царскій, то ли комиссарскій, телѣги съ красноармейцами. Въ солдатскихъ телѣгахъ стоялъ гоготъ и ропотъ, иной разъ заводили пѣсню, нестройно подхватывали, но пѣсня быстро, неловко гасла. Водки не хватало, пѣсню смочить. Да сейчасъ не до водки: Яковлевъ хмурый, красные отряды впереди и сзади, отсюда не видать, да чуется, если вдругъ что – сдавать желѣзными клешнями и задавать.

Впереди Заславскій, позади Бусяцкій. Изъ Тобольска выѣзжали – Бусяцкій шель впереди. Помѣнялись. Колоду перетасовали и иначе разложили. Зачѣмъ? Отрядъ Бусяцкаго, поверни голову, было чуть видать на горизонтѣ, среди степей.

– Эй, Сашка, это наши скачутъ! Куда скачутъ?

– Тише! – Люкинъ склонился къ Михаилу съ сѣдла. – Тс-с-с, только никому. Передаю, што знаю, а може, знаю-то невѣрно. Комиссаръ приказалъ арестовать помощника Бусяцкаго.

– Зачѣмъ это?

Ляминъ сдѣлалъ круглые совиные глаза.

– Не понимаешь ни бельмеса. Да чтобы оне не рыпались. Оне у насъ – царей отнять хотять, поняль?

– Какъ отнять?

– Ну такъ, просто. Какъ пирогъ со стола схитить!

Ляминъ вспомнилъ рыбный курникъ Распутиныхъ. И веснушки Маріи, очень близко отъ его глазъ и рта.

– Отбить?

– Ну да. А потомъ, може... дорого, знаешь, запродать!

– Ты болтай, да не забалтывайся. Цари – не ковры и не самовары.

– Эхъ, дурень, да оне дороже алмазовъ таперя! Кругъ ихъ – у-у, какая свистопляска начинацца! Неужели самъ не чуешь! А вишь, у насъ въ отрядѣ рожи новыя? То-то. Энтот комиссаръ спеціально свѣженькихъ набралъ! А кто свѣженькіе-то? А бусяцкіе! Комиссаръ хочеть сводный отрядъ сбить, смекай!

– Смекнуть.

Кони скакали. Телѣги тряслись и кренились. Въ дикой тряскѣ царица все-таки уснула – голову склонила Маріи на плечо, пріоткрыла жалкій впалый ротъ.

– Гузакова комиссаръ хочеть направить тѣмъ отрядомъ командовать.

– А Бусяцкаго онъ куда жъ дѣнетъ? Застрѣлить?

– Тѣфу, да ну ты къ едренѣ фенѣ! Застрѣлить! Энтот будетъ вродѣ какъ его соратникъ! А Гузакову нашъ умница ищот и замѣстителя назначить!

– Ужъ не тебя ли?

– Я ростомъ не вышель! Вродѣ – Чудинова хотять!

– Хм, дѣла... – Ляминъ пощупалъ отросшіе усы. – Побриться бы.

Онъ все время думалъ о томъ пирогѣ. И какъ она, она его ѣла. И, можетъ-быть, облизывала пальцы, вѣдь съ рыбой пирогъ-то былъ.

– Ты не въ столичной цырюльнѣ. Оглядиися, игдѣ мы!

– А Тюмень-то скоро?

– Дыкъ у насъ же съ тобой карты нѣтъ. Да и неучены мы въ ей. Бають – скоро!

...До Тюмени оставалось тридцать-пять верстъ.

* * *

– Вы неспокойны, товарищъ Яковлевъ. Вы тревожитесь. Я же вижу.

– Гражданинъ Романовъ, – размѣренно, раздумчиво сказалъ комиссаръ, а потомъ оглянулся и тихо вымолвилъ: – Дорогой Николай Александровичъ. Вы понимаете, что происходитъ.

Царь провелъ ладонью по бородѣ, сверху внизъ.

– Не совсѣмъ. Вѣрнѣе, я догадываюсь. Но мои догадки могутъ быть, мягко говоря, невѣрными. Фантазіи и жизнь – разныя вещи.

Телѣга ѣхала, вѣтеръ хлесталъ по щекамъ, хвосты коней развѣвались волосяными флагами; пристяжные лукаво и стыдливо отворачивались отъ горделиваго коренника.

– Да, я тревожусь. Насъ всѣхъ могутъ убить.

Николай, противъ ожиданія Яковлева, не ахнулъ, не вскрикнулъ. Чуть поблѣднѣлъ и слабо улыбнулся.

– Я къ этому готовъ ежечасно. Что тутъ удивительнаго?

– Вы правы. Въ смерти давно ничего удивительнаго нѣтъ. Вы такъ насолили Россіи, что люди хотятъ васъ уничтожить во что бы то ни стало. А я...

– Вы насъ спасаете, я понялъ давно.

Отвернулъ воротникъ, грѣль воротникомъ носъ.

Бараньи лопасти царскаго треуха были связаны шнурками на затылкѣ.

На мигъ Яковлеву показалось – у лошадей по десять ногъ, и тридцать ногъ, какъ золотыя живыя спицы, мелькають, несутъ по воздуху возокъ.

– Скоро ли Тюмень?

– Черезъ пару-тройку часовъ, – Яковлевъ чуть не вымолвилъ это опасное: «ваше величество», – совсѣмъ ничего осталось.

– И что въ Тюмени?

Царь старался быть спокойнымъ. И ему это удавалось.

– Мы должны сѣсть на поѣздъ. Вы, – комиссаръ перевель духъ, – должны.

– А вы?

– Вы будете безъ меня скучать? Я разучился шутить. Да нѣтъ, я къ вамъ тоже привыкъ. Я все, все понимаю! Но я...

– Вы подневольный.

– Я на службѣ!

– Вы правы. Простите меня.

Николай вздохнулъ такъ длинно и непрерывно, что Яковлевъ испугался – не разорвутся ли у царя легкія.

...Ляминъ скакалъ рядомъ съ повозкой царя. Онъ не поручился бы, что разобралъ все до слова. Но что не разслышалъ – о томъ догадался. Почему-то его преслѣдовали пронзительные дѣтскіе крики. Крики убиваемыхъ младенцевъ. Они висѣли у него въ ушахъ, залѣпляли дикимъ воскомъ слухъ. Вотъ и разговоръ комиссара и царя, рваный, невнятный, онъ слышалъ сквозь эти крики, эти поросычьи, ребячьи визги. Дѣти кричали, будто ихъ рѣзали. Гдѣ находились эти дѣти, Ляминъ не могъ бы сказать; онъ ихъ не видѣлъ, только слышалъ. «Вотъ я уже и схожу съ ума, немудрено, столько смертей видалъ. А сколько – самъ сотворилъ!» Посмотрѣлъ на свои руки, вцѣпившіяся въ поводья. Руки крѣпкія, косточки, если сжать кулакъ, высоко выдаются, острыми ракушками; пальцы чуть опухли, черезъ правую ладонь летитъ бѣлый узкій шрамъ – это ему по рукѣ саблей рубанули, на войнѣ. Эти, вотъ эти руки убивали. И не медлили, если надо было убить, зарѣзать, выстрѣлить. Все это было для рукъ въ порядкѣ вещей.

Но крики! Отчего они такъ ввинчиваются въ уши, въ мозгъ? Зачѣмъ они?

Все медленнѣй скакали. Все лѣнивѣе двигались. Глядѣли по сторонамъ. Ждали нападенія. Солнце закатилось. Въ небѣ висѣла круглымъ рыжимъ яблокомъ весенняя сумасшедшая, крупная Луна. Вдали высились дома. Этотъ городъ зовется Тюмень. Ощущеніе, что дома пусты, въ нихъ давно никто не живетъ. А люди затаились, прикинулись мертвыми; прикинулись пустотой. Вотъ царь опять и опять спрашиваетъ Яковлева: а мы останемся живы? Яковлевъ ему отвѣчаетъ. Каковъ отвѣтъ, Ляминъ не слышитъ. Его перекрываютъ ужасные дѣтскіе крики. Крики виснутъ надъ головой, залетаютъ впередъ, передъ мордой коня, охватываютъ голову желѣзнымъ колючимъ обручемъ.

Криковъ слишкомъ много, отъ нихъ не отобьешься такъ просто. Крики могутъ убить. Запроси. Надежнѣй револьвера и шашки, сабли и петли.

И Ляминъ зажимаетъ уши ладонями, качаясь на медленно бредущемъ конѣ, и тихо кричить:

– Замолчите!

Тюмень встрѣтила ихъ такъ: кони, кони, и на коняхъ люди, люди. Красные всадники окружили ихъ, взяли въ кольцо, какъ волковъ. Кошевы ѣхали, а красные люди скакали, и такъ добрались до вокзала. Вокзалъ какъ вокзалъ, вездѣ такіе: грязное зданіе, большія окна, ножевой блескъ рельсовъ, змѣиная путаница путей. Вылѣзли сами, сгрузили вещи, шли къ поѣзду, – и вещи грязны, и они грязны, а души, чисты ли онѣ? Тѣсный и грязный вагонъ, запахи гнили и грязи, запахи весны и распутицы, и колеи, въ которой вязнетъ колесо съ расписными спицами, и ржаного хлѣба, что вкуснѣе райскаго яблока. Жесткія и шершавыя, какъ терки, полки сиротяго купэ. Жена внизу, мужъ по-военному бодро вспрыгнувъ наверхъ; легъ на полку животомъ, пряжка ремня вдавилась въ пупокъ, смотрѣлъ на жену сверху внизъ. Онъ ей улыбался напрасно: она закрыла глаза. Дочь и комнатная дѣвушка лежали на полкахъ напротивъ, и Марія блаженно выстанывала: о, какъ хорошо вытянуть ноги! А онъ, отецъ, даже не стащилъ сапоги. Слѣзть, что ли, и снять?

Поѣздъ еще стоялъ, когда Ляминъ подошелъ къ Яковлеву.

– Товарищъ Василій. Вода тутъ есть? Воды бы попить.

– На, пей.

Яковлевъ сдернулъ съ пояса флягу. Ляминъ отвинтилъ пробку. Поднесъ сначала къ носу. Нюхнулъ.

– Какая жь это вода.

– Пей, говорятъ.

Глотнулъ. Коньякъ огненнымъ комомъ покатился черезъ зубы въ глотку и краснымъ огнемъ залилъ потроха.

– Экій крѣпкій.

По всему вагону располагались, гудѣли бойцы.

– А скоро тронемся-то?

Ляминъ отдалъ флягу. Съ тоской поглядѣлъ на нее.

Яковлевъ засмѣялся.

– Еще хочешь?

– Да хоть бы весь выпилъ. Неудобно.

– Да пей, не жалко мнѣ.

Глоталъ, и стыдился, и уши алѣли, и бойцы, завидуя, въ спину глядѣли; и пробѣжалъ по вагону проводникъ съ желтой снулой рыбой отѣздного сигнального флажка. Марія лежала на верхней полкѣ. Дверь купѣ была открыта. Она видѣла, какъ Ляминъ пьетъ коньякъ изъ чужой фляги. Яковлевъ смотрѣлъ въ окно, его губы радовались, а глаза наливались злой чернотой.

Царь уже сидѣлъ на нижней полкѣ, рядомъ съ сомкнувшей вѣки, блѣдной женой, и съ трудомъ снималъ сапоги. Снялъ, пошевелилъ ногами, онѣ затекли и запарились въ портянкахъ, и почистилъ съ юбки царицы налипшую чернымъ медомъ грязь.

* * *

Домъ Свободы жилъ по расписанію – точно такъ же, какъ до отѣзда царя, царицы и Маріи. Вставали рано, къ девяти утра собирались къ большому столу на скудный завтракъ. Потомъ великія княжны занимались чѣмъ хотѣли; читали, вязали, вышивали, играли въ шахматы съ цесаревичемъ, – а Пашка въ это время мыла на кухнѣ посуду: помогала кухоннымъ бабамъ.

Караулъ карауломъ, и посуда посудой. Двухъ поварихъ разсчитали, одинъ Харитоновъ остался; ему подмога нужна.

...не только въ этомъ дѣло было. Она хотѣла, чтобы руки ея все время были заняты.

Когда руки мыли тарелки, протирали полотенцами чашки, – голова переставала думать, и дышать становилось чуть легче.

Теперь Пашка понимала, почему бабы поютъ, когда стряпаютъ; мурлычутъ, когда полощутъ бѣлье. Онѣ въ это время нисколько не думаютъ. Бездумная, пустая голова преисполняется небесной легкости, ангельской кротости.

Мыльной рукой зажимала себѣ ротъ, сотрясаясь въ грубомъ смѣхѣ надъ кухонной лоханью съ горячей водой.

Это она-то – кроткій ангель?! Ангела такого – еще поискать!

...Пашка, сколько жь тобой убито...

...а сколько – тобой спасено...

Все равно. Слышишь, все равно. Теперь уже все равно, и нѣтъ спасенья, а есть гора тарелокъ, и голодный на конюшнѣ конь, ждетъ овса, и голодные по бабамъ солдаты, на нее глядятъ и глазами ѣдятъ; а она опять и опять думаетъ объ этомъ проклятомъ рыжемъ, бѣшеномъ солдатишкѣ, а изъ мыслей – ни отбивную, ни голубецъ, ни рассыпчатую кашу не сдѣлаешь.

Волной, стѣной вставала давняя ночь, и широкая сѣверная рѣка, блескъ черной воды, сколы крупнаго перваго, тонкаго льда, Зимній дворецъ, озаренный дикими огнями, – то красногвардейцы жгли вокругъ дворца костры; пачка папирозъ «Тары-бары» въ карманѣ, и она, солдатъ, все тискаетъ ихъ, сминаетъ, сжимаетъ, а потомъ зло, рывкомъ вытаскиваетъ, вынимаетъ папиросу и курить.

У нихъ – костры, а у нея – свой огонь. Маленькій, малый.

Кто къ ней тогда подошелъ и закурить попросилъ? Многіе – подходили, видя, какъ курить она.

...ни солдатъ, ни офицеръ, кому теперь нужны твои серебряные, а можетъ, нищіе латунные Георгіи. Ты – просто жалкая баба, не отрядъ, не рота и не полкъ, и не дивизія, и не армія. Тебѣ потребна посуда на кухнѣ, и пирогъ въ печи, и картошка въ мундирахъ въ кипящемъ чанѣ. Ты баба, и что ты о себѣ возомнила! Ну и что, что ты многихъ убила!

Ты – убила многихъ, а онъ – убилъ тебя...

...любовью своею ошалѣлой, глупой, дрянной.
...какая сейчасъ любовь, окстись, когда всюду кровь.
И смерть. И землю, землю спасать надо, не себя.

Руки тупо возили тряпкой по блюдамъ и блюдамъ, по супницамъ и салатницамъ. Въ супницѣ давеча булькалъ солдатскій гороховый супъ, въ салатницу вмѣсто салата давно уже клали тонко нарѣзанный ржаной хлѣбъ. И великія княжны брали куски нѣжно, испуганно подносили ко рту, откусывали мелко, мышино жевали – экономили. Пусть лучше остатки хлѣба уберутъ въ шкафъ. На ужинъ – хватить.

Стояла въ караулѣ. Задавала кормъ коню. Опять шла на кухню и мыла посуду.

Мыла, полоскала въ горячей водѣ свои большія, крѣпкія, красивыя руки.

Подходила къ зеркалу, брала ножницы: себя стричь.

Взмахивала ножницами, онѣ холодно клацали, Пашка оттяпывала себѣ на затылкѣ прядь за прядью, больно тянула пальцами свои густые сивые, съ прожилками темнаго золота, волосы, – и круглѣла, оголялась голова, становилась смѣшной и беззащитной, а потомъ вдругъ – боевой, бойцовой, будто бы она была боксеръ на рингѣ, да покамѣсть безъ кровоподтековъ на лицѣ; и вдругъ голова отрывалась отъ туловища, катилась въ зеркалѣ деревяннымъ шаромъ, укатывалась далеко, подъ шкафъ, перекатывалась черезъ порогъ и со стукомъ катилась внизъ по каменной лѣстницѣ, – а безголовая Пашка стояла въ зеркалѣ, а настоящая Пашка видѣла и слышала все это, и губы ея кривили страшный смѣхъ, и она громко, зло лязгала ножницами, чтобы вернуть голову на плечи, а себѣ – разсудокъ.

Выстригала короткую челку, съ грохотомъ роняла ножницы на полъ.

Въ сосѣдней комнатѣ отъ этого грохота вздрагивали цесаревны.

Пашка поднимала ножницы, проводила ихъ лезвіями себѣ по горлу.

Уже въ голосъ хохотала и бросала сама себѣ, въ засиженное мухами зеркало, презрительно:

– Тифозная прическа.

...Она словомъ не перемолвилась съ великими княжнами послѣ отъѣзда ихъ родителей и сестры. А о чемъ было говорить? Ей – съ ними? Ей онѣ были противны, омерзительны даже, какъ противна приторная сладость или густая, слоями, соль человѣку, умирающему отъ жажды.

Она видѣла въ нихъ мѣръ, что жестоко пригибаль книзу, билъ по головѣ, разстрѣливалъ навылеть – въ грудь – ея мѣръ; и двумъ мірамъ этимъ было не жить вмѣстѣ на свѣтѣ.

Ночами Пашка видѣла во снѣ Михаила. Просыпалась – на подушкѣ сырыя пятна.

Она ненавидѣла себя за эти слезы.

* * *

Ляминъ стоялъ въ вагонномъ коридорѣ. Яковлевъ сказалъ ему, какъ псу: стереги.

Онъ, за долгіе годы войны, научился такъ быстро сдергивать винтовку съ плеча, если что, и взводить затворъ, что тотъ, кто напротивъ, врагъ, не успѣвалъ понять, что происходитъ, – пуля уже уходила вглубь чужого тѣла.

«А ну какъ остановимся на какомъ полустанкѣ, и полѣзутъ».

«Да кому тутъ лѣзть! Идетъ себѣ поѣздъ и идетъ».

«Бываютъ и остановки. Насъ навѣрняка гдѣ-то ждутъ. Яковлевъ сказалъ – опасень каждый кустъ».

Весь вечеръ семья и слуги спали: натряслись досыта въ кошевахъ. Такъ и ушли въ ночь, спящіе сладко и горько. Составъ перестукнулъ колесами и всталъ – Лямину показалось, въ чистомъ полѣ. Высунулся въ открытое окно. Нѣтъ, разѣздъ. Онъ поймалъ глазами бѣгушаго вдоль вагоновъ Яковлева. Комиссаръ бѣжалъ къ паровозу.

Дверь въ купэ царей чуть приоткрыта. Царь храпитъ, царица спитъ тихо. А можетъ, не спитъ; ея рука лежитъ у нея на лбу. Опять болитъ голова. Поѣздъ тронулся.

«Вродѣ бы ѣхали въ одну сторону, а сейчасъ двинулись въ другую».

«Тебѣ чудится. Придумываешь все».

«Нѣтъ, нельзя ошибиться. Обрато шпаримъ».

«Да брось! Тутъ просто разѣздъ такой! Разошлись пути...»

Ляминъ понялъ: все равно ѣдутъ обратно.

Онъ понялъ по звѣздамъ.

Ѣхали на западъ, а сейчасъ мчатъ на востокъ.

– Куда мчимся?

Авдеевъ стоялъ передъ Яковлевымъ и прокалывалъ его глазами.

Яковлевъ спокойно вынималъ изъ коробки папиросу.

- Не закуриваль; въ пальцахъ мяль.
 – Не кипятись, товарищъ. Пойми.
 – Не понимаю! Объясните!
 – Мнѣ передали, что въ дорогѣ на насъ нападутъ.
 – Идемъ на Омскъ! И – съ потушенными огнями!
 – Я боюсь ѣхать въ Екатеринбургъ по старой дорогѣ. Надо въ объѣздъ.
 – Черезъ Омскъ?!
 – Черезъ Омскъ. Чѣмъ Омскъ хуже любой другой станціи?
 – Ничѣмъ! Но я не вѣрю вамъ.
 – Въ какомъ смыслѣ?
 – Въ прямомъ. Вы врите мнѣ!
 – Побожиться? Или поклясться краснымъ знаменемъ!
 – Ого, да вы умѣете издѣваться, товарищъ комиссаръ.
 Яковлевъ вытащилъ спички и долго чиркалъ спичкой.
 – Зажигалка приказала долго жить, – сказали весело, извиняющимся голосомъ.

...Цари проснулись. Умылись изъ кружки надъ миской: у Маріи въ сумкѣ была припасена большая бутылка съ водой и кружка, еще въ Покровскомъ запаслась. Старуха хрустѣла суставами пальцевъ. Марія намочила носовой платокъ и положила ей на лобъ. Царь теръ переносицу, пытался разсмотрѣть мелькающія названія станцій. Машинька, мнѣ кажется, мы ѣдемъ на Омскъ, или мнѣ чудится? Папа, и правда! Ты правъ, мы ѣдемъ на востокъ! Смотрите-ка, солнце-то гдѣ!

Прислоняли носы, лбы къ стеклу и жадно глядѣли на льющійся сквозь пласть мороза чистый свѣтъ. Вѣрно, на востокъ! Солнце выкатывалось яйцомъ на синій яркій коверъ небесной кошеры. Съ воскресеньемъ васъ, родные! А куда насъ везутъ? Въ Омскъ? А потомъ? Куда насъ потомъ повезутъ? Въ Москву? Яковлева надо спросить! Онъ все равно тебѣ ничего не скажетъ, доченька. Ему запрещено. И всѣмъ запрещено, всѣмъ краснымъ комиссарамъ; имъ дано заданіе, и они его выполняютъ, и молчатъ про него. Но это же безчеловѣчно! Мы же тоже люди! Это только безсловесныхъ лошадей возятъ въ скотыихъ вагонахъ, и онѣ молчатъ и ничего не спрашиваютъ, потому что – лошади!

– Машинька, мы не лошади, да. Но мы не имѣемъ права ихъ трясти: скажите да скажите. Сами скажутъ, когда надо.

- Папа! О чемъ ты говоришь! Это ты... ты же...
 – Дитя мое, пойми: я уже не царь.
 – Нѣтъ! Ты царь!

Выбѣгала изъ купѣ въ коридоръ. Царица возила мокрымъ платкомъ по лбу въ сѣткѣ морщинъ.

- Побѣжала плакать. Зачѣмъ ты такъ ей сказала!
 – Потому что это правда.
 – Но ей не все равно, кто ты! Ты для нея всегда будешь царемъ!

Николай усмѣхнулся уже открыто, не щадя жену.

– Я – никто. И ты объ этомъ знаешь лучше всѣхъ. Но мнѣ... – помедлилъ. Поглядѣлъ въ окно. – Все равно.

...Бойцы сидѣли на полкахъ, кто въ сапогахъ, кто безъ сапогъ, вытягивали ноги, разматывали портянки, курили въ открытое окно. Воззрились на дѣвушку въ сѣромъ дорожномъ платьѣ съ бѣлымъ гимназическимъ воротникомъ; дѣвушка стояла рядомъ съ ними, смотрѣла, что они дѣлаютъ, и не боялась, и не стѣснялась. Ея глаза смѣялись. У нея широкія скулы и крѣпкая гордая шея; сильными руками она держится, чтобы не упасть – вагонъ шатаетъ, – за мѣдную, красную ручку вагонной двери.

– Доброе утро, товарищи солдаты!

– Ишь ты, царская дочь, – Сашка Люкинъ свистнулъ нахально, будто подзывалъ собаку, – и не стѣсняца! А ну кышь, пошла отсюда!

Андрусевичъ ткнулъ Люкина въ бокъ кулакомъ.

– Заткнись, рыло. Это жъ наша Маша!

И всѣ бойцы дружно загалдѣли:

- Маша, Маша!
 – Здравствуй, Маша!
 – Здравсте, Марья Николавна...
 – Вашъ папаша не такъ съ нами здоровался!
 – А какъ онъ здоровался?
 – Здравія желаю, вотъ какъ!

Марія улыбалась, слушая эти слова. Вытянулась во фрунтъ. Сдвинула сапожки.

Вздернула крѣпкій и круглый, какъ яблоко, подбородокъ.

– Здравія желаю, товарищи солдаты!

Бойцы зачастили, посыпали быстро, четко, разноголосо:

– Здра... жла... здра... жла!..

И потомъ кто-то, въ разорвавшуюся крикливую ткань, въ дыру молчанья, бросилъ:

– Товарищъ царевна!

И всѣ захохотали такъ густо, плотно и такъ громко, что Марія, сама хохоча, заткнула уши.

Утихли. Марія искала глазами. Лямина среди бойцовъ не было.

– А что у васъ, солдаты, окна занавѣшены?

– Солнце дыкъ въ глаза бьетъ, барышня!

– Вреть онъ все. Приказъ мы получили. Окна завѣсить, штобъ не видать было, кто тутъ ѣдетъ.

– Самъ комиссаръ Яковлевъ приказъ отдалъ!

– А у васъ, Марья Николавна, крестикъ на груди православный? А то намъ тутъ говорили, вы нѣмка.

Марія, не задумываясь, разстегнула пуговицу на воротникѣ. Распахнула воротникъ. Солдаты жадно бросили туда, подъ нѣжный подбородокъ, на бѣлую молочную шею, за ухо, за крутящуюся живую шелковую прядь, свои голодные глаза и мысли.

Она вынула своими сильными теплыми пальцами цѣпочку изъ-подъ воротника и исподней рубашки, выпростала крестъ. Бойцы смотрѣли на крестъ. Настала тишина. Только колеса неистово стучали – подъ ногами, подъ несущимся прочь отъ прошлаго вагоннымъ желѣзомъ.

– Нашъ вродѣ... – раздался слабый прокуренный голосъ.

И тутъ дверь раскрылась, и въ отдѣленіе бойцовъ вошелъ Ляминъ.

...Онъ сразу увидѣлъ и нагую шею Маріи, и ея распахнутый воротъ, и жадные, волчьи глаза красноармейцевъ. Не понялъ, что происходитъ; но понялъ опасность. И видѣлъ золотую блесну креста въ ея пальцахъ.

«Снимають. Снять золотой крестъ приказали! Грабятъ. Я имъ!»

Двумя шагами достигъ Маріи. Развелъ руки въ стороны, отталкивая лбы, щеки, макушки, плечи бойцовъ.

– Не троньте ее!

Закричалъ такъ – стекла изъ вагонныхъ оконъ чуть не повывлетѣли.

– Да ну тебя, Мишка, што ты такъ блажишь-то... никто ее тутъ не укуситъ...

Марія смотрѣла на широкую спину Лямина. Спина была слишкомъ близко. Она чуть не утыкалась въ нее носомъ.

Михаилъ чувствовалъ ея близость.

– Мишка! Злючій ты какой! Да мы тута просто балакали... попросту... царевна, а простая...

– Мишкъ, да мы вить Марью Николавну-то... полюбили...

– Очень даже! Любимъ!

– А ты, видать, тоже...

– Какъ защищать-то! Какъ пѣтухъ курицу...

– А игдѣ яво Прасковья?

– А у своимъ закуткѣ. У Тобольску. Ей – комиссаръ отдѣлну залу предоставилъ.

– Правильно, принимай кого хочю...

На плечо Лямина легла легкая рука, и онъ рѣзко, съ шумомъ, выдохнулъ.

И, не оборачиваясь къ Маріи, шагнулъ впередъ и сѣлъ на полку.

Солдаты стояли, сидѣли, смѣялись, острили, подзуживали. Онъ не слушалъ и – не слышалъ. Ему нужно было отдышаться. И – спросить ее.

Не оборачиваясь, спросилъ – она все еще стояла за его спиной:

– Ты имъ... зачѣмъ – крестикъ показывала?

Вотъ теперъ она обогнула его и встала передъ нимъ. Лицо ея было веселое, румяное, радостное, свѣжее. По всему было видно – она выспалась, отдохнула. И ее радовало то, что они ѣдутъ не на западъ, а на востокъ. И радовали эти солдаты, они такъ благожелательно къ ней относились, они сегодня привѣтствовали ее, какъ полководца, генерала... какъ ея отца. Ее радовало все; и этотъ молодой солдатъ, этотъ Михаилъ, она чувствовала, что онъ неспроста тянется къ ней, но приказывала себѣ по-военному – не думать! не гадать! не открывать ничего себѣ и не открываться ему! – и это было лучше всего: это была тайна, и ее надо было лелѣять и улыбаться надъ ней, какъ надъ рождественскимъ подаркомъ подъ подушкой. Дѣтство летало такъ рядомъ. У него еще были крылья, и оно еще пѣло. А этотъ солдатъ, онъ такой рыжий, а въ рыжинѣ – сѣдина, онъ говорилъ ей, онъ былъ на войнѣ, на западномъ фронтѣ, онъ билъ нѣмцевъ, и онъ остался живъ. Немного сильнѣе бьется сердце,

когда по ней вдруг хлестнуть его глаза, но это ничего; это просто у нея такое чувствительное сердечко, а надо быть ледяной, как Ольга, или хулиганкой, как Настя. Или – лучше всего – разумницей, как Тата. Она ни то, ни другое, ни третье. Она... слишком живая...

...вдруг ощутила себя живой птицей, живым нѣжным комкомъ въ этой большой, крѣпкой и твердой, как лопата, мужской ладони. Ощутила себя – внутри мужицкой крѣпкой силы – какъ внутри бури – былинкой, голой, на вѣтру, вѣткой.

...и это было такъ чисто, такъ правильно и сладко. И такъ никогда еще не было.

– Они попросили.

– По кой?

– Хотѣли узнать, не нѣмка ли я.

И засмѣялась.

Михаиль растерялся.

– Нѣмка? При чемъ тутъ...

– Ну, они говорятъ, что у насъ нѣмецкая семья. Что папа – нѣмецъ, мама – нѣмка, а мы всѣ – русскіе. И смѣются.

– А ты-то что смѣешься?

– Весело мнѣ. А ты что грустный?

Солдатское мазутное, потное море вокругъ нихъ колыхалось, качало ихъ на волнахъ, составъ гремѣлъ и рубилъ чернымъ топоромъ паровоза боль и тоску пути, отрубалъ – кусокъ за кускомъ – время, разрѣзалъ дорогу на-двое: на пройденную и непройденную. А они оба стояли посрединѣ. Нигдѣ. И ѣхали въ никуда.

– А я развѣ грустный?

Они не слышали криковъ и смѣшковъ. Ихъ трогали, они не ощущали. Среди людей они были одни. Имъ было все равно, гдѣ они – въ поѣздѣ, въ домѣ, на землѣ, въ небѣ. Они мчались между небомъ и землей, ихъ несли и качали страшныя желѣзныя колеса и селечочно блестящія, безсмертныя рельсы, а они стояли и не падали, хоть держаться было уже не за что.

Вокругъ нихъ вился дымъ, звякало оружіе, сверкали въ улыбкахъ зубы, мелькали красныя ленты на рукавахъ и папахъ, отваливалась грязь съ сапогъ, – а они все стояли и глядѣли другъ на друга, и времени на самомъ дѣлѣ прошло ничтожно мало, какая-нибудь минута, другая, а имъ казалось: сто лѣтъ.

* * *

Ночь и огни. Безымянный развѣздъ, и будка сторожа, какъ въ черномъ яйцѣ – уродливый, жалкій зародышъ золотого дворца.

Яковлевъ не спалъ. Онъ не спалъ которую уже ночь. Ночи перестали быть для сна. Онѣ остались для прислушиванья, опасеній, тревоги, для холода нагана въ крѣпко сжатой рукѣ.

Поэтому уши такъ быстро поймали топотъ шаговъ по перрону.

Еще не вбѣжали въ вагонъ, еще никто не выкрикнулъ его фамилію, – а онъ уже зналъ, что произойдетъ.

– Комиссаръ Яковлевъ тутъ?!

– Я! – сказала Яковлевъ, выходя изъ купѣ.

Послушалъ. Въ купѣ царя тишина.

По вагону бѣжалъ почтовый работникъ. Въ рукѣ сжималъ бумагу.

– Комиссаръ Яковлевъ, телеграмма вамъ! Распишитесь! Что это вы получили! А то меня убьютъ на почтѣ!

– Тебя все равно убьютъ, – беззвучно бормотнулъ Яковлевъ, ставя подпись подсунутымъ карандашомъ.

А громко сказалъ:

– Спасибо! Можете итти!

Работникъ, сутулый паренъ съ громадными плечищами и маленькой, какъ неспѣлая тыковка, головенкой ссутулился еще больше и глянулъ котенкомъ, исподлобья.

– А то подожду? Вдругъ вы сразу и отвѣтите!

– А что? – Яковлевъ сдѣлалъ видъ, что задумался. – Это вѣрно!

– Вы прочитайте, потомъ продиктуйте, я запишу.

Комиссаръ разорвалъ ленту, которой была заклеена телеграмма.

«КОМИССАРЪ ЯКОВЛЕВЪ ИЗМѢНИКЪ РЕВОЛЮЦІИ ТЧК ЕГО ЖЕЛАНІЕ ВЫВЕЗТИ ЦАРЯ ИЗЪ ПРЕДѢЛОВЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО УРАЛА СТАВИТЬ ЕГО ВНѢ РЯДОВЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ ТЧК ВЪ ОТНОШЕНІИ КОМИССАРА ЯКОВЛЕВА РАЗРѢШЕНО ПРИНИМАТЬ ЭКСТРЕННЫЯ МѢРЫ ЗПТ ВКЛЮЧАЯ ВООРУЖЕННУЮ СИЛУ ЗПТ ДЛЯ ОСТАНОВКИ ПОѢЗДА ТЧК КОМИССАРА ЯКОВЛЕВА АРЕСТОВАТЬ И

ДОСТАВИТЬ ВМѢСТѢ СЪ ГРАЖДАНИНОМЪ РОМАНОВЫМЪ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ЕКАТЕРИНБУРГЪ ТЧК ПОДПИСЬ КОМИССАРЪ ФИЛИППЪ ГОЛОЩЕКИНЪ»

Щека Яковлева дрогнула, будто онъ брился и неловко порѣзаль ее острымъ лезвіемъ.

– Такъ. Я прочиталь.

Тыквоголовый почтарь молча ждалъ, уже вынувъ карандашъ и прислонивъ листокъ бумаги къ стѣнѣ вагона.

Яковлевъ, глядя въ одну точку – въ грязное пятно на оклеенной полосатыми обоями вагонной стѣнѣ, диктоваль:

– Комиссару Филиппу Голощекину, въ Екатеринбургъ. Уважаемый товарищъ Голощекинъ!

«ГОЛОЩЕКИНЪ ВСКЛ», – карябалъ по бумагѣ почтарь.

– Считаю полученную отъ васъ телеграмму полнымъ бредомъ! Я революціонеръ и стою подъ знаменемъ революціи! Судьбу гражданина Романова и его семьи мы обсуждали вмѣстѣ съ руководителями Совѣтскаго государства! Я уполномоченъ выполнять только приказы товарищей Ленина и Свердлова и никого другого!

– Какъ вы кричите...

Почтарь записываль быстро, время отъ времени слюнявя карандашъ.

– Я не подчинюсь рѣшенію объ арестѣ!

«...АРЕСТЪ ВСКЛ», – строчиль почтарь.

– Я буду отстрѣливаться! Чрезвычайный уполномоченный ВЦИК комиссаръ Василій Яковлевъ!

«ЯКОВЛЕВЪ ВСКЛ», – послушно писалъ сутулый почтарь.

Изъ отдѣленія красныхъ бойцовъ, въ хвостѣ вагона, стали высовываться всклокоченныя, сонныя головы.

– Все?

– Все!

Почтарь, втянувъ въ плечи тыквенную голову, жукомъ побѣжалъ по вагону и выбѣжалъ изъ поѣзда, когда онъ уже трогался.

Яковлевъ крупными бѣшеными шагами достигъ купэ Авдеева. Грубо потянулъ дверь. Она сухо, выстрѣломъ, хлопнула.

– Это что?! Что они всѣ у васъ, въ этомъ вашемъ поганомъ Екатеринбургѣ, съ ума спятили?!

Авдеевъ сидѣлъ у окна. О снѣ и помину не было. Одѣтъ, обутъ. Оружіе на боку. Готовился.

Онъ спокойно обернулъ къ Яковлеву голову.

– Вы кричите, значить, вы неправы.

– Я – не правъ?! Это Ленинъ – не правъ?!

На лицѣ Авдеева Яковлевъ читаль радость, торжество.

– Вы думаете, вы меня обманули?! Вы – себя обманули!

– Я подчиняюсь приказу Голощекина.

– А я – телеграфирую Ленину въ Кремль!

– Вы не успѣете.

Составъ набираль ходъ, все громче и безповоротнѣй стучали колеса.

* * *

Михаилъ стоялъ крѣпко, напряживъ ноги; вагонъ колыхало. «Шатаетъ, будто корабль въ океанѣ. Вотъ-вотъ перевернетъ. Ну и рельсы! Кривые, что ли».

Одной рукой держался за поручень, другой чесаль носъ. «Къ чему носъ чешется? Къ выпивкѣ. А ладонь тогда къ чему? Тоже вродѣ къ выпивкѣ. А – ухо? Да все оно, чортъ дери, къ выпивкѣ».

Поѣздъ все замедляль, замедляль ходъ. Лѣнливо перестукиваль колесами. Ляминъ дышалъ съ трудомъ. «Вродѣ и не накурено, а до того томно. И холодно, не тепло. Пахнетъ мазутомъ. Устали всѣ какъ, донельзя, въ этой желѣзной мышеловкѣ».

Прищурился, глядѣль въ мельканіе рельсовъ, вѣтокъ, фонарей. Мысли давно уже не текли, а рвались. Одинъ лоскутъ, другой. Обрывки не сошьешь. Куда ѣдутъ? Зачѣмъ? Вродѣ впередъ ѣхали. А теперь назадъ. Пути помѣняли? Или, опять же, рельсы кривые?

Онъ стоялъ какъ-разъ напротивъ купэ царя, царицы и Маріи. Дверь слегка отъѣхала, и сердце превратилось въ послушнаго зайца. Заяцъ подняль лапки, сидѣль и ждалъ.

Не дождался. Дверь захлопнулась плотно, притерто. Зеркально блестя любовно отполированное дерево. «Поручни серебромъ обиты. Роскошь, роскошь. Всюду роскошь. А народъ всю жизнь очистки, оглодки жраль. Вы теперь – ржаного черстваго съ народомъ

погрызите!»

Нарочно злилъ себя, науськивалъ: ненавидь, презирай. Тамъ, за дверью, ѳхала, глядѣла въ окно, отщипывала тонкими пальцами отъ чернаго хлѣба птичьи кусочки, расчесывала густые темные волосы дѣвочка, которую можно ему было видѣть и сквозь закрытыя двери.

Изъ купэ рядомъ вышелъ комиссаръ Яковлевъ. Шагнулъ къ Лямину. Похожимъ жестомъ вцѣпился въ поручень.

Ляминъ, какъ на добытаго на охотѣ, со связанными передними и задними лапами, и палка – сквозь зубы пропущена, стараго обреченнаго волка, глядѣлъ на него.

Ляминъ сегодня былъ – сильнѣе.

Ляминъ былъ – народъ.

Хотя Яковлевъ вродѣ бы и тоже былъ народъ; и еще какой народъ. Низы видѣлъ, битые видѣлъ, голодь, нищету. А вотъ сегодня, Ляминъ всей кожей чувствовалъ это, Яковлевъ былъ никакой не народъ. А вотъ онъ, Мишка, – народъ.

А почему? Ляминъ ощущалъ – отъ Яковлева идетъ неслышный токъ жалости, желанія спасти и охранить ихъ. Царей. Надоѳвший до смерти грузъ. Да, спасти; можетъ-быть, пересадить на другой паровозъ и приказать машинисту: «Шпарь по Транссибиркѣ, да прямо до самага Владивостока!» И – стволь къ виску. Любой помчится.

«Неужели онъ такъ хочетъ? Все мои выдумки».

– Куда ѳдемъ-то, командиръ?

Старался, чтобы голосъ звучалъ равнодушно. Ноздри звѣреть раздувалъ.

Яковлевъ вродѣ на него смотрѣлъ и вродѣ не на него. Такъ медленно, въ сторону уплывалъ его косящій взглядъ. Снялъ фуражку, пригладилъ гушину черныхъ бѣшеныхъ вихровъ.

– Какъ куда? Въ Екатеринбургъ. Маршрутъ не мѣняли.

– А! Ясно. А то мнѣ показалось.

– Что тебѣ показалось?

«Вздернулся. Не можетъ скрыть тревоги».

Ляминъ широко улыбнулся. Неулыбчатые его глаза продолжали сторожко, и правда какъ за звѣреть, слѣдить за Яковлевымъ.

– Да ничего такого. Что мы обратно ѳдемъ. На востокъ.

Комиссаръ молчалъ, и Ляминъ шагнулъ къ нему и придвинулъ лицо къ его лицу.

– На востокъ, – тихо и жестко вымолвилъ, – слышишь?

Фонарь мелькнулъ и высвѣтилъ бѣлое, будто мѣломъ обмазанное лицо Яковлева. Ляминъ заглянулъ подъ его набрякшія вѣки, и изъ комиссаровыхъ зрачковъ на него пахнула черная, дымная пустота.

– Слышу.

Теперь Яковлевъ подался впередъ. Колочая протабаченная щека касалась другой колочей прокуренной щеки. Составъ тряхануло, и Михаилъ обѣими руками впился въ осеребренный поручень.

– Ну слушай ты. Мы ѳдемъ въ Омскъ.

– Такъ я и...

Чуть не стукнулъ себя кулакомъ по колѣну. Яковлевъ поймалъ его руку и крѣпко приложилъ табачные пальцы къ его рту. Подъ губами Лямина вздувался старый комиссаровъ шрамъ: прострѣленная ладонь была сведена жилистой уродливой контрактурой.

– Никакихъ криковъ и аховъ. Тутъ команду ю. Вѣрнѣе, товарищъ Свердловъ. А еще вѣрнѣе – товарищъ Ленинъ. Понялъ?

– Такъ точно.

– Скоро станція Люблинская. Я остановлю поѳздъ. Я одинъ поѳду въ Омскъ. Мнѣ надо поѳхать въ Омскъ. Вы всѣ будете тутъ ждать меня, – окинулъ Лямина съ темечка до голенищъ злымъ и острымъ взглядомъ. – Пока я не вернусь.

Ляминъ отодвинулъ голову. Закрылъ глаза. Кровь въ ухахъ стучала.

Не слышалъ свой голосъ, спросилъ:

– А на кой вамъ одному въ Омскъ? Васъ тамъ стрѣльнуть. Къ гадалкѣ не ходи.

– Я поѳду не одинъ. Съ телеграфистомъ.

– А, понятное дѣло.

Стояли, качались, молчали. Яковлевъ разлѣпилъ губы.

– Ты будешь за старшаго, пока меня не будетъ.

– Я?

Ляминъ округлил глаза.

– Не корчъ рожи. Ты не обезьяна. Просто у меня... – Яковлевъ двинулъ кадыкомъ. – Никого тутъ больше нѣтъ.

– А... Гузаковъ? А Мерзляковъ?

– Гузаковъ будетъ командовать поѣздомъ. Ты – людьми. Мерзлякова твоего къ чорту.

«Такой одинокій волкъ. Черный волкъ. Пристрѣлять его, за первымъ же угломъ, на этомъ же омскомъ вокзалѣ».

– Развѣдка донесла, что... На вокзалѣ море народу. На рельсахъ, начиная отъ пригородныхъ станцій, – народъ. Онъ плохо настроенъ. На убійство. Не только царей, но и... насъ всѣхъ. Ты понялъ? Всѣхъ насъ.

– Куда ужъ яснѣй.

Тоже сглотнуль, густо, царапая горькой слюной, какъ наждакомъ, вмигъ осушенную волненіемъ глотку.

– Такъ-то.

– А скоро Люблинская?

– Да черезъ десять минутъ. Рядомъ мы. Все. Прощай.

Яковлевъ огладилъ на боку кобуру, какъ башку норовистой лошади, и, не оглядываясь, пошелъ впередъ по вагону, даже не цѣпляясь ладонями за двери и поручни. Твердо и тяжело.

Ляминъ потеръ ладонью о колючій подбородокъ. «Скоро стану бородатый козель. А кто мнѣ бритву тутъ дастъ? Царь-государь? Ему-то хорошо, борода и усы, какъ у митрополита. А что, ему бы святымъ отцомъ стать пошло бѣ. Исповѣди бы у насъ принималъ... причащаль бѣ».

«Ха! Причащаль! Его самого, и всѣхъ его клушекъ, скоро – кровью причастятъ».

«А можетъ, улизнетъ».

«Яковлевъ поможетъ?! Да Яковлева самого сейчасъ...»

Составъ дрогнуль всѣми желѣзными ребрами и рѣзко всталъ. Далеко въ купѣ зазвенѣло: то ли ложка брякнула въ стаканѣ, то ли зеркало разбилось.

...Онъ пробрался въ тамбуръ и выглянулъ въ дверь. Валилъ снѣгъ съ дождемъ. Мокрый снѣгъ залѣплялъ вагонныя окна, заваливалъ пути. Рельсы извивались синими змѣями, изгибались не хуже худыхъ танцовщицъ варьете. Ляминъ смотрѣлъ въ спину Яковлеву. Комиссаръ быстро, осанисто шель по перрону. За нимъ смѣшно, по-бабьи сѣменилъ телеграфистъ Ѡдеевъ. «Вотъ мужикъ комиссаръ, ничего не боится. Разбойникъ! Или половумный. Скорѣе спятъ. Или очень усталъ. И хочеть, чтобы – скорѣе». Впереди маячилъ мость. Ляминъ сощурился сильнѣе. Глядѣлъ въ лезвийныя щелки. Всѣ рельсы, всѣ пути, перегоны, перроны были усѣяны вооруженными людьми. Всѣ одѣты въ черное и похожи на таракановъ. Въ вечерней тьмѣ приклады винтовокъ глядѣлись бѣлыми, желтыми крупными рыбами. Люди колыхались и молчали. Молчали и колыхались. Перетаптывались. Ежились подъ хлещущими мокрыми веревками густого снѣга. Снѣгъ лѣпилъ и залѣплялъ стекла моторовъ, окна состава, телячьи вагоны, черные паровозы съ ярко-красными кровавыми колесами. Лямину стало страшно. Онъ вдругъ увидѣлъ: смерть – черная и тяжелая, чугунная, прямоугольная, надъ ней цилиндръ трубы, изъ трубы валитъ сажа, черный дымъ, сажевые хлопья летять по вѣтру, по забитой злыми людьми сырой ночи. Смерть гудитъ и трогается съ мѣста, и разгоняется, и ѣдетъ впередъ. Вращается тяжелое колесо съ густо-алымъ, слѣпящимъ ободомъ. Мелькаютъ поршни. Ускоряютъ ритмъ рычаги. Гудокъ, еще гудокъ, длинный, пронзительный. Смерть радостно гудитъ людямъ: не убѣжите, я ѣду, я настагаю, я тутъ. И сейчасъ, вотъ сейчасъ мое колесо переѣдетъ васъ.

* * *

...Стояли у открытаго въ ночь окна. Курили.

– Ты молодець. Усмотрѣлъ за всѣми.

– А что тутъ хитрого. Всѣ по купѣ сидѣли тихо, какъ мыши. Таились. Я ничего не дѣлалъ, только ходилъ и глядѣлъ.

– Ходилъ и глядѣлъ. Это уже очень много.

Яковлевъ ловилъ губами дымъ, какъ забытое молоко изъ наклоненной крынки.

– А вы тамъ какъ?

– Видишь, живой, стою съ тобой курю.

Смѣхъ не вышелъ у обоихъ. Рыбьей костью въ глоткѣ застрялъ.

– Я машинисту приказалъ отцѣпить паровозъ. Ѡдеевъ присѣдаетъ отъ ужаса. Машинистъ приказываетъ помощнику подбросить въ топку угля. Ѣдемъ. Вотъ оно, пекло. Людей, братъ, столько – я въ жизни столько народищу не видалъ на вокзалѣ. Ѡдеевъ блееть: можетъ, вернемся, пока не поздно? Я смѣюсь. Иду. Онъ за мной, какъ утенокъ за утицей. Я ему: если бѣ я телеграммы самъ могъ отбивать, я бы тебя ни за что съ собой, труса, не взялъ. Сквозь людей не пробраться, такая масса. Каша! Какъ-то они ухитрились разступиться. Мы – какъ сквозь строй движемся, только безъ палокъ. Да у нихъ глаза вмѣсто палокъ. Бьютъ по плечамъ, по спинамъ. Всѣ вооружены. У всѣхъ ружья, карабины, берданки, наганы. У кого-

то даже колья и вилы. А на платформѣ – пушки стоятъ! Пулеметы... Идемъ по узкой тропѣ среди черной толпы. И вдругъ толпа начала вокругъ насъ смыкаться. Все, думаю, это все. Все, прощай, жизнь! А тутъ Ѳадеевъ дѣлаетъ умильную рожу. Кричить: вотъ это встрѣча, мы и не ожидали! Кольцо вокругъ насъ сжимается. Надвигается толпа. Все очень просто: и стрѣлять не надо, подъ ноги себѣ швырнуть и затопчуть, задавятъ. Остановился я. Въ глаза людямъ смотрю. Глазами – ихъ всѣхъ – обвожу.

Искуриль самокрутку до послѣдняго пепла. Отряхнулъ пальцы. Плюнулъ въ ночь.

– Морды звѣрьи. Уже не лица, а рыла. Человѣкъ, когда чувствуетъ добычу, чувствуетъ кровь, себя какъ звѣрь ведетъ. Я самъ охотникъ, я знаю. Тутъ важно опередить звѣря. Взять его на мушку. Звѣрь, когда сильный противъ него стоитъ, – тоже, знаешь, чувствуетъ. Тутъ меня осѣнило. Это точно свыше. Когда смерть рядомъ, тебя можетъ какъ молніей ударить... и вспомнишь то, что было, и чего не было. И кричу: я! Чрезвычайный комиссаръ ВЦИКа Яковлевъ! Мнѣ надо видѣть вашего начальника! Предсѣдателя Омскаго Совѣта товарища Косарева! Звѣри насторожились. Что-то въ воздухѣ надломилось. Гни, гни, я себѣ шепчу, гни, сгибай ихъ, Василий! Тутъ важно дожать, а можно и пережать, горя не будетъ! И голоса доносятся: здѣсь онъ! Тутъ! Я когда это услышалъ... ты не представляешь, Ляминъ, что со мной случилось.

Фонарь выплылъ изъ тьмы и ударилъ мертвеннымъ голубымъ свѣтомъ, сквозь пелену сырого снѣга, имъ въ голодныя лица.

– Все, спасень. Косаревъ мой давній другъ. Я зналъ, что онъ въ Омскѣ. Но я не зналъ, на вокзалѣ онъ или гдѣ. Если бъ его на вокзалѣ не случилось – не балакали бы мы съ тобой теперь. Косаревъ вразвалку ко мнѣ движется. Толпа колышется. Онъ ближе подходитъ, меня разглядываетъ, какъ жука въ коллекціи, и кричить: Антонъ, это ты, что ли?! Ѳадеевъ рядомъ трясется: товарищъ командиръ, а вы развѣ Антонъ? Дуракъ, шепчу, это же партійная кличка. Ляминъ! мы съ Косаревымъ когда-то были... знаешь гдѣ?... не знаешь... на Капри...

Михаилъ растерянно ловилъ зрачками убѣгающіе фонари.

– А что такое Капри?

– Капри – это, братъ, островъ... Въ морѣ. Около Италіи.

– А что такое... Италія?

– Это... – опять смѣхъ хлопотнулъ въ горлѣ и умеръ. – Это такое чудо. Море, горы, оливы. Женщины по воду идутъ и поютъ пѣсни! Абрикосы – въ корзинахъ несутъ... Въ церквяхъ – фрески разноцвѣтныя во всю стѣну... Люди тамъ расслаблены, веселы. Тамъ очень много солнца. И... тамъ нѣтъ революцій, крови, снѣговъ... Мокраго снѣга вотъ – никогда нѣтъ...

– А вы тамъ были, товарищъ командиръ?

– Я тамъ – въ партійной школѣ былъ. У Максима Горькаго. Знаешь, кто такой?

– Знаю. Слышалъ.

– А я напротивъ него сидѣлъ. И стоялъ, какъ вотъ рядомъ съ тобой. И вино съ нимъ пилъ. Кьянти называется.

У Лямина голова шла кругомъ.

– Счастливый вы.

– Да. Столько счастья, въ рукахъ не унесу.

– Ну что дальше-то, дальше-то что.

– Толпа качнулась вправо, потомъ влѣво. Косаревъ меня крѣпко за руку беретъ и руку мою вверхъ подымаетъ. Кричить: это мой другъ! Онъ вѣренъ революціи! Его нельзя казнить! Кто его тронетъ – того товарищъ Ленинъ самолично прикажетъ прострочить изъ пулемета! Замолкли. Шире разступились. Мы прошли съ Косаревымъ черезъ людское море. И оно не сомкнулось надъ нами. Переплыли. Бредемъ какъ сквозь мокрый занавѣсъ, сквозь этотъ дьявольный снѣгъ. Доходимъ до мотора. Косаревъ за руль садится. Я – рядомъ. Ѳадеевъ – на заднее сидѣнье. Вопросъ задаю: скажи, старый другъ, отчего это противъ меня даже пушки выставили? Онъ ведетъ моторъ, хохочетъ. Да потому, говоритъ, что тебя Уральскій Совѣтъ объявилъ за увозъ Романовыхъ изъ Тобольска – измѣнникомъ революціи! Я въ тонъ ему хохочу. Ну не плакать же мнѣ, вѣрно?

Ляминъ ошалѣло киваль.

– Вѣрно...

– Я Косареву: двигай на телеграфъ! Со мной телеграфистъ. Сейчасъ съ Москвой свяжемся! Мнѣ надо получить отъ товарища Свердлова дальнѣйшія распоряженія, какъ дѣйствовать и куда мнѣ податься съ царями. Бдемъ по городу. Всюду – сколько хватаетъ глазъ – вооруженные люди, пѣшіе и конные отряды. Война. Это война съ нами, понимаешь?!

– Это война, выходитъ такъ, съ самими собой? – брякнулъ Ляминъ.

И Яковлевъ захохоталъ.

– Ну да! Въ точку! Именно! Мы – сами съ собой воюемъ. И еще будемъ воевать! И еще много сама себѣ голову несемъ, и сами себѣ – въ грудь, въ високъ – будемъ палить! Мы –

самоубійцы, Ляминь. Я только сейчас поняль это!

Михаиль обернулъ къ Яковлеву невидящее, ослѣпшее отъ фонарныхъ хлесткихъ огней лицо.

– Но это же...

– Подлю я говорю? Преступно, да? Я – измѣнникъ революціи? – опять слишкомъ близко моталось его угластое, пихтово-колючее темное лицо. – Да. Пусть я сволочь. Предатель. Измѣнникъ. Но я поняль правду. И правда эта, она страшнѣе всѣхъ на свѣтѣ казней. Съ ней жить – хуже волка выть. А мы – живемъ! Видишь, мы живемъ! Кто жъ скажетъ послѣ этого, что мы слабые люди?!

– Успокойтесь, товарищъ комиссаръ.

– Нѣтъ. Поздно успокаиваться, – трясся, стучаль зубами. Желтые, синіе огни наискось разрѣзали ему лобъ, скулы. – Мы всѣ передрались. И дальше – больше въ крови увязнемъ. Знаешь, что дальше начнется? По законамъ всѣхъ революцій? Кровавый терроръ.

– А что такое, извиняйте... тер...

– Массовыя казни.

– А развѣ ихъ сейчасъ нѣтъ?

– Да, на каждомъ шагу. Но терроръ – это когда всю нашу землю зальютъ кровью. Всю! И спасенья не будетъ.

Лямину въ глаза хлестнулъ сырой снѣговой веревкой вѣтеръ. Онъ зажмурился и отеръ мокрое лицо. Проморгался.

– А вы – Свердлову-то телеграфировали?

– Еще какъ. Цѣлыхъ два часа стояли у провода. Ленту ловили. Ѡдаевъ читаль, губы бѣлыя. Въ голодный обморокъ чуть не упалъ. Косаревъ ему кусокъ сахара изъ кармана вынулъ и далъ, какъ собакѣ. Косаревъ ухо склонилъ, слушалъ лепетъ Ѡдаева. Свердловъ отбиваль: Яковлевъ дѣйствуетъ по моему приказу! Все, что дѣлаетъ Яковлевъ, правильно! Ему – не мѣшать! Косаревъ менялся въ лицѣ. Вижу, смотреть на меня подозрительно. И на Ѡдаева тоже. Ты, спрашиваетъ, и правда съ Кремлемъ разговариваешь? Я ему: ты телеграфиста пытай, не меня. Онъ прощенья попросилъ потомъ. Когда мы съ телеграфа вышли. Косаревъ меня до вокзала довезъ. Моторъ у него знатный. Большой, какъ слонъ. Необъятный. Косаревъ жалуется: горючаго много жретъ. Но зато быстрый конь. Накорми вдоволь керосиномъ – и поскачетъ хоть въ Индію.

– Или въ эту... въ твою... Италию.

– Я видѣль міръ, – тоскливыми пересохшими губами вылѣпилъ Яковлевъ. – Я мотался по свѣту. Я видѣль богатыхъ и бѣдныхъ. Кто замерзаетъ подъ заборомъ, кто щеголяетъ въ мѣхахъ и бархатахъ. Каждому свое. Но я только теперь понимаю: не одѣнешь всѣхъ въ шелка и бархаты. Всѣхъ! Никогда не одѣнешь. Какъ бы ты ни старался.

У Лямина дрожали руки. «А ежели насъ кто-нибудь тутъ, рядомъ, подслушиваетъ. И я же буду предатель, пособникъ!»

Онъ понималъ: комиссаръ выговариваетъ ему свою самую главную тайну. И правда, больше никому; вотъ онъ, Ляминь, подвернулся. И стоитъ, и молчитъ, и запоминаетъ. Зачѣмъ? Завтра Яковлева схватятъ и разстрѣляютъ, и всѣмъ, и ему тоже, прикажутъ его забыть.

– А куда же мы сейчасъ ѣдемъ, товарищъ...

– Вотъ опять ты: вы, товарищъ, комиссаръ, Яковлевъ. Василий я! Только теперь и вспомню – мать Васякой звала... На полати залѣзалъ – она протягивала такой кисетикъ холщовый... тамъ каша, хлѣбъ ржаной нажеванный... вмѣсто игрушки, забавки... Такъ лежишь... и сосешь... вкусно...

– Такъ куда же мы...

– На Уралъ. Въ Екатеринбургъ.

– Такъ вы же...

– Что я? Что – я?! Это приказъ Свердлова.

– Вотъ какъ.

– Онъ отбилъ мнѣ: уральцы предъявили ультиматумъ. Они считаютъ, Николаю негоже бродить по Сибири, а надо запереть его подъ строгимъ надзоромъ въ хорошей уральской тюрьмѣ.

– Что же, уральцы Свердлову – приказываютъ?

– Я же тебѣ уже объяснялъ: это мы сами себѣ приказываемъ. ВЦИК – это мы, и уральцы – это мы. И омичи – это мы.

– И цари – это мы?

На темныхъ, будто ржавыхъ щекахъ Яковлева странно, густо вспыхивали яркія желтыя искры.

Ляминь думаль – фонари такъ ошалѣлые лучи швыряютъ.

Потомъ вглядѣлся – и понялъ.
Яковлевъ, глядя въ ночь, тихо плакалъ.

...За ихъ спинами, за толстой полированной деревянной, съ широкимъ зеркаломъ, дверью, въ пахнущемъ сушенымъ чебакомъ купѣ сидѣли старуха и дѣвушка. Старуха крѣпко, нервно гладила дѣвушку по гладко причесанной головѣ. Волосы все равно рѣзво, неслучайно вились около шеи, выскальзывали изъ-за ушей играющими рыбами, катились кольцами. Дѣвушка время отъ времени поднимала блѣдное широкоскулое лицо къ старухѣ. Онѣ обѣ слышали бормотаніе за дверью. Несло это бормотанье миръ или опасность, онѣ не знали. Теперь онѣ уже ничего и никогда не знали. Теперь было такъ: ты знаешь одно, а тебѣ преподносятъ совсѣмъ другое. Ты заказывалъ на обѣдъ севрюгу съ хрѣномъ, а тебѣ принесли на мѣдномъ, залитомъ живой кровью блюдѣ голову Иоканаана.

... – Они мнѣ не только телеграмму Свердлова передали. Они... показали, что Голощекинъ изъ Екатеринбургa прислалъ. Я у нихъ этого не просилъ. Сами дали. Насильно въ руки всунули... вотъ, ухмыляются, посмотри. Читай внимательнѣй! Я читалъ. Буквы прыгали. Я видывал виды. Но тутъ я... изо всѣхъ силъ старался быть спокойнымъ. Не сорваться! Не избить ихъ въ кровь. Въ... лепешку, братъ. Слышишь? Въ лепешку. Они всѣ вооружены, да. Спору нѣтъ. Но вѣдь и я вооруженъ. Оружіе, братъ, – это у насъ продолженіе... насъ. А Голощекинъ, онъ... оказался крѣпкій орѣхъ. Я не ожидалъ отъ него такой... настырности. Давить и давить. Жметъ... какъ жмыхъ. Но я – не жмыхъ! Я...

– Тихо, тихо...

Мишка держалъ Яковлева, какъ ребенка, обхвативъ руками, жаромъ дыша ему въ горячее ухо.

– Если бы они хотѣли... они бы мнѣ брюхо разрѣзали... и кишки выпустили. А потомъ опять зашили. И пнули: бѣги! Вези своихъ нѣмцевъ, куда тебѣ приказано! Но они... боялись вотъ эдакъ. А я уже – ничего не боялся. Мнѣ телеграмму Шаи зачитываютъ, а я – не боюсь! Стою крѣпче башни кремлевской. Не срушишь меня. Читаютъ: «Насъ удивило рѣшеніе Свердлова! Оказалось, предатель Яковлевъ гонить составъ на востокъ... согласно его приказу! Яковлеву – дать полную свободу! Яковлеву – не чинить препятствій! Яковлеву...»

Бился рыбой. Невидимая сѣть душила. Рвалъ ее грязными ногтями со лба, со щекъ.

– Утихомирься... слышишь...

– Да къ лѣшему мнѣ тишина! Они мнѣ долдоняютъ: тебѣ сейчасъ Свердловъ другой приказъ вдогонъ вышлетъ! Другой! Онъ тебѣ пропишетъ: направляй составъ, куда тебѣ было изначально сказано! На Красный Уралъ! Они меня... пальцами въ глаза тыкали... передъ носомъ – наганы вертѣли... кричали: ты гнида, предатель! Сволочь, кричали... сволочь...

Колеса грохали, составъ клонился на-бокъ. Тѣни летѣли, стегали по стекламъ и лицамъ, зачеркивали прежнее, прошлое.

– Вопили: ты его пытаешься спасти... а мы все равно убьемъ его! Пришьемъ мы твоего драгоценнаго Николашку! И – по членамъ растащимъ. Всю его поганую семейку – расклюемъ! Со всѣми ихъ брильянтами, со всѣмъ золотишкомъ... они ихъ – въ дѣвкиныхъ панталонахъ прячуть... въ тайныхъ котомкахъ на животѣ... въ тайныхъ сундукахъ, въ кухонныхъ кастрюляхъ... Разрѣжемъ, разрѣжемъ красную рыбку... распотрошимъ... и икру – засолимъ!.. крупной солью, жестокой, чтобы – до мельчайшей икринки кровавой – просолить, прожечь...

Паровозъ загудѣлъ тягуче, отчаянно. Какъ завылъ убиваемый человекъ.

Яковлевъ зажалъ руками уши.

– Не будетъ, скалятся, не будетъ Николай Кровавый по сибирскимъ деревнямъ да заимкамъ ховаться... и въ литературный, что мчитъ на востокъ, къ Японскому морю, тоже не сядетъ. Никогда! Мы всѣ, кричать, трупами ляжемъ – а Николашку во Владикъ не пустимъ! А знаемъ, зна-а-а-аемъ, что ты удумалъ. Ты спишь и видишь – семейку во Владикъ переправить, тамъ на японскій корабль посадить, да хоть на китайскій, да хоть – на американскій! на французскій! на англійскій! на чей угодно! И впередъ, носомъ волны разрѣзать... носомъ... волны... И такой козырь Антантъ дадутъ! Такого громаднаго, жирнаго туза! И съ туза онъ, Западъ, подѣ Россію и походить!

Тѣло Яковлева все сотрясалось, будто къ нему, голому, прислонили оголенный проводъ и такъ держали.

– Подѣ надзоръ... подѣ строгую охрану... въ тюрьму... за рѣшетку! За рѣшетку, кричать...

Ляминъ самъ вытеръ Яковлеву ладонью мокрое лицо. Слезы и потъ.

– Ты погодь. Не сокрушайся такъ. Что они тебѣ, родные, что ли?

Комиссаръ такъ низко опустилъ голову, что Ляминъ видѣлъ беззащитный затылокъ, колтуномъ спутанные нефтяно-черные волосы и ямку на шеѣ, подѣ волосами.

– Родные... родные... Не родные, а – просто люди! Человѣки. А ихъ, какъ скотъ, хотятъ – на бойню!

– Да не на бойню... въ застѣнокъ...

– Въ застѣнокъ! Тамъ, гдѣ рѣшетка, тамъ рядомъ же и пуля. Много ты видѣлъ выбѣжавшихъ на волю – изъ совѣтской тюрьмы? Изъ ЧеКа?! Я самъ чекисть. Я – знаешь? не знаешь! – сколько людей самъ угрохалъ.

– Самъ?

– Я жъ говорилъ тебѣ... Приказомъ – на тотъ свѣтъ – толпы отправилъ! Посчитать, такъ цѣлые города. Сколько бабъ мнѣ въ ноги кидалось: пощади насъ! Мужей – пощади! А я – ногами ихъ отпинавалъ. Кричалъ: своей подписи подъ приказомъ не стираю! А онѣ... по полу катались... валялись... И мой помощникъ ихъ на снѣгъ за волосы вытаскивалъ... и – изъ револьвера, изъ револьвера... Не всѣ умирали сразу... Крики у меня въ ухахъ, Мишка. Крики!

Крѣпче притиснулъ ладони къ ушнымъ раковинамъ.

– Такъ ты... – Ляминъ не могъ это вымолвить сразу, легко. – Хочешь ихъ спасти... и обѣлиться?

– Передъ кѣмъ, братъ?

– Ну... Передъ Богомъ... Передъ – собой...

– Передъ собой, можетъ, и хочу. Въ Бога давно не вѣрю. Да нѣтъ, глупо это все. Не хочу каяться. Я хотѣлъ ихъ уберечь... просто – отъ муки...

Вцѣпилъ въ плечи Лямина подъ латаной курткой.

– Ты! Ты понимаешь – ихъ будутъ пытаться?! Терзать?! Дѣвчонокъ – изнасилуютъ... испоганятъ... прежде чѣмъ зарубить... Ты видишь, видишь это?!

Ляминъ отворачивалъ лицо. На вагонномъ столѣ мелко дрожалъ, звенѣлъ подстаканникъ.

– Ну...

– Ну, что ты какъ быкъ мѣрской, все ну да ну! Шая угрожалъ Омску! Омскъ меня вилами приперъ къ стѣнкѣ! Они всѣ вокругъ меня стоятъ, а я самъ какъ быкъ! Дѣлать мнѣ нечего. Загананъ я въ уголь. И сейчасъ со всѣхъ четырехъ сторонъ... подпалить мой сарай. А сарай-то... Мишка... это жъ вся моя жизнь. Моя! Какъ у тебя – твоя...

Ляминъ протянулъ руку и коснулся его всклоченныхъ, страшныхъ, словно расхлестанныя вѣтромъ черныя грозовыя тучи, дикихъ волосъ.

– Твоя жизнь... моя... сейчасъ всѣ наши жизни варятся въ одномъ котлѣ. А наваръ – кровь. Кровь, Мишка! Да вѣдь въ этомъ моемъ сараѣ... въ закутѣ... у меня есть свой уголь... свой клокъ душистаго сѣна... своя... любовь...

Мишка смолкъ, вжалъ животь внутрь, весь сжался.

– Вотъ у тебя есть любовь? Есть, я знаю. Пашка это Бочарова! Громъ-баба... жестковата она для тебя, другъ... чертовата... тебѣ бы – не съ войны взята бабу, не изъ-подъ пушки, а – нѣжную, добрую, женщину... настоящую женщину...

– Пашка тоже женщина.

– Я про другое...

– И то правда.

– Любишь?

– Это у меня не любовь, – горло высохло, и невидимый песокъ царапалъ языкъ и десны. – Это – такъ... чтобы сырость скинуть...

– Ишь ты какъ! – комиссаръ вздернулъ кудлатую собачью башку, прочертилъ по Мишкѣ глазами сабельный жгучій слѣдъ. – Вотъ оно что! Сырость... И всего-то? А я-то думалъ... Значить, любишь кого другого?

Ляминъ снова сжался въ комъ. «Не вытянетъ онъ изъ меня ничего».

– А я – люблю. Она... далеко. Очень далеко отсюда! Въ Кіевѣ. Она изъ простой семьи. Изъ рабочей. Она... такая высокая, губы пухлыя, косы на затылкѣ носить... безтолковое дѣло, не могу сказать... Тамъ сейчасъ въ Кіевѣ рѣзня. Гетманъ Скоропадскій... Всѣхъ, кто за революцію, изъ-подъ земли достаютъ... и казнятъ, казнятъ на площадяхъ... да что на площадяхъ... за каждымъ каштаномъ... въ каждомъ дворѣ... И я не знаю... что съ ней. У ней отецъ – стачки на кievскихъ заводахъ устраивалъ! мать безъ руки... спускалась съ горняками въ шахту, газъ взорвался, руку оторвало... Она такъ мать любить... а мать – ее... онѣ какъ двѣ голубицы... Братъ, я не переживу, если что.

– А письма-то отъ нея были какія?

– Письма... Куда къ намъ сюда писульки бы приходили? Вотъ въ этотъ нашъ составъ?

– Да въ Тобольскъ... Когда мы тамъ обитали...

– Обитали... Тоже обитель нашель... Были, да сплыли. И гдѣ будемъ – не понять.

– Гдѣ, гдѣ! На Уралѣ.

Ураль... У-раль... – вдохнулъ густо, съ прихлопомъ, тяжело, будто не воздухъ ноздрями

пилъ – вишневый взваръ. – Ура-а-а-аль... Ура-а-а-а... Ур-ра-а-а-а!..

– Ну тише, тише... Весь вагонъ перебудишь...

– Тря-а-а-аско... И они, они вокругъ меня. Всѣ, кого убилъ! Это жъ невозможно такъ жить, Мишка. Чѣмъ я отработаю? Отмолгу? Бога-то вѣдь нѣтъ! Нѣ-е-е-еть! Все сказки для малышей. Чтобы – слушались, кашку ѣли, засыпали во-время и тихо... Я, Мишка, къ морю все равно проберусь. Къ любому! Хоть къ Тихому океану, хоть къ Ледовитому. Хоть къ Черному морю. Въ Новороссійскъ... въ Керчь... въ Одессу. Уплыву. Къ едренѣ фенѣ, опять за границу! Только сперва до Кіева добреду. И ее найду. И ее... съ собой захвачу...

– Да хоть какъ зовуть-то ее?

– А тебѣ зачѣмъ?

Рука Яковлева всползла на колѣно къ Михаилу, нашла его руку.

И Михаилъ отвѣтилъ крѣпкимъ, жесткимъ и жаркимъ пожатіемъ.

– Имя хочу услышать.

Яковлевъ выдохнулъ одной тишайшей лаской, однимъ подледнымъ плескомъ зимней рыбы:

– Марія...

И вздрогнулъ Михаилъ.

Чтобы скрыть вздрогъ, утаить отъ самого себя, а тѣмъ паче отъ комиссара, промямлилъ неясно, бормотливо:

– Какъ Богоматерь, ишь ты...

... – Ну ты поспи? Поспи немного, а? Скоро Тюмень...

– Тюмень, пропади она пропадомъ.

– А тамъ?

– А что тамъ?

– На другой составъ не пересядемъ?

– А смыслъ? Какъ ѣдемъ, такъ и ѣдемъ. Миша, я вѣдь пытался тамъ, въ Омскѣ... съ Ленинымъ... договориться.

– Съ самимъ Ленинымъ?

– Черезъ Свердлова. Я велѣлъ телеграфисту отбить: Свердлову – для Вэ И Ленина.

– И что ты... ему... Ленину – послать?

– Я такъ Ѡдаеву диктовалъ: я, молъ, вашимъ приказамъ всѣмъ подчиняюсь. Преданъ вамъ всецѣло. Но повторю еще и еще разъ, что... въ опасности цари. Къ нимъ смерть можетъ подступиться въ любую минуту. Въ особенности на Уралѣ. Уралъ весь красный и настроенъ жестко. Да что Уралъ! Ты самъ видѣлъ, что творилось въ Омскѣ. А что будетъ въ Екатеринбургѣ? Догадайся.

– Догадался.

– А я давно знаю. Ѡдаевъ скорчился, скрючился, отбиваетъ ледяными пальцами, а они не гнутся, спицами торчатъ: товарищ Ленинъ и всѣ главные товарищи!.. хорошо подумайте. Я васъ предупреждаю. Если вы прикажете отправить багажъ въ Уфу, я общаюсь изъ Уфы увезти багажъ въ Симскій горный округъ. Это, Мишка, моя родина. Родина моя! Я тамъ каждый камень знаю...

– Вѣрю...

– И я... тамъ самъ его буду охранять... А потомъ вы... товарищи... можете перевезти багажъ куда хотите... хоть въ Москву... хоть въ Петроградъ... хоть въ Парижъ... хоть...

– Экъ, хватануль – въ Парижъ...

– Да хоть въ Токио... земля большая... а смерть – смерть очень маленькая... меньше клопа... меньше клеща...

Стучали молоты подъ брюхами вагоновъ. Стучали желѣзные клепки ночи.

– И послѣднія слова Ѡдаевъ отбилъ уже задубѣлой рукой... Въ послѣдній разъ предупреждаю васъ... и все, я снимаю съ себя всѣ полномочія... и больше не отвѣтственный за все, что теперь можетъ случиться...

Яковлевъ приклонилъ обезсиленную голову на плечо Михаила. Ляминъ удивился – какая же тяжелая, какъ бочка съ банной водой, голова у комиссара.

Уже засыпая, Яковлевъ бормоталъ, языкъ его плелъ бредовые кружевные узоры, пальцы шевелились, будто бы спускали куроку:

– Куранты... куранты...

– Какіе куранты?

– Ты слышишь... куранты... съ башни... со Спасской...

Ляминъ понялъ, комиссаръ уже видитъ сны.

Онъ осторожно, осторожно, чѣмъ мѣшокъ съ порохомъ, положилъ на вагонную скамью сначала голову Яковлева, умостили ее на жесткой верблюжьей казенной подушкѣ, потомъ

взгромоздиль на деревянное ложе ноги. Съ сомнѣніемъ, угрюмо поглядѣль на обляпанные присохлой грязью комиссарскіе сапоги. Стащиль съ ноги сначала одинъ, потомъ другой. Аккуратно положиль на полъ. За окномъ вспыхивали синіе вѣдьмины огни развѣзда.

* * *

Разсвѣтъ сочился сквозь шторы царскаго купѣ кислымъ молокомъ. Александра Ѳедоровна мелкими глотками попивала остылый чай изъ высокога граненаго, въ латунномъ подстаканникѣ, стакана.

– Ники, кажется, мы ѣдемъ обратно.

Царь медленно намазывалъ тонкій кусокъ ржаного хлѣба яблочнымъ повидломъ. Повидло онъ добывалъ узкимъ, фамильнаго серебра, ножомъ изъ фарфоровой, еще дворцовой, масленки. Корзина съ провизіей была развязана, и Марія рылась въ ней. Вынула пачку галетъ, протянула отцу.

– Папа, возьмите.

– Это откуда такое роскошество?

– Это... – скулы Маріи стали цвѣта зари. – Господинъ Яковлевъ подариль. Вчера.

– Не господинъ, а товарищъ.

– Простите, папа. Я все никакъ не привыкну.

– Пора бы.

Только Николай хотѣль взять галеты – рука старухи протянулась и схватила пачку.

Она нервно разрѣзала бумагу маленькими ножницами. Раскрытый несессеръ валялся подлѣ, около складокъ юбки.

Царица высыпала галеты на разстеленную на столѣ салфетку. Царь, жена и дочь смотрѣли на разложенную на столѣ ѣду. Долго, медленно скользили по ней глазами.

– У английскихъ королей, – тихо сказали царь, – былъ такой обычай. Прежде чѣмъ приступить къ кушаньямъ, они давали отпробовать отъ яствъ – по кусочку – мальчику. Иногда, бывало, мальчикъ умиралъ.

– У меня юбка такая грязная, – беззвучно сказала царица. – И негдѣ постирать. И неизвѣстно, когда.

Марія медленно перекрестилась, не касаясь пальцами лба, груди и плечъ. Рука плыла въ душномъ воздухѣ купѣ бѣлымъ крыломъ.

Осторожно, испуганно взяла сухую, въ дыркахъ, галету. Посмотрѣла на повидло, вздохнула.

– Чай совсѣмъ остылъ, – безцвѣтнымъ, метельнымъ голосомъ сказала царица.

Николай хотѣль погладить плечо дочери. Его рука замерла въ зазорѣ отъ холщоваго буфа.

– Ышь, Мари. И пей. Какой есть. Я не пойду никого просить налить намъ горячаго.

– Они же топятъ котель, котель горячій, тамъ кипятокъ, – голосъ старухи сходилъ на нѣтъ.

Поѣздъ качало, и ложка утомительно звенѣла въ стаканѣ.

Ыли. Жевали. Запивали. Не глядѣли другъ на друга.

Потомъ взглянула первой – на мужа и дочь – Александра. Въ ея глазахъ стояла стылая вода. Двѣ лужи посреди грязной, сморщенной дороги, избитой шинами и сапогами земли; и мерцають, и чернѣють, а то неистово, дико свѣтлѣють.

– Что ты, солнце мое, милая?

Марія давно не слышала въ голосѣ отца такой прощальной нѣжности.

Поѣздъ качнуло, и царица ухватилась за край стола. Не удержалась и повалилась на-бокъ. Стукнулась головой о вагонную стѣнку. Въ окнѣ летѣли поля, сбрасывавшія тяжелыя одѣяла снѣговъ, деревья съ сидящими на голыхъ верхушкахъ птицами, солнце то выпрыгивало изъ облаковъ, то опять ныряло въ ихъ рваную, какъ корпія на войнѣ, вату.

– О мама!

Марія бросила недоѣденную галету на столъ и подхватила мать. Старуха, тяжело опираясь локтемъ на руку дочери, выпрямилась. Николай смотрѣль печально, не двинулся. Все говорилъ глазами.

И Марія смотрѣла, какъ они говорятъ глазами.

Потомъ, округливъ ротъ, царица вдохнула легкій солнечный воздухъ.

– Почему мы ѣдемъ обратно?

– Обратно – это на востокъ или на западъ?

– Обратно – на западъ, душа моя.

Царь положиль на ладонь, будто хотѣль покормить птицъ, недоѣденный ржаной кусокъ и задумчиво глядѣль на него. А можетъ, рѣшалъ, доѣсть или приберечь.

– Правда на западъ?
 – Мари, ну посмотри, гдѣ востокъ? Гдѣ солнце?
 Марія посмотрѣла на отца прямо и печально. Точь-въ-точь какъ он.
 Вернула ему его печаль.
 – Мама, правильно. Папа, все такъ. Мы ѣдемъ на западъ.
 Старуха прерывисто вздохнула. Разъ, другой, третій, четвертый.
 – А куда мы теперь ѣдемъ?
 – Это неважно. Мы теперь все время будемъ куда-то ѣхать.
 Николай отправил кусокъ хлѣба въ ротъ. Ыль, закрывъ глаза. Прихлебнулъ чаю.
 – Господи, совсѣмъ остыль.
 – Папа, смотрите, какая птица!
 Ыхали мимо высокаго столба. На столбѣ сидѣла огромная птица, хлопала крыльями. У нея была странная синяя грудка, розовыя перья по ободу крыльевъ. Марія смотрѣла во всѣ глаза.
 – Папа, она красавица!
 Поѣздъ замедлил ходъ. И вдругъ птица сложила крылья и, какъ давеча царица, стала валиться, заваливаться набокъ, закинувъ голову. Лапы разжались, и птица падала внизъ со столба.
 Валялась на таломъ снѣгу.
 – Зачѣмъ... почему...
 Марія обернула къ родителямъ подернутое влагой слезъ, уже кривящееся въ рыданіи лицо.
 – Скорѣй всего, ее кто-то подстрѣлил, – спокойно произнесъ Николай.
 Царица вынула изъ ридикюля носовой платокъ и вытерла губы, потомъ громко высморкалась.
 – Вы про какую птицу?
 – Солнышко, ты же сидишь спиной къ окну. Тамъ на столбѣ сидѣла птичка, а ее убили.
 Царь терпеливо и ласково разъяснялъ все женѣ, какъ ребенку на урокъ.
 – Убили?
 – Ну, можетъ, она просто устала сидѣть на столбѣ, обезсилѣла и упала на землю.
 Марія спросила:
 – Мама, вамъ намазать галету повидломъ?
 – Нѣтъ, душенька. Ахъ, душенька, да. Вѣдь еще остался чай.
 – Это не чай, – поморщился царь, – это помои.
 – Свѣтъ мой, приходится терпѣть. Все, что суждено, вытерпимъ. Господь терпѣль, и мы потерпимъ!
 Марія нѣжно мазала галету повидломъ.
 Искоса взглядывала въ окно. Столбы мелькали въ окнѣ. Точно такіе же, какъ тотъ, на которомъ птица сидѣла. Только всѣ стояли пустые. Безъ птицъ. Похожіе на дреколье.
 Узкій серебряный ножъ вспыхивалъ подъ острыми лучами солнца. Вата облаковъ разошлась, и изъ огромной раны неба полилась свѣтлая, голубая кровь. И бесполезно на землѣ лежали грязные, размотанные снѣжные бинты.
 Царица сгорбилась. Царь глядѣлъ въ окно и повторялъ молитву шопотомъ.
 – Живыи въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небснаго водворится, речеть Господеви...
 Заступникъ мой еси и Прибѣжище мое, Богъ мой... и уповаю на Него...
 ...Ляминъ стоялъ рядомъ съ дверью купэ. Винтовка на плечѣ.
 Дверь была чуть пріотворена, и онъ слышалъ все до слова, до вдоха.

* * *

Поѣздъ всталъ среди полей. Уже развиднѣлось и разогрѣло. Солнце мощнымъ бѣлымъ, прозрачнымъ яблокомъ катилось по широкому блюду неба.
 Яковлевъ появился въ вагонномъ коридорѣ. Только-что умылся. Свѣжій, вихры приглажены мокрыми ладонями. Какъ и не выбалтывать ночь напролетъ Михаилу всю свою подноготную.
 Постучалъ въ дверь царскаго купэ. Самъ же и открылъ.
 – Доброе утро, Николай Александрычъ! вѣрнѣе сказать, добрый день уже. Видите, встали? Ыду, Ыду въ чистомъ полѣ, колокольчикъ динь-динь-динь...
 – О, господинъ... товарищъ комиссаръ, да вы знаете Пушкина?
 – Не желаете ли прогуляться? Я вамъ составлю компанію.
 Николай весело оглянувшись на царицу. Она нервными опухшими руками повязывала вокругъ сѣдой головы теплый ажурный платокъ.

– Ники, у меня голова мерзнетъ. Я вся мерзну.

– Душенька, на улицѣ такое солнышко. Поди, поди! Бери Мари подѣ ручку и поди съ нами прогуляйся. А сколько времени составъ стоять будетъ?

Яковлевъ вздѣлъ на щеки тупо-радостную, ненастоящую улыбку.

– Не знаю, Николай Александрычъ. Пока стоитъ – ловите моментъ.

...Вышли въ коридоръ оба. Царь смущенно одергиваль рукава гимнастерки, выпрастывая ихъ изъ-подъ кителя. Фуражка налѣзала ему на лобъ.

– Велика, – извиняющимся голосомъ говорилъ онъ, то снимая фуражку, то опять неловко надѣвая ее.

Яковлевъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчалъ.

...Онъ первымъ прыгнулъ съ вагонной подножки, подаль царю крѣпкую, цѣпкую руку. Царь, почти не опираясь на руку комиссара, шагнулъ внизъ легко, невѣсомо.

Вслѣдъ за ними съ подножки прыгнулъ Ляминъ. Такъ, на всякій случай. И наготовѣ – крѣпко, плотно – руку на разстегнутой кобурѣ держаль.

«А надо бы вынуть револьверъ. Вдругъ что невзначай».

Но – не вынималъ.

Царь съ Яковлевымъ пошли впередъ, утопая сапогами въ веселой грязи. Ляминъ – поодаль.

Слишкомъ стеклянная, пустая тишина стояла въ поляхъ. Ни жаворонка, ни иной птицы. Только одно солнце, да оно безшумно. И смачное чавканье грязи подѣ ногами.

– Николай Александрычъ, вы...

Можетъ, хотѣлъ спросить: «Вы какъ сегодня спали?» А можетъ: «Вы поняли, куда мы ѣдемъ?» А можетъ, вотъ такъ: «Вы можете сейчасъ убѣжать. И я въ васъ не стану стрѣлять!»

– Вы давно видѣли такое солнце?

Николай закинулъ голову. Медленно вель глазами по распахнувшемуся окоему. Небо было такое прозрачное, что опусти въ него руки, какъ въ бадью съ синей холодной водой, – и тони, тони.

Опустилъ голову. По-военному, рѣзко развернулся къ комиссару.

– Давно. Я ужъ и забылъ, что оно такое бываетъ.

– Да я, если честно, тоже.

Пошли рядомъ, странно близко. Касаясь другъ друга рукавами. Царь въ китель, Яковлевъ въ кожаной тужуркѣ. Яковлевъ выше ростомъ. Сапоги глубоко уходили въ грязь.

– Давайте вотъ сюда подыдемся, на взгорокъ. Здѣсь уже подсохло. Солнышко подсушило. И подобье тропы.

– Давайте.

Царь соглашался со всѣмъ легко и просто. Яковлевъ глянулъ косо и осторожно. Кажется, царь улыбался. Губы еще печалились, а вотъ вокругъ глазъ уже побѣжали смѣющіяся птичьи лапки.

– Мы въ Москву ѣдемъ, Василий Васильевичъ?

Вѣтеръ донесъ до Лямина: «...въ Москву...»

Яковлевъ хотѣлъ сказать правду, да не смогъ.

– Въ Москву, ваше... величество.

– Въ Москву, – царь уже открыто улыбался, – разгонять тоску.

– Да, – пошутилъ Яковлевъ, – тамъ теперь только тоску и разгонять.

Хотѣлъ – весело, а получилось – свирѣпо.

Ляминъ глядѣлъ имъ въ спины. Спины качались, плечи переваливались туда-сюда. Ноги шагали. Царь идетъ съ комиссаромъ. Царь идетъ со своимъ народомъ. «Бывшій царь, ты что, Мишка, пойми, нѣтъ царя уже, нѣтъ!»

«Ну какъ же нѣтъ, вонъ впереди идетъ».

«Это не царь. Это гражданинъ Романовъ».

«А что, гражданинъ Романовъ – не человекъ развѣ?»

И тутъ изъ-подъ ногъ идущихъ что-то порскнуло, порхнуло, взлетѣло. Кануло въ синюю небесную бадью. Ляминъ вель глазами вослѣдъ. И далеко, въ неистовой дали, зависнувъ крохотной нѣжной точкой, дрожа крылышками и всѣмъ малымъ тѣльцемъ, живой, весенній, единственный, такой безумный и смертный, пѣлъ – жаворонокъ.

– Вотъ онъ! – крикнулъ Яковлевъ и приставилъ ладонь ко лбу, вглядываясь въ синь.

И они оба, царь и Ляминъ, остановились и, увязая въ крошеви снѣга и черноземной грязи, стали смотрѣть ввысь, ловя зрочками ускользящую музыку.

А музыка лилась сверху, имъ на головы, сверкающимъ водопадомъ, рулады и трели разсыпались въ голубизнѣ на тысячи осколковъ, – не собрать. Только лицо подставить, ладони. Пить эту музыку, этотъ свѣтъ. Этотъ – свѣтъ! На томъ-то такъ жаворонка ужъ не послушать.

Царь и комиссаръ одновременно глянули другъ на друга.

И комиссаръ глядѣль въ лицо царю съ тревогой и надеждой, и царь глядѣль въ лицо комиссару съ надеждой и любовью.

И Ляминь увидалъ вдругъ: они – похожи.

«Что самъ себя дурю... всякій человекъ – на сосѣда своего, на ближняго – похожь...»

«Люди – братья, сказано было. А ты забыть! Люди – не волки другъ другу, нѣтъ. Такъ что жъ люди другъ друга скопомъ перебили, и все бьютъ, и бьютъ, и лупятъ? Косятъ другъ друга подъ корень? Цѣлые площади, деревни, города – выкашиваютъ? Въ крови другъ друга – топятъ?»

«А за идею... За идею, ты же понимаешь...»

«За идею – какую?»

«А мировой революціи!»

«Что себѣ-то врать. За власть люди убиваются. За власть. За то, кто будетъ владѣть этой землей. Этой страной. И землю рѣжутъ, а вмѣстѣ съ ней – людей».

– Жавороночекъ... – ласково выдохнулъ царь, не отрывая глазъ отъ глазъ Яковлева.

И Яковлевъ даже кивнуть не смогъ – горло петлей стыда захлестнуло.

Ляминь видѣль, какъ покраснѣлась щека комиссара.

«Стоять, птицу слушаютъ. Весной наслаждаются. И поѣздъ стоитъ. И все встало. И больше никуда не пойдетъ, не поѣдетъ. Время стоитъ».

Ему тоже стало чего-то мучительно, остро стыдно. Будто онъ нашкодиль, какъ котъ, и его – мордой – въ его же паскудство – тыкаютъ.

– Поеть... – вернулъ царю выдохъ Яковлевъ.

И тоже – глаза въ глаза. И не отводитъ взглядъ.

А Ляминь, издали, на нихъ обоихъ смотреть, какъ въ синема.

...Яковлевъ глядѣль и думаль: догадался или не догадался?

Царь глядѣль и думаль: запомнить или не запомнить?

Этотъ день, это солнце, жаворонка этого? Звучащую жемчужину, захлебывающееся въ восторгѣ горло?

...А на нихъ глядѣло необхватное, спокойное небо. Слишкомъ спокойное. Равнодушное. Земля и небо носятъ насъ, качаютъ въ ладоняхъ, изъ руки въ руку перекидываютъ – то съ неба на землю, то съ земли въ небо. Но къ намъ равнодушны они. Къ нашимъ крикамъ и ужасамъ. Къ нашей любви, къ слезамъ. Хоть уплачься, земля, смѣясь, повернетъ ладонь – и ты упадешь съ нея въ ямину, а она обратится синей ямой неба. И ты будешь въ нее летѣть, орать отъ страха, и не за что будетъ уцѣпиться.

– Да, сладко поеть.

– Я раньше, – холодными губами сказала Яковлевъ, – когда на Уралѣ жилъ, въ поле весной на пашню выбѣгалъ – жаворонка слушать.

– А, Василий Васильевичъ, вы съ Урала?

– Да.

– Значить, скоро ваши родныя мѣста?

Жаворонокъ пѣль неутолимо, неутомимо. Онъ метался изъ угла въ уголокъ синей небесной клѣтки, и онъ былъ въ ней свободенъ. Всѣ мы не свободны отъ жизни. Если ужъ мы родимся и попадемъ въ ея тиски – мы не вырвемся до самаго конца. Но и тамъ, за кончиной, еще неизвѣстно, нѣтъ тюрьмы или есть; можетъ, самая главная рѣшетка – именно тамъ. И будешь биться, пытаться взмытъ – а никакъ. И будешь трепыхаться и плакать, а эти далекіе всхлипы и слезы тѣ, кто остались на землѣ, примутъ за жавороночью, за небесную пѣсню.

– Да. Скоро. Можетъ, сутки дороги.

– А все же, почему вы мнѣ раньше не сказали, что мы на Москву повернули?

Ляминь сорвалъ сухую прошлогоднюю травинку, жеваль. Засунулъ между рѣзцовъ. Едва слышно посвистываль.

– Да что жъ васъ зря тревожить. Вы спите и спите. И дѣвочка спить.

– Вы же сказали – мы поѣдемъ на востокъ.

– Да. Сказаль.

– Я такъ понялъ – черезъ Омскъ – на Красноярскъ, Иркутскъ, Читу.

– Да. Я тоже такъ думаль.

– А потомъ на Хабаровскъ и Владивостокъ.

Глаза царя отвердѣли. Блескъ въ нихъ погасъ. Сейчасъ это былъ полковникъ, безжалостно изучавшій глазами лицо вруна-подчиненнаго.

Ляминь наострилъ уши. Выплюнулъ травинку. Стащилъ фуражку, открывая рѣзкому и теплему апрѣльскому вѣтру взмокшій лобъ.

– Да. Совершенно вѣрно.

«Что это съ нимъ? Какъ онъ кривитъ брови!»

Лицо Яковлева странно исказилось.

– Все вѣрно. Мы двигались на востокъ. Какъ я вамъ и говорилъ.

Яковлевъ мгновенно обернулся и кинулъ быстрый взглядъ на Лямина – слышитъ ли.

Ляминъ чуть отвернулся. Задралъ голову. Разсматривалъ облака. Дѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Но Яковлевъ все равно понизилъ голосъ.

«Что онъ передо мной-то? Я жъ все понимаю. Все уже знаю. А онъ – опять таится! Будто я сожру его съ потрохами, я, солдатъ простой. Или трусить, выдамъ?»

– А теперъ ѣдемъ на западъ.

– Почему? – Царь разрѣзалъ глазами твердое, какъ кирпичъ, лицо Яковлева. – Вы договорились съ Москвой? Вы насъ отправляете прямо въ пасть Ленину?

– Николай Алекс...

– Вы лучше меня знаете, какъ дѣйствуютъ сейчасъ пламенные революціонеры. Насъ всѣхъ поставятъ къ стѣнкѣ.

– Николай...

– Почему?

Царь вытащилъ увязшій въ грязи сапогъ и сдѣлалъ крупный, злой шагъ къ комиссару. Стоялъ слишкомъ близко. Ляминъ глядѣлъ, какъ мужики, дыша осипло и тяжело, глядятъ, въ кулакахъ деньги зажимая, на пѣтушины бои.

«Сейчасъ одинъ – другого – заклюеть».

– Мы повернули потому, что мостъ былъ поврежденъ.

Ляминъ чуть не присвистнулъ.

«Мостъ! Какой это мостъ?! Гдѣ – мостъ?! За дурачка Романова-то держать!»

Глаза царя, до дна просвѣченные шальнымъ солнцемъ, глядѣли понимающе.

– А, ну да, мостъ. Мостъ, Василий Васильевичъ, это серьезно!

– Николай Александрычъ, вы же понимаете, въ поѣздѣ нѣтъ телеграфа.

– Я все понимаю.

– Развѣ вамъ не нравится вотъ такъ гулять со мной въ поляхъ? Развѣ вы сейчасъ не на волѣ?

Царь наклонилъ голову, словно благодаря за волю.

– Мнѣ вотъ нравится бесѣдовать съ вами.

– Мнѣ тоже, Василий Васильевичъ.

– А о чемъ мы съ вами еще не бесѣдовали за долгій нашъ путь?

Невинный вопросъ. Но на него можетъ быть множество злобныхъ, постыдныхъ, преступныхъ отвѣтовъ.

– О томъ, что слова «власть» и «пасть» – риѹмуются.

– О да! А толпа и народъ – вѣдь не риѹмуются?

– Нѣтъ.

– И вы думаете, революцію сдѣлала толпа?

Николай молчалъ и слушалъ жаворонка.

– Сейчасъ онъ умолкнетъ, – прошептала царь.

– Не слышу!

– Да. Я думаю, революцію сдѣлала толпа. Толпа невѣждъ, захотѣвшихъ изъ грязи – въ князи.

– Вы весь свой народъ, Николай Александрычъ, считаете грязью? Или – только избранныхъ?

– Я васъ не понимаю.

– Нѣтъ. Прекрасно понимаете. Я спрашиваю, весь ли народъ – толпа или внутри народа кроется самъ народъ? Великій народъ? Вѣдь нашу имперію сдѣлали не цари. Ее – народъ сдѣлалъ!

– Подъ водительствомъ царей.

Комиссаръ думалъ съ минуту.

– Согласенъ. А цари? Они развѣ другъ съ другомъ за власть не грызлись, ваши князья?

Предки ваши славные?

Въ бородѣ Николая путалось, шевелилось солнце.

– Я вамъ вотъ что скажу, добрѣйшій...

– Я не добрѣйшій. Я – очень злой.

– Не перебивайте! Люди убиваютъ другъ друга. За все что угодно: за деньги, за власть, за... любовь. И просто изъ ненависти. И – изъ-за земли, завоеывая новыя земли. Изъ-за чего угодно! И будутъ убивать. Всегда. Дьяволъ, какъ и Богъ, рядомъ всегда. Онъ никуда не исчезаетъ. Но вотъ убиваютъ другъ дружку люди... а вокругъ – гляньте! – царь раскинулъ руки, будто хотѣлъ обнять Яковлева. – Дивная земля! Дивное небо! Весна! Все расцвѣтаетъ!

Жаворонки надъ полями поють! Развѣ не счастье намъ дано при жизни? Развѣ не чудную землю намъ далъ Богъ въ пользование? А мы и ее, и себя изничтожаемъ. И будемъ убивать! Вотъ гдѣ загадка. А вы: толпа, народъ... Мы-то съ вами – вѣдь тоже народъ. Я – народъ!

Постучалъ себя пальцами въ китель. Пустой, безъ крестовъ, безъ орденовъ.

Ляминъ подошелъ близко. Слыхалъ теперь все до слова.

«Только бѣ не сцѣпились, такъ всерьезъ схватились. Царь вонъ какъ разругался. Какъ изъ бани».

– Это вы-то – народъ?

Яковлевъ не смогъ скрыть насмѣшки. Царь осѣлъ, поникъ, потухъ. Внутри него сломалась пружина спора.

– И вы тоже.

– Я – да. Вы – нѣтъ.

– Это почему?

– Иноземецъ вы. Въ васъ русской крови – съ комариный клювъ.

– Въ любомъ башкиринѣ или чувашинѣ ея не больше. Вотъ вы, вы вѣдь раскосы!

Издаലെка видать – Азія! Фамилія-то русская, а мать, видимо, татарка?

– Удмуртка.

Яковлевъ обернулся и посмотрѣлъ на составъ. Изъ трубы паровоза повалилъ дымъ.

– О, топка ожила. Пора въ вагонъ.

– Уже?

Въ голосѣ царя прозвучало столько сожалѣнія, что Лямину захотѣлось крикнуть ему, какъ вспугнутому зайцу: «У-лю-лю-лю! Бѣги! Бѣги шибчѣй!»

– Видите, намъ даютъ знакъ.

На подножкѣ стоялъ Андрусевичъ, зазывно махалъ красной тряпкой.

– Это... краснымъ флагомъ машеть?

– Флагомъ не флагомъ, а алую тряпицу гдѣ-то, шельмецъ, раздобылъ.

– Кровавый у васъ флагъ, друзья мои. Очень точный.

– Подъ этимъ флагомъ, Николай Александрычъ, люди умирали за свободу.

– За... свободу? А что она такое? Вы – знаете?

– Я – нѣтъ.

– Спасибо за честность. Да вѣдь и я тоже не знаю. Зато я, милый, знаю, что такое – Божій страхъ.

– И что жъ онъ такое?

– А это когда нельзя дѣлать того, что вы дѣлаете. Потому что страшно. И не людей страшно, это полбѣды, а – Бога.

Пошагали обратно. Яковлевъ поднѣлъ руки, помоталъ ими: молъ, идемъ, погодите тамъ! Царь шель первымъ. Ляминъ сбѣжалъ съ пригорка. Ноги обтекали мутные ручьи, вода больно блестя на солнцѣ, выкатившемся въ самый зенитъ.

Подошли къ вагону. Ловко попрыгали на ступеньки. Царь крѣпкими костлявыми руками ухватился за поручни.

– Охъ, и исхудали вы, гражданинъ Романовъ, – вырвалось у Михаила, – кожа да кости!

Яковлевъ фальшиво разсмѣялся.

– Не огорчайтесь, Николай Александровичъ. Это солдатскій комплиментъ.

– Что я, солдатскаго юмора не знаю? – почти сердито бросилъ Николай.

...По вагону еще шли, а поѣздъ уже тронулся. Николай держался за стѣнки. Пахло копытю. Свѣжезавареннымъ чаемъ. И отчего-то – вербой.

...Ночь отгрѣмѣла колесами. Что тамъ за окнами? Солнце?

Старуха проснулась первой. За ней – Марія.

Марія постучала кулачкомъ въ стѣнку соседняго купѣ.

– Папа, вставай, – шопотъ растаялъ нагаромъ свѣчи.

Марія раздвинула шторы. Мелькали названія станцій.

– Мама, мнѣ кажется, мы здѣсь уже проѣзжали!

Царица лежала въ подушкахъ и глядѣла строго и пристально, будто бы и не спала.

– Мама, я папа уже постучала.

– А отвѣтный стукъ былъ?

– Нѣтъ.

Царица повернулась на-бокъ. Кружевная накидка сползла съ плеча, валилась съ подушки на вагонный коврикъ. На столикѣ яйцо Фаберже, въ видѣ часовъ, показывало точное время, и время это было петроградскимъ.

Они просто забыли перевести часы.

– Доченька, у насъ въ Петроградѣ сейчасъ глубокая ночь. И въ Зимнемъ... фрейлины юбками шуршатъ по паркету...

– Что ты, мама, какія фрейлины...

...Ляминъ, не постучавъ, отворилъ дверь въ купэ Николая.

– Гражданинъ...

Смолкъ. Никого. Вотъ странность. Не прыгнуль же онъ наземь.

«А почему нѣтъ? Крѣпкій, здоровый мужчина, даромъ что отошаль на пролетарскихъ харчахъ. Военная косточка. Гимнастикѣ научень. Въ сраженіяхъ бываль. Полкомъ командоваль. Что бы ему на ходу изъ вагона не сигануть?»

Дверь прикрыль. Въ коридорѣ стояль Петръ Матвѣевъ. Гимнастерка весело выбивалась, топорщилась у него изъ-подъ заляпаннаго жиромъ ремня.

– Здравія желаю, Петръ Матвѣевичъ!

– Тебѣ того же, – Матвѣевъ лѣниво махнулъ рукой. – Что, царя потеряль?

И оба увидѣли. И изумились. Дверь купэ Матвѣева тихо открылась, и изъ двери вышелъ Николай. Онъ что-то съ аппетитомъ жеваль.

– Что это у него въ рукѣ?

– Горбушка, – удивленно воззрился на Матвѣева Михайль.

Царь увидѣль ихъ обоихъ. Подходилъ къ нимъ черезъ весь тряскій вагонъ, какъ подгрѣбаль, подплываль.

– Простите великодушно, Петръ Матвѣевичъ. Я у васъ безъ спросу... ржаного отломилъ. Да, знаете, черствовать! А у меня уже – зубы... старый я...

Царь развелъ руками. Приблизилъ ротъ къ сухому лунному выгибу горбушки. Прежде чѣмъ откусить, пососаль.

Жеваль, жеваль. Челюсти двигались. На лбу собрались складки. Михайль хорошо видѣль: царь сильно взволнованъ, съ трудомъ сдерживаетъ, чтобы стороннимъ не выказать, тревогу.

«Бойтся. Сильно бойтся».

– Какой же вы старый, – Матвѣевъ самъ смутился сверхъ мѣры, – вы... очень даже еще... Вы ѣшьте, ѣшьте, угощайтесь... Да что жъ вы взяли-то горбушку какую, возьмите вонъ булки у меня свѣжія, солдаты на станціи купили... Они свѣжіе, колачи, только изъ печи, прижмешь – сами расправятся... а эту черствятину я хотѣль нынче утормъ – въ окошко – собакамъ бросить... А вы... Эхъ, вы...

– Нѣтъ-нѣтъ, благодарствую, – царь прижималь горбушку къ груди, – очень даже великолѣпный хлѣбецъ... вполне пригодный въ пищу... я не только жую, но даже и нюхаю... какъ, простите, цвѣтокъ...

Ляминъ и Матвѣевъ смотрѣли царю въ спину. Лопатки шевелились подъ гимнастеркой. А затылокъ-то лысый. Сколько ему? Пятьдесятъ-пять? Шестъдесятъ? Нѣтъ, меньше. Всяко меньше. Полтинникъ, навѣрное, стукнуло.

...Царь вошелъ въ купэ. На столѣ лежала записка, нацарапанная на клочкѣ питерской желтой газеты рукою дочери. «МИЛЫЙ ПАПА, КУДА ВЫ ПРОПАЛИ? Я И МАМА ЖДЕМЪ ВАСЪ КЪ ЧАЮ. У НАСЪ КЪ ЧАЮ СЕГОДНЯ КРЕНДЕЛЬ. МНѢ СОЛДАТЪ СЕРГѢЙ ПУШКАРЕВЪ ПОДАРИЛЬ».

Кинуль взглядъ въ окно. Онъ превосходно зналь карту Россіи.

Эти станціи, онѣ рядомъ съ Екатеринбургомъ.

Мельтешили, сновали мелкія рыбки вѣтокъ. Медленно шевелились плоско лежащія, умирающія камбалы снѣговыхъ пятень. Прочерчивали влажный воздухъ крупныя шуки станціонныхъ названій. Все плыло, мелькало, несло, проносилось, уплывало. Иногда смѣшно и мгновенно становилось съ ногъ на голову, какъ въ соленой слезной линзѣ подзорной трубы.

Подзорная мѣдная труба съ чернымъ винтикомъ. Увеличивала, уменьшала. Съ яхты «Штандартъ» онъ смотрѣль въ нее на далекія корабельныя трубы. Даваль цесаревичу въ слабыя руки; цесаревичъ приставляль окуляръ къ глазу и глядѣль, не моргая.

Что тамъ видѣль? Море крови?

Онъ вспомнилъ атласъ. И громадныя скатерти военныхъ картъ. И значки, коими обозначалась дислокація войскъ и рекогносцировка.

Одинокій стукъ. Дверь открывается, и опять безъ его согласія.

Вся его жизнь – безъ тайны, на виду.

– Николай Александрычъ! Опустите занавѣски на окнахъ.

– Зачѣмъ?

– Это военный приказъ.

– Ну да, вы теперь начальникъ надо мной. Слушаюсь.

Царь горько, шутливо отдалъ честь и задернулъ атласныя вагонныя шторы съ кистями.

– Вы уже попили чай? – Яковлевъ поправилъ на груди портупеею.

– Нѣтъ. Я вотъ хлѣбца пожеваль. Вы простите, эта кража впервые въ жизни. Зашель въ

чужое купэ, хлѣбъ слямзиль...

– Почему же впервые. Вы у народа – цѣлую страну своровали.

Царь заледенѣлъ. Отъ словъ Яковлева дохнуло ямой.

Яковлевъ вышелъ.

У царя дрожали руки.

Онъ опять вышелъ въ коридоръ. Поѣздъ мотался чучеломъ на колу въ вѣтреный день. Матвѣевъ стоялъ въ коридорѣ; дернувъ внизъ оконную раму, курилъ, дышалъ табакомъ и весной.

Николай уткой, на чуть кривыхъ кавалерійскихъ ногахъ, подковылялъ къ Матвѣеву.

– Хотите покурить, гражданинъ Романовъ?

Матвѣевъ не смотрѣлъ на него. Смотрѣлъ вдаль.

Царь повторилъ его прищуръ.

– Я бы отправился куда угодно. Лишь бы не Уралъ. И вотъ мы прибыли на Уралъ. Я вѣдь читаю газеты, Петръ Матвѣевичъ. И я знаю, Уралъ обозленъ на меня сверхъ мѣры. Мы прибудемъ въ Екатеринбургъ скоро. Тамъ насъ ждеть...

Матвѣевъ обернулся. Окурокъ жегъ ему желтые пальцы.

Царь натужно, будто его на колъ сажали, выдавилъ это слово.

– Ужась...

* * *

Ляминъ опять курилъ, у другого распахнутаго окна. Онъ слышалъ сдавленный голосъ царя. Вѣтеръ остужалъ, а солнце жгло щеки. Онъ провелъ ладонью по наждаку подбородка.

«Какъ тамъ Пашка, – хлестнула ненужная мысль, – безъ меня...»

«Я о ней, какъ о женѣ, думаю».

«Военная жена! Тоже думку удумаль!»

«А развѣ это не правда?»

Матвѣевъ вышагнулъ изъ купэ царя.

– Солдатъ Ляминъ!

– Такъ точно, товарищъ командиръ!

– Отставить курить!

– Слушаюсь!

Утро, какое пылающее. Нѣжное. Какъ щека дѣвушки.

«У Пашки щека твердая. Плотная кожа, грубая. Какъ наваксенный сапогъ. Но – горячая. Она сама горячая».

Внутри зануло, задвигалось. Остервенѣло швырнулъ недокуренную самокрутку на летящія рельсы.

Матвѣевъ смотрѣлъ, будто замерзъ до посинѣнія. У него въ радужкахъ плыли странные зрачки. Подернутые сизымъ инеемъ. Онъ прижалъ ладонь къ глазамъ и крѣпко помялъ ихъ. Отфыркнулся.

– Ничего не вижу, Ляминъ. Доктора мнѣ бы. Не ровень часъ, ослѣпну.

– Не надо слѣпнуть, товарищъ командиръ! Подлѣчитесь!

– Ляминъ, гдѣ, когда? Пуля подлѣчитъ.

Снял фуражку и растиралъ ладонью покраснѣвшій лобъ, сивую лысину. Маленькій, облѣзлый, сторожевой звѣрь революціи. Любого загрызеть, кто близко къ ней подойдетъ.

«А вѣдь при царѣ былъ – фельдфебель. Мерзляковъ говорилъ».

...Мерзляковъ взялъ изъ Тобольска въ дорогу не только Лямина и Андрусевича. Здѣсь еще были тобольскіе стрѣлки. Ихъ лица царь хорошо запомнилъ. Остальныхъ не зналъ. Ихъ было слишкомъ много. Хищныя рыбы плавали съ прицѣломъ вокругъ рыбы драгоцѣнной; и царская рыба остановилась, пошевеливая хвостомъ, пучила свѣтлые жемчуга глазъ, пыталась изучить, разглядѣть. Безтолково: морды у рыбьей стаи были всѣ одинаковыя. Всѣ – взаимозаменяемы: убьютъ одного, на его мѣсто встанутъ десятеро.

Это и есть народъ?

Да, это и есть твой народъ, царь; онъ стащилъ тебя съ трона и теперь возить по твоей землѣ, возить и сторожить. Ты – вещь. Тебя сейчасъ можно разбить, украсть. И выгодно продать.

– Я – вещь, Аликсъ. Просто вещь. Я фигурка Фаберже.

Старуха погладила, какъ кошку, его лежащую на колѣнѣ руку. Рука тонула въ болотѣ армейскаго сукна. Колѣно торчало сухимъ пнемъ.

– Успокойся, солнце. Ты не вещь. Я не вещь.

– Гдѣ Мари?

– Въ коридорѣ. Глядитъ въ окно. Ей любопытно. Съ ней Анна Степановна.

Царь трудно скрывалъ отчаяніе. Жена все видѣла.
И тоже скрывала, что она все видитъ и чувствуетъ.

Таились оба другъ отъ друга.

– Родная! Рядомъ съ нами наши старые друзья.

– Кто? – старуха надменно покривила губы. – Не сходи съ ума, my dear.

– Наша старая охрана. Прекрасные стрѣлки. Хорошіе солдаты.

– Хорошіе солдаты Красной Гвардіи?

– Они къ намъ благоволятъ.

– Знаютъ ли они, что такое благоволить? Благоволители!

– Тише, тише. Это такъ. Я вижу по ихъ глазамъ.

– Боже, ты сталъ совсѣмъ какъ лѣкарь Бадмаевъ! Тотъ тоже видѣлъ намѣренія и слышалъ мысли.

– Прежде всего я ихъ самихъ вижу. Вотъ посмотри. Андрусевичъ. Завьяловъ-старшій. Ляминъ...

– Ляминъ? Это тотъ, что на Марию заглядывается?

– Вотъ даже какъ?

– Если онъ къ ней приблизится хоть на шагъ, я сама убью его!

– Чѣмъ, Аликсъ? Столовымъ ножомъ? Я надѣюсь, что...

Оба слушали стукъ колесъ.

– Мнѣ удастся переговорить съ ними. Съ нашими старыми. Тобольскими. И они смогутъ намъ помочь.

Царица отвернулась къ окну. Царь видѣлъ ея затылокъ. Сѣрые волосы змѣями, хитро, ползли изъ пучка на макушкѣ на шею. Шея беззащитно торчала изъ кружевного воротничка. Беззащитно и горделиво. Сѣрыя змѣи стекали на воротникъ, затекали подъ него, ползли по спинѣ. Затылокъ императрицы говорилъ морозно и ясно: «Не вѣрю ничему и никому и тебѣ не совѣтую».

...Рельсы, рельсы. У Лямина болѣли глаза отъ ихъ потоковъ и скрещиваній, и онъ, стоя у раскрытаго въ весну окна, закрывалъ глаза. Потомъ опять открывалъ. Рельсы свивались въ клубокъ. Онъ тарачился на сѣрыхъ змѣй. Хотѣлъ растащить ихъ руками, ногтями. Его чудовищно увеличенныя руки высовывались изъ окна, тянулись къ стальнымъ удавамъ. Мигъ – и поѣздъ проскакивалъ ихъ, слипшихся то ли въ борьбѣ, то ли въ любви, они расцѣплялись и ползли теперь уже въ разныя стороны. Поѣздъ подходилъ къ Екатеринбургъ. Ляминъ улыбнулся. Это былъ новый городъ, и это былъ Уралъ. Яковлевъ рассказывалъ ему про Уралъ. Про то, какъ здѣсь въ горахъ можно найти настоящій крупный изумрудъ. Неограниченный, онъ похожъ на зеленый мертвый рыбій глазъ. Яковлевъ складывалъ пальцы въ кольцо и показывалъ: вотъ такущій. Ляминъ не вѣрилъ, смѣялся.

Колеса перестукивали все медленнѣй. Паровозъ страшно, какъ скотъ на бойнѣ, закричалъ. Вслѣдъ за гудкомъ изъ паровозной трубы повалило густой дымъ и заволокло окна и крыши вагоновъ, полѣзъ людямъ въ ноздри. Ляминъ не задраивалъ окно. Закрылъ ладонью носъ и ротъ. Дымъ вползъ въ вагонъ и растекался по коридору, заползалъ въ купѣ.

Въ купѣ, гдѣ ѣхали слуги, закашлялась женщина.

«Дѣвка Демидова. Поднесла, небось, платочекъ къ носику и кхекаетъ. Графья, князья».

Дверь въ купѣ, гдѣ ночевалъ Ляминъ, отворилась настежь.

Съ верхней полки слѣзъ Андрусевичъ. Стоялъ въ дверяхъ, жмурился, шурился, зѣвалъ. Старался разлѣпить замазанные сладью сна глаза. Вытащилъ изъ кармана огромные наградные, офицерскіе часы. «Хороши часики. У бѣляка какого взять, не иначе. Или – у бывшаго. Красивыя вещицы умѣли бывшіе дѣлать! Ну ничего, и мы научимся. Искусство переймемъ».

– Эхъ ты, Мишка. Мишка-коврижка! Прибыли. Восемь сорокъ! Плюхали, плюхали – и доплюхали!

Ляминъ протянулъ руку.

– Дай часы.

– А что, завидно?

Нехотя далъ. Михаилъ разглядывалъ, цокалъ языкомъ.

– Отличная вещь. Да сдается, не такая ужъ новая. Старая. И идутъ?

– Ха-га-а-а-а, какъ часы!

Андрусевичъ приглаживалъ вихры.

– Дай сюда!

Какъ мальчишки, боролись за часы, возились въ коридорѣ.

– Ты, тихо... Подѣхали ужъ... А ты рѣзвишься... Чай, не порося...

Составъ громко, разомъ, ударилъ всѣми колесами, лягнулъ ими, какъ зубами, сотрясся и всталъ.

Въ коридорѣ, вдали, какъ размытый миражъ, появился комиссаръ Яковлевъ.
Крикъ побѣждалъ по коридору колючимъ, мохнатымъ шаромъ перекати-поля.
– Слушай мою команду! Всѣмъ собраться въ тамбурѣ! Въ купѣ ничего не забыть!
Оружіе – провѣрить! Запасы – взять съ собой! Съ груза – глазъ не спускать!

...Николай обернулся къ женѣ. Губы его прыгали.

– Вотъ мы уже и грузы.

– Какой грузъ?

Царь осторожно, будто боясь увидѣть подъ кускомъ ткани мертвый, засиженный мухами ликъ, отогнулъ занавѣску и поглядѣлъ въ треугольникъ вагоннаго стекла. Передъ составомъ лежало еще четыре пути. Пустые, серебришіеся подъ утреннимъ солнцемъ рельсы. Длинные острые ножи. Ими легко, походя обрубилъ пространство и время. За путями высилась платформа. Царь глядѣлъ уже не въ треугольникъ – въ щель между занавѣсками. Опускалъ, опускалъ и не могъ опустить шелковый пологъ. Губы его пересыхали такъ быстро, будто онъ стоялъ на палящемъ солнцѣ, въ голой степи. Глаза темнѣли. Зрачки сливались съ радужками, и въ шелковую щелку глядѣли двѣ черныхъ, вырытыхъ грязной и быстрой лопатой ямы.

– Что тамъ, Ники? Почему ты молчишь?

Его старая жена поднялась, тяжело перетасила весь пышный, въ робронахъ и потертыхъ бархатныхъ нашлепкахъ, задъ поближе къ окошку.

На платформѣ бушевала толпа.

Охъ нѣтъ, не толпа, а народъ.

Бушевалъ и ярился его, его народъ.

– Мой народъ, – шепталъ онъ высохшими черствыми губами, – мой народъ. Мой родной народъ.

Еще что-то шепталъ, что – и самъ не понималъ.

– Милый! Что ты?

Онъ скосилъ глаза на ея пышный атласъ. Такая дорога, такъ они умотались, а она ухитрилась старую юбку сохранить блестящей и чистой, хоть сейчасъ въ парадный Александровскій залъ Зимняго дворца. Грязь – невидима.

За опущенной занавѣской, за стальными путями, то прямыми и смѣлыми, то кривыми и подлыми, оралъ, размахивалъ кулаками, взрывался и гасъ ужась.

– Вонъ онъ, ужась. Вотъ онъ... какой...

– Ники, ты не захворалъ?

Царица вытянула наискось и впередъ старую обвисшую руку и нѣжно пощупала его лобъ. Лобъ былъ липкій и потный отъ ужаса. Царь почти грубо стряхнулъ ея руку, какъ ужа или ящерицу. Занавѣски сомкнулись. Атласныя кисти безсильно свисали. Свисали, около губъ, на лицѣ царицы складки черепашьей бѣдной кожи. Когда-то онъ такъ любилъ цѣловать эти губы.

Онъ наклонился и припалъ губами къ беззащитному, скорбному углу ея рта. Она давно уже не мазала тонкогубый печальный ротъ англійскимъ губнымъ карандашомъ.

– Нѣтъ.

– На тебѣ лица нѣтъ.

– Это ничего. Это пройдетъ, – утѣшающе бормоталъ онъ, лоя и цѣлуя ея руку, уже въ старческихъ коричневыхъ, какъ гречишныя зерна, нашлепкахъ-бородавкахъ.

Жена прижалась теплымъ плечомъ къ его плечу. Китель безъ эполетовъ. И кинжалъ отняли.

– Да что ты тамъ увидѣлъ?

Царь обернулъ къ ней лицо и заставилъ себя нарисовать на лицѣ улыбку.

– Тамъ? Тамъ люди, милая. Много людей, – подумалъ и тихо, насмѣшливо сказалъ: – Толпа.

Эта легкая поддѣльная насмѣшка пахла пьяной, разгульной горечью.

Потомъ еще подумалъ, судорожно вздохнулъ и выдохнулъ:

– Они – насъ... встрѣчаютъ.

* * *

Раннее свѣтлое, золотое утро. Въ такое утро монахи въ монастыряхъ встаютъ рано и идутъ къ заутренѣ, еще не отойдя ото сна. И первыя молитвы, и первыя стихиры и кондаки поютъ тихими, слишкомъ нѣжными, слабыми и чуть хриплыми голосами.

Шоферъ гаража Уралсовѣта Ѳедоръ Самохваловъ хмурилъ брови. Онъ не успѣлъ какъ слѣдуетъ почистить моторъ. А ѣздить въ грязномъ моторѣ – это плохой тонъ.

Его спозаранку вызвали въ Уралсовѣтъ. По зданію ходили люди, какъ тѣни; они, сдаются, и не спали совсѣмъ. Человѣкъ въ черной кожѣ поставилъ Самохвалова передъ собой, какъ

куклу, и молча подаль ему бумагу съ адресомъ. Ѳедоръ Самохваловъ прочиталъ по слогамъ: «Домъ Ипать-е-ва, уголь Воз-не-сен-скаго проспекта и Воз-не-сен-скаго пере-ул-ка».

– Да знаю я, гдѣ это! Кто жъ не знаетъ!

– Туда пригонишь моторъ.

– А что, инженера Ипатьева куда перевозить, или какъ?

– Инженеръ Ипатьевъ больше въ этомъ домѣ не живетъ. По приказу Уралсовѣта онъ освободилъ домъ. Они всѣ уже переѣхали. Это не твоя забота.

...Шоферъ Самохваловъ, какъ приказали, прикатилъ къ дому Ипатьева. Воззрился на новый, слишкомъ высокій заборъ. Черезъ такой не перелѣзешь такъ просто. Вокругъ дома стояли люди. За плечами – винтовки.

Это полбѣды. Былъ и второй людской кругъ.

Пострашнѣ.

Домъ обнимала толпа, она клубилась и вздрагивала. Но молчала.

Толпа дышала, темно качалась и не говорила ничего. Ждала.

– Эй, а вы-то что тутъ всѣ дѣлаете? – самъ себя напуганно спросилъ Самохваловъ.

Узкими, съ сибиринкой, колючими глазами шоферъ слѣдилъ, какъ изъ дома выходитъ и къ нему приближается, переваливаясь съ ноги на ногу темнымъ селезнемъ, человѣкъ съ гладкимъ, красивымъ лицомъ: усы, борода, ротъ сложенъ краснымъ бантомъ. Похожъ на художника или на артиста; да кожаная куртка на немъ, какъ у нихъ у всѣхъ, у комиссаровъ.

Самохваловъ сидѣлъ въ моторѣ, а комиссаръ стоялъ снаружи. Комиссаръ вытянулъ указательный палецъ и показалъ на землю у себя подъ ногами. Жестъ этотъ означалъ: выходи.

Самохваловъ не вышелъ. Такъ и сидѣлъ въ моторѣ.

Комиссаръ пожалъ плечами. Шоферъ отворилъ стекло. Выставилъ локоть. Комиссаръ засмѣялся.

– Эхе-хе, да вы съ юморомъ. Вы не военный? Приказовъ не понимаете?

– Шоферъ я, – сказала Самохваловъ.

– Ладно. Не буду васъ наказывать. Сидите, вертите руль. И я сяду рядомъ, – комиссаръ рванулъ дверцу, усѣлся на заднее сидѣнье. – Вези меня на вокзалъ!

– А, васъ къ поѣзду, понятно, – моторъ стронулся съ мѣста плавно и умѣло. – Встрѣчаете кого? Или провожаете?

– Встрѣчаю.

Шоферъ велъ авто и тайкомъ косился на комиссара. Онъ не представился. Не назвалъ Самохвалову свою фамилію. А зачѣмъ называть-то; человѣкъ, да и все.

Вокзалъ встрѣтилъ ихъ гомономъ и гудомъ. Отчего-то здѣсь нынче, въ ранній часъ, клубилась такая тьма народу, что шоферу стало не по себѣ.

– Что они всѣ тутъ дѣлаютъ?

– Жди въ моторѣ.

Комиссаръ выскочилъ изъ авто и ввинтился въ толпу. Самохваловъ сладко и длинно зѣвнулъ.

* * *

...Люди увидѣли поѣздъ. Увидѣли – ихъ.

Толпа увидала ихъ въ окнахъ, зеркала и деревянная полировка наѣзжали другъ на друга отраженіями и скосами, фигуры стояли, перемѣщались, исчезали, пытались спрятаться, но ихъ все равно видѣли; и нечего было таиться, поѣздъ просвѣчивался тысячами ненавидящихъ глазъ.

– Выведите Николая! Сюда намъ Николая!

Царь, въ накинутаю на плечи длинной, какъ у кавалериста, бьющей по пяткамъ шинели стоялъ безпомощно и понуро, словно голодная лошадь, и голову по-лошадиному опустилъ. Борода его касалась груди, мѣдныхъ пуговицъ подъ воротникомъ. Жена нашла и слабо пожала его руку.

– Они требуютъ меня, – сказала Николай. Грудь его мѣрно поднималась подъ кителемъ.

Ляминъ стоялъ за спинами царей. Почти-что за плечомъ Маріи. Ея круглое плечо выпячивалось подъ сѣрымъ мышиннымъ плащомъ. «Плащикъ на мѣху, вонъ какіе они у княжонъ. И – въ талию». До его ноздрей долеталъ странный, полынный аромат ея волосъ. «Горькими духами душитъ. Или это ея собственный запахъ?»

Горечь, горечь и степь. Горькая сибирская, уральская хвоя.

Хвою можно жевать, если умираешь съ голоду.

– Покажите намъ Николашку!

– Николая – на перронъ!

- Подъ ноги намъ! Затопать его!
- Да что его! Всѣхъ!
- Задушить ихъ мало! Сжечь живьемъ!
- Все, ихъ привезли! Наконецъ-то! Они у насъ!
- Они въ нашихъ рукахъ! Ужь не уйдутъ, дряни!

Кровь медленно отливала отъ лица царя. Онъ поднесъ ко рту руки и грѣль ихъ дыханіемъ.

- Ты замерзъ, папа... На муфточку...
- Марія совала отцу въ руки круглую бѣличью муфту.
- Зачѣмъ мнѣ муфта... Не зима же... И я – не дама...
- Но ты согрѣйся... Все равно...
- Все равно. Все... равно...

Яковлевъ и Матвѣевъ быстро прошагали по вагону. Вагонный коверъ скомкался и неудачно попалъ подъ носокъ сапога Матвѣева. Онъ чуть не растянулся въ коридорѣ. Яковлевъ подхватилъ его и тихо, желѣзно вычеканилъ:

- На ногахъ – стоять. Еще належимся.
- Матвѣевъ отряхивалъ колѣно, гладилъ его, морщился.
- Ушиблись?
- Наплевать.

Ляминъ видѣлъ, какъ охрана на платформѣ взялась за руки, всѣ солдаты взялись за руки и грудью отталкивали напиравшій народъ, изо всѣхъ силъ пытались сдержать налѣзавшую, разъяренную многоглавую толпу, а люди все лѣзли, все давили, орали и трясли кулаками. Видно было, что охрана можетъ не справиться съ яростнымъ, злымъ натискомъ людей.

«Они хотятъ убить царя. Растерзать. Вотъ какъ царь всѣмъ насолил. А самъ-то, небось, гадаеть, чѣмъ и когда. Когда мы его возненавидѣли? Во время девятьсотъ пятаго года? Послѣ Кроваваго воскресенья? Послѣ Ленскаго разстрѣла? Въ японскую войну? На другой день послѣ Ходынки? Москва выла и хоронила задавленныхъ, а цари съ французскими гостями – во дворцѣ – мазурку плясали!»

Дѣвица Демидова крѣпко прижала руки къ лицу. Пальцы ея побѣлѣли. Кожа толстыхъ щекъ просовывалась, розовая и сытая, между пальцами. Видимо, она хотѣла подавить крикъ, а онъ бился у нея подъ ладонями, выскакивалъ наружу, и она ладонью безуспѣшно заталкивала его внутрь. Докторъ Боткинъ возился за ея спиной съ корзинами и большимъ бауломъ.

- Яковлевъ зычно, гулко крикнулъ на весь вагонъ:
- Отрядъ! Выходи къ поѣзду! Приготовить пулеметы!

Михаилъ вытеръ потныя ладони о штаны. «Ну вотъ, оно и началось. Потѣха. Толпа на тебя напреть, а ты ее что, давай разстрѣливай?! Э, мы такъ не договаривались!»

«Дурень, остолопъ, это же война. У нея свои законы. Надо стрѣлять – значить, стрѣлай. Иначе выстрѣлять въ тебя».

- «Ну, пулеметы-то они не снесутъ! Это мы ихъ покосимъ!»

«Люди – это не трава. Они налѣзутъ и тебя – собой задавятъ. Всѣ пулеметы заглохнуть. Ты же видишь – имъ не страшно умирать. Они наплюютъ на смерть одного, двухъ, десяти. Толпа не считаетъ своихъ отломанныхъ, оторванныхъ рукъ и ногъ. Ей надо сохранить тулово. И башку. Кто у нихъ голова?»

- «А вотъ и голова!»

Солдаты тащили пулеметы. Вытаскивали ихъ изъ вагона. Устанавливали передъ составомъ. Наводили пулеметы на толпу. А она, вопя, двигалась впередъ, напирала, и вотъ уже два охранника, тѣ, кто стоялъ ближе всѣхъ къ поѣзду, разомкнули руки. Толпѣ удалось разорвать огражденіе. Люди хлынули, падая, давя другъ друга, прямо къ вагонамъ. Передъ ними, размахивая руками надъ голой головой съ длинными, развѣвающимися на вѣтру сѣдыми волосами, бѣжалъ высокій, выше всѣхъ, человѣкъ въ желѣзнодорожной формѣ.

- Яковлевъ высунулся изъ вагона и прокричалъ пулеметчикамъ:

- Не стрѣлять! Я знаю его!
- Высокій человѣкъ все махалъ руками.
- Это Зиновьевъ, – прошепталъ комиссаръ. – Митя Зиновьевъ. Я его по Уфѣ помню.

- И опять крикнулъ громко, раскатисто:
- Зиновьевъ! Это я, Василій! Изъ Уфы! Вася Яковлевъ!

Вокзальный комиссаръ Дмитрій Зиновьевъ остановился. Руками замахалъ на кипящую за его спиной толпу: стой, стой! Напиравшіе люди нехотя встали. Сквернословили, рычали. Толпа качалась сырмъ чернымъ тѣстомъ. Теплый вѣтеръ крѣпчалъ, дышалъ на тополиныя почки, срывалъ ржавую жестъ со старыхъ крышъ.

– Яковлевъ! Эй! Я узналъ тебя! Яковлевъ! Слушай меня! Выводи Романовыхъ изъ вагона! Выводи царя! Дай я ему въ рожу плюну!

Толпа радостно завопила, услышавъ это. Опять надвинулась. Люди шли стѣной. Въ рукахъ иныхъ Ляминъ различилъ топоры, молотки. Потъ текъ у него подъ лопатками, по переносицѣ. «Да это жъ казнь сейчасъ будетъ. Казнь! Берегли-берегли мы царей, да не уберегли».

Вотъ первые люди уже, переваливъ черезъ стальные ручки путей, добѣжали до поѣзда. За ними бѣжали другіе.

– Мама, почему они такъ кричатъ?

Голосъ Маріи Ляминъ услышалъ какъ сквозь вату. Свистъ вѣтра. Паровозные гудки. Гуль толпы.

«Я оглохъ. Оглохъ».

– Приготовить пулеметы! – неистово взвопилъ Яковлевъ.

Пулеметчики нацѣлились. Яковлевъ угрожающе поднялъ руку. Толпа остановилась и попятилась. Яковлевъ уже близко видѣлъ ошалѣлое лицо вокзального комиссара. Онъ кричалъ натужно, хрипло:

– Васька! Не боюсь я твоихъ вшивыхъ пулеметовъ! Я противъ тебя и твоихъ царей – пушки приготовилъ! Что, не видишь?! Ослѣпъ?! Вонъ стоятъ! На платформѣ! Тебя ждуть! И твоихъ вѣнценосцевъ! – набралъ въ грудь воздуху и снова заоралъ: – Мы тебя такъ долго тутъ ждали! Выдай намъ царя, его курицу и всѣ его отродья! Мы утопимъ ихъ въ крови! Наконецъ! Наконецъ-то!

Сквозь головы, локти, груди, ладони торчали и вздрагивали жерла трехдюймовокъ. Возлѣ пушекъ возились люди. Яковлевъ оглянулся на стоявшихъ въ вагонѣ Романовыхъ. Царь крѣпко обхватилъ руками плечи. Марія стояла прямо, глаза ея расширились, брови сдвинулись. Сюда, въ вагон, доносился пчелиный, адскій шумъ, производимый развирѣпѣвшей толпой. Словно бы земля разступилась, и сталь слышенъ древній, огненный подземный гуль.

Мы всѣ ходимъ по огню, да онъ запрятанъ далеко и глубоко подъ ногами. И только внутри толпы прячется этотъ забытый огонь, молится толпа, неистовствуетъ или казнить. Скопище людей – хранилище пламени. Когда гнѣвъ зажигается, его невозможно потушить, какъ ни старайся.

И вдругъ пушки на перронѣ заслонились деревянной движущейся, безконечной стѣной. Вагоны, вагоны, дощатые, заколоченные досками крестъ-на-крестъ, шли и шли и шли. Это откуда ни возьмись появился товарнякъ и грохоталъ, медленно и неуклонно катясь съ запада на востокъ.

Стоящіе въ вагонѣ слышали страшные, возмущенные крики людей, у которыхъ внезапно украли добычу. Люди дико, безстыдно ругались. Марія медленно поднесла руки къ щекамъ и закрыла ладонями въ тонкихъ перчаткахъ уши подъ сѣрой бараньей шапкой.

– Суки! Гады, язви ихъ!

– Ахъ, чортъ задери, машинистъ, въ ротъ ему дышло!

– Откуда этотъ товарнякъ наѣхалъ, мать его за ногу!

– Въ бога душу! Теперь что, черезъ составъ прыгай?!

– Ахъ они всѣ суки! Это нарошно все сдѣлано!

– Ребята! Стрѣлай все одно!

– Ну что, что стрѣлай?! Стрѣльнешь – а въ кого попадешь?! Въ доски?!

– Братцы, въ товарномъ – коровъ везуть! Что, мы скотъ перебьемъ?!

– Романовы – хуже скотовъ!

– Эка какой длинный, сучонокъ блохастый! Мать его перемать! Сто вагоновъ!

– Тыща!

– Всталь! Ей-Богу, всталь!

– Жми, братва! Перебирайся черезъ буфера!

– Настигнемъ ихъ все равно!

– Все равно!

– Не уйдете, сволочи, кровопивцы!

Люди полѣзли черезъ буфера. Яковлевъ, безъ кровинки въ лицѣ, махнулъ рукой пулеметчикамъ. Поѣздъ уже пошелъ, когда на ходу втаскивали въ вагонъ послѣдній пулеметъ.

– Паровозъ не отцѣпляли, – бѣлыми губами прошелестѣлъ Яковлевъ, – товарнякъ насъ всѣхъ спасъ.

Ляминъ косился въ окно. Рельсы сплетались и расплетались. Пути путались и заплетались въ узкую, длинную стальную косу. Составъ набиралъ ходъ. Вопли толпы оставались позади. Отдалялись и отъ этого становились еще страшнѣе.

«Товарнякъ, спасибо тебѣ. Товарнякъ, какъ же во-время появился. Откуда? Шель по расписанію. Расписаніе, и все тутъ. Никакая не судьба, и не Божій промыселъ. А цари

сейчас подумаютъ, да и она... тоже подумаетъ, – промыселъ Божій».

- Умный машинистъ, догадливый, – Яковлевъ обернулся къ Лямину, – не гудить.
- А чего ему гудѣть? Улизнуть надо тихо.
- Вѣрно.

Колеса стучали сильнѣе, ритмичнѣй. Быстрѣй, быстрѣй. Михаилъ притиснулъ лицо къ стеклу. Вокзала уже не видать. И перрона тоже. И дикой толпы. Это были люди? Нѣтъ. А кто же тогда?

«А эти, которыхъ веземъ и надъ которыми трясемъ, какъ надъ писаной торбой, – что, люди?»

Скорѣй, скорѣй. Стукъ и грюкъ. Молотъ стучить. Коса косить. Топоръ рубить. Ножъ рѣжетъ. Сталь стрѣляетъ. Каждому свое. Всякъ дѣлаетъ свое дѣло.

...Черезъ четверть часа они ловили глазами въ окнѣ другую платформу, и другой вокзалъ, и другіе фонари. Лишь рельсы были все тѣ же. Длинные мертвые сельди, ледяная чехонь, заботливо уложенная великимъ и злымъ рыбакомъ въ огромный земной чанъ; но не придавили еще тяжелымъ булыжникомъ, и еще не дала горькій сокъ, соленый, слезный тузлукъ.

* * *

ИНТЕРЛЮДІЯ

*...не дай Богъ мнѣ могилу, могилу мою безъ креста.
И все равно, растутъ тамъ три лиліи, и трава безвинно чиста.
И все равно, тамъ клонятъ три лиліи главы святыя свои:
Вѣдь нѣтъ тамъ креста, а значитъ – нѣтъ и Божьей, одной любви.
Моей любви, великой любви тамъ не было, не будетъ и нѣтъ.
Зимю тянется къ могилѣ моей пустой, одинокій слѣдъ.
И вижу: несетъ человекъ на плечахъ крестъ, мнѣ Божій крестъ несетъ.
И вижу, какъ плачетъ и кривится, чернѣетъ его рыдающей ротъ.
Вотъ ближе онъ подошелъ. Вотъ крестъ въ морозную землю врылъ.
Лопату бросилъ. И руки раскинулъ – наподобье креста и крыль.
А послѣ упалъ предъ моей могилой – и такъ сильно плакать сталъ,
Что я изъ могилы моей чуть утѣшить его не возсталъ!
Я плачу, и плачетъ онъ, и плачетъ Богъ въ небесахъ,
А это уже радости слезы, и радости соль на устахъ;
На черепъ звонкомъ, на звонкихъ моихъ, разстрѣянныхъ, желтыхъ костяхъ,
На всѣхъ людскихъ обманахъ, войнахъ, страстяхъ, любовяхъ, смертяхъ.
И... кто тамъ шепчетъ... не слышу... ближе... за тѣмъ вонъ, снѣжнымъ кустомъ:
«Три снѣжныхъ лиліи, лиліи, за тѣмъ холмомъ, за крестомъ».*

...я не знаю, почему я все время вспоминаю и твержу стихи этого забытаго поэта. Я не знаю, мужчина это или женщина – человекъ жилъ такъ давно, что время стерло и съ камней, и съ папирусовъ, и съ пергаментовъ, и съ тонкой бумаги строки о немъ самомъ, оставило только немного его строкъ; и ихъ перевираютъ на разные лады, варьируютъ, слагаютъ заново, жонглируютъ ими, – а кто-то вѣдь и молится ими; я такъ думаю, что эта древняя пѣсня о тѣхъ, кто былъ когда-то убитъ и безъ креста, безъ молитвы и безъ панихиды зарытъ въ лѣсу, въ темномъ урочищѣ.

Мои цари? А можетъ, это тотъ красноармеецъ, что упалъ возлѣ ногъ вороного коня и закрылъ свои карія очи? И кто же, кто, наконецъ, вспомнилъ это затерянное въ лѣсахъ захороненіе, эту страшную тайную могилу, безъ креста черную яму, – у ямы было имя, а у того, кто тамъ зарытъ, имени не было, – и рѣшилъ поставить тамъ крестъ, а потомъ приходитъ и молится тамъ, а потомъ возвести и деревянный, нѣжный храмъ – въ память, для слезъ и любви?

Кто вспомнилъ эти страшные и нѣжные стихи?

...деревянный храмъ сгорѣлъ. Возвели – каменный.

...сгорѣть ничто не можетъ, вы же прекрасно знаете это; ни души, ни церкви, ни камни, ни письмена, ни слезы.

Иконы – внутри пожаровъ – выживаютъ, невредимыя сіяютъ.

Ну да, конечно, надъ выжившей въ огнѣ иконой можно во все горло смѣяться: чушь, блажь, такъ не бываетъ!

И возможень, да еще какъ возможень міръ безъ Бога, и только онъ одинъ, такой міръ, и ждетъ насъ въ будущемъ!

Не надо намъ предразсудковъ! Не надо намъ итти назадъ! Всѣ эти ваши боги – бредъ!

А вашъ Христосъ – мой личный врагъ!

Такъ кричалъ мнѣ въ лицо одинъ человекъ, трезвый, не пьяный, и слюна брызгала у него изо рта.

И я подумала тогда: да, приведи тебѣ Господа на бичеваніе – ты первый въ руки бичъ возьмешь.

...надо мной смѣются еще одни люди. О, это особые, особенные люди. Хорошо воспитанные. Не пьютъ, не курятъ, не сквернословятъ. Я не считаю ихъ злыми: они всѣ навѣрняка добряки, и навѣрняка у нихъ хорошія семьи, и ужь точно, они порядочные, усердные труженики, и многіе изъ нихъ за ихъ трудъ вознаграждаются. Но эти люди очень не любятъ, когда книга говоритъ имъ о святомъ. Передергиваютъ плечами. Фыркаютъ, какъ коты.

Поэтому, знаете ли, о святомъ впрямую говорить не надо; святое – это не звонкіе крики: храмъ! крестъ! икона! молитва! – святое – вездѣ: въ полевомъ цвѣткѣ на холмѣ, въ земляникѣ на могилѣ, въ слюдяномъ блескѣ рѣчной излучины, въ гѣдкомъ дымѣ самосада, царапающемъ глотку.

Сейчасъ такое время, когда о святомъ надлежитъ говорить иносказаніемъ, притчей.

Впрочемъ, Иисусъ тоже притчами говорилъ.

Во всякой мелочи міра – святое.

Но развѣ святое – въ свистѣ пули?

Развѣ святое – въ лужѣ крови, гдѣ лежитъ застрѣленный, безвѣстный солдатъ?

И развѣ святое – въ оголтѣлыхъ рѣчахъ, когда, брызгая слюной, всѣ кричатъ и кричатъ о новой войнѣ, о новой революціи, о томъ, что наново надо изувѣчить страну, землю и людей на ней, а потомъ засѣять кровавую ниву золотымъ зерномъ?

...гдѣ зерно-то золотое взять. Въ какихъ закромахъ.

...три лиліи, вы, однѣ только вы и помнили всѣ эти годы о затерянной могилѣ, о замурченныхъ жизняхъ; о бокалѣ краснаго бургундскаго, что держали въ забытомъ, разграбленномъ дворцѣ еще живыя, царственные руки.

* * *

Ляминъ выглянулъ въ окно. Потомъ пробѣжалъ и выглянулъ въ другое. Чужіе бойцы не дремали – окружили составъ.

«Ясно какъ день. Сейчасъ и разстрѣляютъ насъ всѣхъ, если что не по ихъ».

«Но и у насъ оружія довольно!»

«Это какъ карта выпадетъ».

– Братцы, оцѣплены мы. Въ кольцо взяли!

Мерзляковъ цѣдилъ:

– Всѣ умре-о-о-омъ... Всѣ умре-о-о-омъ...

И смѣялся, скалилъ гнилые зубы.

Яковлевъ бѣжалъ по вагону.

– Всѣмъ держаться спокойно, что бы ни случилось!

– А што случицца-то, товарищъ комиссаръ? Только стрѣльба, больше ничо!

Люкинъ щипалъ себя за губу.

Яковлевъ глянулъ въ окошко. На перронѣ, передъ бойцами, стояли трое мужчинъ. Одинъ въ бѣлой бараньей папахѣ, другой въ очкахъ, благороднаго вида, третій – въ фуражкѣ, въ пенсѣ, и носъ виситъ кривой соплей, и ухмылка на губахъ.

– Такъ, ясно, – пробормоталъ Яковлевъ, – весь Уралсовѣтъ въ сборѣ, – обернулся къ стрѣлкамъ: – Держаться! Первыми – не стрѣлять!

Царь вышелъ изъ купѣ въ коридоръ.

За нимъ – Марія. И держала отца за руку, какъ ребенка.

– Что, что тутъ?

– Папа, не волнуйся!

Ляминъ подошелъ къ царю и Маріи. За Ляминимъ встали и шли Ереминъ, Андрусевичъ, Мерзляковъ. Сашка Люкинъ сдернулъ съ плеча и сцѣпилъ въ рукѣ винтовку. И всѣ остальные сдергивали винтовки съ плечъ. Игнатъ Завьяловъ крикнулъ:

– Не отдадимъ!

Для нихъ всѣхъ цари вдругъ стали не враги, а безцѣнные сокровища, и ихъ надо какъ зѣницу ока охранять; и все зависитъ отъ того, кому сокровища достанутся; а можетъ, никому; но долѣгъ надлежитъ до конца исполнить.

– Точно! Не отдадимъ васъ!

Павель Ереминъ тоже сжималъ винтовку. Ляминъ смотрѣлъ на его чрезмерно крупный, какъ тыква, кулакъ.

– Не отдадите – это значить, не дадите убить?
Голосъ царя былъ такъ холоденъ и спокоенъ, что бойцы выпрямились и тоже ледяно застыли.

«Правду говорить».

Марія молча держала за руку царя, и Ляминъ видѣлъ, какъ крѣпко царь сжималъ ея руку.

– Вродѣ того, – бросилъ Люкинъ.

Мерзляковъ, Андрусевичъ и Игнатъ Завьяловъ уже бѣжали къ двери вагона и открывали ее.

Встали въ дверяхъ.

Выставили штыки.

Стукнула дверь купэ.

Царица вышла, зѣвая.

«Отдыхала. Всегда спитъ, чуть свободная минутка. А ночи напролетъ можетъ не спать; въ старости люди становятся безсонны, это жъ извѣстное дѣло».

– Что, пріѣхали, darling? Екатеринбургъ? А я уже готова.

Одѣта, въ верхнемъ платьѣ и въ ботикахъ, и шаль повязана поверхъ шапки, и опять зѣваетъ во всю пасть.

«Вотъ чудеса такъ чудеса. Не слыхала она, что-ли, какъ всѣ здѣсь орали? Крѣпко спала... утомилась...»

– Что за шумъ? Насъ встрѣчаетъ народъ? Гдѣ мы?

Поправила сѣдую прядь, затолкала подъ шерстяные завитки шапки.

Яковлевъ сухо сказалъ:

– Прибыли.

Старуха качнулась. Задѣла плечомъ Марію. Оскалила въ мучительной улыбкѣ зубы – на мигъ – царю.

Ляминъ видѣлъ ея сутулую спину и узелъ козьей шали сзади на шеѣ.

Двинулся къ выходу изъ вагона.

Надо было пройти мимо Маріи и царя. Онъ не смогъ пройти, не коснувшись ея, – узокъ былъ коридоръ. За нимъ прошелъ къ выходу Ереминъ и тихо сказалъ царю, царицѣ и ихъ дочери:

– Здравствуйте, граждане.

Съ перрона не доносилось ни звука. Чужіе стрѣлки молчали, винтовки наизготовѣ, замерли. Желѣзный червь поѣзда подъ прицѣломъ, и его внутренности, живые люди, шевелятся, бьются и наливаются кровью.

Въ тамбуръ уже набились бойцы. И тоже выставляли стволы винтовокъ въ открытую дверь. Отверстіе двери ошетинилось штыками. Ляминъ слышалъ частое дыханіе Сашки Люкина. Сашка дышалъ, какъ большая собака.

Къ дверямъ подошли чужіе.

«Тоже красные, а – чужіе».

Ляминъ чуть ли не впервые ощутилъ ужасъ великой красной каши, въ которой варились всѣ, разные и несчастные, – а думали, что они одинаковые и счастливые.

– Давай Романовыхъ! – крикнули снизу.

Голова Яковлева, въ черной папахѣ съ красной лентой поперекъ, закачалась надъ частоколомъ штыковъ.

– Не имѣю права! Я комиссаръ Яковлевъ! Подчиняюсь Москвѣ!

– У насъ тутъ своя Москва! – крикнулъ другой голосъ, молодой и рѣзкій, наглый.

Человѣкъ въ бѣлой папахѣ непріязненно смотрѣлъ на черную папаху Яковлева. Раздвинулъ слипшіяся губы.

– Выводите Романовыхъ, – произнесъ онъ спокойно, съ силой, съ нажимомъ.

Яковлевъ молчалъ. Папаха качалась надъ фуражками, ушанками и шапками бойцовъ.

Ляминъ чуялъ его вѣрное, надежное тепло, сочащееся изъ-подъ куртки, отъ близкаго лица.

– Я все равно такъ просто не сдамся, – прошепталъ Яковлевъ; и Ляминъ такъ понялъ, что – ему.

И кивнулъ.

За ихъ спинами стояли цари. Они такъ долго сторожили ихъ. Такъ мучительно везли сюда.

Яковлевъ крикнулъ надъ головами охранниковъ:

– Требую отвезти меня на телеграфъ! Я свяжусь съ Москвой! И буду дѣлать только то, что мнѣ прикажетъ Москва! Если прикажутъ – повезу Романовыхъ въ Москву!

– Въ Москву, въ Москву, разгонять тоску, – надменно улыбнулся человѣкъ въ пенснэ, съ кривымъ попугайскимъ носомъ.

– Мы сейчас васъ всѣхъ тутъ перебьемъ! – крикнули издалека, съ утыканнаго вооруженными людьми перрона.

Охранники въ тамбурѣ посторонились и пропустили Яковлева впередъ. Онъ всталъ въ дверяхъ вагона. Былъ весь на виду. Стрѣляй не хочу.

«Ничего ужъ не боится. Помирать, такъ съ музыкой».

– Отведите меня на телеграфъ!

– Телеграфъ ему, графъ! Давай царя!

Яковлевъ сжалъ кулакъ и выбросилъ кулакъ надъ головой.

– Я отвѣчаю за нихъ! Передъ Ленинымъ!

Чужіе бойцы молчали.

Имя Ленина повисло надъ людьми и незримо моталось въ воздухъ на холодномъ вѣтру.

...И еще долго кричали, перекрикивались, переругивались, молчали, трясли винтовками, наставляли штыки. Но уже всѣмъ, и Лямину тоже, стало ясно, что – стрѣлять такъ просто не будутъ; что будутъ ждать, тянуть время, орать, требовать, соглашаться, не соглашаться.

Цари тихо сидѣли въ своемъ купэ. Такъ тихо, будто умерли.

И надоѣло первому ждать комиссару въ высокой бѣлой папахѣ; онъ выступилъ впередъ и уже не крикнулъ, а спокойно и даже весело сказалъ:

– Если вы насъ немедленно не впустите въ вагонъ, мои красногвардейцы разстрѣляютъ вашъ составъ!

Яковлевъ оглянулся на Лямина. Будто спрашивалъ у него совѣта, подсказки какой.

«А чѣмъ я ему помогу? Вотъ оно сейчасъ и начнется».

Охранники крѣпче сжали въ рукахъ винтовки. Сашка Люкинъ бросилъ кричащіе глаза, какъ два жесткихъ снѣжка, въ Игната Завьялова.

– Игнатка... энто... помолища-то надоть? Аль не надоть?

– Ерунду не пори...

– Какъ же энто не пори... смерть щасъ будетъ гремѣть...

– Ты чо, никогда не воевалъ?

– Ужъ навоевалси...

Чужіе красноармейцы вскинули оружіе. Штыки, надъ ними лица, надъ лицами – небо.

Яковлевъ спрыгнулъ съ подножки. Повернулся къ бойцамъ.

– Слушай мою команду! Винтовки – на плечо! Разойдись!

– Пусть сюда спускаются!

Человѣкъ въ пенснэ кинулъ кривымъ носомъ воздухъ. Онъ сально улыбался, стекла пенснэ сверкали двумя серебряными жалкими карасями въ черномъ смоляномъ пруду.

– Спускайтесь на перронъ, – глухо и жестко кинулъ Яковлевъ.

Бойцы переглянулись. Сашка Люкинъ громко шмыгнулъ носомъ.

Спрыгнулъ на перронъ. За нимъ попрыгали остальные.

Ляминъ, прежде чѣмъ прыгнуть, выбѣжалъ изъ тамбура и быстро оглядѣлъ вагонъ.

Двери царскаго купэ плотно закрыты. Коридоръ пустъ.

«Сидятъ и ждутъ. Уши прижали».

«А что, имъ волосы на себѣ рвать?»

«А ты что, надѣялся – ее въ коридорѣ увидать?»

Пробѣжалъ обратно. Спрыгнулъ послѣднимъ.

– Сдавай оружіе! – кричали имъ.

Они, вся охрана, сдергивали съ плечъ винтовки и клали на сѣрвыя плиты перрона.

– Садись въ грузовикъ! Всѣ арестованы!

– Куда насъ? – коротко спросилъ Мерзляковъ.

– Въ тюрьму!

Ляминъ оглянулся на Яковлева. Яковлевъ не смотрѣлъ на него, а онъ не смогъ его окликнуть.

Яковлева плотно окружили люди: эти трое, что главные тутъ были, и чужіе бойцы.

«Въ тюрьму, а тамъ чортъ знаетъ, что будетъ».

Уже подошелъ къ грузовику и готовился въ арестантскій кузовъ залѣзть – раздался рѣзкій голосъ Яковлева:

– Этого – оставьте! Не арестовывайте!

– Приказано – всѣхъ!

– А мнѣ приказано – этого – при семьѣ оставить!

– Какъ фамиліе?

– Эй ты, слышь, воды набралъ въ ротъ!

Ляминъ вздохнулъ и крикнулъ:

– Ляминъ!

– Ну, Ляминъ, останься! Но оружіе все одно у тебя заберемъ!

На угрюмомъ скучномъ вокзальномъ зданіи, длинномъ, какъ кишка, криво висѣло намалеванное бѣлой краской на красномъ полотнищѣ названіе: «ЕКАТЕРИНБУРГЪ-2».

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Съ добрымъ утромъ, дорогія мои. Только-что встали и затопили печь, т.к. въ комнатахъ стало холодно. Дрова уютно трещатъ, напоминаетъ морозный день въ Тобольскѣ. Сегодня отдали наше грязное бѣлье прачкѣ. Нюта тоже сдѣлалась прачкой, выстирала Мамѣ платокъ, очень хорошо, и тряпки для пыли. У насъ въ караулѣ уже нѣсколько дней латыши. У васъ, навѣрное, уютно, все уложено. Уложили ли мои вещи, если не уложили книжку дня рожденія, то попроси Н.Т. написать. Если не выйдетъ, то ничего. Теперь ужъ, навѣрное, скоро прїѣдете. Мы о васъ ничего не знаемъ, очень ждемъ письма. Я продолжаю рисовать все изъ книжки Бэмъ. Можетъ-быть, можете купить бѣлой краски. Ея у насъ очень мало. Осенью Жиликъ гдѣ-то досталъ хорошую, плоскую и круглую. Кто знаетъ, можетъ-быть, это письмо дойдетъ къ вамъ наканунѣ вашего отъѣзда. Благослови Господь вашъ путь и да сохранитъ Онъ васъ отъ всякаго зла. Ужасно хочется знать, кто будетъ васъ сопровождать. Нѣжные мысли и молитвы васъ окружаютъ – только чтобы скорѣе быть опять вмѣстѣ. Крепко васъ цѣлую, милыя, дорогія мои и благословляю +.

Пойдемъ сегодня утромъ погулять, т.к. тепло. Навѣрное, вамъ будетъ ужасно грустно покинуть тобольскій уютный домъ. Вспоминаю всѣ уютныя комнаты и садъ. Качаетесь ли вы на качель или доска уже сломалась?

Папа и я горячо васъ милыхъ цѣлуемъ. Храни Васъ Богъ +.

Всѣмъ въ домъ шлю привѣтъ. Приходитъ ли Толя играть? Всего хорошаго и счастливаго пути, если уже выѣзжаете.

Ваша М.».

*Изъ письма Великой Княжны Маріи Николаевны
сестрамъ въ Тобольскѣ. 28 апрѣля 1918 года*

– Грузь по-лу-чень... И подпись. Здѣсь? Вижу.

Подписывая бумагу, Бѣлобородовъ высунулъ языкъ отъ усердія.

– Возьмите.

Яковлевъ взялъ бумагу и затолкалъ за пазуху.

Повернулся, прошелъ по вагону и постучалъ въ купѣ царя.

– Гражданинъ Романовъ!

Дверь отворилась. Царь стоялъ передъ нимъ, но смотрѣлъ не на него, а на свое отраженіе въ зеркальной двери.

– Да.

– Ваше величество, – тихо сказала Яковлевъ, – идемте.

Старуха уже сидѣла въ дохѣ. Марія, тоже въ пальто, стояла у вагоннаго стола. Дѣвица Демидова поправляла мѣховой воротникъ дергающимися пальцами.

– Слуги готовы?

– Да.

– Мнѣ ихъ позвать или сами позовете?

– Можете позвать.

Яковлевъ протянулъ руку царю.

– Вы блѣдны. Можете итти? У васъ сердце какъ?

– Благодарю.

Отвѣчалъ сухо, но руку Яковлева принялъ.

Прошли по вагону вмѣстѣ. Старуха тяжело ступала слѣдомъ. Марія семенила въ своихъ натертыхъ лондонскимъ кремомъ сапожкахъ.

Яковлевъ прыгнулъ и протянулъ руку царю. Царь, опираясь на руку комиссара, вышелъ изъ вагона.

Стоялъ въ фуражкѣ. Холодный вѣтеръ трогалъ его солнечную бороду.

Яковлевъ подаль руку царицѣ. Она руки не приняла. Вышла сама, тяжело цѣпляясь за перила.

Марія сошла легко и невѣсомо. Кажется, она не видѣла подъ собой ступеней.

Ляминъ стоялъ передъ составомъ.

«Яковлевъ, спасибо тебѣ. Ты меня – съ ней – оставилъ».

Грузовикъ съ арестованными охранниками тронулся, и Сашка Люкинъ, перегнувшись черезъ бортъ кузова, крикнулъ во всю мочь, на весь перронъ:

– Мишка! Ежели што, не поминай лихомъ!

Онъ не отвѣтилъ.

* * *

«И почему города на Руси всегда строили кругами, да на холмахъ, да близъ рѣки? Ну, рѣка – оно понятно. Сплаваться по ней можно, зимой – на саняхъ мчаться. Дорога, земли связываетъ. На холмѣ, на горѣ – тоже вродѣ понятно: врагъ полѣзетъ, а на горѣ Кремль, крѣпость, и жители отобьются отъ непріятели. А – кругами? Кольцами, вокругъ единого центра? И въ центрѣ обязательно храмъ Божій. Точка въ кругѣ – святое мѣсто, что ли?»

Ему сказали чужіе бойцы: видишь куполь? Это Вознесенская церковъ. Наша любимая. И въ горѣ-бѣдѣ, и въ радости жители туда бѣгутъ. Бога благодарятъ, Бога просятъ.

«И такъ всю дорогу: отъ горя избавь, за счастье спасибо. И болѣ нѣтъ другихъ словъ. Бѣдный нашъ языкъ. А Богъ – бѣдный? Если Онъ есть, какъ же Ему печально глядѣть на всѣ наши ужимки и прыжки».

Ляминъ ѣхалъ въ грузовикѣ вмѣстѣ съ пѣшими. Другіе здѣшніе солдаты, ихъ было немного, скакали на лошадахъ; цари и слуги и комиссары тряслись въ авто. Отъ вокзала до дома инженера Ипатьева, сказали, не такъ далеко. На моторахъ да верхомъ, оно быстрѣй не придумать.

Ляминъ видѣлъ эту церковъ, она возвышалась надъ каменными сотами домовъ. Трубы дымили. Екатеринбургъ, рабочій городъ. Самый, можетъ, бѣшенный изъ всѣхъ оставшихъ городовъ. Сильно здѣсь люди страдали. Спину горбили передъ богачами. Теперь настала чередъ заплакать народу сполна за его муки, сдавленные стоны, нищету, когда въ кулакѣ грошъ сжимаешь и не знаешь, что на него купить; за свинячье, безмозглое валяніе въ лужахъ на Пасху да на Рождество, за вѣчное гиблое пьянство, за самоубійць въ петляхъ и подъ колесами, за пропахшіе дешевой водкой бабьи рты, за крики дѣвчонокъ, истязаемыхъ въ подворотняхъ. Простой народъ? Жилъ какъ нельзя проще. Проще ужъ некуда.

А богатеи – плясали.

Пускай теперь попляшутъ иной танецъ. Поживѣ вздергиваютъ ножками. Крутятъ, крутятъ ногами и руками колесо времени. Рѣзвѣй! Шибче! А, не хочешь?! Такъ мы тебѣ пулю въ самую мякоть! Какъ оно, больно? кровь течетъ? кричать охота? кричи, а пляши!

«Больно ножки хороши, больно ножки хороши», – пока трясся въ кузовѣ, повторялъ Михайлъ невѣсть откуда всплывшую и запомненную попѣвку. Изъ пѣсни, что ли, народной?

«Какъ давно мы не пѣли! Не до пѣсенъ».

Моторы тарахтѣли. Въ первомъ моторѣ ѣхали царь, Авдеевъ и Бѣлобородовъ въ бѣлой папахѣ съ красной лентой. Во второмъ – Марія, царица, Голошекинъ въ рыбьемъ пенснѣ и Дидковскій съ лицомъ благороднаго дворянина. Дѣвица Демидова и докторъ Боткинъ ѣхали слѣдомъ. Съ ними – Яковлевъ. Авто, черныя, глазастья, чихали и клокотали, непрерывно тормоза и издавая глупые пронзительные сигналы. За автомобилями трясся грузовикъ съ солдатами. Конница сопровождала машины – кони рѣзво, сыто скакали передъ фарами царскаго авто и позади машинъ, замыкая кортежъ.

Церковъ источала странный свѣтъ. Ея стѣны свѣтились. Вокругъ храмоваго камня стояло непонятное марево. А можетъ, виной всему жара. Ляминъ вытеръ лобъ, приподнявъ фуражку. Жаркое лѣто будетъ. По всѣмъ примѣтамъ. А вѣдь до Троицы еще палкой не добросить.

Доѣхали до храма. Ляминъ видѣлъ: старуха поднесла руку въ бѣлой перчаткѣ ко лбу и перекрестилась. Перекрестились и Николай, и Марія.

«Великая княжна, цесаревна Марья Николавна, и еще три курочки придутъ. И цыпленокъ. Какъ же я усталъ отъ васъ».

Думаль съ неожиданной злобой, стервенѣя.

Ѣхалъ, рядомъ тряслись чужіе солдаты. Смотрѣли на него, и мракомъ налиты глаза. «Чушь какая, я же свой, тоже красный!» Грузовикъ, какъ конь, подбрасывалъ все его полегчавшее отъ голодухи тѣло. Онъ глядѣлъ на игривые шелковые крупы чужихъ коней, и вдругъ надъ лошадиной холкой стало мотаться лицо Пашки. Онъ пошлепалъ губами, какъ конь, повертѣлъ головой, стараясь прогнать бредъ. Пашка не уходила. Она странно, вродѣ какъ святая на обшарпанной фрескѣ въ разрушенной церквѣ, рѣяла рядомъ, моргала, пыталась улыбнуться, у нея не получалось.

– Пашка, уйди, чортъ, – сказалъ онъ вслухъ. Самъ себѣ засмѣялся и самъ на себя озлился.

Отвернулъ голову, согнулъ шею. Глядѣлъ на уши, на морды чужихъ лошадей. Царскій моторъ внезапно заглохъ. Всѣ притормозили. Комиссаръ Голошекинъ вышелъ изъ авто, обвелъ глазами всадниковъ, поигралъ наганомъ.

– Эй! Слазь! Толкните моторъ!

Изъ кузова попрыгали наземъ солдаты. Спрыгнулъ и Ляминъ. Навалились сзади на авто. Шоферъ Самохваловъ пытался завести машину. Она хрюкала и захлебывалась.

– Ахъ, стить твою, и на самомъ подъѣздѣ! – Голощекинъ хлопнулъ ладонью по бедру. – Толкай еще, еще!

Моторъ особо громко чихнулъ и завелся. Голощекинъ тяжело втиснулъ увѣсистое тѣло на сидѣнье. Царица что-то спросила; Ляминъ не слышалъ вопроса.

Пока возились, призракъ Пашки исчезъ.

«Сегодня ночью опять придетъ. Она меня въ слабости, въ дремѣ настигаетъ. Что это значитъ? Тоскуеть она по мнѣ. А я по ней?»

Не было отвѣта на этотъ вопросъ.

Моторы объѣхали Вознесенскую площадь. Церковь, бѣлая жирная свѣча, продолжала бросать косые лучи на сѣрые, какъ вываренное мясо, камни мостовой.

– Гдѣ этотъ чортовъ домъ?! – весело и раздраженно крикнулъ одинъ изъ конныхъ.

– Говорять, тута близко, – немедленно отозвался бѣловолосый, не космы – путаная февральская метель, бѣлоглазый всадникъ.

– А ты, Патрушевъ, что такой кислый?

– Да палець болить! У меня португея порвалась, я нынче утромъ сапожной иглой зашиваль, да иглу въ палець всадилъ, палець – вотъ онъ! – боець показаль палець. – Болить! Распухъ не хуже сытой пивки!

– Да, Ванька, съ иголками только бабы умѣють...

Ванька Патрушевъ пососаль больной палець и сплюнулъ на дорогу, въ бѣлую пыль.

– Тута! – передразнилъ Ваньку другой конный и по-собачьи высунулъ языкъ. – Я ужь отъ жаричи сморился! Въ баньку бы! На Троицу березоньку заломаемъ, а, хлопцы?!

– Что ты такъ орешь-то, – миролюбиво бросилъ, оглаживая коня по холкѣ, чуть раскосый красноармеець въ короткомъ разстегнутомъ полушубкѣ.

Голощекинъ поднялъ руку. Все. Прибыли.

...Круглая тарелка площади. Выжженный бѣлымъ бѣшенымъ солнцемъ асфальтъ. Майская жара. Свѣжіе листья. Тополемъ пахнетъ. Въ синемъ воздухѣ густо, мощно жужжать майскіе жуки, они похожи на летающие жолуди. Крѣпкій, широколицый и широкозадый домъ бѣлаго кирпича, могучей старой кладки. Пушкой не разобьешь. Крѣпче военной крѣпости. Низкій, къ землѣ жметя, по землѣ распластанъ, вродѣ лягушки. Гигантская лягушка, бѣлая жаба. Стѣны толщиной въ тысячелѣтній дубъ. Кто строилъ? Навѣки строили. Никто и никогда его не порушить, въ осколки взрывомъ не разнесетъ. Ни огонь его не возьметъ, ни землетрясь.

– Эхъ, ребята, рѣзба какая! Заглядѣнье.

Кудрявый, какъ ангелъ на церковной росписи, солдатъ Лавричевъ водилъ глазами по искусной каменной рѣзбѣ, объѣгавшей квадраты оконъ. Рѣзба ускальзывала узорчатой ящеркой подъ крышу и широкой снѣжной, кружевной лентой обнимала домъ.

– Экая красотища! Ну, какъ разъ для царей, ха, ха.

Кавалерія спѣшила. Солдаты выпрыгнули изъ грузовика. Голощекинъ и красноармейцы распахивали двери царскихъ машинъ, нагло играя въ учтивость и галантность. Бѣлобородовъ презрительно курилъ трубку, созерцая похожія на свѣжій творогъ облака.

Низкій, вросшій въ землю фасадъ глядѣлъ на церковь Вознесения. Если домъ обойти, увидишь – онъ массивной боковой стѣной падаетъ, валится внизъ по крутояру. Стекла горять подъ солнцемъ. Кто-то на краткій, призрачный мигъ открылъ и закрылъ ворота. Ага, есть и подвалъ. Вонъ подвальные окна изъ-подъ земли торчатъ. Они тоже жизни хотять. Видѣтъ небо хотять; да никогда не увидятъ.

– Бывшій царь!

Царь вышелъ. Сапогъ его тяжело наступилъ на прокаленную, голубино-сизую мостовую.

– Бывшая царица Александра! Нынѣ гражданка Романова!

Голощекинъ отвернулся въ сторону и тихо выцѣдилъ – но такъ, чтобы услышали:

– Проклятая старая нѣмка. Измѣнница.

Старуха вышла. Она все слышала. Ея щеки мгновенно стали цвѣта флага Совдепіи. Царь вцѣпилъ въ ея руку.

– Тихо, прошу тебя, Аликсъ. Учись прощать. И забывать.

– Нѣтъ, я не смогу!

Она почти кричала.

– Бывшая великая княжна, хмъ, да, Марія Николаевна!

Голощекинъ игралъ, жонглировалъ титулами, издѣвался.

Марія выставила ногу изъ двери авто и нашаривала землю. Будто ослѣпла.

Ляминъ еле удержалъ себя, чтобы не рвануться впередъ и не подать ей руку.

«Собака! Ты могъ бы быть ея собакой».

Ей такъ никто и не подаль руку. Она съ трудомъ вытѣзла изъ машины сама. Голощекинъ,

смѣясь, глядѣль на это. У него на щекахъ вспрыгнули ямочки. Отъ удовольствія.

Онъ такъ доволенъ былъ, что хочеть и можетъ унижать самихъ царей.

Марія подошла вплотную къ высокому забору. Всѣ взрослые люди – солдаты въ гимнастеркахъ и португеляхъ, кожаные черные жуки-комиссары, царь, царица, слуги, – и даже всѣ лошади смотрѣли на нее.

...И еще смотрѣли – люди.

Людей-то они, вылѣзши, и не увидѣли. Они были слишкомъ заняты единоборствомъ со смѣющимся надъ ними Голошекинымъ.

А люди стояли передъ заборомъ, куда подошла Марія; вокругъ авто и лошадей; у воротъ; на мостовой; обтекали домъ; притекали, появлялись изъ переулковъ, съ площади, между домами, заполняя фигурами, запахами, угрожающимъ молчаньемъ жаркій свѣтлый воздухъ.

Ляминъ сжалъ кулаки. Пошевеливалъ пальцами, вдавливая концы пальцевъ въ потныя ладони.

«Если полѣзуть – нечѣмъ стрѣлять».

Призракъ винтовки давилъ на плечо. А что гнать истерику. Люди молчатъ, ну и ты молчи.

Да вѣдь и цари молчатъ тоже.

И деревья молчатъ; вѣтеръ угасъ, и не шевельнуть ни единымъ листомъ.

Комиссаръ Бѣлобородовъ тихо и гадко выругался.

Филиппъ Голошекинъ вздернулъ остроугольную бородку.

– Товарищи! Попрошу всѣхъ разойтись. Здѣсь вамъ не циркъ!

Люди глядѣли мрачно, насупленно.

А иные – любопытствуя, искрятся и кося веселыми глазами.

А кое-кто – жалѣючи, скорбно. И тутъ же жалѣльщики отворачивались. Чтобы не замѣтили ихъ ненужной, преступной жалости.

Товарищи не расходились.

Лошади переступали ногами на мостовой, и подковы издавали тонкій нѣжный звякъ, ударя о булыжники. Окна подвального этажа вставали на цыпочки, чтобы выглянуть изъ-подъ земли, но земля всасывала, глотала ихъ, ихъ тусклый свѣтъ и пыльный блескъ. Люди не видѣли этихъ оконъ и этой бесполезной борьбы. Ее заслонялъ заборъ. Огромное дерево росло передъ заборомъ. Оно побѣдило заборъ, его крона летѣла по вѣтру, на свободѣ.

– То-ва-ри-щи! Я кому говорю! Меня не слышно?!

Крикъ Голошекина сошелъ на противный щенячій, бабій визгъ.

И тогда всѣ увидѣли, что за толпящимися людьми въ ситцевыхъ платьяхъ и плисовыхъ кофтахъ, въ пиджакахъ и кепи, въ картузахъ и жилеткахъ, въ рубахахъ, заправленныхъ подъ ремни, и въ марлевой кисеѣ, стоятъ еще люди. Рядами стоятъ.

– Охрана, – выдохнула сквозь прокуренные зубы Ванька Патрушевъ.

Ляминъ смотрѣль поверхъ людскихъ головъ на охрану. Солдаты молчали.

«Солдаты Голошекина, кого же еще».

И онъ, солдатъ Яковлева, молчалъ.

Солдаты противъ солдатъ. И вродѣ всѣ родные, красные. И вродѣ всѣ свои. Свои, да не свои. И у тѣхъ, и у этихъ, и у третьихъ, и у сотыхъ одинаковые волчьи, настороженные глаза, да думки разные. Кто кого сторожить? Отъ кого защищаетъ?

«Правду Яковлевъ говорилъ тогда у костра. И Хохряковъ, и Бусяцкій, и Авдеевъ, и Бѣлобородовъ, и Голошекинъ – всѣ хотятъ на насъ напасть. И перебить».

«Кого это насъ? Ты что, уже заодно съ царями?»

«Ни съ кѣмъ я. Я самъ по себѣ».

«Ври, да не завирайся! Ты выполняешь приказъ! И ты съ тѣми, кто этотъ приказъ отдасть! Подъ тѣми...»

Охранники Ипатьевского дома пошевелились, мялись, переминались съ ноги на ногу. Давно тутъ стояли, видно. Кое-кто и по нуждѣ захотѣль.

Голошекинъ вскидывалъ бороду, вздергивалъ носъ. По-крысиному скалилъ зубы. Такъ смѣялся. Царь смотрѣль на него съ сожалѣниемъ. Марія сдѣлала два шага къ отцу и встала. И подойти боялась, и двигаться не хотѣла. Оторопь ее взяла.

«Морокъ, какой морокъ». Лямину захотѣлось бросить фуражку о землю. Взвихрить волосы жесткими кольями пальцевъ. «Что мы тутъ дѣлаемъ всѣ, а?! Другъ за дружкой охотимся?! Какъ намъ всѣмъ не стыдно! Какъ насъ молнія съ небесъ не убьетъ всѣхъ, скопомъ! Человѣкъ привезъ человѣковъ въ каменную клѣтъ, сейчасъ замкнетъ ее, будетъ привезенныхъ стеречь, какъ кроликовъ, потомъ забьетъ и освѣжуетъ. Вѣдь мы – ихъ всѣхъ – точно – убьемъ! Мы?! Кто это мы?! Ты?!»

Онъ почувяль, а не увидѣль, около себя Марию. Что-то теплое, комъ тепла, едва не жара, не огня. Иное существо. Роденное въ иномъ, блестящемъ и жемчужномъ мѣрѣ. Она и пѣсни

другія пѣла, не то что онъ въ Жигуляхъ, въ Новомъ-Буянѣ. И на иныхъ языкахъ трещала. Что она сейчасъ скажетъ ему, когда онъ все разомъ, жутко, какъ на негативѣ въ фотоательѣ, увидаль?

– На васъ лица нѣтъ, товарищъ Ляминъ. Вамъ плохо?

Оглянулась на отца. Уже никого не стѣснялась. Крикнула высоко, чистымъ и яснымъ голосомъ:

– Воды! Кто-нибудь!

Михаиль моргалъ. Передъ глазами растекался и таялъ туманъ. Онъ презиралъ себя и свое тѣло. Тѣло сплеховало, не дало ему выстоять.

Охрана выставила штыки противъ людей. Люди не уходили. Ихъ становилось все больше, и Ляминъ испугался – сейчасъ толпа разрастется, и всѣ смѣшаются, невозможно будетъ отличить своихъ отъ нашихъ, прохожихъ отъ чекистовъ. «Только эти, главные, ихъ всегда узнаешь. У нихъ походка особая. И одежда получше. И носъ деруть».

– Куда смотреть мѣстная ЧеКа?! Идиоты! Что стоите, олухи! Разогнать зѣвак! Быстро!

– Вишь какъ ореть, глотку надсаживать, – прохрипѣлъ свѣтлоусый старый, съ тяжелыми бородавками на носу, охранникъ, – глотка казенная.

Уже всѣ взяли ружья наперевѣсь. Стояли, лица равнодушныя, кто-то даже странно, неприлично улыбался надъ торчащимъ впереди штыкомъ. Люди топтались, шарили взглядами по Николаю, старухѣ и дѣвчкѣ.

– Это вотъ они и есть?

– Царь и царица?

– А дѣвица кто?

– А дѣвица, вѣрно, прислуга.

– Ты! Не видишь, што ль! Барышня ето. Царевна, мабудь!

– Красивенькая.

– Да у нихъ же погуще дѣтишекъ-то. А остатніе идѣ жь?

– Можетъ, ужъ поубивали... а-а-а-а...

– Што ноешь! Царь, малорослый, однако, у-у-у... Пожиже меня будетъ. Я его одной лѣвой!

– Бѣдненькіе... Какъ глядятъ... Какъ на паперти нищіе...

– Иди ты! Нищіе! У этой, нѣмки, не глаза, а огни на болотѣ! Подождетъ глазенками и сожжетъ! Въ пепель! Вотъ какъ насъ ненавидить!

– Это она, баба эта, насъ предала. Продала.

– Она, змѣюка! Съ Гришкой этимъ Распутинымъ, въ гробу ему перевернуться! Со Святымъ Чортомъ!

– Она съ нимъ снюхалась.

– Товарищи, ну какъ такъ можно... развѣ такъ можно... они же слышатъ...

– Слышатъ, слышатъ! Пуцай слышатъ! За Кровавое воскресенье, за кровь братьевъ нашихъ – пуцай слышатъ!

Жаръ подъ мышкой, около груди, не проходилъ. Дѣвочка стояла слишкомъ рядомъ. Лямину захотѣлось крѣпко ее обнять и прижать къ себѣ. И, никого не стыдясь, поплакать надъ ней.

«Я очумѣлъ. Превратился въ мальчонку. Такъ я лежалъ и плакалъ въ зыбкѣ, а мать подходила и качала меня. А если я ее обниму, она меня тоже обниметъ?»

«Царь тебя тогда еще какъ обниметъ. Обниметъ, сожметъ, сдавить, кости въ хрусть сомнетъ. И задушить. Кинжала у него нѣтъ, нагана нѣтъ, но у него же есть руки».

Марія стояла къ нему бокомъ, и медленно наливалась алымъ ея бѣлая, будто замазанная известкой, щека.

– Товарищъ Ляминъ. Вы же не такой, какъ они?

Кивнула на народъ.

«Я не могу тебѣ соврать. Я такой же, какъ они. Я – народъ».

Михаиль потрясъ головой. Не поймешь, да или нѣтъ.

– Вы ихъ не слушайте. Ты...

Его будто мокрой веревкой хлестнули поперекъ голыхъ тѣлесъ отъ этого непонятнаго, бессознательно-судорожнаго «ты».

Онъ схватилъ ея руку и тутъ же выпустилъ.

Голощекинъ кричалъ козлинымъ, мемекающимъ фальцетомъ:

– Очистить площадь передъ домомъ! Прочь всѣ! Прочь! Эти, – вскинулъ руку и ткнулъ пальцемъ въ царя, – привезены сюда не для смотрины! Это живые люди, и имъ надо отдохнуть!

«Ишь ты. Въ сердобольнаго играетъ».

Тепло рядомъ исчезло. Марія отшагнула. Спряталась за спину матери. Выглядывала

оттуда. Что-то заячье, затравленно-убѣгающее появилось въ ея лицѣ. Охранники тыкали штыками публику. Народъ нехотя пятился, лѣнливо расходился, понимая: не будутъ стрѣлять, все спектакль, все понарошку. Голощекинъ приглаживалъ рукой крутыя, густыя сѣдѣющія кудри.

«Красивый жидъ. Портретъ съ него писать. И самъ себѣ нравится. И что въ комиссары пошешь? Пошешь бы въ коммерсанты. Ему тамъ самое мѣсто. Жиденята это дѣло любить».

– Впередь, граждане Романовы. Не мнитесь тутъ! Охрана, открыть ворота!

Царь стоялъ, какъ влитой въ землю. Царица тоже. Марія двинулась къ воротамъ.

– Маша, – глухо произнесла старуха, – Машинька...

Первой въ ворота вошла Марія. За ней – Голощекинъ. За нимъ – Авдеевъ. Яковлевъ подошелъ къ царю и Александрѣ.

– Ваше величество...

– Не надо, – царь смотрѣлъ не лицомъ – черепомъ, съ обтянутыми блѣдной жалкой кожей скулами.

– Хорошо. Товарищъ Романовъ. Проидемте въ домъ. Не стойте тутъ.

Царь беспомощно, просяще оглянулся на уходящихъ людей. Люди уходили и оглядывались. Его люди. Его народъ. Еще вчера – народъ, и еще вчера – его.

Передвигалъ чугунными ногами. Поддерживалъ подъ руку старуху.

– Аликсъ, мужайся. Мы очень устали. Мы отдохнемъ.

– О да, Ники. Мы отдохнемъ.

На мигъ Лямину показалось: не царь поддерживаетъ жену, а она его. Она стала мужчиной, а онъ женщиной. И плакалъ, слабый, и стоналъ, а она называла его ласковыми именами, держала за локоть все крѣпче, все больнѣе вцѣплялась, все жесточе дергала: впередь! впередь!

Они вмѣстѣ, бокъ-о-бокъ, вошли въ ворота. За ними вошли слуги и докторъ. Царица все оглядывалась. Кого-то искала глазами.

За людьми въ ворота въѣхали машины. Оба авто, громко кашляя выхлопами горячаго, протрелись по булыжникамъ и вкатились во дворъ.

Тесовыя ворота скрипло, натужно закрылись. Люди ихъ закрыли, ихъ живыя, властныя руки. Живые закрыли за воротами живыхъ. Сегодняшній день закрылся, захлопнулся, и никто не могъ бы сказать, кто и когда откроетъ ворота завтра. А можетъ, ихъ уже никто никогда не откроетъ.

...Дворъ тоже былъ вымощенъ, какъ и площадь.

Робкія, усталыя, испуганныя ноги шли по камнямъ, по уральскимъ булыжникамъ.

Лица глядѣли впередь – на домъ, гдѣ теперь предстояло жить.

Солдатскія руки открыли имъ двери. Не услужливо, а сурово. Они всѣ хорошо чувствовали: другой воздухъ, другіе кирпичи, другая кладка. Иное отношеніе. Иные глаза подъ иными лбами. Все вродѣ вѣжливо, а на дѣлѣ – лучше бы наорали.

– Мнѣ страшно, – поймала Марія летящую бабочку молчанья, ставшаго словами, вспорхнувашаго съ морщинистыхъ губъ матери.

– Мама, ничего. Это мы просто всѣ очень устали. Дорога долгая была и нелегкая. Мы поспимъ... тутъ вѣдь есть постели?

Они уже поднимались на второй этажъ по деревянной лѣстницѣ съ рѣзными перилами. Деревянныя ступени длинно, тонко скрипѣли подъ ногами, подъ солдатскими сапогами, подъ женскими сапожками – разношенными Аликсъ и намазанными англійскимъ кремомъ Маріи.

Бѣлобородовъ стоялъ внизу. Цари остановились и оглянулись. И растерянно переглянулись, все трое, между собой.

Голощекинъ, широко разставивъ ноги въ густо наваксенныхъ сапогахъ, стоялъ за спиной Бѣлобородова, въ его тѣни. Ляминъ разглядывалъ лицо Бѣлобородова. Глаза Лямина метались, ощупывали, шарахались въ сторону, будто кто-то могъ застать его за постыднымъ занятіемъ; всѣ молчали, давъ другъ друга молчаніемъ, колотя молчаніемъ по головамъ, какъ молотомъ. «Какое открытое, ясное, душевное лицо. Даже нѣжное. Острые внимательные глаза, нѣжный складъ губъ. Высокій лобъ. Папаха эта бѣлая, веселая. Живой какой, веселый! Душа-человѣкъ. И, навѣрное, хорошо поетъ. И пьетъ. Такія добрыя лица у пьющихъ бываютъ».

Николай положилъ руку на перила. Медленно смыкались пальцы, беря перила въ клещи. «А сильная рука-то у царя, армейская хватка. Такой поводья лошади схватить – не выпустить. Даже если его на лошади той – застрѣлять. Такъ и поскачетъ: мертвый, въ кулакъ – поводья».

Бѣлобородовъ поднѣлъ руку. Царица шумно вздохнула.

Марія быстро обняла ее за талию.

«Боится, безъ чувствъ грянется».

– По постановленію ВЦИК бывший царь Николай Романовъ и все его семейство, включая нынѣ проживающихъ въ Тобольскѣ трехъ дочерей и сына, переходятъ въ вѣдѣніе Уралсовѣта... и будутъ впредь находиться въ Екатеринбургѣ... – набрала воздуха въ грудь. – На положеніи арестованныхъ. Вплоть до суда. Судъ надъ гражданиномъ Романовымъ будетъ въ обязательномъ порядкѣ.

– Но почему?!

Гнѣвный крикъ старухи тутъ же превратился въ частое, хриплое, какъ у чахоточныхъ, дыханье.

Бѣлобородовъ стоялъ внизу, передъ лѣстницей, и смотрѣлъ на старуху снизу вверхъ, какъ будто сверху внизъ.

– На совѣсти гражданина Романова слишкомъ много преступленій, включая убійства отдѣльныхъ гражданъ, разжиганіе войны, уничтоженіе собственного народа и предательство интересовъ своего государства, – четко, какъ заученный урокъ, вычеканилъ Бѣлобородовъ. – Комендантомъ дома назначается товарищъ Авдеевъ. Всѣ просьбы и жалобы приказываю подавать черезъ коменданта въ Уралисполкомъ. На этомъ все.

Повернулся и пошелъ. За нимъ Голощекинъ. Они всѣ, стоя на лѣстницѣ, слышали во дворѣ гуль и рыкъ моторовъ. Авдеевъ подошелъ къ лѣстницѣ и быстро, гремя сапогами, поднялся на второй этажъ. За Авдеевымъ шелъ еще одинъ человекъ. Тотъ, благородный, утонченный.

– Товарищъ Дидковскій, – поднялъ Авдеевъ руку ладонью впередъ. – Предлагаю вамъ осмотрѣть помещеніе. Вашимъ... питомцамъ... здѣсь жить все-таки.

Смѣшокъ, неприятный, короткій. Ляминъ поправилъ ремень на животѣ. Пряжка больно врѣзалась въ кожу. Урчало въ желудкѣ. Судорогой, какъ при морозѣ, сводило правую ногу. Хотѣлось искупаться въ рѣкѣ, въ озерѣ. Хотѣлось простора и чистой воды. Здѣсь пахло затхлымъ. Гнилымъ лукомъ, слежалой овечьей шерстью. Распахнулась входная дверь, и дикий веселый голосъ взахлебъ, какъ тостъ на пирушкѣ, прокричалъ:

– Вещички прибыли! И съ ними еще народъ! Встрѣчай!

Марія крѣпко обняла доктора Боткина.

– Евгений Сергѣичъ! Миленкій! Идемте!

Уже плакала. Мокрое лицо, мокрое до того, что въ него можно глядѣться, какъ въ зеркало.

«Всѣ мы зеркала другъ другу. А еще – всѣ мы другъ другу наганы. Другъ въ друга цѣлимся... и не промахиваемся, вотъ вѣдь бѣда. А какъ на докторѣ повисла! Обняла. Вотъ если бы она меня такъ».

Ляминъ повернулся и быстро вышелъ на крыльцо. Дышалъ жарой. Потѣшался надъ собой.

Изъ мотора выгружали вещи. За спиной Ляминъ слышалъ вздохи. На крыльцѣ, за его плечомъ, стояла царица. У нея было лицо, какъ покусанный собаками хлѣбъ.

– Куда вещи нести? – кричали солдаты.

Старуха махнула рукой.

– Туда!

Она коснулась пальцами, обтянутыми телячьей нѣжнѣйшей кожей, грубаго, кочергой, локтя Михаила.

– Товарищъ Ляминъ. Докторъ пріѣхалъ, и наши люди съ нами. Но гдѣ генераль Татищевъ... и гдѣ Валя?

– Какой Валя?

– Князь Василій Александровичъ. Гдѣ онъ?

Голосъ Александры Ѳедоровны превратился въ сѣдую мышиную муку, плывущую сквозь безвозвратное сито.

Ляминъ дергалъ глазами яблоками, какъ конь.

– На вокзалѣ вродѣ былъ... Долгоруковъ?... я видѣлъ...

Старуха прикрыла глаза, и Ляминъ видѣлъ – подъ полузакрытымъ вѣкомъ косить, уплываетъ далеко влажный угольный зрачокъ. Глазъ – бездна. Въ него иногда нельзя смотрѣть.

– Его схватили на вокзалѣ. О майнъ Готъ! Я все поняла, – оттолкнула его, хотя онъ не сдѣлал и шага къ ней. – Только не надо меня утѣшать.

* * *

Всѣхъ тобольскихъ бойцовъ, схваченныхъ на вокзалѣ, выпустили изъ каталажки.

Они прибыли въ домъ Ипатьева, весело и нагло стучали сапогами по лѣстницѣ, заглядывали въ каждую комнату, кричали царямъ: «Здорово, граждане! – хлопали по плечамъ Лямина: – Ну, ты тутъ безъ насъ не отошаль, братъ!»

Красноармейцевъ выпустили, а князя – нѣтъ.

Авдеевъ, оглядѣвъ стрѣлковъ, сказалъ, какъ отрубилъ: Люкину и младшему Завьялову – тутъ, въ домѣ Ипатьева, послѣ пребывания въ тюрьмѣ немного побывъ, вернуться въ Тобольскъ, надзирать за великими княжнами и сопровождать ихъ на пути въ Екатеринбургъ. «Ишь, я надзиратель какой, я такъ тамъ за ними понадзираю, што миня потомъ за это надзирание – какъ бы вы, товарищъ командиръ, первый къ стѣнкѣ не поставили!» – заблажилъ-было Люкинъ, да Авдеевъ оборвалъ его смѣшки: «Отставить зубоскалить! Выполнять приказъ!»

А вечеромъ, при волчьемъ, таежномъ огнѣ керосиновой лампы, въ дыму папирось, и курили одну за другой, искуривали и опять щелкали спичками, огонь добывая, Сашка Люкинъ, приставивъ губы къ уху Лямина, баялъ ему всякія небылицы въ лицахъ: и про тюрягу рассказывалъ, гдѣ они содержались послѣ ареста на вокзалѣ, и про комиссаровъ, что отрѣзали носы и уши арестованнымъ, а несчастные орали такъ, что на небесахъ слышать было, и про дѣтство свое, и про маманьку съ папанькой, и про любовь свою деревенскую, какъ онъ ее обрюхатилъ подь ивовымъ кустомъ, на рѣкѣ, на желтенькомъ пескѣ, – и Мишка, уставъ отъ этихъ безсвязныхъ розказней, взялъ да оборвалъ его: Сашка, ты что, пьяный, мелешь и мелешь языкомъ?! И Сашка обидѣлся очень, лампу керосиновую погасилъ, отвернулся отъ Лямина, а потомъ опять обернулся къ нему, и слезы въ глазахъ блестятъ, въ лунномъ законномъ свѣтѣ хорошо ихъ видать, какъ по скуламъ катятся: ты, говоритъ, мнѣ, Мишка, единственный дружокъ расхорошій, а ты взялъ меня да пнулъ, негоже это.

И Михаилъ, растрогавшись, крѣпко обнялъ его за шею и шепталъ ему на, какъ баба, да развѣ сейчасъ ревутъ, сейчасъ не ревутъ, а бьютъ да стрѣляютъ, сражаются, за лучшую жизнь, за всемірное счастье.

А Сашка хлюпалъ носомъ и выговаривалъ – не ему, Мишкѣ, а вродѣ какъ цѣлому свѣту: эй, а гдѣ ты, это самое счастье? гдѣ? эгей, отзовись! Нѣтъ да нѣтъ тебя! А мы все гонимся и гонимся за тобой! Никогда не догоним!

* * *

– Эй, эй, ты! Ну стой, чо сказала, повтори.

– Да што слышаль.

– Тише, ты. Гудишь, какъ паровозъ.

– Глотка луженая.

– Ищо разъ валяй. Два пистолета, говоришь, у него нашли?

– Да, вотъ те крестъ. Скумекай, пистолы съ собой таскаль! И насъ могъ вѣдь положить.

– Ну не положилъ же.

– Во-время мы его.

– Это не мы, а комиссаръ. Умный дакъ.

– А ищо знашь што нашли при емъ? Ну, угадай-ка.

– Деньги.

– Точно. Цѣлую кучу!

– Куча, это сколь же?

– Антошка баялъ – много тыщъ.

– Много тыщъ? Да, это важно. Важнецкій князекъ-то оказался. И хитрюкъ.

– Иванъ и Петька седня поскачутъ въ Тобольскъ. Тамъ нашимъ тоже расскажутъ.

– Слухай, а много тутъ насъ. Ну, Домъ сторожить. Цѣльная толпа. Ищо немного – и рота.

– Да што рота, ужъ рота и есть. Бойцовъ тутъ пейсять? шейсять?

– Ха, ха, ха-а-а! Спроси чо полегше. Я въ арихметикѣ не силенъ.

– А ты по головамъ сочти.

– Какъ скотовъ?

– Ну навродѣ!

Ляминъ шагнулъ къ солдатамъ.

– Обсужденіе – отставить! Слухи распускать – отставить!

Смородяковъ и Путиловъ, новенькіе, одинъ уралець, другой вятичъ, отпрянули другъ отъ друга. Смѣрили Лямина горячими взглядами. Но подобрались, выпрямились.

– Слушаюсь!.. юсь!..

– Вотъ такъ-то, – не по-уставному выдохнулъ Ляминъ.

...На крыльцѣ стоялъ Мишка Кудринъ, тезка, жадно курилъ. Ляминъ подошелъ неслыш-

но. Хлопнулъ Кудрина по локтю.

– Фу, – вздрогнулъ Кудринъ и разсмѣялся тихо, – что ты какъ тать въ ноши.

– Какой я тать, хожу, какъ медвѣдь.

– Это я медвѣдь, а ты на меня... лямку накинешь, – похохатывалъ Кудринъ, обсасывая папиросу. – Мы щась съ Гришкой Никулинымъ только-что съ работенки вернулись. Руки у меня не дрожать?

– Нѣтъ вродѣ, – Ляминъ съ сомнѣніемъ оглядѣлъ кургузья, волосатя, съ короткими пальцами одинаковой длины, будто подрубленными шашкой, бородавчатя руки Кудрина. – Да нѣтъ, не дрожать, брось! Папироски еще не найдешь?

Кудринъ поковырялся въ карманѣ штановъ, вынулъ расплющенную папиросу, изъ нея сыпался табакъ, какъ грязное пшено изъ крупнаго сита.

– На. Такую будешь, увѣчную?

– Давай.

Ляминъ раскурить папиросу и устался на Кудрина.

– Такъ что за работенка?

– Намъ приказали, – Кудринъ покривилъ ротъ. – Никулину и мнѣ. Лучше бъ я больнымъ сказался.

Ляминъ втянулъ воздухъ.

– Отъ тебя несеть горючимъ.

– Правильно, на моторѣ ѣздили. Въ поле.

– Въ поле? На сѣнокосъ? Трава густая ужъ.

– Язви ты въ сѣнокосъ. Если бы. Убивать ѣздили.

Теперь Ляминъ старался, чтобы руки не дрожали.

«Сколько ни иди война, а убивать все одно не привыкнешь. Никогда. А кто-то, можетъ, и обвыкаеть. Имъ легче».

– Кого?

– Князя.

– Какого, едрить, князя?

– Какого-какого. Долгорукова, вѣстимо.

– Я не всезнайка. Ты успокойся.

– А что волноваться? Все ужъ сдѣлалось. Послѣ драки кулаками не машутъ, – Кудринъ впился въ папиросу, какъ мужикъ въ сиську бабы; сосаль, мяль, искурилъ, сплюнулъ. Тяжело поглядѣлъ на Лямина. – Намъ приказали, отрядили авто съ шоферомъ. Вывели изъ камеры Долгорукова. Онъ трясется, бѣлый весь. Издали видать, хворый. Моторъ увидѣлъ – еще больше посинѣлъ. Понялъ. Мы затолкали его въ авто. За нимъ Никулинъ вынесъ его чемоданы. Что въ чемоданахъ? А чортъ знаетъ. Намъ не говорятъ. Князекъ чемоданы свои примѣтилъ – и затрясся, теперь уже отъ радости. Ну, вродѣ какъ съ чемоданами поѣдутъ, значитъ, не на смерть. А можетъ, на вокзалъ, куда переправлять. Шоферъ моторъ завелъ. Князекъ насъ такъ тоненько спрашиваетъ: въ Москву меня отправите? И слезы по щекамъ. Никулинъ хмыкаетъ: Москва слезамъ не вѣрится. Ёдемъ. Я Никулину: куда мы? Гришка рукой машеть: моль, впередъ! И наганъ на боку шупаеть.

Замолчалъ. Ляминъ его не торопилъ. Понималъ: человѣку надо высказаться. Вывернуться наизнанку, старымъ медвѣжьимъ тулупомъ.

– Отѣхали отъ города прилично. Поле оно и есть поле. Широкое. Ржаное. Рожъ въ этомъ году родится отмѣнная. Жара и грозы. Самое то. Все спѣеть... зрѣеть... – Кудринъ повелъ плечами. Отвернулся къ периламъ. На его гимнастеркѣ межъ лопатокъ медленно расплывалось темное пятно: зеленый хлопокъ пропитывался потомъ. Такъ и говорилъ дальше, не оборачиваясь. – Солнце палить. Мы задыхаемся. Я ужъ все понялъ. Никулинъ велить шоферу вынести чемоданы. Князекъ вертитъ головой и дико спрашиваетъ: а гдѣ же тутъ вокзалъ? Я – ржать. Гришка на меня цыкнулъ.

На перила сѣла маленькая трясогузка. Мелко-мелко трясла сѣро-чернымъ, узкимъ перламутровымъ хвостомъ. Косила чечевичнымъ глазомъ.

– Ну и... стали убивать.

Ляминъ вздохнулъ.

– Не надо, не рассказывай.

Кудринъ этого не услышалъ.

– Гришка ореть: впередъ! Иди впередъ! Долгоруковъ развелъ руками... и пошелъ. По межѣ. Колосья вокругъ него. Вѣтеръ ихъ треплетъ. У князя вся шея потная. Мокрая. Отъ жары. Отъ страха! Идетъ, медленно, ногами загребаеть. Гришка вытащилъ наганъ и цѣлится. Цѣлится! И все не стрѣляетъ. Не стрѣляетъ! Шоферъ опустилъ башку на руль. Чтобы не видѣть. Я кричу Гришкѣ: цѣлься въ голову! Въ голову! Или въ сердце! Князь мой крики услышалъ. Замеръ. Стоить. И не идетъ никуда. Я ору Гришкѣ: дуракъ, ты жъ такъ далеко

не попадешь! Князь... обернулся. Поворотился къ намъ! И руки раскинулъ. Вѣтеръ волосы его отросшіе мотааетъ. Рожь клонить. Горячій такой вѣтеръ, Мишка! Обжигаетъ рожу! Я, видишь... весь обгорѣлъ...

Помазаль себя ладонью по лицу. Стеръ потъ, а можетъ, слезы.

– Ты... Не надо...

– Гришка выше поднѣлъ нагань. И – жажнулъ! Въ поляхъ далеко раскатилось. Землеройки всѣ... козодои... спужались... – еще потеръ щеки, брови. Выдохнулъ, какъ пьяный. – Князь стоитъ. Руки раскинуты. Прямо намъ въ глаза смотреть. Прямо! А надъ нимъ – высоко – птица летаетъ. Хищная. Можетъ, коршунъ, можетъ... ястребокъ... Добычу чуетъ... Ну, думаю, какъ поляжетъ онъ тутъ, безъ погребенья, коршунята вмигъ налетятъ, глаза выключють, это для нихъ самое лакомство...

Михайлъ слышалъ шлокочущее табачное дыханіе у Кудрина въ широкой, какъ у циркового борца, груди.

– Гришка палить! Стоить. Еще палить! Князь стоитъ. Я кричу: мазила, дай мнѣ! – и у него нагань пытаюсь выхватить. Онъ не даетъ. Мнѣ локтемъ – въ грудь – заѣхаль! Синякъ посадилъ, хуже кулака, костью же. Опять нагань подымаетъ. Цѣлится. И тутъ князь на землю осѣдаетъ. Еще и Гришка выстрѣлить не успѣлъ. Значить, раненъ! Подбѣгаемъ. Лежитъ навзничъ, колосья вокругъ него шуршать. Еще живъ! Никулинъ ко мнѣ обернулся... и бѣлыми губами мнѣ лѣпитъ: ну что, дострѣливать или такъ умирать кинемъ?... а ну какъ не помереть?... отлежится, очухается, въ городъ явится... Такъ насъ тогда разстрѣляютъ! Давай, Мишка, ты же хотѣлъ!.. и тыкаетъ мнѣ въ руку нагань...

Трясогузка напоследокъ особо граціозно потрясла хвостомъ, порхнула сначала на вѣтку березы, потомъ исчезла навсегда.

– Я нагань взялъ. Нацѣлился! Князю въ лобъ. Гришка кричить: не въ лобъ! Черепъ не пробьешь такъ просто! Пуля можетъ въ кости застрять! Въ ухо! Я цѣлюсь въ ухо. А князекъ тутъ поворачиваетъ голову! Кровью истекаетъ. Мы ему въ ребра попали, думаю, навилетъ. Земля кровь вбираетъ. Земля, она жадная до нашей крови. Сколько уже... выпила...

Птицы пѣли въ вѣтвяхъ и на стрѣхахъ, заливались.

– Я стрѣльнулъ... ему въ ухо...

Ляминъ, не сознавая, что дѣлаетъ, крѣпко погладилъ перила и больно, глубоко занозилъ ладонь.

Кудринъ кусалъ колючія губы.

– Стрѣльнулъ... и онъ... пересталъ двигаться. А глаза-то открыты. И смотреть, знаешь, въ небо. По-живому – смотреть! Я и думаю: а можетъ, смерть – это не смерть, а тоже какая-то, язви ее, жизнь? Ну какъ живые глаза-то глядятъ, Мишка! Какъ живые!

Опять растеръ лицо, уже обѣими руками. Ляминъ положилъ ему на плечо кулакъ. Надавилъ.

– Ты поплачь, солдатъ, и вправду поплачь. Оно легче станеть.

– Я не баба, – Кудринъ вздернулъ губу надъ зубами, какъ песъ.

– Не баба, понятно.

– Возвернулись къ мотору. Шоферъ башку отъ руля поднѣлъ: все, закруглились? А чемоданы, спрашиваетъ, куда дѣвать? Тутъ кинуть? Никулинъ морщится: обратно повеземъ! Начальство обещетъ. Да оно ужъ ихъ сто разъ обыскало! Небось, костюмчики тамъ англійскіе... книжки любимыя... фотографіи семейныя... кому нужно это барахло... Заволокъ я ихъ обратно въ моторъ. До города доѣхали. Шоферъ заартачился: въ тюрьму не поѣду, обѣдать хочу! Отъ жары сдохъ уже! И – фюить, умоталь. Я чемоданы подхватилъ. Они тяжеленные. Никулинъ морду воротить: не поташу, у меня... рука въ локтѣ сломана, недавно шины сняли! Ишь, хитрожопый... Ну и волокъ я ихъ до тюрьмы... и что, думаешь, тамъ было?

Ляминъ глядѣлъ вдаль съ крыльца, далеко, далеко.

Въ то поле – глядѣлъ.

– Банки... съ вареньемъ... домашнимъ... въ зимнюю старую одежду – укутанныя...

* * *

Вещи. И тутъ вещи. Вездѣ вещи, вещь – это то, изъ чего состоитъ міръ.

«А развѣ онъ состоитъ еще изъ чего-то другого? Какъ называется это другое? Если бы мнѣ кто хоть слово подсказалъ! Я бъ ему спасибо сказалъ».

Вещи смирно, будто собаки спали въ рядъ, лежали въ коридорѣ. И не надоѣсть имъ таскать за собой всю эту поклажу. Какъ немного надо человѣку на землѣ! Чистая рубаха, кусокъ хлѣба, кружка воды. Ну, правда, иногда водка, мыло и баня.

Дидковскій и Авдеевъ еще не рылись въ вещахъ. Еще смотрѣли на царей, а цари – на

нихъ. По лицу Александры расходились круги, какъ по водѣ отъ брошеннаго камня. Она хотѣла что-то произнести и не могла. Видно было, какъ она силилась выдавить слово, а потомъ махнула рукой и просто судорожно, поспѣшно, молча глотала слова.

Слова, мусоръ, шелуха мелкихъ сѣмечекъ. Бросовыя сѣмечки, ты на рынкѣ такія не покупай.

Царь стоялъ, тяжело разставивъ ноги, словно ногами хотѣлъ продавить полъ и достать до живой земли. Время отъ времени онъ громко вздыхалъ. Жена смиренно положила ему руку на обшлагъ. Онъ напрягся, какъ для прыжка. Потомъ выдохнулъ, плечи его опустились, онъ опалъ весь, сталъ меньше ростомъ, и ноги такъ тяжело уже не давили на чужія половицы.

Ляминъ стоялъ навтыжку, ожидая команды. Дидковскій былъ строже и злѣе, чѣмъ Авдеевъ.

«Военная косточка этотъ Дидковскій. Бывшій кадетъ. Всѣ – бывшіе! Только я настоящій».

Ему сказали про то, что Дидковскій – изъ кадетовъ; и онъ все равно смотрѣлъ на него, какъ на бѣлую кость, на обманщика народа, – «а при случаѣ и предасть, и не охнетъ», – думалъ иной разъ о немъ презрительно. Вотъ въ Авдеевѣ онъ чувялъ своего: простого. Не зналъ до сегодня, что Авдеевъ бывшій слесарь. Утромъ ему зачѣмъ-то объ этомъ Бабичъ сказалъ. «Рукомойникъ не работаетъ! Кранъ заклинило. Надо коменданта попросить, онъ слесарь, починить».

– Это всѣ ваши вещи, граждане арестованные? – Дидковскій кашлянулъ въ кулакъ. Дышалъ съ присвистомъ.

«То ли простыль крѣпко, а то ли чахоточный». Ляминъ поскребъ ногтемъ щетину на подбородкѣ.

Старуха стояла какъ столбъ. Молчала. Царь наклонилъ голову:

– Да.

Это «да» прозвучало какъ «пошелъ вонъ». Авдеевъ почувялъ этотъ хлесткій потягъ царской плети и вскинулся.

– Спросить нельзя?! Цацы!

Марія шагнула впередъ. Ляминъ видѣлъ – она волнуется.

– Всѣ вещи наши. Сестры, когда пріѣдутъ къ намъ изъ Тобольска, привезутъ свои.

Авдеевъ, склонивъ голову, разглядывалъ Марію, становился похожимъ на собаку, дѣлающую стойку на дичь. Михаила затошнило. Онъ вцѣпилъ въ кобуру, будто держался за нее, чтобы не упасть.

– Начинай осмотръ! – поднялъ и опустилъ руку Дидковскій.

Охранники ринулись къ чемоданамъ – открывать.

Иные чемоданы были закрыты на замки. Дидковскій протянулъ руку въ перчаткѣ.

– Ключи мнѣ отъ чемодановъ! Живѣй!

Царица перебирала пальцами въ ридикюль. Кровь медленно и вѣрно отливала отъ ея сморщенныхъ щекъ.

Нашла связку маленькихъ, игрушечныхъ ключиковъ, протянула Дидковскому. Михайлъ думалъ – сейчасъ дастъ ему пощчину.

Не дала. Дидковскій бросилъ ключи Ивану Логинову, тотъ ловко поймалъ. Въ уже открытыхъ чемоданахъ копошились солдаты.

– Тщательнѣй доглядывайте! – рявкнулъ Авдеевъ.

– Есть, товарищъ комендантъ!

Сначала перебирали царскія тряпки прямо въ чемоданахъ, потомъ, подъ пристальнымъ и колючимъ взглядомъ Авдеева, стали все вываливать на полъ. Марія закусилла губу. Все-таки вырвалось у нея это, господское, сверху внизъ:

– Вы испачкаете мое платье. Извольте положить обратно.

На полу лежало бѣлое, изъ тонкой ткани, а можетъ, марли, Ляминъ не разбирался въ этомъ, дѣвичье платье съ круглымъ вырѣзомъ по вороту, съ нашитыми на рукавахъ, груди и бедрахъ маленькими, меньше голубинаго клюва, атласными розочками.

Митя Пастуховъ, не оборачиваясь, копаясь въ вещахъ и поглядывая на разложенное на полу платье, выпалилъ:

– Положимъ, гражданка Романова! Еще какъ положимъ!

Что-то прозвучало въ этомъ выкрикѣ Пастухова пошлое, подлое. Лямину захотѣлось заѣхать Пастухову по затылку.

Онъ самъ, сверху внизъ, смотрѣлъ на это беззащитное платье, будто бы это не марлевая тряпка, а сама Марія вотъ такъ лежала на полу. Раскинувъ ноги. Раскинувъ руки. Ожидая. Кого? Что? Его? Поцѣлуевъ? Насилія? Ужаса? Пули?

«Вотъ такъ бы... лечь на нее», – смятенно, почти безъ словъ, подъ череду своихъ хриплыхъ вдоховъ и выдоховъ, думалъ онъ.

Пастуховъ выпрямился и носкомъ сапога наступилъ на это бѣлое, будто невѣстино,

платье. Будто случайно, хотя – нарочно. Наклонился надъ слѣдующимъ чемоданомъ.

– Хорошо какъ пахнуть одежонки, въ бога мать!

Бабичь издалъ смѣшокъ, похожий на клекоть птицы.

– Да ужь. Духами сбрызгиваютъ.

– Да, это тебѣ не пижма.

– Пижма шибче всѣхъ духовъ воняетъ.

– Пижма – отъ моли хороша.

Ляминь нагнулся и уцѣпилъ подолъ платья. Потянулъ на себя.

– Эй, Митька, подними-ка лапу. Медвѣжья она у тебя. Барышнину кисею потопчешь.

Нарочно грубо сказали, съ ухмылкой.

Пастуховъ оглядѣлся.

– А? Что?

Ляминь потянулъ еще. Нѣжная марля надорвалась, затрещала.

– Сойди, говорятъ!

Митька уже въ голосъ, не стѣняясь, хохоталъ.

– А ты попробуй выдерни! Выдерни!

Ляминь тянулъ. Ткань рвалась въ поясѣ, по шву.

Пастуховъ съ платья ногу не убиралъ.

– А то мы сами дернемъ! Подернемъ, подернемъ... да ухнемъ!

Марія стояла не шелохнувшись.

Ляминь скомкалъ марлевку въ рукѣ и отбросилъ прочь отъ себя.

«Твоя взяла, поганецъ».

Но хорошо, хоть кусокъ ея ткани, ея матеріи, прикасавшейся къ ней, въ руки бралъ, мялъ, – въ рукахъ подержалъ. Будто ея самое пообнималъ. Потискалъ, потискалъ – и прочь отшвырнулъ.

... – Отставить шалости! – Авдеевъ брезгливо дрогнуть выбритыми губами. – Продолжить досмотръ! – самъ наклонился надъ саквояжемъ царицы. – Откройте!

Ляминь колуपालся въ саквояжномъ замкѣ. Открылъ. Авдеевъ низко наклонился надъ саквояжемъ. Самъ окунулъ туда руки, перебиралъ тамъ ими.

– А это что тутъ у насъ такое спрятано? А? – вытащилъ фотоаппаратъ. – Никакъ фотографическая камера? Да самоновѣйшая. Нѣмецкая! – посмотрѣлъ въ окуляръ. – Цейсовская оптика, а? Отличная вещица, я вамъ скажу!

«Кому это „намъ“, кому это... намъ? Или – имъ?»

Вертѣлъ аппаратъ въ рукахъ, любовно разсматривалъ. Видно было – рѣдко такія вещи въ рукахъ держалъ. И еще видно было: положилъ на нее глазъ.

«Себѣ забрать – недорого взять. Конфискуетъ сейчасъ, и дѣлу конецъ».

– А тутъ... что же? И пленка есть? И – снимки на ней?

У Александры не было ни силъ, ни желанія послушно, утвердительно наклонять голову.

– Не прикидывайтесь солянымъ столбомъ, – назидательно и ласково сказала Авдеевъ и повернулся къ Дидковскому. Дидковскій то натягивалъ на руку черную кожаную перчатку, то стаскивалъ ее зубами. – Понимаете, меня раздражаетъ, когда эти господа... начинаютъ прикидываться, – опять развернулся къ царицѣ. – Фотографировали что запрещенное?

– А что – запрещено?

Это спросила Марія, и Ляминь дернулся весь, будто къ нему прикоснулись голымъ электрическимъ проводомъ.

Авдеевъ, не оборачиваясь къ Маріи, крикнулъ:

– Много чего! Расположеніе нашихъ войскъ! Расположеніе Совѣтовъ, гдѣ квартируютъ! Оружейные склады! Красныя казармы! Да... объяснять вамъ! Вы сами знаете!

Смотрѣлъ на царицу. Потомъ сталъ ходить вокругъ нея, молча и прямо стоящей.

«Такъ паукъ обматываетъ муху».

Авдеевъ прекратилъ вертѣть въ рукахъ камеру, крѣпко сжалъ ее: закогтилъ.

– Мы у васъ конфискуемъ камеру въ пользу Красной Арміи! Понятно?

И только тогда царица повела полнымъ, подъ сѣрымъ сукномъ, плечомъ и улыбулась.

Да, она улыбалась. Вѣжливо, холодно, какъ на балу – надменная мамаша взрослой дочери, увлеченно танцующей съ офицеромъ въ золотыхъ пышныхъ эполетахъ.

– Куда понятнѣе. Пожалуйста!

И сдѣлала книксенъ. Какъ дѣвица Демидова.

Авдеевъ передалъ камеру Дидковскому, снова рылся въ саквояжѣ.

– Такъ, такъ... Сорочки ночныя. Кофта шерстяная... съ золотыми пуговицами. А пуговицы точно золотыя? Или не точно?.. Не знаете?.. Ай-яй... Золотыя – срѣжемъ. Драгоценныя металлы съ собой возить не дозволено. Зимніе носки, теплые... семь паръ...

«Носки? Деревенскіе? Крупная вязка, толстая шерсть, поярковая... Видать, кто-то

добросердый имъ связаль... на сибирскія зимы...»

– Въ Тобольскѣ связали.

Опять Марія. Онъ старался не глядѣть на нее, и у него получалось.

– Сами вязали? Да вы мастерица.

Насмѣшничаль.

– У насъ мама и правда мастерица. Она вышиваетъ гладью! Она... нижесть ожерелья! А эти носки намъ связала тетя Клавдія Шевченко. Ее съ Украины... въ Тобольскѣ выслали...

– Ссылная, значить, и связала носки царямъ?

Марія не опустила глазъ.

– Да!

– И вамъ не стыдно было брать подарокъ изъ рукъ женщины, которую вы же сами въ Сибирь и сослали?

Бросилъ носки обратно въ саквояжъ.

– А это еще что? Карта?!

Со дна саквояжа добыль сложенную вчетверо большую географическую карту. Развернулъ. Всѣ притихли. Царь смотрѣль спокойно, ясно.

– Планъ города Екатеринбурга! Подробный. Прекрасная картографія. Изго-тов-лено... въ типо-гра-фії города... Петрограда... Пет-ро-града... – Авдеевъ читаль, спотыкаясь. – Ясно какъ день! Шпіоны не дремлють! Зачѣмъ вамъ карта Екатеринбурга? Молчите? Зачѣмъ?!

Царь переглянулся съ женой. Марія нашла рукой руку матери.

– Я не знаю, откуда у насъ эта карта, – просто и достойно отвѣтилъ Николай.

– Но она на днѣ вашего баула!

– Это саквояжъ.

– Ваше объясненіе меня не удовлетворяетъ!

– Ваше обвиненіе, – уголь рта царя пошелъ вбокъ въ легкой презрительной улыбкѣ, – меня не удовлетворяетъ тоже.

– Мнѣ плевать! – Авдеевъ свернулъ карту еще и еще по стигу, затолкаль въ карманъ гимнастерки. – Вамъ же сказалъ товарищъ Яковлевъ, что васъ везутъ въ Москву! Въ Мос-к-ву! – проораль онъ почти по буквамъ. – Такъ откуда же карта Екатеринбурга?!

– Я уже вамъ сказалъ, что...

Авдеевъ сѣлъ на корточки у настезь распахнутаго огромнаго кожанаго чемодана. Ляминъ не зналь, что чемоданъ англійскій, изъ самого Лондона, и подаренъ Николаю королемъ Георгомъ. Комендантъ похлопаль чемоданъ по кожаному боку, какъ коня по крупу.

– Знатный чемоданишко. Что въ немъ? Коробка. Красный крестъ! Аптечка?

– Да, – Марія чуть было не сказала «сэръ», – походная аптечка.

– Поглядимъ! А можетъ, тутъ взрывчатыя вещества! Или – яды! У царей всегда съ этимъ дѣломъ было неплохо, съ ядами, да?

Изъ аптечки прямо на полъ вытряхнули всѣ флаконы, коробочки и пузырьки. Одинъ пузырекъ разбился. Стекланная пробка покатила по полу. Сильно запахло анисомъ.

– Мои анисовыя капли, отъ горла, – прошептала Марія. Такъ, никому, въ воздухъ.

«У нея когда-нибудь болить горло. Неужели у нея что-то можетъ болѣть? Ну да, она такая же, какъ всѣ люди. Такая же! И въ нужникъ она такъ же ходитъ. И пучить ее. И рветъ, коли отравится. И... наступитъ пора... такъ же, какъ всѣ, какъ всѣ дѣвки, раздеретъ ноги передъ... кѣмъ-то... а можетъ, и на плечи кому задеретъ...»

Обыскъ не кончался. У Александры подгибались ноги, но она стояла все еще съ прямой спиной, какъ на военномъ смотрѣ на Дворцовой площади.

– Да что же вы все-таки ищите?!

Не выдержала Марія. Сорвалася на звонкій, короткій крикъ.

Авдеевъ обернулся, потный, красный. Тяжело ему было стоять на корточкахъ. Онъ перебираль флаконы и тщательно, придирчиво разсматриваль ихъ.

Лямина осѣнило.

«Никакую взрывчатку не ищутъ. Ищутъ – алмазы. Жемчуга. Сокровища шукають. Вотъ гады!»

Но ему самому очень бы хотѣлось поглядѣть на сокровища.

«А какіе они, царскіе клады? Ожерелья тамъ разныя, перстни... алмазы величиной съ голубиное яйцо...»

– Горчичники! – выкликаль Авдеевъ. Виссаріонъ Двеняниновъ записываль, что комендантъ крикнетъ, въ большую желтую бумагу. Бумагу и чернильницу примостилъ на перилахъ, бумага то-и-дѣло сѣзжала, изъ-подъ пера чернила брызгали Двенянинову въ лицо. – Бутылъ съ облепиховымъ масломъ! Вазелинъ, круглая банка!

У царя мелко дергались усы. Ляминъ видѣль – закипаетъ.

– Пузырекъ съ... съ чѣмъ, съ чѣмъ?! Тутъ только по-ненашему!
Дидковскій обернулся, взявъ изъ рукъ у Авдеева пузырекъ и прочиталъ:
– Спиритусъ вини. Великолѣпно! То, что надо.

Отодралъ пробку. Нюхнулъ. Блаженно закатилъ глаза.

– Чистый спиртъ. Девяносто шесть градусовъ.

Солдаты оживились.

– А спиртыга-то имъ зачѣмъ?

– А все затѣмъ! Гдѣ подранятся – ранку прижечь!

– Такъ то ѣдомъ можно.

– Ёдомъ, ёдомъ! Спиртъ, онъ какъ лимонъ, отъ всѣхъ скорбей!

– Да врешь ты все. Внутрь принимали!

– А кто жъ отъ ево откажецца-то. Самое оно, особливо ежели въ морозъ.

– Морозъ, красный носъ! Вотъ енто дѣло – конфискуй, начальникъ!

Авдеевъ, не вставая съ корточекъ, протянулъ пузырекъ Николаю.

– Возьмите, – глаза коменданта нехорошо смѣялись. Лямину почудилось, что подъ рѣсницами Авдеева внезапно заскакали мелкіе, размѣромъ съ муху, черные и гадостные черти. – Приложитесь, гражданинъ! Выпейте за наше здоровье! И за свое.

Взглядомъ царь давилъ коменданта, какъ блоху. Изъ послѣднихъ силъ, сколько позволяла выдержка, вымолвилъ:

– Вы не имѣете права насмѣшничать, даже надъ арестованными. Этого и въ вашихъ красныхъ реестрахъ не записано.

Авдеевъ разогнулся. Шагнулъ къ Аликсъ. Стоялъ передъ ней и нарочно качнулся, какъ пьяный. Теперь ей протягивалъ пузырекъ со спиртомъ.

– Тогда ты... вы! За мое здоровье! А то у меня сегодня что-то... поясицу прихватило...

Царица, внѣ себя, взяла изъ заскорузлыхъ рукъ Авдеева пузырекъ.

– Фы не имѣете прафа ни на что! Фы... не мошете... истѣфаться надъ бессащитными!

Когда старуха волновалась, по ея рѣчи становилось понятно, что она нѣмка изъ нѣмокъ.

Царь вышагнулъ впередъ, какъ гусакъ-вожакъ, и заслонилъ собой разгнѣванную жену. Онъ бросалъ слова, будто рубилъ тяпкой капусту, и куски летѣли вбокъ, вывысь, въ лица тѣмъ, кто теперъ смѣлъ ихъ обыскивать и смѣяться надъ ними во весь ротъ.

– Это подлость! – Ляминъ увидѣлъ: въ его бородѣ, въ гущинѣ усовъ, въ волосахъ надъ лысѣющимъ лбомъ – новыя, яркія бѣлыя нити. – Вы ведете себя какъ подлещы, не какъ солдаты! Я, какъ полковникъ, требую, я приказываю вамъ: прекратить эту комедию! Вы лучше другихъ знаете, что у насъ съ собою ни взрывчатки, ни оружія, ни Богъ знаетъ чего, о чемъ вы предполагаете! Кончайте мучить людей!

Авдеевъ, по мѣрѣ того какъ Николай говорилъ, наливался алой краской – лобъ, щеки, переносе, шея.

Николай задохнулся, и тогда Авдеевъ подаль голосъ. Тихій и жесткій.

– А вамъ? Вамъ, когда вы мучили людей... насъ! Насъ всѣхъ!.. когда вы замучили и убили полстраны... вздернули на висѣлицы... сгноили въ тюремныхъ подвалахъ... разстрѣляли... уничтожили на этой вашей... – рѣзко, жутко перешель на «ты». – На этой твоей войнѣ, ты ее, дерьмо, и развязалъ! Никто ее не хотѣлъ! Мы – ее не хотѣли! А ты... подъ знамена! Подъ штандарты! Ура, впередъ! На поля сраженій! Подъ иприть и люизитъ! Подъ взрывы бомбъ, подъ танки! Поль-Россіи погибло! Поль-Россіи! И что?! Это мы – надъ тобой – издѣваемся?!

– Фы неkotяй!

Крикъ Александры, и всѣ охранники разулыбались. Ихъ смѣшили ея нѣмецкій акцентъ.

Михаилъ сжалъ кулаки. «Ну, Авдеевъ сорвался... Какъ бы не ударилъ царицу».

Сунулъ руки въ карманы штановъ и съ видимымъ безразличіемъ пододвинулся ближе, ближе къ царю.

– Вы... не надо такъ. Не давайте волю гнѣву. Онъ... сожретъ васъ...

«Чортъ, я балакаю, какъ попь!»

Николай изумленно воззрился на Лямина.

– Гнѣвъ?! Я уже не имѣю права на собственныя чувства?!

Ляминъ хотѣлъ откашляться. Онъ самъ не зналъ, что сейчасъ скажетъ.

Но сказалъ такое, отъ чего Николай замолчалъ и надолго.

– Вы на все имѣете право. Но ваше время закончилось. Кончилось, и все. И всѣмъ все равно, что будетъ съ вами.

Михаилъ вдохнулъ глубоко и повторилъ еще разъ, тихо и внятно, какъ для глухого:

– Все равно.

Царь молчалъ. Зато говорила царица. За двоихъ. Сыпала и сыпала словами безъ перерыва. Марія прижала ладони къ щекамъ. Зажмурилась. Солдаты стояли вокругъ распотрошенныхъ чемодановъ и сумокъ и переглядывались: мели, Емеля, твоя недѣля.

– Что фы сепѣ посволяете! Фы, рускій нароть! Нароть-поконосець! Фоть фо что фы превратились! Фы таже не понимаете, что фы тѣлаете съ лютьми! Фы префратили насъ въ скотофь... но фы – сами скоты! Скотины? – повернулась къ Николаю, ища слово: можетъ, нѣверно по-русски сказала. Царь молчалъ. Отвернулся. – Скотины! Фы – хуше пыкофь, корофь! Фы никокта не уснаете, что такое честь! Совѣсть! Вотъ каспадинъ Керенскій. Онъ рефолюціонеръ, та! Та! Но онъ сналъ, что такое вѣшлифость... что такое тостоинстфо! И теликатность! И... калантность!

– Што, што? – уже не выдержавъ, хрюкнулъ въ кулакъ Ванька Логиновъ. – Што? Какая кала... какъ тамъ?.. охъ, не могу...

Охрана хохотала, уже не стѣснясь.

– Молчать! – хриплымъ, какъ у плохого пѣтуха, фальцетомъ крикнулъ Дидковскій.

Замолчали.

– Онъ пылъ... тшентльмень!

И теперь, въ тишинѣ, взорвался смѣхомъ Авдеевъ. Онъ не зналъ, что это за слово такое заморское, но оно такъ размѣшило его, что онъ гукалъ и булькалъ, какъ младенець въ люлькѣ, завидѣвшій звонкую погремущку.

– А-ха-ха-ха! Ха, ха, га... Пельмень?! Пельмень?!

Солдаты, размѣлѣвъ, потихоньку стали вторить и разгудѣлись, раскочегарились. Хохотали откровенно, со смакомъ, будто вѣкъ не хохотали. А хорошей поводъ былъ: постоять рядомъ съ бывшими царемъ и царицей, гадами ползучими земли Русской, и насмѣяться надъ ними, имъ въ глаза. Если бъ имъ въ глаза можно было кровавымъ солдатскимъ бѣльемъ потыкать! Оторванными взрывомъ ногами, руками моряковъ съ Цусимы! Крестиками съ шей убитыхъ въ Красное воскресенье дѣтишекъ!

– Пельмень господинъ Керенскій, говоришь?! А можетъ... ремень?! Я не разслышалъ!

Въ Николаѣ все дрожало. Пряжка ремня. Воротникъ гимнастерки. Пуговицы у ворота. Волосы надо лбомъ. Губы. Брови. Усы. Борода. Дрожало сердце подъ ряской сукна. Дрожали сморщенные запыленные, голубино-сизыя голенища. Съдыя рѣсницы. Морщины, медленно стекающія изъ подглазій къ угламъ рта.

– До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ порядочными людьми!

Царь противъ слесаря. Слесарь противъ царя. Кто тутъ главный? Всѣ тутъ главные. Къ кому ни обратись – къ самому распослѣднему охраннику, къ коменданту, къ комиссару – все равно: любой – царь. И больше нѣтъ на нихъ царя.

Есть человекъ, а толку ли имъ въ человекъ? Столько человекъ уже убито за послѣднія двадцать лѣтъ, что и во снѣ никому не приснится такая гора костей, череповъ, мертваго мяса.

Авдеевъ, непонятно почему, кукольно поклонился. Какъ Петрушка на ярмаркѣ надъ красной ширмой. Только дѣти не хлопали въ ладоши. А втихаря матерились за спиной, пересмѣивались солдаты.

– Обыскъ оконченъ. Можете пройти въ ваши комнаты.

Охранники гулко топали, гремѣли сапогами, сбѣгая по лѣстницѣ. Стукъ эхомъ отдавался подъ крышей.

* * *

– Ники. Любимый. Страстная недѣля.

– Да, любимая. Страсти Господни.

– И никто насъ въ храмъ не поведетъ тутъ.

– Да. Никто.

– Значить, надо самимъ, въ Домѣ, всѣ страстныя службы служить. Ты вѣдь помнишь? Сможешь? Я тебѣ подпою.

– Я все помню.

...Быстро соорудили домашній аналой. Конечно, не такой, какъ въ Царскомъ Селѣ у царицы былъ – тамъ отъ иконъ ломилась спальня, и за чернымъ пологомъ – отпахни его – пряталась настоящая монастырская келья: кіотъ, образа, огромный аналой, на немъ запросто умѣщалась Библия in folio, Цвѣтная и Постная Тріюди, громоздкія Четви-Минеи.

Съ собой изъ Тобольска иконы привезли, какія смогли; разложили на столѣ, вмѣсто аналая – стулѣ, укрыли его вишневымъ бархатнымъ жилетомъ царицы. Вмѣсто требника и Евангелія Александра положила на темный бархатъ худыя морщинистыя руки. И царь смотрѣлъ на эти руки и думалъ: Боже, какъ же она состарилась. А ей всего лишь только сорокъ пять лѣтъ.

О, нѣтъ, совѣмъ скоро – сорокъ шесть.

Ее эти мрази называютъ старухой...

...старуха то, старуха се...

...нѣтъ, нѣтъ, не надо такъ думать о людяхъ – «мрази»; это недостойно христианина, всѣ люди братья, всѣ...

Царица огромными, просящими глазами глубоко глянула на мужа, и въ этихъ глазахъ онъ прочиталъ: «Прости меня, я женщина, а никакой не священникъ, я не могу, нѣтъ, я могу, на самомъ дѣлѣ я все могу по службѣ, я все помню, все знаю, я съ радостью сейчасъ все сдѣлаю!» – а потомъ онъ посмотрѣлъ на ея руки, лежащія на аналоѣ одна съ другой рядомъ, тѣсно, ладонями внизъ, на эту бѣлую истонченную родную кожу, и эти руки показались ему желанной раскрытой книгой, книгой облачной и небесной, и вдругъ она и правда повернула ихъ ладонями вверхъ, будто принимала невѣдомый даръ, и онъ падалъ съ потолка, съ неба прямо ей въ раскрытыя ладони.

И на ладоняхъ тоже были начертаны письма.

Потъ потекъ по спинѣ царя. Письмена, ихъ можно прочитать!

Читаютъ же толковые люди... хироманты...

Широко перекрестился, отгоняя наважденіе. Дьяволъ рядомъ. Рядомъ хироманты, спириты, сплетники. За окномъ, за стѣной – вся Россія, великая сплетница, и ореть нынче отъ боли, ибо сгораютъ на кострѣ.

– Вонмемъ! – протяжно пропѣла царица.

...Въ коридорѣ Михайлъ слышалъ пѣнье. «Поютъ, мелодично какъ. И женщина бормочетъ. Церковное».

...Въ другой комнатѣ Марія сложила руки у груди и наложила на себя крестъ.

«Страна тонетъ въ крови, а они поютъ», – думалъ Ляминъ.

«Наша родина умираетъ, и мама съ папа за нее молятся», – думала Марія.

...Въ комендантской Авдеевъ услышалъ кондаки и тропари.

«Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало». Авдеевъ пошарилъ по столу, нашарилъ ручку, подвинулъ къ себѣ по столу жесткую бумагу. У бумаги заворачивались концы, она смахивала на берестяную лодочку въ мальчишней лужѣ.

«Ни телеграфа тутъ, ни телефона. Связи съ міромъ никакой. Начнутъ стрѣлять, и то не сообщатъ; гонца надо посылать».

Быстро, крупно писалъ на бумажной берестѣ:

«ВЪ УРАЛСОВѢТЪ. ПРИСЛАТЬ ДЛЯ КУХНИ ТРИ БОЛЬШИХЪ ЧАЙНИКА, ЯЩИКИ ДЛЯ РАЗМѢЩЕНІЯ КАРТОФЕЛЯ, ЛУКА И МОРКОВИ, А ТАКЖЕ ЗАПАСЪ ПАТРОНОВЪ ДЛЯ НАХОДЯЩАГОСЯ У КРАСНОАРМЕЙЦЕВЪ ОРУЖІЯ. ОТДѢЛЬНАЯ ПРОСЬБА ПРО ПУЛЕМЕТЪ. ЕСЛИ ПОЛУЧИТСЯ. СЪ КРАСНОАРМЕЙСКИМЪ ПРИВѢТОМЪ КОМЕНДАНТЪ АВДЕЕВЪ».

* * *

День сѣрый и холодный. День – голубиное крыло. Это Пасха, и это солнце за тучами вошло. Оно вошло за тучами, и мы не видимъ его свѣтъ. Тучи его заслоняютъ, но это совсѣмъ не значитъ, что его – нѣтъ! Мама, мама, Христось воскресе! Машинька, воистину воскресе! Папа, Христось воскресе! Машинька, воистину воскресе! Поцѣлуемся крѣпко, троекратно и свѣтло. Мама, день сѣрый, и снѣгъ мететъ, но вѣдь все равно солнце вошло! А солдатъ можно поцѣловать? Похристосоваться съ ними? Можно. Нынче все можно. Возлюби врага своего, сказалъ Господь, и подставь, если тебя по правой щецкѣ ударятъ, лѣвую щеку. А нынче праздникъ великій! Въ этотъ великій праздникъ никто не одинокій! А вдругъ я ему: Христось воскресе! – а онъ меня толкнетъ въ грудь? Ничего, дѣтка, поклонись ему и скажи спасибо, это ничего, мы... ничего... мы какъ-нибудь...

День сѣрый и волглый. И мокрый снѣгъ. И метель, и грязь. Мама, а вѣдь любовь это совсѣмъ не страсть. Мама, страсть – это плохо, это очень плохо и тяжело! Папа, папочка, не плачь, сегодня Пасха, сегодня все равно солнце вошло!

...можетъ-быть, и не такъ все оно было. А можетъ, совсѣмъ и точно такъ. Жизнь мнѣ такъ спѣтъ положила, жизнь сама зажала меня въ кулак. Они всѣ меня обступили, они глядятъ на меня и стоятъ вокругъ. Они всѣ руки сцѣпили – и не разрываютъ, не разнимаютъ рукъ.

* * *

Конь подъ ней шель быстро и жарко, далеко выкидывая впередъ сухія крѣпкія ноги, скакалъ наметомъ, и она пригибалась къ конской шеѣ, обнимала ее, шептала коню въ ухо: ну давай, давай, живѣй, скоро село, тамъ отдохнемъ, я тебя накормлю и напою, милый, быстрѣй.

Копыта коня взрывали снѣгъ и грязь по обочинамъ дороги, расплескивали черными искрами лужи, конь въ-бродъ переходилъ ручьи и малыя рѣчки, что разлились и весело, гомонливо бурлили подъ дерзкимъ, мощнымъ солнечнымъ огнемъ.

– Скачи... милый... скачи...

Кто привезъ ей изъ Екатеринбургa въ Тобольскъ вѣсть, которую не надо было слушать? Надо было заклеить уши воскомъ, забить солдатской корпией.

– Скачи... давай...

Она поднималась и опускалась на ходящей ходуномъ конской спинѣ, ударяла задъ о сѣдло, пригибалась ниже, прикивала крѣпче, но скачку не останавливала. Посѣщала горькая мысль: загонитъ она коня. А другого взять неоткуда. Негдѣ? Въ любую избу зайти, револьверомъ пригрозитъ: тутъ же тебѣ, присѣдая отъ страха, лошадь и выведутъ. Подъ-узды.

«Твой Ляминь... съ царской дочкой...»

Нѣтъ! Вранье. Обмань! Чтобы ей больно сдѣлать. Кто ее хотѣлъ эдакъ вздѣть на вилы? Онъ? Или кто другой? Кому она дорогу перешла? Кто ее захотѣлъ, а она отказала?

«Я убью его! Прискачу – и убью!»

Щекой чуяла жарь, исходящий отъ конской холки.

По обѣ стороны отъ конскаго крѣпкаго тѣла, отъ этой скачки, – грязь и блескъ и вода, и мокрая земля, и запахи ея, теплые, счастливые, какъ отъ пирога, отъ хлѣбовъ въ материной печи.

– Я убью тебя.

Она выдохнула, надъ холкой коня, это – буднично и просто, и увидѣла, какъ это можетъ быть: онъ валяется у ея ногъ, у сапогъ ея грязныхъ, дорожныхъ, и онъ не сразу убить, онъ еще умираетъ, она выстрѣлила ему въ грудь, разъ, другой, – и она подойдетъ и спроситъ: а ты что, зачѣмъ съ царской дочкой, она что, лучше меня?

И онъ будетъ молчать и мычать, ползая у нея подъ ногами, и полъ кровью вымажется.

И она выстрѣлитъ третій разъ – ему въ башку: добьетъ.

– Скачи... давай!..

Земля вокругъ отдавала тепло, и земля хотѣла тепла. Все жило, и земля жила. И конь подъ ней жилъ. И молодая она была. Молодая и сильная. И не было удержу горю. И, сходя съ ума, она сама вырывала изъ горла у себя крикъ, чтобы въ крикъ утонуть, крикомъ изойти и уже ни о чемъ не думать:

– Скачи-и-и-и-и!

Конь, запаленный, всталъ.

Пашка легла грудью на его холку. Бока коня вздымались и опали.

Она, обнявъ шею коня, сидѣла мертво, и тоже, какъ конь, глубоко, тяжело дышала.

...Ей изъ Екатеринбургa прислали письмо. Почеркъ незнакомый. Она близко подносила мелко исписанный листокъ къ глазамъ. На что ужъ сама неважнецки была грамотъ учена, а тутъ видѣла – раскорячливыя каракули, искаженныя до жуткой кривизны слова; вродѣ по-русски писано, а въ то же время не по-русски; и съ трудомъ доходилъ до нея смыслъ этихъ кривыхъ и торопливыхъ, гадкихъ словъ, и уже некогда было гадать, кто же это все сочинилъ, а можетъ, это была правда, самая вѣрная, самая горькая и святая правда.

«ПАРАСКОВЫИ БАЧАРОВОИ У ДОМЪ СВАБОДОИ У СОПСТВЕННЫИ РУКИ. ПАРАСКОВЪЯ ДУРА ТЫ НЕ ЗНАШЬ ШТО ТВОИ МИШКА ЛЯМИНЬ СЪ ЦАРСКАИ ДОЧКАИ ЛУБОФЪ КРУТИТЬ ВАВСЮ ИВАНАФСКУ ОТЪ НИЕ НИ АТХОДИТЬ НЕНА ШАКЪ. А ВСРЪЧАЮЦА АНИ У КЛАДОВКИ И ТАКЪ АРУТЬ СЛЫХАТЬ НА УВЕСЬ ЕПАТИСКАИ ДОМЪ. ПРИИЖЖАИ ЕЖЛИ ХОЧИШЬ НАБЛЮСТИ КАКЪ АНИ ЛЮБЯЦА. НА ТВАЕМЪ МЪСТЪ Я БА ЗАРУБИЛЪ ТВООВО ЛЯМИНА ПРОСТА САБЛЕИ. ПРИМАИ КЪ СВЪДИНЮ. ПИШУ ТИБЪ ЧИСТАЮ ПРАВДУ. ДАБРАЖИЛАТИЛЬ».

Она еще и еще разъ читала, перечитывала, вѣрила и не вѣрила, хотѣла порвать грязную записку – да пальцы сами застыли, и не порвала; чего испугалась? Того, что правда, – или того, что безъ этихъ каракулей не найдеть ту сволочь, что ихъ писала? Носомъ – въ эту ноющую писанину – его не ткнуть?

Но грудь занялась огнемъ, и трудно было дышать, и уже собирала вещи, и взнудывала коня, и рапортовала Родіонову: должна сегодня же, сейчасъ, отправиться верхомъ въ Екатеринбургъ, – и командиръ смотрѣлъ подозрительно, всю ее общупывая глазами – гдѣ тамъ у ней вранье затаилось, подъ-мышкой, подъ воротникомъ, въ сапогѣ? – но такъ ясно, жестко и чисто, катая желваки подъ скулами, смотрѣла она глаза въ глаза командиру, и такъ быстро и непреложно онъ повѣрилъ ей, ея честности и тому, что на Уралѣ именно ее Авдеевъ къ себѣ требуетъ и ожидаетъ, – что махнулъ разрѣшающей рукой: «Ступай! Вжай!»

Садилась на коня, сцѣпивъ зубы. Ни съ кѣмъ не попрощалась.

Молча ъхала по городу. Не видала ничего по сторонамъ. Ни людей, ни домовъ.

И лишь когда выѣхала изъ Тобольска на Тюменскій трактъ – вотъ тутъ уже дала волю и крикамъ, и слезамъ, и била и била коня пятками по худымъ бокамъ, и скакала бѣшено, и въ огромныхъ, на полземли, весеннихъ поляхъ громко, въ голосъ, трясясь въ сѣдлѣ, плакала – уже безъ слезъ: ревѣла раненой, дикою звѣрью.

* * *

Этотъ день наступилъ, Михаилъ неотступно думалъ о немъ: какъ увидятся? когда пріѣдетъ? а можетъ, не пріѣдетъ ужъ никогда? да нѣтъ, явится, куда дѣнется! – и вотъ – день этотъ пришелъ, а можетъ, онъ самъ придумалъ его. Какъ коня, время – плеткой хлестнулъ.

У воротъ послышались крики, свистъ, смѣхъ. Ляминъ стоялъ на деревянной лѣстницѣ внутри дома. Онъ шелъ навверхъ, но услышалъ голосъ, – и сердце оторвалось и покатилося вонъ изъ него, вонъ, въ кромѣшную тьму.

Стуча сапогами, онъ выбѣжалъ на крыльцо.

Пашка стояла напротивъ. Они чуть не стукнулись лбами.

Онъ глядѣлъ ей въ обвѣтренное, красное, схваченное жаднымъ весеннимъ солнцемъ лицо.

Слишкомъ выпирали скулы.

«Истошала... плохо ѣла...»

Близъ воротъ заржалъ конь.

«Скакала... одна...»

Загудѣлъ клаксонъ авто.

«А можетъ, кто на моторѣ подвезъ».

Ледяные, стальные глаза смотрѣли прямо въ его глаза, выжигая ихъ, и онъ ощущалъ: вмѣсто глазныхъ яблокъ, живой зрячей дрожи – пустыя черныя глазницы.

Онъ видѣлъ ее не глазами – чуялъ нюхомъ, звѣринимъ сердцемъ, внезапно ставшимъ горячимъ и жгучимъ пахомъ, видѣлъ памятью и неизлитой злобой, несбывшимися объятями.

– Пашка!

И вмѣсто: «Здравствуй, Мишка», – она быстро, незамѣтно, но сильно, по-мужицки размахнулась и ударила его по щекѣ кулакомъ такъ, что онъ едва не упалъ.

– Ты! Что ты...

Солдаты, стоящіе у воротъ, гоготали.

Настойчиво, гнусаво гудѣлъ клаксонъ авто на улицѣ.

У Михаила гудѣло въ головѣ и сильно болѣли глаза.

– Ты мнѣ зубъ выбила.

Онъ плюнулъ и выплюнулъ на крыльцо зубъ вмѣстѣ съ кровью.

Она вытерла кулакъ о штанину, отодвинула Лямина ненавидящимъ, жесткимъ плечомъ, толкнула кулакомъ дверь и стала подниматься по лѣстницѣ, тутъ же цѣпко, жадно, колюче схватывая острыми, какъ у дикой кошки, зрачками все, что подворачивалось подъ локти, подъ кулаки, подъ тѣнь рѣсницъ: перила, деревянные балюстрады, бутылки и ящики вдоль стѣны, выкрашенные бѣлой, чуть желтоватой масляной краской, высокія двери, корзины съ прошлогодними, уже высохшими тыквами, съ рѣпчатымъ лукомъ, и бѣлымъ и лиловымъ, вбитые между кирпичей мощные четырехгранные, огромные, будто корабельные, гвозди и длинные цвѣтные вязаные половики. Домъ какъ домъ, какъ всѣ дома. И люди живутъ. И пахнутъ людскимъ: съѣстнымъ, духами, крахмальными тряпками.

Ляминъ, слѣпой, шелъ вслѣдъ за ней, хватался невидящей рукой за перила, вминалъ въ нихъ пальцы и ладонь, поднимался по лѣстницѣ, съ трудомъ воздымая ставшіе вдругъ необыкновенно тяжелыми сапоги; онъ прослѣдовалъ за Пашкой въ комнату, куда она безошибочно, на запахъ табака и мужика, шла – въ комендантскую.

Пашка рванула дверь на себя. Закрыто.

Въ комендантской никого не было.

– Гдѣ Авдеевъ?

Она кусала губы.

– Откуда я знаю.

Онъ попрежнему не видѣлъ ничего. Въ полутьмѣ коридора еле различалъ бѣлую мотающуюся тряпку ея лица.

– А гдѣ эта?

Пашка плевала въ него словами, будто онъ былъ приговоренъ къ позорному столбу на рынкѣ и его долженъ былъ сейчасъ излупить палачъ, привести въ исполнение приговоръ, а она грызла сѣмечки словъ и плевала въ него, плевала черную, пеструю кожуру.

– Кто – эта?

Ляминъ изо всѣхъ силъ старался не протянуть впередъ руки, не схватить ее, не смять, не притиснуть къ себѣ, не изломать, не искусать.

– Самъ знаешь кто.

– Не знаю!

– Врешь!

Она не кричала. Но ея слова, быстрыя, рѣзкія, били больнѣе крика.

– Честное слово. Пашка...

Она рѣзко и быстро повернулась. Ея сапоги затопали по коридору. Она уходила.

«Сейчасъ уйдетъ прочь. Отъ меня. Навсегда».

– Эй, Пашка! – крикнулъ ей вслѣдъ. – Догадался я! Ты – это изъ головы выбрось! Кто тебѣ объ этомъ сказалъ?! Да вѣдь нѣтъ же, нѣтъ... ничего!

Крикнулъ ей въ спину это: «Ничего!» – и самъ испугался черной, безглазой пустоты, разѣхавшейся по обѣ стороны этого такого простого слова.

И Пашка – остановилась.

И, пока она стояла, онъ подходилъ къ ней – медленно, осторожно, боясь, что вотъ сейчасъ она сорвется, или опять крѣпко, зло его ударить, или побѣжить прочь, скатится по лѣстницѣ, дверь распахнетъ, выскочить вонъ. Сядетъ въ авто, крикнетъ шоферу: гони! – какъ ямщику прежде. И поминай какъ звали.

Но она – стояла. Стояла!

И онъ не сталъ ждать; еще не подошелъ вплотную, а уже хваталъ и обнималъ; не получилъ еще разъ по мордѣ, а уже шепталъ, горячо и темно: «Бей! Бей еще! Бей меня, дурака!» – уже лапалъ, тискалъ и цѣловалъ, и мялъ и сгибалъ, и смѣялся отъ радости, и шепталъ еще и еще это горячее, настоящее, другого и быть не могло: «Пашка, прости, прости меня», – и ея рука вздернулась, легла ему на плечо, пальцы вмялись въ плечо, вцѣпились, вкогтились, безжалостно и хищно царапали его, процарапывали кожу сквозь гимнастерку, а губы уже раскрывались, влажно круглились, дрожали подъ его губами, – цѣловали.

Пашку Авдеевъ встрѣтилъ ни радушно, ни холодно, – равнодушно. Вписалъ въ реестръ: «ПРИБЫЛА ИЗЪ ТОБОЛЬСКА БОЕЦЪ КРАСНОЙ АРМІИ ПРАСКОВЬЯ БОЧАРОВА». По расписанію она вставала въ карауль. Когда натыкалась глазами на Марію – вздергивала губой, будто видѣла раздавленную крысу или на куриный пометъ ногой наступила.

Авдеевъ отряжалъ Пашку и на кухню работать: бойкія бабенки, солдатскія жонки, не всегда приходили въ полномъ составѣ ѣду стряпать и посуду мыть. Требовались женскія руки.

Пашка зубами скрипѣла, да на кухнѣ торчала. Она дѣлала всю работу быстро, ловко и зло.

...Авдеевъ все-таки сжалился. Онъ перевелъ охрану внизъ. Ближе къ странной подвальной комнатѣ, оклеенной полосатыми обоями. Пашка въ этой комнатѣ чистила картошку. Велѣла внести туда мѣшки съ картошкой, сѣлась и чистила. Шелуха валилась на полъ изъ быстрыхъ рукъ. Ножъ игралъ и вспыхивалъ. Ляминъ увидалъ ее за этимъ занятіемъ и попытался пошутить: ай, хозяйка, ловкая, не зарѣжь бѣдную картошку! Пашка быстро встала, подскочила къ нему съ ножомъ, глаза горѣли, и тоже вродѣ бы шутила. «Хочешь, тебя зарѣжу?» Онъ тогда отступилъ, нарочно весело свистнулъ: «Попробуй!»

...Солдаты острили: ну теперь цари запляшутъ на просторѣ. Шутка ли, охрану съ этажа сняли! Подъ ихъ началомъ были дворцы и залы съ дикимъ блескомъ громадныхъ свѣтильниковъ. Земли и пастбища. Деревни и города. Они проживали то въ Зимнемъ дворцѣ, то въ Царскомъ Селѣ, и передъ ними вѣромъ раскладывались комнаты, залы, зальчики, анфилады и палаты.

...и халупы, и дощатые сараи...

...а теперь они рады тому, что у нихъ есть свободный отъ солдатъ – коридоръ. Всего лишь коридоръ.

Теперь имъ не стыдно. И ей – не стыдно. Человѣческія отправленія – дѣло ежедневное, и по многу разъ, бываетъ, человѣкъ на горшокъ бѣгаетъ. Какъ она... кусала губы, навѣрное, когда туда... входила! И запиралась на задвижку. И губы, и кулакъ. Вотъ тебѣ твой дворецъ! Вотъ – апартаменты!

Стоялъ внизу, и все слышалъ, что наверху, въ коридорѣ, говорили. На этотъ разъ – по-русски.

– Господи, какъ прекрасно! Больше я не буду нюхать эти адскіе запахи!

– Какіе запахи, солнышко?

– Солдатскую махорку! Они же курятъ въ столовой, любимый! Курятъ – тамъ, гдѣ

ѣдят! И скоро будутъ – гадить тамъ, гдѣ ѣдятъ... это такой народъ!

– Это мой народъ, Аликсъ.

Ляминъ поймалъ ушами ужасную паузу: пустоту и ненависть.

– Это не твой народъ! Онъ пересталъ быть твоимъ. И... самое страшное...

Еще одинъ прогалъ пустоты.

– Он пересталъ быть народомъ.

* * *

Старуха, Марія и царь поселились въ спальнѣ.

«Имъ бы, конечно, каждому – по спальнѣ, и не по такой... замурзанной. Инженеръ Ипатьевъ, сказали, женатый... а спальня, какъ у холостяка. Тѣснѣ можно, да некуда».

Когда цари гуляли, Ляминъ воровато заходилъ въ спальню. Перебиралъ вещишки Маріи, разложенныя на тумбочкѣ у изголовья, и ему его пальцы казались черными, дикими, грязными. Мраморный слоникъ. Гжельская собачка. Забавная, стоитъ на заднихъ лапкахъ: служить. А иконъ-то, иконъ! Опять иконы. Всюду брать съ собой. Вотъ изъ Тобольска иконы пропутешествовали въ Екатеринбургъ; и зачѣмъ? Зачѣмъ имъ эти золоченые образа въ такомъ количествѣ?

«Этими ихними иконами голубей можно кормить, воробьевъ. Что воробьевъ, и на куръ, и на свиней хватить».

Разсматривалъ образа. На столѣ, укрытомъ не камчатной скатеркой – простой клеенкой, царица разложила иконы, любя ея сердцу. Святитель Николай Мирликійскій. Святая равноапостольная княгиня Ольга. Алексій, Божій человекъ. «Экъ какой Алексій-то голый. Лишь повязка на животѣ. А такъ нагишомъ, не хуже нашего Василья Блаженнаго. Что, тоже голякомъ круглый годъ ходилъ? И на морозѣ? Какіе у нихъ, на югѣ-то, морозы. Тамъ и избѣ рубить не надо. Поселись подъ абрикосомъ и живи».

О, Богородица.

Ляминъ не особенно разбирался, какая: Владимірская, Донская, Тихвинская. Взялъ икону въ руки, любовался. Отъ головы Богородицы исходили звѣздчатые лучи. Руки Она сложила на груди, будто сама молилась: кому? Собственному Сыну? А вотъ интересно, какъ это мать понимала: ея сынокъ – Богъ?

Ляминъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на икону, и до него вдругъ дошло: а Ребенка-то и нѣтъ.

«Ребенокъ? Гдѣ же Ребенокъ?»

Онъ вертѣлъ икону въ рукахъ. Гдѣ Младенецъ? Ни сзади, ни спереди Младенца нѣтъ. Нигдѣ нѣтъ. Мать безъ Дитяти. А вѣдь всегда съ Дитемъ малюютъ.

– Э-эй, – тихо сказала Ляминъ иконѣ, – Младенецъ, выходи.

Богоматерь все такъ же прижимала къ груди смиренно сложенные руки: просила, благодарила? Или кому-то кланялась?

«Хоть бы разъ Пашка меня о чемъ-то попросила. Или поблагодарила меня за что-нибудь хорошее. Я бь ее... – внезапно чуть ли не слеза прошибла его. – На рукахъ носилъ...»

Осторожно опустил икону на столъ. Отъ клеенки пахло затхло, вонюче. Михаилъ потрогалъ клеенку пальцемъ. Палецъ прилипъ. Да развѣ тутъ горничныя есть? Бабъ разъ въ недѣлю присылаютъ, женъ рабочихъ, онѣ полы моютъ, а пыль вытирать забываютъ.

Онъ такъ и не узналъ, что держалъ въ рукахъ Богородицу Умиленіе.

«Сирота Ты, – сказала онъ Богородицѣ, – сирота, сирота. Убили у Тебя Ребенка».

За дверью стукнуло. Ляминъ попятился отъ стола. Слышны были крики, они вспыхивали, отдалялись. Смолкли. Бабы голоса, а среди нихъ и мужской.

«Кухонныя бабы о чемъ-то повздорили. Пашка, должно, на кого-то набросилась. Она такая».

Ляминъ вышелъ изъ спальни, въ дверяхъ оглянулся. На полу остались слѣды грязныхъ сапогъ.

«Ерунда. Я имѣю право досматривать помѣщенія... арестантовъ».

...Спустился во дворъ, набралъ воды въ ведро, снялъ сапоги и мылъ ихъ. Пашку увидѣлъ краемъ глаза. Она подошла и глядѣла, какъ онъ съ сапогами возится. Губы ея изгибаались насмѣшливо, ухмылисто. Щеки розовѣли на солнцѣ. Подбоченилась, будто въ плясъ собралась. Ея галифѣ глядѣлись будто бы французскіе штаны изъ модной лавки – чистые, отглаженные.

– Ну и... что зришь?

Терь рукой сапогъ. Лилъ воду изъ ковша. Сапогъ уже блестѣлъ.

Пашка жестко размѣялась. Кусала губы.

– Хочу и смотрю. Мои глаза.

– На кого давеча шумнула въ кухнѣ?

– Шумнула? Когда это?

– Получаса не прошло.

Натянул сапогъ, повертѣлъ ногой. Солнце заплясало на черномъ носкѣ, на голенищѣ.

– Не знаю, про что ты.

Натянула другой. Стояли другъ противъ друга.

«Какъ два пѣтуха. Пѣтухъ и курица. Что мы всегда вотъ такъ? Что не подѣлили?»

Съ ужасомъ чувствовалъ всегдашнюю, адскую и сладкую тягу.

«Я какъ олень, а она важенка. Сладу мнѣ съ собой нѣтъ».

– Ты... кричала на кого-то.

Пашка заправила за ухо выгорѣвшую прядь.

– А что? Ревнуешь? И на тебя, хочешь, покричу.

Выхватила у него изъ-подъ ногъ ведро съ грязной водой, выплеснула воду вбокъ, и пыльная земля живо сваялась въ катышки грязнаго тѣста.

«Будто мы съ ней двадцать лѣтъ прожили. И уже другъ другу смерть надоѣли».

Повернулась и пошла прочь съ пустымъ ведромъ. Ведро легко и сиротливо качалось на гнутой ручкѣ, Пашка ступала легко и размашисто, какъ всегда, но нѣчто странное уловилъ Ляминъ въ ея походкѣ. И въ томъ, какъ она, пройдя полдвора, въ тѣни забора обернулась и коротко, жгуче поглядѣла на Лямина черезъ плечо.

...Уборной пользовались всѣ, кому не лѣнь. И цари, и кухонныя бабы, и охрана. Бабы заставляли чистить уборную, устанавливали очередь, списокъ фамилій уборщицъ и числа мѣсяца старательно карябали на листѣ бумаги и на двери уборной вывѣшивали. Въ столовой, на продавленномъ диванѣ, спала дѣвушка Демидова. Диванъ на ночь вносили изъ кухни въ столовую. На день – убирали. Внося диванъ, охранники нечестиво шутили. Глумились. Ахъ, дѣвушка, да можетъ, ты уже и не дѣвушка давно! Провѣримъ! Вотъ нынче ночью и провѣримъ. А самой, небось, охота, чтобъ провѣрили? Ага?

* * *

...Сестра царицы сейчасъ рядомъ. Въ этомъ же уральскомъ городѣ. Какъ это прекрасно, какъ ужасно, что Эллу сюда привезли. Идетъ пасхальная недѣля, но красные люди не празднуютъ Пасху. А люди другого цвѣта – старыхъ, презираемыхъ цвѣтовъ – все равно празднуютъ. Все равно. Куда дѣнутся отъ Пасхи русскіе люди? Да никуда.

Элла, ты рядомъ, я тебя чувствую. Аликсъ, я въ Новотихвинскомъ монастырѣ. Монашки прелестныя. Каждый день пасхальная служба. Радость переполняетъ сердце. Ты еще не знаешь, душенька, я послала тебѣ посылку. Немножко порадуйся моимъ подаркамъ. Аликсъ, я еще не знаю, что изъ этого моего монастыря скоро тебѣ монашки будутъ носить ѣду. Молоко, творогъ, яйца – чудесные! Я забыла вкусъ настоящаго творога. И я тоже забыла. А какую пасху монашки изъ этого творога сдѣлали! Положили въ нее настоящей сахаръ, настоящей изюмъ и посыпали настоящимъ ванильнымъ порошкомъ. И растерли яичный желтокъ и тоже вмѣшали. Пасха благоухала, какъ ливанскіе кедръ! Сестрица, я бы хотѣла побывать на Святой Землѣ. И ощутить страданія Господа; вѣдь наши страданія – ничто рядомъ съ Его страшною мукой. Сестрица, и я бы желала попасть въ Иерусалимъ! И я еще не знаю, что ты тутъ, рядышкомъ, будешь недолго: тебя отправятъ дальше, по этапу, вѣдь ты теперь каторжанка. Ты провинилась лишь тѣмъ, что ты моя сестра. Сестра! Я отъ тебя не отрекусь никогда. Я вѣдь монахиня, и я молюсь за тебя, Ники и всѣхъ дѣтей. Господь съ вами всѣми! Я еще не знаю, когда увезутъ и куда увезутъ; но смутно вижу яму, глубокую, черную, дна у нея нѣтъ. И вижу лица сыновей великаго князя Константина, вижу юношу, это юный князь Палей, и вижу еще чье-то лицо, родное, знакомое, но разобрать не могу. Мнѣ тяжело, и сердце бьется очень сильно. Я пишу тебѣ это письмо мысленно, сестра. Да я и читаю его тоже мысленно, сестра! Но вѣдь мы съ тобою не спириты, мы никогда не вызывали духовъ, и мы не медиумы, не читаемъ на разстояніи ни книги, ни мысли. Тогда что же это такое?

Да, что же это такое?

Что бы это ни было – благословенье этому; и я крѣпко цѣлую тебя, сестра, какъ въ послѣдній разъ, ибо никто не знаетъ часа своего и мукъ и благостей, сужденныхъ ему. Помнишь, какъ училъ насъ нашъ святой, блаженный Іоаннъ Кронштадтскій? Я стояла въ толпѣ и плакала, когда онъ проповѣдывалъ. Какъ онъ говорилъ: «Да принесетъ каждый человекъ своего Исаака въ жертву Богу». Я принесла свою жизнь въ жертву Богу, принеси и ты!

Да, сестра. А скоро Ники исполнится полвѣка. Мы уже двадцать два года вмѣстѣ! Цѣлая вѣчность.

Вѣчность или мигъ, сестра. Всѣ мы мгновенныя искры, мотыльки однодневные рядомъ

съ вѣчностью.

...Пятьдесятъ. Они уже исполнились. Они, всѣ пятьдесятъ – прожиты – цѣликомъ, безъ остатка.

Перо скрипитъ. Царь пишетъ дневникъ.

Онъ пишетъ его всегда, всю жизнь, сызмальства; онъ привыкъ къ дневнику, какъ привыкъ къ сапогамъ и гимнастеркѣ и кителю. Богъ видитъ, какъ и что онъ пишетъ. Ему отъ небесъ ничего не надо скрывать. Но небогаты земной языкъ; и не надо нарочно украшать его, обрамлять виньетками, приставлять къ нему картонныя ручки и ножки, обшивать кружевами. Языкъ Библии простъ и суровъ. Шестое мая, день Іова Многострадальнаго. Перечитать Книгу Іова? Онъ помнитъ ее наизусть. Да это же его собственная жизнь. Все отнято у него, какъ у Іова, – дворцы, дома, челядь, скотъ, пастбища, лѣса, угодыя, друзья; даже честь отнята. Спороты эполеты. Оболгана семья. Аликсъ превратили въ распутницу, вздергивавшую ноги въ постели съ мужикомъ Распутинымъ. Когда онъ впервые увидѣлъ эту дикую карикатуру на Аликсъ и ихъ Друга – въ бульварномъ питерскомъ журналишкѣ, ему на поднось услужливо принесли, и затаились, и ждали, что скажетъ, какъ поступить, – да просто чтобы причинить боль, – онъ ощутилъ эту боль, рѣзкую, сильную, по ходу всѣхъ крупныхъ нервовъ, по хребту и поясницѣ; боль ударила въ ноги, и у него отнялись ноги. Онъ чуть не упалъ. Устыдился и разсердился. Это онъ, полковникъ! Растянуться среди залы?

Унесите прочь. Я не хочу, чтобы царица видѣла эту грязь.

Унесли, такъ же съ поклономъ. А передъ глазами все стояли: черная борода Гришки, его лапти около алькова, безобразно вскинутыя вверхъ палки въ кружевахъ, онъ только потомъ догадался, что это – женскія ноги.

Пятьдесятъ. Здравствуй, Іовъ. Я пришелъ къ тебѣ. Или это ты пришелъ ко мнѣ?

Или ты – это я самъ?

– Сколько мнѣ осталось? – тихо спросилъ самъ себя, вслухъ. – Сколько? Родина разодрана на клочки. Всѣ грызутъ другъ друга. Жгутъ. Рубятъ. Нѣтъ путеводной звѣзды. Они нацѣпили красную звѣзду. Но развѣ это путь? Гдѣ же тутъ – любовь?

...Ляминъ проходилъ мимо царской комнаты по коридору. Несъ въ рукахъ кастрюлю съ прошлогодними солеными грибами – въ гостиную. Гостиную уже прокурили насквозь. Охрана рѣшила отобѣдать сегодня не въ столовой, съ царями, не въ кухнѣ и не въ караульной: въ гостиной, такъ многіе пожелали, и велѣли все туда стащить – и кастрюли съ супомъ, и закуски, и бутылки. Онъ услышалъ голосъ и въ первый моментъ не понялъ, откуда; потомъ дошло.

«Это царь говорить. Съ женой или самъ съ собой?»

Онъ не разслышалъ ничего, уши поймали лишь голосъ, горестный, заупокойный.

«Должно-быть, опять молится. Они все время молятся».

И уловилъ послѣднее слово – «любовь».

Ноги не остановились. Прошелъ мимо. Кастрюля съ грибами оттягивала руки.

«Тяжелая какая, стерва».

Толкнулъ дверь ногой, внесъ кастрюлю въ гостиную. Всюду окурки. «Надо заставить Пашку подмести».

Поставилъ кастрюлю на столъ. Приподнял крышку. Рыжіе огромные грузди, каждый груздь величиной со шляпу, плотно набивали кастрюльный зѣвъ.

«Экіе грузди знатные, хоть сейчасъ на ярмарку».

Не удержался, стибрилъ одинъ груздь, помельче, засовывалъ въ ротъ, смѣясь и давясь. Проглотилъ, почти не прожевавъ.

– Ухъ, до чего же вкусно. И даже безъ водки.

Кинулъ глаза вбокъ. Въ углу стояла метла.

«А, это Пашка приготовила. Мести хочеть! Ну такъ вотъ я ей устрою подарочекъ».

Подошелъ медвѣдемъ къ метлѣ, ухватилъ, сталъ мести – грубо и неуклюже, будто косу держалъ на сѣнокосѣ. И косой отмахивалъ крупные пласты бѣдной, обреченной травы.

А пока мель, въ темени все билось: любовь... любовь...

«Какой любовью бредилъ царь? Что за любовь далась ему?»

Мель, выметалъ мусоръ. Обрывки газетъ для самокрутокъ, окурки, разсыпанный табакъ, клочки гнилыхъ портянокъ, вотъ мѣдная оторванная отъ гимнастерки пуговица – кто-то, задыхаясь, воротъ неловко рванулъ, – яичная скорлупа, красная, крашенная вареной луковой шелухой – отъ пасхальныхъ яицъ осталась. Тутъ всѣ христосовались: и солдаты, и цари. Только цари сами съ собой, а солдаты – сами съ собой.

Ни одинъ изъ царей не подошелъ похристосоваться съ охраной.

«И вотъ вся ихъ любовь! Вся!»

Брезговали? Ненавидѣли? Или просто – не ихъ поля ягода?

Метла мела, сметала въ кучу человѣческой мусоръ.

«Ну вот подмель. А гдѣ совокъ?»

Поставил метлу снова въ уголъ. Мусоръ колючимъ муравейникомъ затихъ у порога. Грузди пахли такъ соблазнительно, что Михаилъ не удержался – шагнулъ къ столу, грязными пальцами уцѣпилъ еще одинъ и съѣлъ.

На сей разъ жеваль долго, вдумчиво. Наслаждался соленымъ сокомъ, грибнымъ духомъ.

«Эхъ, въ Жигуляхъ у насъ лѣтомъ грибовъ – страсть... Смерть сколько... По лѣсу идешь – а они сами подъ ноги бросаются...»

Крышку на кастрюлю надвинулъ плотно. На метлу посмотрѣлъ уничтожающе. Замазанному бѣлой краской окну – усмѣхнулся. Люстрѣ взялъ подъ козырекъ.

«Вотъ жизнь людская. Насыщеніе, питье, спанье. И – нужникъ. А любовь? Любовь, къ чему она?»

Вышелъ въ коридоръ. Прошелъ мимо комнаты царя. Голосъ молчалъ.

* * *

...Ляминъ чистилъ во дворѣ коня плотной и густой щеткой. На крыльцѣ курили Авдеевъ и охранникъ Ереминъ. Ереминъ, крѣпкій низкорослый мужикъ, скулы высоко приподнимаются, таща за собою все лицо, смуглое, то ли отроду, то ли солнцемъ спаленное, раскопый, глаза узкими вороньими перьями подо лбомъ приклеены, Ляминъ все гадалъ: чувашъ? мордвинъ? удмуртъ? – запросто болталъ съ комендантомъ. Ереминъ прибилъ къ отряду Яковлева въ Тобольскъ; въ Тюмени, когда царей сажали въ поѣздъ, онъ улыбнулся Мишкѣ. Ляминъ откуда-то сильно и садняще помнилъ его. Этотъ говоръ знакомый. Волжское оканье. Можетъ, Ереминъ охранялъ царей еще въ Домѣ Свободы? Но тогда бѣ они обѣдали, вечеряли вмѣстѣ, а то и раскалялись бы при случаѣ.

Щетка мѣрно ходила по влажному, блестящему крупу коня. Подъ вечернимъ солнцемъ конская шкура золотилась, вспыхивала.

«Живой, красивый. Красивое какое животное, конь. И служить вѣдь человѣку. Вѣрой и правдой. Вотъ теперь – на войнѣ – пулеметы возить, подъ пулями, подъ взрывами погибаетъ. Какъ человѣкъ. И только тоскливо заржетъ напоследокъ, – Ляминъ повелъ плечами. – А я какъ заржу? При смерти коли буду? Иго-го? Ого-го, выдохну, смерть, какая же ты большая, баба, не обхватишь тебя!»

Плохо было слышать разговоръ, что люди вели на крыльцѣ, да у Лямина всегда острия уши. Что надо, все услышитъ.

– И то, командиръ, пошто ты устроилъ эту охоту на чемоданы ихніе? Даль бы ты имъ волюшку. Ну, прибыли, устали какъ собаки. Ну, разсупонились... расположились... а ты...

– А я, по-твоему, такой жестокой царь Иродъ? Велѣлъ всѣхъ младенцевъ подъ покровомъ ночи перерѣзать? Такъ, что ли?

Оба затянулись глубоко, переглянулись. Посмотрѣли, какъ Ляминъ трудится, прыгаетъ возлѣ коня.

– Честно давай, что ты тамъ у нихъ вышариваль?

– Драгоценности.

«Такъ запросто солдату – комендантъ – раскрываетъ всѣ карты? Непросто тутъ все. А можетъ, Ереминъ – у него – свой? Лазутчикъ? Мужикъ крѣпкій, основательный, соображаетъ быстро и мудро... такіе – на вѣсъ золота...»

– Драгоценности? Какія еще? А, ну да, цари вѣдь... Думаешь, припрятали и съ собой по Расеѣ таскають?

– Если бы думаль одинъ я. Мои люди не думаютъ, а знаютъ.

– Ахъ-ха... Ну да. Все поставлено у тебя, гляжу... на широкую ногу...

– А какъ же безъ широкой-то ноги. Изъ узкаго слѣда только комаръ напьется.

– И что знаютъ... твои люди?

– А все. Прознали, что они называютъ свои сокровища знаешь какъ? Лѣкарства. «Ты взяла лѣкарства съ собой? Ты выпила лѣкарства? Упакуй лѣкарства какъ слѣдуетъ, чтобы они, не дай Богъ, не протухли!» – Авдеевъ противнымъ бабьимъ голосишкомъ передразнивалъ рѣчь царицы. – И въ письмахъ ихнихъ тоже. Это же слово. Вездѣ и всюду.

– А ты что, письма ихнія тоже перехватываешь?

– А ты бы какъ хотѣлъ? Все пустить на самотекъ? Плыви, плыви, корабликъ, до гавани святой?! Э, нѣтъ, тутъ надо съ умомъ. И кокнуть мы ихъ теперь не можемъ; распоряженій нѣтъ; и доглядъ нуженъ особый. Потому... – Авдеевъ наклонился къ уху Еремина, и вѣтеръ отнес шопотъ въ вечернюю вышину, къ закатнымъ тополинымъ вѣтвямъ. – Понялъ?

Ереминъ сдвинулъ картузь и почесалъ себя за ухомъ, по-собачьи.

– Какъ не понять. Теперь ясна картина. То-то ты флакончики эти такъ тщательно разглядываль. И нюхаль, и вертѣль, и трясь. Но вотъ жемчугъ, извѣстное дѣло, въ иныхъ

жидкостяхъ растворяется... ты знаешь объ этомъ?

– Жемчугъ! – Авдеевъ выплюнулъ сдавленный презрительный смѣшокъ. – Если бѣ тамъ одинъ жемчугъ! Тамъ, братъ ты мой, чего только нѣтъ... каждой твари по парѣ... мнѣ показали документы... тамъ чернымъ по бѣлому... все, чѣмъ они владѣли... начиная отъ деньжищъ – и заканчивая драгоцѣнностями... тамъ, если все собрать, все, все... такая революціи подмога... и насъ съ тобой награждать... помани мое слово... только ты помоги мнѣ, помоги, слышишь...

– А гдѣ жъ тѣ каменя, – хкекнулъ Ереминъ, – ежели ты ихъ тутъ – не обнаружилъ?

– Гдѣ, гдѣ... Остались въ Тобольскѣ. Теперь надо ждать приѣзда тѣхъ дочерей... и ихъ обыскивать... раздѣвать догола...

– А ты ихъ въ баню утолкай, – простодушно посовѣтовалъ Ереминъ, – и тогда ужъ начинай...

– И еще. Слышишь. Ты только никому изъ охраны... лады? Они хотятъ сбѣжать.

– Сбѣжать? Вотъ чудно! Да насъ тутъ пятьдесятъ душъ или больше... развѣ жъ отъ насъ сбѣжишь!

– Если на насъ на всѣхъ наведутъ трехдюймовку и домъ этотъ разнесутъ въ клочья – поймешь, что охрана тоже смертна... какъ и всѣ люди. Они хотятъ – свободы! Какъ всѣ, кто подъ стражей! И кто обреченъ! Думаешь, они сами не понимаютъ, что ихъ ждетъ?! Глупенькіе такіе?! О, нѣтъ... Нѣтъ. Все соображаютъ. Какъ быки, когда ихъ на бойню везутъ. Любой звѣрь смерть чувствуетъ. А человѣкъ и подавно. Они только такими беспомощными прикидываются... для насъ. Ну, чтобы мы ихъ пожалѣли. Молодые солдатики, телятики, жалѣютъ. Ахъ, дѣвочки, ахъ, мальчоночка хворый! Ничего подобнаго. Мать – хитрая змѣя. Держить связь со всѣми королями Европы. Николашка – кузень того короля, братъ другого, тоже строчить во всѣ концы. Въ Лондонъ... въ этотъ, какъ его... – еле выговорилъ. – Въ Котпен-га-генъ. Монархическій, сообрази, заговоръ! У насъ подъ носомъ. А что товарищъ Ленинъ скажетъ?! Да онъ насъ... въ первой же телеграммѣ... если они вдругъ сбѣгутъ... къ разстрѣлу... насъ, а не ихъ, ты понялъ? Тебѣ жить хочется, Ереминъ? Мнѣ – да.

– Мнѣ тоже.

– Карта Екатеринбурга – вотъ крупная улика. Фотографическая камера – ай-яй-яй! Вотъ оно, доказательство! А помнишь князя Долгорукова? А вотъ не помнишь, что у него при обыскѣ два пистолета обнаружили. Мы ихъ взяли, понятно...

– Не зналъ я.

– Ну теперь знаешь.

– А князя изъ тюрьмы-то – выпустили?

– Э-э-э! Шалишь, уѣхалъ въ Парижъ! какое выпустили! смѣешься... Его въ царствіе небесное впустили – это да. Весь ажъ сиропомъ, патокой исходилъ, такой умоленный!

– Эй, командиръ, слышишь. Ну найдете вы побрякушки. Ну на фотографической пленкѣ отыщете улики. И что? Они жъ и такъ въ застѣнкѣ, цари-то!

Авдеевъ бросилъ бычокъ въ дворовую пыль и потянулся за другой папирасой. Вытащилъ изъ коробки, мялъ въ пальцахъ, дулъ въ нее, какъ въ дуду.

– И опять дурачокъ, Ереминъ. А вродѣ умный мужикъ. Заговоръ – это ихняя казнь.

Словомъ поперхнулся не Авдеевъ, а Ереминъ.

– Казнь?

– А ты бы хотѣлъ, чтобъ мы ихъ – на англійскій корабль – въ Мурманской гавани – съ почестями, съ трубами и цвѣтами препроводили? Или, можетъ, чтобъ ихъ Ленинъ – въ Кремль поселить, а они бы тамъ съ Ленинымъ... чай пили, пироги съ капустой ѣли?! Такъ бы хотѣлъ?!

Оборвалъ самъ свои крики, закурилъ.

Ереминъ стоялъ рядомъ и смотрѣлъ, какъ комендантъ курить.

Ляминъ бросилъ чистить коня, положилъ обѣ руки ему на холку и такъ стоялъ. Ихъ съ конемъ заливали красныя теплыя струи заходящаго солнца. Красное солнце, красный Уралъ. Красные камни въ горахъ. Какъ они зовутся, забылъ. Такіе густо-красные, какъ кровь. Найти бы одинъ такой и подарить. Кому? Пашкѣ или... Машкѣ?

Съ колокольни плыль звукъ колокола – басовый, тягучій, безконечный, мощный.

* * *

Царь сидѣлъ и старательно рисовалъ на большомъ листѣ, когда въ комнату, послѣ короткаго стука – онъ всегда стучалъ, хотя многіе къ царямъ и безъ стука входили, – зашелъ Михаилъ.

Ему комендантъ Авдеевъ приказалъ занести царю на подносѣ чай. Ляминъ сначала выпучилъ глаза: какъ! чай! царю! на подносѣ! какое преклоненіе, какая... вѣжливость? забота? подобострастно согнутая спина? и это послѣ обыска, насмѣшекъ, пьяныхъ карикатуръ въ

нужникъ? – но Авдеевъ быстро все ему разьясниль. «Чай – замануха. Поводь. Ты долженъ войти, поставить подносъ со стаканомъ ему на столъ и поглядѣть, такъ, невзначай скоситься, что онъ тамъ дѣлаеть. А дѣлаеть уже цѣлый часъ. Или больше. Я въ шелку подглядѣль. Да самъ... боюсь спугнуть. Лучше ты».

Заставиль Пашку вскипятить воды. Завтракъ уже за плечами. До обѣда еще далеко.

Пашка заварила крѣпкій чай прямо въ стаканъ, сыпанула ровно столько, чтобы и крѣпко, и горло не задрало. «Въ повариху превратилась, въ бога душу, изъ солдата». Угнѣздила стаканъ на тонкомъ серебряномъ подносѣ. А подносъ ихній, спросиль Михаилъ. Нѣтъ, помотала Пашка плохо расчесанной головой, инженерскій. «А что, красивый, приглянулся, спереть хочешь?» – «Да было бѣ куда переть. Дома-то нѣтъ и не будетъ». Захотѣль послѣ этихъ словъ заглянуть ей въ лицо. Она сердито, горько отвернулася, лица такъ онъ и не увидѣль.

Затылокъ ея сказалъ ему: дрянъ ты.

Ляминъ держаль подносъ на одной рукѣ, на вытянутыхъ палками пальцахъ, другую сжалъ въ кулакъ и брякнуль по двери разъ, другой. И вошелъ, долго не ждалъ. Царь обернулся къ нему черезъ плечо. Какъ ребенокъ, прикрыль широкую бумагу локтемъ, грудью.

«Хрѣнь чего тутъ увидишь. Сейчасъ спрячетъ. Выкомаривается Авдеевъ! Въ любое время зайдя къ царю и обыщи комнату. А письма – что письма? Ихъ же все равно распечатываютъ и читають».

– Гражданинъ Романовъ. Вотъ вамъ горячій чай.

Онъ потрясенно наблюдалъ, какъ лицо царя ясно, ярко засвѣтилось. Ощущение было, что отъ носа, отъ бороды, отъ рѣсницъ идутъ длинные золотые лучи. И бьются объ стѣны. И уходятъ наружу, пронзая грязное стекло окна.

– Да что вы? Вотъ не ожидалъ! Чай? Горячій? И... съ сахаромъ?

Царь радовался опять какъ ребенокъ.

...Господи, да онъ и былъ ребенокъ – несурзанный, старый, бородатый, въ морщинахъ, развѣнчанный, нелѣпый, – потерявшийся напрочь, какъ Россія.

... – Да, съ сахаромъ.

Авдеевъ распорядилъ насыпать въ чай царю двѣ чайныя ложки сахара.

– Ну, это просто божественно!

«Чего тутъ Божьяго. Чай какъ чай. Вотъ какъ людей загнобили, что даже простому чаю радуются, какъ выносу чудотворной».

– Пейте на здоровье.

Наклонилъ ниже, чтобы поправить стаканъ, поставить его въ центръ подноса. Глазами стригъ, рѣзалъ, надрѣзалъ воздухъ комнатенки. «Ага. Планъ. Вродѣ бы домъ! Ну да. Вотъ комната одна. Вторая. Третья. Подваль. Все ясно. Куда онъ ему? По кой чортъ? Понятно все. Авдеевъ правъ! Замышляютъ они побѣгъ, явно. Ну кто не замыслить! Имъ тутъ темно. Гадко. И смерть они свою... видять. Или чуютъ. Это еще страшнѣе».

– Охъ, спасибо!

Локоть отвелъ. Гляди не хочу. Довѣрять? Да просто чай пиль вкусно, съ удовольствиёмъ, медленно, отставляя худую руку со стаканомъ, то-и-дѣло прихлебывая. Почти не отнималь стаканъ отъ губъ. Потомъ оторвался, поглядѣль весело, опять по-дѣтски, на молча, прямо стоящаго Лямина и опять съ восторгомъ сказалъ:

– Ахъ, хорошо! Чудесно!

Ляминъ на это не зналь, что отвѣтить.

Все такъ искренне. Искренне радуется чаю царь, искренне чертитъ планъ дома на бумагѣ величиною почти со столъ.

– А на улицѣ-то – тепло, капель! – царь коротко и радостно глянулъ въ окно. – Скажите, товарищъ Ляминъ, а намъ что, совсѣмъ-совсѣмъ нельзя погулять?

– Отчего же, гражданинъ Романовъ. Можно. Послѣ обѣда васъ поведутъ гулять, – подумаль и добавилъ: – Какъ всегда.

– Поведутъ! – Николай дернулъ туда-сюда плечомъ, будто его кололъ давно споротый погонь. – То-то и оно. Во дворъ. И – вдоль забора, туда и обратно? По улицѣ бы походить! На весну полюбоваться!

Ляминъ не ожидалъ отъ себя, что такъ спросить. Но такъ ужъ спросилось. «Можеть, къ лучшему. Можеть, мнѣ-то онъ скажетъ. Я чай ему принесь. Мнѣ... довѣрится... Да мнѣ самому просто интересно... зачѣмъ...»

– А вы зачѣмъ планъ дома рисуете?

Царь опять съежился, помрачнѣль, опять прикрыль бумагу, теперь уже обоими локтями. Ляминъ смотрѣль честно и вродѣ бы непонимающе. Царь подняль руки, будто его уже разстрѣливали. «Какой же онъ... беззащитный. На охотѣ такимъ беззащитнымъ бываетъ звѣрь. Когда ружье охотника цѣлится ему прямо въ голый, открытый бокъ. И нечѣмъ ему

заслониться. И уже не убѣжать».

– Да видите, хочю подробный планъ дома въ Тобольскъ послать.

– Кому?

Противъ воли это вырвалось остро, подозрительно, слишкомъ жестко.

«Плохой изъ меня шпионъ. Въ ЧеКа не возьмутъ такого пентюха».

– Дочерямъ, – царь улыбнулся, и опять отъ бороды и усовъ заструились горячіе лучи. – Домъ-то тѣсновать, товарищъ... Михайль! Вы же сами видите. Тѣсновать! А мы большая семья. Надо, чтобы дѣвочки знали, что ихъ... ждеть...

– Что... ждеть? – повторилъ онъ слова царя, съ точно такой же паузой.

Николай сжалъ руки и потеръ, не размыкая ручного замка, ладони другъ объ дружку.

– Пусть представляютъ себѣ, гдѣ онѣ будутъ жить.

Голосъ царя потвердѣлъ. Осуровѣлъ. Михайль тоже выпрямился. Царь допилъ остывшій чай быстро, раздраженно, большими глотками. Поставилъ стаканъ на поднось, крѣпко, съ брякомъ.

– Спасибо.

Сухо, быстро сказалъ. Какъ стѣнѣ. Не человекъ.

«Какъ подмѣнили его. Почему?»

Ляминъ взялъ поднось со стола. Пошелъ съ нимъ къ двери. Неудачно наклонилъ серебряную плашку, и пустой стаканъ легко поплылъ внизъ. Ляминъ поймалъ его уже на лету.

– На здоровье, – и впрямь стѣнѣ, не царю, выходя изъ комнаты, бросилъ онъ.

...Черезъ три дня къ царю явился комендантъ Авдеевъ. Губы крѣпко сжаты. Глаза подъ фуражкой – два темныхъ твердыхъ камня.

– Письма, что писали намедни, на столъ! Быстро!

Ни «здравствуйте», ни «какъ здоровье», ни «день добрый».

Николай выдвинулъ ящикъ стола. Авдеевъ смотрѣлъ по-медвѣжьи, красными горящими зрачками, темно и настороженно.

Николай сталъ выкладывать на столъ бумаги. Исписанные листки, надписанные конверты, открытки, чистую бумагу. Странные черновики: на чистомъ листѣ написаны двѣ, три строчки, а потомъ бѣгъ чернилъ обрывается, и бѣлизна бумаги равнодушно заметаеъ жалкую, бѣдную человекъчью мысль, нацарапанную стальнымъ когтемъ, – какъ метель, хищная пурга.

Авдеевъ глядѣлъ.

– Такъ. Хорошо! Вижу. Но это не все!

Царь развелъ руками.

– Что вы еще хотите?

Авдеевъ наклонился и рванулъ на себя самый нижній ящикъ стола.

– А это что?

Николай улыбнулся жалко, губы прыгали, будто замерзаль.

– Но это не письмо!

– Но это вы чертили.

Царь молчалъ.

– Вы или не вы?!

Царь наклонилъ голову.

– Я. Для дѣвочекъ...

– Для дѣвочекъ?!

Авдеевъ не скрывалъ ярости. Царь сидѣлъ передъ нимъ.

– Встать!

Царь всталъ.

Ляминъ, за дверью, слышалъ этотъ крикъ. Эту команду.

– Черезъ десять минутъ – ко мнѣ въ комендантскую!

Царь разлѣпилъ губы.

– Но я ни въ чемъ не виноватъ.

– Бросьте! Разберемъ!

...Царь стоялъ передъ столомъ, а за столомъ сидѣлъ Авдеевъ. Авдеева трясло. Онъ не зналъ, съ чего начать. А начинать надо было.

– Ляминъ! – зычно крикнулъ онъ черезъ закрытую дверь.

Дверь толкнули снаружи, и вошелъ Ляминъ.

– Часового поставь другого! И приходи! Ты мнѣ нуженъ. И какъ свидѣтель, и – какъ писарь!

– Это что, допросъ? – бѣлыми губами высвободилъ тускляя слова царь.

– Да! Допросъ!

Царь согнулъ ноги въ колѣняхъ и медленно опустился на стуль. Безъ разрѣшенія коменданта.

Ляминь шагнулъ въ коридоръ и молча, скрюченнымъ пальцемъ, подозвалъ мотающагося взадъ-впередъ по коридору Илюшку Перфильева.

– Перфильичъ, стой здѣсь. Здѣсь сторожи. Меня Авдеевъ вытребовалъ.

Илюшка утеръ носъ кулакомъ и всталъ, куда сказали. Ляминь обвелъ его взглядомъ, будто сътъ на него накинулъ.

Опять ввалился въ комнату. Чувствовалъ себя чернымъ подстрѣленнымъ ястребомъ. А комендантскую – громаднымъ ягдташемъ. Еще одна подстрѣленная дичь – вонъ она, на стулѣ. Царь. Нѣтъ, это не царь. Это жалкій бездомный котенокъ. Его подобрали изъ жалости. Онъ мяукаетъ, проситъ ѣсть, пить. Ему даютъ, а потомъ даютъ пинка подъ ребра. Онъ пищитъ: за что?! А, говорятъ ему откуда-то сверху, изъ-подъ потолка, въ горѣлыхъ ароматахъ военной кухни, въ заревахъ и дымахъ, ты не знаешь, за что? Да за дѣло, за дѣло! И – еще разъ – въ животъ, въ животъ. Онъ забивается куда угодно: подъ шкафъ, подъ печь. Твердый тупой сапогъ настагаетъ вездѣ.

Но вѣдь этотъ котенокъ въ другой жизни былъ воиномъ! Полковникомъ. И шпынялъ своихъ подчиненныхъ. Нѣтъ, никогда онъ воиномъ не былъ. Развѣ онъ могъ быть воиномъ – вотъ этотъ, на стулѣ? Согнутый дугой, безмолвный?

– Встать!

Стоить.

«Вотъ такъ. Царю – командуютъ. И онъ выполняетъ команду».

– Отвѣчать правильно! Не хитрить!

Ляминь поймалъ краемъ глаза еле видную, тончайшую усмѣшку Николая.

«Какъ же они насъ ненавидятъ. Мы для нихъ – насѣкомыя. Черви, жуки. Они насъ давили и будутъ давить, дай имъ снова волю».

– Боецъ Ляминь! Бумага, перо – на столѣ! Записывай все, что гражданинъ Романовъ скажетъ!

– Слушаюсь, – Ляминь со скрежетомъ пододвинулъ стуль ближе къ столу. Сълъ. «Благодарю церковно-приходскую школу, вотъ грамотѣ учень». Окунулъ ручку въ чернильницу. Чернильница господская, двѣ емкости, каждая въ формѣ бочонка, между ними сидитъ стеклянный медвѣдь. Для ручки – специальные бронзовые рожки. Ее туда кладутъ, и такъ она сохнетъ.

«А вѣдь мы-то пишемъ не чернилами, а кровью. Кровью!»

«Экій догадливый, что самъ себѣ мелешь. Мозги туманные. Лучше смотри и слушай, слушай и смотри».

– Гражданинъ Романовъ! Вы чертили планъ дома инженера Ипатьева, въ которомъ васъ поселили въ Екатеринбургѣ?

– Да.

Ляминь нацарапалъ на бумагѣ жирное «ДА».

«А молчаніе, если человекъ молчитъ, ничѣмъ не запишешь. Нѣтъ, почему, запишешь: молчить».

– Зачѣмъ вы чертили планъ?

Царь молчалъ.

Ляминь записалъ: «МОЛЧИТЬ». Потомъ зачеркнулъ слово.

– Зачѣмъ вы чертили планъ?!

Царь сталъ бѣгать глазами туда-сюда, туда-сюда. Соединилъ пальцы и противно хрустнулъ ими. Стоялъ прямо, будто парадъ принималъ, пятки вмѣстѣ, носки сапогъ врозь. Ляминь вообразилъ его на конѣ, въ густыхъ эполетахъ съ витой золотой бахромой, сапоги начищены до угольного блеска, конь бѣлый, ахалтекинскій, грудь выпячена, улыбка наложена поверхъ бороды, намертво приклеена, и скачетъ передъ солдатскимъ строемъ, и глядитъ на солдатъ сверху внизъ. Солдаты! Грубый колкій матеріалъ, изъ него шьются войны. И этотъ малорослый, бородатый портной – шиль и поролъ, поролъ и шиль? А матерія все кровила, и пачкалась новой кровью, и пачкала кровью подолы и юбки своей страны – ея долы и овраги, лѣса и деревни, и на снѣгу кровь, и на травѣ кровь. Не остановить.

– Я же вамъ сказалъ: я хотѣлъ отправить планъ въ письмѣ дочерямъ въ Тобольскъ.

– Такой подробный планъ? Зачѣмъ дѣвицамъ планъ? Прїѣдутъ и все увидятъ! Я утверждаю, что планъ предназначался для переправки кому-то другому! Не въ Тобольскъ!

– А я утверждаю...

– Вы можете утверждать все что угодно. Мнѣ все равно. Я – знаю, кому!

– Вы... знаете?

– Да. Знаю!

– Кому же?

Теперь царь задал вопрос. Авдеев взорвался не хуже пороха.

– Вашимъ союзникамъ! Тѣмъ, съ кѣмъ вы сговариваетесь о нашемъ побѣгѣ!

– Но мы не собираемся никуда бѣжать.

Голосъ царя былъ слишкомъ смиреннымъ. Почти овечьимъ. Авдеевъ ярился.

– Еще какъ собирается! Намъ все доподлинно извѣстно. Не только намъ, но и – Москвѣ!

– Вотъ какъ? И что же знаетъ Москва?

Царь уже не скрывалъ ироніи.

– Это я задаю здѣсь вопросы, а не вы! Когда вы послѣдній разъ писали союзникамъ?

– Я писалъ своей матери. Маріи Ѳедоровнѣ. И своей сестрѣ Ольгѣ Александровнѣ. Если моя мать и моя сестра – мои союзники, то я хорошій сынъ и братъ. Вы не находите?

– Прекратите издѣваться!

Ляминъ не успѣвалъ записывать. Перо процарапывало бумагу, брызги летѣли Лямину въ лицо, онъ бралъ со стола прессъ-папье и слѣпо, на-ощупь промакивалъ чернильныя кляксы на щекахъ и подбородкѣ.

«Когда цари пріѣхали – ты надъ ними издѣвался. Теперь царь беретъ реваншъ».

Становилось весело, тряско и стремительно, будто они, всѣ трое, скакали на коняхъ по степи.

– Прошу прощенья.

– Къ чертямъ ваше прощенье, – Авдеевъ шумно дышалъ и весь лязгалъ и двигался, будто работала паровая машина въ трюмѣ корабля. – Намъ нужны факты. Вы – въ заговорѣ съ тѣми, кто жаждетъ вашей свободы!

– Но у меня нѣтъ такихъ фактовъ. Заговоръ – это ваша сказка.

– Что?! Повторите!

– Заговоръ – это ваша страшная сказка для московской ЧеКа, – твердо и раздѣльно произнесъ царь. – Если бы мы пожелали, насъ бы давно освободили.

«Вотъ этого ему не надо бы говорить», – смутно, обезпеченно подумалъ Ляминъ.

Авдеевъ вскочилъ и близко подскочилъ къ недвижно стоявшему царю. Если бы комендантъ могъ, онъ бы ударилъ его. Занесъ уже кулаки. Ляминъ бросилъ ручку на мѣдные рога чернильницы и привсталъ; дѣло запахло рукоприкладствомъ.

– Вы! Васъ! – Авдеевъ уже не сдерживался. – Тебя – освободили?! Да мы каждый шагъ твоихъ прихвостней за версту видимъ! Страна борется за новую жизнь! Да что тамъ – просто за жизнь! Страна въ кольцѣ враговъ! Насъ возненавидѣли... и насъ ненавидятъ! Ой-ей какъ ненавидятъ! А знаешь, ты, нѣмецкій волчонокъ, за что?! За то, что мы – богатые! Природа у насъ! Земли! Лѣса! Пажити! Звѣрье въ лѣсахъ! Драгоценности, руда, золото! И – люди, главное, люди! А ты-то о людяхъ не думалъ! На войну – на скотобойню – безъ раздумій повелъ! – задыхался. Ревѣлъ. – А эти твои... благодѣтели... спасители... спаси-и-и-тели! Убили вы всѣ Россію! Убили!

– Это вы ее убили, – тихо сказала царь.

– Что?!

– Вы – убійцы.

Ляминъ бросилъ писать. У него странно, сначала холодно, потомъ горячо, стало внутри.

...За другой стороной двери, за стѣнкой, стояла Марія, положивъ руки на дверь комендантской, будто грѣла объ нее ладони. И все слушала. И слышала.

...– И насъ – будутъ ненавидѣть! Всегда! Во всѣ времена! Но мы станемъ красной Россіей! Совѣтской Россіей! Мы – станемъ – Совѣтами! Уже – стали! И мы сдѣлаемъ нашъ народъ счастливымъ! Дай только срокъ! И дай – выиграть эту новую войну! Войну съ вами, съ бѣлками! Съ тѣми, кто васъ, отребье, поддерживаетъ... еще поддерживаетъ! Но побѣда за нами! За народомъ! А не за вами, лебедями хрустальными!

Вернулся за столъ. Сѣлъ. Ляминъ сидѣлъ напротивъ, быстро писалъ.

– Я всегда былъ со своимъ народомъ, – кротко сказала царь.

– Нѣтъ, – говорилъ Авдеевъ, опять вставая изъ-за стола и медленно, устрашающе подходя къ царю, – нѣ-е-есть, поросенокъ, врешь, никогда ты не былъ со своимъ народомъ. Развѣ ты знаешь, какъ живетъ народъ? Какъ онъ ѣсть, пьетъ, страдаетъ, умираетъ? Развѣ ты это знаешь, чувствовалъ, видѣлъ? Ты видѣлъ свои смотры. Парады. Ты – обѣдалъ съ послами и танцевалъ съ балеринками! А потомъ кувырчался въ перинахъ съ кокотками! Тебя купали въ сливкахъ... въ шампанскомъ... ты жралъ на золотѣ, пилъ изъ серебра...

Авдеевъ ловилъ ртомъ воздухъ.

– Но такъ устроенъ мѣръ, – такъ же кротко вымолвилъ царь и развелъ руками, будто извиняясь за такое устройство мѣра.

Авдеевъ внезапно выдохнулъ шумно и длинно, выпустилъ изъ легкихъ весь яростный воздухъ.

«И правда, вѣдь такъ устроенъ мѣръ, – вихремъ пронеслось подо лбомъ Лямина. – Но,

это значить... мы... посягнули на его устройство?»

«Да, мы передѣлаемъ мѣръ».

«Но это же такъ трудно! Невозможно!»

«Красная Россія будетъ первой на этомъ пути. Тяжело! Смертельно! Но мы попробуемъ. А вдругъ у насъ – получится!»

«Ни хрѣна у насъ не получится. Бѣляки насъ задавятъ. Вонъ, Логиновъ сказалъ, бѣлочехи скоро подойдутъ къ намъ. Крестьяне повсюду встаютъ. Атаманъ Дутовъ силы скапливаетъ. Тутъ цари подъ нашимъ крыломъ, да крыло-то больно легковѣсное! Мы съ оружіемъ, да, но на ружье всегда найдется пушка!»

«Ты просто трусь. Какъ смѣешь!»

Ляминъ сжалъ виски ладонями, и перо, обмакнутое въ чернила, больно и остро впилося ему въ скулу. Онъ чертыхнулся, кинулъ ручку на столъ и обтеръ скулу обшлагомъ.

... – Вы никогда не вернете того, что было, – уже спокойно, совсѣмъ спокойно сказалъ Авдеевъ. – Старая Россія умерла. Самодержавіе умерло. Все, васъ больше нѣтъ.

– Но мы-то есть, – царь уже улыбался.

– Вы есть, а царства вашего нѣтъ.

– Вы меня извините, товарищ комендантъ, если я вамъ нагрубилъ.

– Хм! – Авдеевъ не зналъ, что отвѣтить. И Ляминъ ждалъ. – Это ваше... воспитаніе...

И не договорилъ: проклятое или хорошее. Слишкомъ хорошее.

– Всякое бываетъ. Особенно въ такое время.

«Извиняется, а самъ думаетъ: у, проклятые тюремщики».

– Но вы вѣдь испугались? Когда я васъ къ стѣнкѣ прижалъ?

– Къ какой стѣнкѣ?

– Ну, что намъ все извѣстно про вашъ заговоръ. Я, видите, говорю уже спокойно. Все существуетъ, не отпирайтесь, это глупо, въ концѣ концовъ.

– Но обвиненіе въ заговорѣ – это уже... – Николай старался говорить четко, у него не получалось, онъ глоталъ слова, мялся, началъ дрожать. – Дѣло?

– Дѣло?

– Не прикидывайтесь наивнымъ, товарищ комендантъ. Если вы докажете заговоръ, это развяжетъ вамъ руки.

Ляминъ осторожно положилъ ручку на исчерканную бумагу. Затаилъ дыханіе и даже открылъ ротъ.

– Вы настолько предвидите будущее, гражданинъ Романовъ?

И тутъ царь сказалъ такое, что ни въ коемъ случаѣ нельзя было записывать.

– Я это будущее знаю.

Глаза Авдеева. Глаза Лямина. Глаза царя. Три пары человѣческихъ глазъ. Они скрепчиваются, разбѣгаются, ищутъ другъ друга, летятъ, возвращаются, опять улетаютъ, слѣпо натыкаются другъ на друга, нѣжно и осторожно ощупываютъ воздухъ, остро, насмерть прокалываютъ лица, лбы, виски. Какъ – знаетъ? Почему – знаетъ? Такого быть не можетъ. Люди не прозрѣваютъ время! Только пророки. Что, царь – пророкъ? Какой онъ пророкъ! Человѣчишка. Такой же, какъ всѣ!

– Что ты знаешь? – Авдеевъ нежданно перешелъ на свистящей шопотъ. – Ну, что?

– Одинъ монахъ... – царь тоже шепталъ. Ляминъ еле слышалъ. – У Серафима... Саровскаго... въ обители... Да что тебѣ говорить. Нельзя это говорить. Мнѣ вынесли ларецъ. Заперли насъ... вмѣстѣ... Читалъ женѣ. Плакала... Не повѣрила. Потомъ – повѣрила...

– Когда – потомъ?

– Сейчасъ...

– Что за... чушь...

Въ комендантской стало темно. Земля совершала еще одинъ поворотъ вокругъ оси. Ночь наполнила, весенняя холодная ночь. Ледокъ сахаромъ стягивалъ черныя лужи.

– Вышли... жена еле идетъ, лицо мокрое... у меня все плыветъ передъ глазами. Она шепчетъ мнѣ: еще долго, долго... еще поживемъ... Шествіе. Молебень... Много свѣта, солнца... а мы идемъ, какъ въ ночи. Ночь вокругъ насъ... кровь, ночь и горе. И по землѣ – трещины... такія длинныя трещины... отъ жары... земля потрескалась... И къ намъ по этой высохшей землѣ – юродивая подбѣгаетъ. Длинныя волосы... мнѣ такъ жалко ее стало... она вся маленькая, грязная... подоль вымочень... по лбу потъ течетъ... жена шарахнулась, носъ зажала... а блаженная какъ завизжитъ, насъ увидѣвъ... потомъ женѣ въ ноги повалилась, за руку ее хватаетъ: слушай!.. И я – склонился... И она намъ... обоимъ... шопотомъ: падетъ ваша корона... и заточатъ васъ... и убьютъ. А земля наша вся въ огнѣ сгоритъ. Въ огнѣ!

– Брехня, – такимъ же шипомъ-шопотомъ отозвался блѣдный Авдеевъ.

Авдеевъ отражался въ зеркалѣ, висащемъ на стѣнѣ, но не видѣлъ себя. Ляминъ поднялъ голову, наткнулся глазами на зеркало и увидалъ въ немъ спину Николая, лопатки,

шевелиющаяся под гимнастеркой цвѣта сѣна.

«Брехня», – мысленно повторилъ вслѣдъ за Авдеевымъ Михаилъ – и тутъ же непреложно и быстро понялъ, что нѣтъ, не брехня.

Правду всегда хорошо и горячо чувствуешь.

Это ложь всегда холодная, склизкая, какъ озерная старая жаба. А правда – горячая и живая. И горькая. И очень больно, страшно, когда ее такъ просто, не подъ пыткой, не подъ винтовкой, а просто такъ – говорятъ. И особенно – ту, которую никогда и никому не говорили.

«Я сегодня что-то большое узналъ. То, что узнавать было нельзя. Авдеевъ – понялъ? Врядъ ли. Тогда бы онъ не сказалъ «брехня». Я всему вѣрю. Я... въ Бога не вѣрю – а вотъ въ ту блаженненькую – повѣрилъ. Почему? Не знаю. Бѣдные! Бѣдные!»

Онъ самъ не понималъ, не сознавалъ, что бормочетъ, жалуясь кому-то на все происходящее, жалѣя царей. Онъ такъ впервые шепталъ имъ и о нихъ. Шопотъ самъ корежилъ его губы. Щека горѣла чернильнымъ фонаремъ. Ночь уже навалилась на крыши и придавливала молчащие дома тяжестью набухшихъ мокрымъ снѣгомъ тучъ.

...А съ той стороны Марія прижала щеку и ухо къ сумасшедшей двери, пытаясь услышать, понять, и скорбь и ужасъ внезапно выльпили ей лицо чистымъ, строгимъ и небеснымъ, слишкомъ взрослымъ.

* * *

...Онъ видѣлъ, какъ они мучатся.

И ей было плохо, главное, ей. Онъ старался думать о ней безъ имени: «она», и все. Почему-то сталъ запрещать себѣ называть ее по имени, даже мысленно. Непонятный запретъ этотъ возникъ самъ собой. И вообще странно было, что ихъ – каждого – какъ-то по-человѣчески зовутъ.

Они сейчасъ были для всѣхъ – просто люди. Люди, а почти вещи.

Цари. Граждане Романовы. Граждане арестованные. Суки, сволочи. Бѣдное семейство. Бѣдное по-настоящему: паекъ урѣзали до нищеты, на благотворительныхъ обѣдахъ при церкви кормежка лучше.

Ей плохо, и ему это передается. Тише, нельзя разводить антимоніи. Нельзя давать слабину, никогда. Тѣмъ болѣе мужику. Это баба можетъ разнюниться; нюни – ихъ прямое дѣло, наслѣдное.

Охрана. Карауль. Они ихъ стерегутъ, и имъ за это харчъ даютъ и кое-какую денежку, кому какъ перепадетъ. Армейскій харчъ, довольно онъ нажрался его на поляхъ мировой войны. Но лучше, крѣпче и сытнѣе этого харча нѣтъ. Ты прыгаешь рядомъ со смертью – на тебѣ за храбрость миску кулеша, миску каши, а если въ кулешѣ еще и мясо плаваетъ, а въ кашѣ – масло, такъ радуйся, пой!

Карауль, и онъ – въ карауль. Тобольскъ издали, изъ времени, видѣлся огромнымъ кованымъ сундукомъ, откроешь – а тамъ снѣга, шерстяныя метели, серебряныя вьюги, старыя позолоченныя фамилыя ложки тамъ и сямъ торчащихъ церквей; градъ-сонъ, градъ-пряникъ, весь въ глазури пороши, въ заоблачной лазури. И рѣки, эти рѣки. Она... тоже ихъ видѣла, рѣки. Ихъ ширь, ихъ затягивающую ледяную бездну, ихъ вольное теченіе. Тогда ее... и ихъ всѣхъ еще пускали по улицамъ гулять. Подъ охраной, правда, но и то хлѣбъ: человѣкъ идетъ по волѣ, и воля дуетъ ему въ лицо. И онъ можетъ вспоминать прошлое и даже думать о будущемъ. Воля – это и есть будущее. Всѣ о ней мечтаютъ. И... она.

Карауль. Его товарищи. Бойцы, ружья на-а-а-а... пле-чо! Къ но-о-о-о... гѣ! Всѣ они ютятся въ двухъ комнатенкахъ около столовой. Комнатенки тѣсныя. А кто имъ приготовить и когда – хоромы? Никто и никогда. На сегодня это ихъ домъ. И его домъ тоже.

Цари выходятъ изъ своихъ комнатъ. Двигаются осторожно, слишкомъ неуверенно. Особенно царица. Она переступаетъ ногами такъ, будто идетъ по болоту, по торчащимъ изъ тины спасительнымъ кочкамъ. Шагъ шагнетъ – и озирается. Какъ въ звѣринцѣ.

«Ну да, всѣ мы для этой забаванной бабы – звѣринецъ. Звѣри, и сейчасъ набросятся и загрызутъ. А они сколько погрызли?»

Припомнилъ, какъ Степка Васильевъ про Ходынку нашептывалъ. Они, слившись въ тѣсный кружокъ у ночного костра, курили и ежились: хорошо, насъ тамъ не случилось!

«Волосы дыбомъ встаютъ, сколько. Безсчетно душъ. Помни объ этомъ! Не жалѣй ихъ!»

«И... ее?»

«Ее – тоже. Она плоть отъ плоти этихъ чудовищъ».

«Но они же люди! Не чудовища!»

«То, что они дѣлали съ людьми, могутъ выдѣлывать только чудовища».

Они всѣ гудѣли въ комнатенкахъ-ульяхъ, ругались, спали, растянувшись – кто на голыхъ

желѣзныхъ койкахъ, какъ въ гамакѣ, покачиваясь на пружинахъ, кто на полу – Авдеевъ распорядился постелить солдатамъ тощіе матрацы, выписалъ изъ ближней больницы. А у дверей ванной и уборной всегда, днемъ и ночью, стояли часовые. Да не по одному, а иной разъ и по двое распорядился ставить караульныхъ комендантъ. «Каши масломъ не испортишь, – шурился, – чѣмъ насъ больше, тѣмъ они смирнѣй».

Онъ стоитъ на часахъ. У ноги винтовка. Онъ вѣрно служить новой, Красной Россіи. По всѣмъ сторонамъ, куда ни глянь, на всѣхъ фронтахъ полыхаетъ война. Русскій противъ русскаго. Вотъ и мы дожили до гражданской войны. Гражданская война самая жуткая. Они еще этого не осознаютъ. Шкура – осознаетъ. Сердце – понимаетъ. Какъ можно стрѣлять въ брата? А тебѣ приказываютъ – и ты стрѣляешь все равно.

Все равно.

«Я русскій, и онъ, что движется взять городъ, – русскій. Мы оба родились здѣсь. Какъ же мы можемъ другъ друга убить? А вотъ поди жь ты. Ленинъ приказалъ! А этимъ кто приказалъ? Красновъ. Дутовъ. Да ихніе генералы всѣ: Калединъ, Юденичъ, Деникинъ. Этотъ, какъ его, въ Крыму, Врангель. А этотъ, у насъ въ Сибири... этотъ, какъ его... съ ненашенной фамиліей... еврей, должно-быть... Каппель. А еще Голощекинъ баялъ, я слыхалъ – далеко, за Иркутскомъ, къ Монголіи ближе – какой-то... чорта ли лысаго, опять иноземская фамилія!.. Унгеръ, что ли».

Сильнѣе стиснулъ стволъ винтовки. Желѣзо холодило пальцы. Глядѣлъ на недавно крашенные половицы коридора.

«И подо всѣми ними – люди. Наши, русскіе. Крестьяне... горожане... казаки. Да ведутъ ихъ въ бой – противъ насъ – эти, царскіе выкормыши. И мы ихъ побьемъ. Побьемъ! Все равно».

Царь шель въ уборную тоже медленно. Они не спѣшили. И онъ, бывшій владыка, теперь никуда не спѣшилъ. Коридоръ длинный, какъ жизнь. О нѣтъ, очень маленькій. Пробъжишь за мигъ. А онъ идетъ такъ гордо. Вышагиваетъ, какъ гусь. Или эта, заморская птица, павлинь называется.

Мимо часовыхъ. Мимо солдатъ. Вчера еще эти солдаты были твоими. А теперь уже не твои. Они – народа.

«Какого народа? Какой надъ нами царь? Все. Кончилось ихнее время. Будемъ безъ царя. Не надо намъ царя!»

Что-то все равно глодало душу.

«А что... кто... вмѣсто царя? Ну Ленинъ, это понятно. Ленинъ – вождь! Это значить, ведетъ. А куда онъ приведетъ?»

Мысли казались крамольными, съ нихъ капала кровь, какъ изъ свѣжихъ ранъ.

Уборную, по распоряженію доктора Боткина, обильно посыпали хлоркой. Хлоркой пропахъ весь коридоръ. Запахи нужника мѣшались съ запахами вареной гречки.

«И вотъ вся наша жизнь: жратва и сранье, и больше ничего. И – холмикъ, и крестъ безымянный, и никто не придетъ помянуть».

Гналъ отъ себя мысли, какъ мухъ, а онѣ все прилетали. Вотъ царь уже идетъ обратно. Поджалъ губы. А что, у него даже красивое лицо. Но – не мужественное. Такое... будто у нѣжнаго, милаго кролика. Посадили въ клѣтку, и тамъ сидеть. Волкъ – прутья перегрызъ бы! Убѣжалъ! И подстрѣлили на бѣгу, съ окровавленными клыками! А этотъ...

– Здравствуйте, товарищъ Ляминъ.

Улыбнулся ему, какъ родному.

«И правда родной я имъ всѣмъ, вѣдь я пасу ихъ, овецъ, еще съ Тобольска».

– Здра... жла... – осекся. – Здравствуйте, гражданинъ Романовъ.

«А Яковлевъ звалъ его – ваше величество. Ну, я не Яковлевъ».

Не остановился. А что зря калякать. Прошелъ мимо. Его спина. Смотрѣтъ ему въ спину. Чуть сутулая. Плечи широкія, одно чуть выше другого. Торчатъ подъ гимнастеркой круглыми деревяшками. Исхудалъ. Лопатки двигаются равномѣрно. Дышитъ. Поршень, насосъ работаетъ. Еще не старый. А жена старуха. Вотъ опять она вышла въ коридоръ: его встрѣчаетъ, видать. А то онъ ненарокомъ заблудится. На старухиной головѣ – вѣчная мокрая повязка. Намочить полотенце и привяжетъ. Болитъ у нея голова, и она всѣмъ на свое страданье жалуется. А вотъ не надо бы.

Человѣкъ никогда не посочувствуетъ боли другого: не у него вѣдь болить. Ну такъ, для приличія поцокаетъ языкомъ, головой покрутитъ: ай, ай. И все.

Боль чужого – не своя боль.

...Особенно больно это понимаешь на фронтѣ. Разрывы. Орудія жахаютъ. Снаряды летятъ. И любой – въ тебя. Нѣтъ! Не въ тебя. Въ товарища твоего.

...и думаешь позорно, счастливо: о, не я, не я умру.

...– Ники, я больше не могу! Эти люди убиваютъ меня!

– Аликсъ, пожалуйста. Возьми себя въ руки.

– Я не могу! Они глядятъ на меня! Они слушаютъ, что я дѣлаю въ клозетѣ! Стѣнки такія тонкія! Все слышно! Лучше умереть!

– Солнце, не растравляй себѣ сердце.

«По-иностранному брешутъ. Онъ ее утѣшаетъ».

Ляминъ глядѣлъ, какъ царь обнимаетъ жену за талію и медленно, осторожно уводитъ изъ коридора въ комнату.

«Какъ въ танцѣ, будто вальсъ танцуютъ на балу. Дотанцовались!»

* * *

...ложились спать, и сначала нѣжно, потомъ все сильнѣй и крѣпче, потомъ все отчаяннѣй обнимали другъ друга. Царь шепталъ въ ухо женѣ: не бойся, никогда не бойся смерти, что такое гибель, что такое наши тѣла? Они всего лишь куколки, а душа – порхъ! и вылетѣла бабочка. И летаетъ надъ нами, надъ красотой, ужасомъ и пустотой, надо всѣмъ летаетъ, надъ міромъ и надъ тобой, а ты ее не видишь, а она – тебя – видитъ. Жена прижималась къ нему, прикикала губами къ его горячей, твердой и крѣпкой груди, бормотала тихо и нервно: а безсмертіе, милый, безсмертіе, вѣдь оно есть, если душа безсмертна? Значитъ, тамъ мы тоже что-то будемъ чувствовать, слышать, видѣть? И царь шепталъ въ отвѣтъ: родненькая, я вѣдь не знаю, какъ оно тамъ все будетъ, но давай представимъ, если безсмертіе есть на самомъ дѣлѣ, то вѣдь оно не всегда радостное, а можетъ быть и печальное. Какъ это печальное, бормотала царица, почему печальное? Да потому, что человѣкъ, должно-быть, въ мірѣ иной переходитъ именно съ тѣмъ ощущеніемъ, какое онъ испыталъ во время своей кончины. Вотъ человѣкъ переѣхало поѣздомъ, вагонными колесами. И лежатъ двѣ его половины на рельсахъ. И всѣ эти огромные, нескончаемые вѣка, всѣ эти вѣка его безсмертія онъ вынужденъ будетъ опять и опять переживать эту лютую боль, когда поѣздъ его на-двое разрѣзаетъ! Или вотъ человѣкъ стрѣляется. Написалъ предсмертную записку: прощайте всѣ, я проигрался въ карты, – и выстрѣлил себѣ въ високъ. Или въ ротъ. Или въ сердце. Такъ тамъ, въ безсмертіи, онъ вѣчно будетъ кричать отъ жуткой боли, разрывающей его во время послѣдняго этого выстрѣла. Или же вотъ человѣкъ умираетъ самъ по себѣ, по старости, жизнь большую прожилъ, и таеетъ, засыпаетъ: усненіе, все чинно-важно, умиротворенно все. А онъ ужъ полгода, годъ съ постели не встаетъ, ослабѣ, шевельнуться не можетъ. Прележни у него, ходитъ подъ себя. И, умирая, ощущаетъ это свое безсиліе, будто падаетъ въ ужасную черную бездну – и такъ будетъ падать въ ней – цѣлую вѣчность... Оставь, что ты, Ники, замолчи! Царица кладетъ горячую, опять опухшую руку царю на губы, онъ цѣлуетъ эту руку, и подъ ея ладонью – его мокрое лицо. Зачѣмъ ты плачешь, милый? Не надо такъ волноваться! Милая, я не волнуясь. Я свое отволновался. Я просто думаю о тебѣ, о томъ, какъ ты тамъ, въ вѣчности, все будешь плакать, и плакать, и плакать.

* * *

– Слушай мою команду! Перестать называть бывшего царя – ваше величество! Я слышалъ, какъ кто-то изъ васъ обращался къ бывшему царю именно такъ. Царя больше нѣтъ! Нѣтъ и его титула! У него есть имя. Его зовутъ Николай Александровичъ Романовъ! Вы должны обращаться къ нему такъ: гражданинъ Романовъ! Понятно?

– Есть, товарищъ комендантъ!

Титулы. Имена. Званія. Ихъ такъ много на землѣ. Но званіе царя въ Россіи было одно. И вотъ его больше нѣтъ. Они всѣ вѣдь уже къ этому привыкли. Такъ что жъ имъ лишній разъ напоминать объ этомъ?

Ляминъ обвелъ взглядомъ лица товарищей. Ванька Логиновъ. Развѣ этотъ назоветъ – величество? Да онъ лучше того царя въ грязь втопчетъ, чѣмъ согнется передъ нимъ! Антоша Бабичъ. Насмѣшникъ такой, да красный весь, ажъ малиновый, ярче клевачаго пѣтуха. И этотъ не обратится эдакъ. Илья Перфильевъ? Да никогда. Илюшка за народное дѣло голову сложитъ! Царь – его первый врагъ. Скажи: убей царя! – своими руками задушить. И не охнетъ.

Лица... лица... лица, скулы, глаза то хитрые, то жесткіе, жестче желѣза...

Кто жъ изъ нихъ такой старорежимный? Вѣжливый, сиропный?

А можетъ, это онъ самъ? Обмолвился... по старой привычкѣ...

...А на улицѣ – май, Первое мая нынче по новому стилю: маевка, да не тайная, какъ раньше, при царѣ этомъ подломъ, а – демонстрація!

Люди шли по городу съ красными флагами. Съ пѣснями. Въ оконныхъ стеклахъ плескались алая вспышка, музыка тоже вспыхивала – тамъ, сямъ, то стихала, то взрывалась

прямо подь окномъ. Авдеевъ приказаль сегодня царей во дворъ не выпускать. А что боится, кто ихъ разглядить за заборомъ?

– Папа, какая музыка! Веселая! Что это за праздникъ?

Она. Стоить рядомъ съ отцомъ, въ окно рукой показываеъ.

– Не знаю, душа моя. Какой-то новый праздникъ.

– Нѣтъ, ты знаеешь! Знаеешь, знаеешь!

– Машинька, открой-ка форточку. Я хоть въ форточку воздухомъ подышу.

Она ловко взобралась на подоконникъ и отворила форточку. Зимняя рама подалась съ натугой. Весенній вѣтеръ такъ мощно дунуль въ лицо царя, опалиль радостью, что онъ шатнулся, какъ послѣ стакана водки.

– Боже! Какое счастье!

Стояль, дышалъ. Она прислонила къ отцу, обняла его сзади.

– Машинька... Я вспомнилъ. За границей нынче не восемнадцатое апрѣля, а первое мая. Тамъ, въ Европѣ, этотъ день празднуютъ. И наши – съобезьянничали. Устраиваютъ шествія, поють, дудятъ въ трубы... машутъ флагами...

– Зачѣмъ?

– День трудящихся.

– Папа! А мы, выходитъ такъ, не трудились? И это – не нашъ праздникъ?

– О, солнце...

«Чортъ, они всѣ всегда называютъ почему-то другъ друга – „солнце“. Это такъ красиво! И пошло, и сладко. Какъ-то... приторно. И притворно».

– Есть плохая новость, Машка, – повернулся къ ней, обнявъ ее, гладилъ по простоволосой головѣ. Она нынче не убрала волосы подь заколку; они свободно висѣли вдоль щекъ, укрывали круглыя мягкія плечи. – Сломался водопроводъ. А я такъ хотѣль принять ванну. И вымыться, хорошо помыться. Съ мыломъ, съ мочалкой. Я такъ усталъ... отъ грязи. Здѣсь всюду грязь. Ощущеніе, что ты весь израненъ... лежишь въ окопѣ... а въ раны твои набилась грязь, и онѣ горять, и все тѣло жжетъ.

– Папа, – теперъ она гладила его по головѣ, по рѣдѣющимъ и серебрищимся волосамъ, – ну это не бѣда, вѣдь починять же!

– Да. Починять. Конечно же, починять.

Съ улицы въ стекла летѣла и билась музыка, била крыльями, разбивалась грудью, какъ птица, о стекло. Солнце брызгало горячимъ масломъ лучей. Вѣтеръ моталъ стекломъ форточки, оно стучало о раму.

– Господи, какая чудная погода. Господи, благодарю Тебя.

Ляминъ поняль: онѣ благодарить Бога за еще одинъ прожитый день.

И она тоже это поняла. Она.

– Господи... а гдѣ же все-таки нашъ Валя? Гдѣ? Его арестовали.

– Папа, можетъ-быть...

– У этихъ... – съ трудомъ выговориль, – нелюдей ничего не можетъ иного быть. Въ тюрьмѣ Валя! Голову на отсѣченіе даю. Я поручиль доктору связаться съ Валею. Написаль ему письмо. Докторъ упрасиваль охрану передать... не знаю, передали ли... Я ничего теперъ не знаю. И не понимаю.

– Папа, – ея глаза блестѣли, – можетъ, его уже отпустили? И онѣ уѣхаль?

– Не простились съ нами? Безъ денегъ? Какъ, куда? У него же съ собою ни копейки денегъ не было...

– Папочка... не разстраивайся... Валя появится...

Царь вдругъ крѣпко, крѣпко прижалъ дочь къ груди, къ выщѣтшей гимнастеркѣ.

– Не буду. Не буду, только не плачь.

...Авдееву на подмогу приходили охранять арестованныхъ другіе люди.

Рано утромъ раздаля звонокъ. Кто-то неистово, властно дергалъ за веревку звонка. Ляминъ, едва продравъ глаза, пошелъ отворять парадную дверь. Его матраць, на которомъ онѣ спалъ, валялся всѣхъ ближе къ двери ихъ солдатской комнатенки.

– Изъ исполкома по приказу товарища Авдеева прибыли!

Низкорослый мужикъ, съ глазами любопытными и бѣшено бѣгающими, какъ у раненаго барсука, стояль на порогѣ и пытался по-военному отдать честь, хотя одѣтъ былъ въ штатское платье.

– Проходи!

Ляминъ шире распахнулъ дверь, пропустиль мужика. Мужикъ что-то говорилъ, затрещалъ безумолку, будто баба; образованный, поняль Ляминъ, краснойбай. Шагали по корридору. Навстрѣчу имъ изъ своей спальни вышелъ Николай.

Они шли, и царъ шель имъ наперерѣзъ. У Лямина было чувство: вотъ сейчасъ они столкнутся лбами.

Николай поравнялся съ ними. Сонно, тускло взглянул на мужика. Сухо наклонил голову, привѣтствуя обоихъ. Молчалъ. Ляминъ понялъ: говорить усталъ. И жить, кажется, усталъ.

Другая дверь скрипнула, и вышла царица, заспанная, въ бѣломъ длинномъ халатѣ съ кружевами. Ляминъ не зналъ, что такой утренній халатъ называется по-французски – пеньюаръ. Въ этомъ бѣломъ одѣяніи старуха напоминала ему сестру милосердія.

За царицей изъ комнатъ плавно, надменно выплыла дѣвица Демидова. За ней граціозно вышла пушистая сибирская кошка. Онѣ такъ и шли по коридору, одна за другой: старуха, Демидова и кошка.

«Цугомъ», – подумалъ Михайлъ, и безпокойство точило: а она? гдѣ она? почему ея нѣтъ? не заболѣла ли?

...царица прошла обратно въ спальню, держалась рукою за лобъ.

...онъ пропустилъ моментъ, когда она выскочила изъ дверей. Утро. И чужіе люди. Это всегда интересно. Она остановилась рядомъ съ мужикомъ изъ комитета, оставилась на него. Неприлично, радостно разсматривала. Ея глаза изучали, летали. Задавали вопросъ: а можеть, ты тайный другъ? И вызволишь насъ?

Она коротко вздохнула и открыла ротъ, готовясь что-то сказать. Спросить.

И вдругъ оглядѣла себя, свои бѣлыя, почти ангельскія утреннія, растрепанныя одежды; поняла, что не причесана, не умыта; смутилась, замѣшкалась, засемила ногами; встала; оглядывалась; прижимала палець ко рту, будто самой себѣ приказывала: молчи, не болтай лишняго.

Мужикъ съ неожиданной силой и злобой толкнулъ дверь въ спальню царей. Шагнулъ туда. Ляминъ успѣлъ замѣтить птичій пометь на носкѣ густо намазаннаго ваксой сапога.

Старуха возлежала на обитой зеленымъ атласомъ низкой кушеткѣ, опершись на согнутую въ локтѣ дебелую руку. Ея голова была обвязана мощнымъ компрессомъ. Она презрительно, негодующе, сквозь рѣсницы кинула взглядъ на вошедшихъ.

– Вы больны? – не здороваясь, проговорилъ недорослый мужикъ.

– Мигрень, – коротко бросила царица и отвернула голову. Пирамида повязки на головѣ повернулась тоже, и Ляминъ увидѣлъ крупный узелъ мокраго полотенца на затылкѣ. Подъ полотенцемъ – сѣдина, ужасъ прошлой жизни.

«У нея нѣтъ будущаго».

– Почему вы такая злая?

Комитетскій колобокъ рубилъ сплеча.

– У меня несвареніе желудка.

– О! Это серьезно. Надо лѣчиться!

Мужикъ неискусно, плохо прикидывался заботливымъ и вѣжливымъ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ такъ же настроенъ и злобенъ, какъ и старуха. Злоба нашла на злобу, какъ коса на камень.

– У меня есть личный докторъ.

– Вамъ повезло!

– Да. Мнѣ – повезло.

Когда царица была не въ духѣ, въ ея рѣчи опять появлялся этотъ противный нѣмецкій акцентъ: «токторъ», «пофесло».

Мужикъ откланялся. Велѣлъ Лямину отвести его въ комендантскую.

Весь день онъ вызывалъ къ себѣ, одного за другимъ, караульныхъ. Такъ перебралъ всю охрану. О чемъ онъ спрашивалъ ихъ? Въ чемъ упрекалъ? Что приказывалъ? Да ничего особеннаго. Просто задавалъ вопросы, какіе надо, и они – отвѣчали. Тоже какъ надо.

Теперь все и про всѣхъ знали, какъ – надо.

...Романовыхъ вывели во дворъ. Гулять! – какъ собакамъ, приказали имъ.

И они – гуляли.

Теплое, обжигающее небо. Милыя, вѣчныя облака. Вѣтеръ несетъ ихъ, крутитъ какъ хочетъ. Вѣтеръ жестокъ и бездуменъ. Природа безъ мыслей, безъ мозговъ. Она – природа, и этимъ уже она умна. Умнѣ людей. Человѣкъ думаетъ: онъ – царь надо всѣмъ. Надо всѣми. А на дѣлѣ онъ оказывается всего лишь кускомъ мяса, мѣшкомъ съ костями. Царя могли сто разъ подстрѣлить на войнѣ. Разможить въ лепешку снарядомъ. Раздавить гусеницами англійскаго безглазаго танка, похожаго на чугунный утюгъ. А онъ – живетъ. Пусть онъ арестованный. Пусть гуляетъ вдоль забора. Но онъ нюхаетъ майскій вѣтеръ, и онъ уже – этотъ вѣтеръ, это небо. Это все онъ. Онъ самъ. Одинъ.

Ходи по двору, ать-два, ать-два. Ты солдатъ.

Ты тоже солдатъ.

Ты всегда солдатъ. Полковникъ – солдатъ. Генераль – солдатъ. На войнѣ всѣ солдаты. Всѣ, кому назначено умереть.

Одинъ. Ходить одинъ. Жена отказалась гулять.

Она сказала ему: «Ники, я не собака».

Прочный, четкій, чеканный шагъ. Иди, двигай ногами. Всегда – иди. Навстрѣчу пулямъ. Осколкамъ. Бомбамъ. Твой вѣкъ желѣзный. А желѣзо все равно придумали люди. И отлили изъ него машины смерти.

– Какъ ваше имя, уважаемый?

– Воробьевъ.

– А профессія?

– Я журналистъ. Корреспондентъ газеты «Уральскій рабочій».

– Изъ газеты? – царь просіялъ. – Я такъ давно не читалъ свѣжихъ газетъ. Такъ давно! Вы не представляете. Я ужасно страдаю, когда я не въ курсѣ всѣхъ новостей. Мнѣ всегда принесли свѣжія газеты. Я начиналъ съ нихъ день.

Низкорослый Воробьевъ, и впрямь какъ встрепанный воробей, наклонилъ голову.

– Извольте, гражданинъ Романовъ. Я подпишу васъ на нашу газету. Пришлите деньги.

– Куда?

– Въ областной исполнительный комитетъ, на мое имя.

...Недѣли летѣли, перелетныя птицы. Время – гость: оно ночуетъ, зимуетъ, гостить, потомъ улетаетъ, махнетъ крыльями – и нѣтъ его. Зато пространство – всегда вокругъ насъ: оно то доброе, то дикое.

Ляминъ принесилъ царямъ письма изъ Тобольска – цѣлыми пачками: дочери и наслѣдникъ писали каждый день. Они всѣ, отецъ, мать и Марія, жадно вскрывали конверты, то ножичкомъ для вспарыванія книжныхъ склеенныхъ страницъ, то прямо пальцами, нетерпѣливо, дрожа. Пальцы, тонкіе, благородные, заморскія бабочки. Летаютъ. Гдѣ сядутъ? Никогда не въ покоѣ. Живые.

Читали письма вслухъ. Ляминъ стоялъ, слушалъ и не слышалъ. Она... не смотрѣла на него.

...Маріи не хотѣлось глядѣть на этого солдата, онъ утомлялъ ее молчаньемъ, тяжелыми глазами, его кулаки висѣли, какъ гири, онъ дышалъ слишкомъ хрипло, какъ запаленный конь. Она уставала отъ него. Но, когда она его долго не видѣла, – ей было темно, страшно.

И Ляминъ это чувствовалъ.

Онъ чувствовалъ: она иногда хочетъ, быстро и безповоротно, прижаться къ нему.

...Съ трудомъ ломалъ себя, чтобы самому не сдѣлать этого.

– Вамъ теперь разрѣшается, – Ляминъ проглотилъ комъ въ горлѣ, – гулять только часъ.

Она все-таки посмотрѣла на него.

У нея у первой вырвалось:

– Но почему?

– Комендантъ сказалъ, чтобы... было на тюрьму похоже.

...На другой день, рано утромъ, во дворѣ старикъ-маляръ длинной кистью закрашивалъ всѣ окна въ комнатахъ, гдѣ жила семья, бѣлой известью. Бѣлая метель. Пурга. Если глядѣть изнутри – бѣлый туманъ. Онъ поднялся отъ оттаявшей земли и заволокъ окна, глаза и жизнь.

Свѣтъ, гдѣ ты?

– Маша, гдѣ ты?

– Я тутъ, папа.

– Маша, что это?

Водилъ руками въ воздухъ, какъ слѣпой. Изъ-подъ набрякшихъ, въ красныхъ прожилкахъ, вѣкъ косили, плыли вбокъ и вдаль слѣпые глаза. Они видѣли горечь и туманъ.

– Папа, это окна закрасили.

– Господи, зачѣмъ?

– Я не знаю.

– Маша, какъ тускло. Нѣтъ свѣта! И времени будто нѣтъ. И скука страшная. Я теперь понимаю тѣхъ, кто...

Замолчалъ и молчалъ. Смотрѣлъ въ замазанное тусклой вьюгой окно.

– Кто – что?

– Накладываетъ на себя руки.

– Это грѣхъ!

– Я знаю. Давай помолимся.

Ляминъ, стоя на часахъ, слышалъ сквозь стѣну, какъ отецъ и дочь читаютъ что-то церковное, заковыристое, распѣвное, – то ли бормочутъ, то ли поютъ.

...Ночью онъ увелъ Пашку въ кладовую и тамъ, сорвавъ съ нея всю мужскую солдатскую амуницію, терзалъ и рвалъ, мялъ и гнулъ ее, наваливался на нее, билъ въ нее своимъ тѣломъ, она была колоколь, а онъ былъ мѣдный его языкъ, – вертѣлъ, мучилъ, гладилъ, бро-

саль, опять поднималъ, хлесталъ и нѣжилъ, выпивалъ и утиралъ ротъ и опять припадалъ и жадно пилъ, и удивлялся, почему это она не отвѣчаетъ ему, почему лежитъ пластомъ, какъ мертвая, гдѣ жъ ея горячность, гдѣ ея сумасшедшій, такъ любимый имъ огонь, злой печной жаръ, пламя костра, – и опять билъ и крутилъ, ломалъ и лѣпилъ, – это онъ такъ ее любилъ, а можетъ, ее надо было любить по-другому, онъ не зналъ. Онъ совсѣмъ ничего теперь не зналъ. Выгибаясь надъ ней, закидывая голову, бессмысленно глядя на тусклый образъ на стѣнѣ, на темно-золотой нимбѣ и черный ликъ, а потомъ, слѣпыми отъ остраго, невыносимаго наслажденія, глазами – внутрь себя, онъ чуть было не назвалъ ее чужимъ именемъ, не выкрикнулъ это имя, плача и хохоча отъ забытой и такой жалкой, краткой радости, ей въ потное красное лицо.

томъ второй

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«26 (13) февраля, ночь.

Я живу въ квартирѣ, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, гдѣ живетъ буржуа съ семействомъ. Онъ обстриженъ ежикомъ, расторопенъ, пробывъ всю жизнь важнымъ чиновникомъ, подъ глазами – мѣшки, подъ брюшкомъ тоже, отъ него пахнетъ чистымъ мужскимъ бѣльемъ, его дочь играетъ на рояли, его голосъ – тэноришка – раздаётся за стѣной, на лѣстницѣ, во дворѣ у отхожаго мѣста, гдѣ онъ распоряжается. Вездѣ онъ.

Господи, Боже! Дай мнѣ силу освободиться отъ ненависти къ нему, которая мѣшаетъ мнѣ жить въ квартирѣ, душитъ злобой, перебиваетъ мысли. Онъ такое же плотоядное двуногое, какъ я. Онъ лично мнѣ еще не дѣлалъ зла. Но я задыхаюсь отъ ненависти, которая доходитъ до какого-то патологическаго истерическаго омерзѣнія, мѣшаетъ жить.

Отойди отъ меня, сатана, отойди отъ меня, буржуа, только такъ, чтобы не соприкастаться, не видѣть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мнѣ, вотно мнѣ, отойди, сатана».

Александръ Блокъ. Дневники 1918 года

Опять ночь, и опять не спать. Раньше они привыкли къ дисциплинѣ. Когда ихъ арестовали и сослали, дисциплина рухнула: ее разстрѣляли, а потомъ сожгли.

Царица, въ ночной сорочкѣ, расчесывала волосы и все пытала царя: знаешь-ли ты что-нибудь объ этомъ страшномъ человѣкѣ? О комъ, моя прелесть? О Ленинѣ.

И царь вздыхалъ. Ему не хотѣлось бесѣдовать объ этомъ на сонъ грядущій, но жена спрашивала, и онъ не могъ ей отказать. Я мало знаю о немъ. Но то, что знаю, и правда страшно. Онъ впустилъ германцевъ на Украину. Украины съ нами больше нѣтъ. Тамъ командуютъ австрійки. Онъ залилъ русскую землю кровью, ты же видишь, текутъ рѣки крови, и я, царь, уже не въ силахъ это остановить. Я подслушиваю рѣчи красной охраны. Я слышу ужасное. Онъ пытается въ подвалахъ и разстрѣливаетъ невинныхъ людей. Многіе уѣзжаютъ. Боже, Боже мой, Ники, почему же мы, мы не уѣхали?!

Царица клала изящную англійскую расческу на край табурета. вмѣсто туалетнаго столика – кривоногій табуретъ. вмѣсто ковровъ – грязныя ситцевыя тряпки, чтобы закрыть по стѣнамъ дождевые потеки и кровавые слѣды раздавленныхъ клоповъ.

Кто пустил его во власть? Никто. Откуда онъ появился? Никто не знаетъ. Вродѣ бы, милая, онъ жилъ за границей. И, кажется, люди говорили, что когда-то, давно, мой отецъ повѣсилъ его старшаго брата. За то, что онъ былъ террористъ. И покушался на жизнь моего папа.

Какой негодай, шептала царица и приглаживала ладонями сѣдые волосы, какая дрянъ! Вдругъ прижимала руку ко рту – такъ она дѣлала всегда, когда слишкомъ волновалась. А ты не думаешь, милый, что онъ арестовалъ тебя, насъ всѣхъ, потому, что хочетъ намъ всѣмъ – за брата – отомстить?

О, нѣтъ, навѣрное нѣтъ. Онъ, видимо, просто сумасшедшій. Умалишенный. Русь, милая, всегда славилась юродивыми. Они ходили по площадямъ, городамъ и деревнямъ, побирались, нищенствовали и пророчили. Да! Пророчили! Но вѣдь не убивали же никого! Да, юродивые Христа ради никогда не убивали никого. А этотъ – страшень. Онъ просто съ виду здоровъ. Онъ пишетъ и произноситъ рѣчи, отдаетъ приказы, объявляетъ мобилизацію,

вотъ изъ отбросовъ, изъ ненавидящихъ нашу жизнь Красную Армію создалъ. А на самомъ дѣлѣ онъ – страшный больной. Онъ боленъ. Онъ, милая, тяжело боленъ. Онъ требуетъ хорошаго лѣченія, но его не излѣчишь. Онъ упивается своей болѣзнью, онъ обожествляетъ ее. Это я чувствую. Все, что не ложится подъ его красныя идеи, должно быть уничтожено, раздавлено, застрѣлено, сожжено. И приспѣшники его такіе-же. Но, видно, онъ умѣетъ красно говорить, онъ зажигаетъ толпу. Народъ идетъ за нимъ, какъ за Крысоловомъ изъ Гамельна. О! Милый! Крысоловъ изъ Гамельна! Моя любимая сказка въ дѣтствѣ. Но я такъ боялась, такъ боялась этого Крысолова! И вотъ... мы до него и дожили...

Ты видишь, видишь, какіе онъ бросаетъ лозунги въ толпу? Когда въ Тобольскѣ мнѣ еще доставляли газеты пачками, я все, все читалъ. Смыслъ всѣхъ его рѣчей и воззваній былъ одинъ. Какой же, солнце? Не молчи! Говори! Когда ты говоришь, мнѣ легче!

И царь быстро, смущенно, торопливо, боясь причинить боль, но опасаясь и утаить правду, говорилъ, и царица жадно ловила эти тихія, гладкія бусины катящихся по кровати, по полу словъ, такихъ съ виду обычныхъ, а на дѣлѣ – ихъ люди произносятъ одинъ, два раза въ жизни, а можетъ, и никогда: знаешь, Sunny, онъ освобождаетъ людей отъ страха убійства. Ну да, да, такъ просто, онъ развязываетъ всѣмъ руки, онъ развязываетъ совѣсть, онъ... думаетъ такъ и вслухъ говоритъ такъ: убивайте, убивайте, убивайте, сжигайте, стрѣляйте, насилуйте, грабьте, рѣжьте, рубите, топчите ногами – все можно, все въ вашей власти, нѣтъ страха, все – ваше, Бога – нѣтъ! И, милая моя, толпа... толпа слушаетъ его, и загорается, и оретъ, и рычитъ, и хочетъ – всего... всего того, чего у нея нѣтъ... и не было... Солдаты говорятъ: у него такіе глубокіе, такіе печальные, думающіе, такіе бездонные глаза. Глаза – безъ дна. Онъ пишетъ свои декреты и морщитъ лобъ, и прикрываетъ эти глаза безъ дна тяжелыми вѣками. Я читалъ эти декреты, солнце. Это декреты умалишеннаго. Это каракули безумца. Все отнято у буржуевъ и подѣлено. Отобратъ и подѣлить! Онъ не разъ повторялъ это въ своихъ рѣчахъ. Красные въ восторгѣ отъ этого. Они наизусть учатъ эти декреты! А тамъ!.. тамъ... тамъ все наше имущество отнято у насъ и роздано всѣмъ, самымъ послѣднимъ нищимъ, тамъ буржуи въ потѣ лица работаютъ на заводахъ и фабрикахъ, и станки отрѣзаютъ имъ руки и раздавливаютъ ноги, тамъ у крестьянина земли – не то чтобы надѣль, а – вся страна! Вся! У каждаго! А женщины тамъ, darling, женщины... ты не повѣришь... но не затыкай уши... подѣлены между всѣми мужчинами... нѣтъ женъ и мужей... а женщины – всеобщія жоны, онѣ принадлежать всѣмъ...

Царица сидѣла, слушая, съ прижатой ко рту ладонью. Но вѣдь, милый! милый! онъ ненавидитъ Россію! Какъ же надо ненавидѣть Россію, чтобы вотъ это все дѣлать съ ней!

Царь, въ солдатскомъ исподнемъ, легъ на кровать и подложилъ руки подъ затылокъ. Онъ сначала сморщился всѣмъ лицомъ, будто хотѣлъ заплакать и не могъ, потомъ всѣ морщины разгладились, брови расправились и полетѣли по лицу балтійской, забытой чайкой.

Ненавидѣть? Россію? Онъ едва не смѣялся. Еще немного, и смѣхъ разорветъ его ротъ, его щеки. Жена прижала ладоши къ щекамъ и застыла, глядя на него ледяными, зимними глазами. Милый, что съ тобой? Тебѣ плохо? Тебѣ... можетъ, воды принесу? Да. Нѣтъ. Да, ненавидѣть! А развѣ Россію можно любить? Ну вотъ скажи, развѣ можно? Россія свергла насъ съ трона, унизила, растоптала, мотаетъ по кошевамъ, парходамъ и поѣздамъ по Сибири. Россія, милая, можетъ, Ленина давно ждала! Ждала и заждалась! И – дождалась! Ей – Ленина надо было! Не меня! Не отца! Не моего несчастнаго дѣда съ кровавыми культями вмѣсто ногъ! Не царей, нѣтъ! Ей, солнце мое, надобны жестокость и кровь, и она всегда, всегда такая была, наша Россія, – а я, дуракъ, не зналъ... не понималъ, не сознавалъ... и теперь... только теперь...

По спокойному, странно свѣтлому, чистому лицу катились спокойныя, медленныя слезы. Руки такъ же были закинута за голову. Воротъ исподней рубашки отогнулся. На волосатой, уже сѣдой груди блестѣлъ мѣдный натѣльный крестъ. Жена встала передъ кроватью на колѣни и покрыла поцѣлуями эту родную грудь, руки, припала къ мѣди простого, какъ у мужика, крестика. Ладонями отерла съ его лица слезы. Это родное, до морщины знакомое, жестоко, на глазахъ старѣющее лицо было сейчасъ такъ чисто, свѣтло и ясно, какъ никогда; будто никакая грязь, никакой ужасъ, кровь и безуміе его никогда, даже краемъ, не касались.

##

Они всѣ вооружены. Всѣ до одинаго съ оружіемъ.

Хорошо Авдеевъ ихъ вооружилъ.

Не царей убивать, конечно; они жъ не изверги. Это если на нихъ кто-нибудь извнѣ полѣзеть.

А вѣдь полѣзуть, вотъ ей-Богу, святой истинный крестъ... тьфу ты, опять это богово, какое жъ прилипучее, – честное слово, полѣзуть. Неужели они, отправляя на волю письма,

ни въ единомъ не обмолвились о своемъ спасеніи?

«Ихъ спасеніе – наша смерть. Все проще простого. А потому, Мишка, смотри въ оба и другимъ присовѣтуй. Ночью-то не спи!»

Онъ не спалъ, если ночью Авдеевъ ставилъ его на охрану; пучиль глаза во тьму, а весенняя тьма была свѣтлая, голубиная. Пасхальные дни всегда такіе. Небо нѣжнѣй голубиной грудки. Поймай голубку и расцѣлуй ее въ клювикъ! Она Господу привѣтъ понесетъ.

«Вотъ заладили: Бога нѣтъ, Бога нѣтъ. А ну какъ Онъ есть?»

На лѣстницѣ сегодня стоятъ латыши, а еще молоднякъ, злоказовскіе. Со Злоказовскаго завода. Это Авдеевъ ихъ пригналъ: его рабочіе дружки. Лица какія славныя у нихъ. Горятъ вѣрой. Человѣкъ долженъ во что-то вѣрить! Отняли Бога – вѣруй въ революцію. Отняли царя – вѣрь въ Ленина, онъ не подведетъ. Онъ за всѣхъ болѣетъ, однимъ пустымъ чаемъ у себя тамъ въ Кремлѣ питается. Не спитъ. Склоненъ надъ картой. Глядитъ на страну опухшими отъ безсонья глазами. Карта вся горитъ подъ его руками. Тамъ и сямъ кострища, огни. Строчать пулеметы. Рвутся бомбы. Одинъ городъ Ленинъ краснымъ карандашомъ обведетъ. Другой – обведетъ. Стрѣлки нарисуетъ: вотъ такъ движутся войска. Они тамъ, въ Европахъ, и эти, бывшіе, контрреволюціонеры, съ ногъ сбились, на языкѣ мозоли вспухли: убѣждаютъ другъ друга и весь міръ, что большевики – чума, холера, гибель, язва египетская. Ну, будетъ вамъ язва!

«Мы нашъ, мы новый міръ... построимъ...»

– Эхэй, Микаиль! Запарка, тшай, эсть?

Михаиль стоялъ на первомъ этажѣ, около лѣстницы. Со второго этажа, съ послѣдней ступеньки, черезъ перила свѣшивался австріякъ Фридрихъ Зееманъ.

– Фрицъ, спать тянетъ, да?

– Та, та! Йа! Тафай запарка!

Ляминъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ пакетъ съ заваркой. Пашка отсыпала ему на кухнѣ, сама бумагу уголочками завернула.

Кинулъ пакетъ вверхъ. Австріякъ поймалъ.

– Держи.

– О, данке, данке, топарисчъ!

Латыши, австріяки. Интернаціональ. Латыши молчаливые, словечка не изроняютъ. Такъ и стоятъ на караулѣ съ мраморными мордами. Мраморные бѣлобрысые львы. Ляминъ сколько перевидаль этихъ каменныхъ львовъ у домовъ богатеевъ: въ Самарѣ, въ Саратовѣ, въ Тобольскѣ. Символь власти! «Все, теперь львы – мы».

Еле добьешься отъ латышей, кого какъ зовутъ. Да у всѣхъ имена немислимья, похожи на нѣмецкія: Генрихъ, Ингердъ, Готфридъ, Интарсъ. Да и поклечешъ – башку не обернуть. Медленный народъ. Зато стрѣляютъ хорошо. И лица, когда палятъ, такія же мраморныя, твердыя, невозмутимыя.

И говорятъ только по-своему. Это бѣда: не поймешь, о чемъ. Можетъ, мятежъ хотять поднять?

Австріяки тоже лопочутъ по-нѣмецки, но бойкіе, оживленные, у нихъ шило въ задѣ торчитъ; стараются съ нашими солдатами заговорить, отношенія завязать. Хотя сегодня ты тутъ – охрана, а завтра – ты въ войскахъ Красной Арміи, на фронтахъ, а послѣзавтра у тебя нѣтъ и быть не можетъ. Вотъ и вся дружба.

А тянется, тянется человѣкъ къ человѣку.

Злоказовцы – другіе. Эти – своя братва. Кричатъ, матерятся, а то и сцѣплятся – изъ-за махорки, изъ-за горбушки. И порой ножи въ ходъ пускали. Да только комендантъ съ ножами разобрался быстро: одного – къ забору и шлепнулъ, другого домой, къ мамкѣ, отправилъ. Вонъ изъ революціи. Парень пятился, выходя изъ воротъ, плакалъ, размазывалъ слезы и сопли по щекамъ, съ ужасомъ глядѣлъ на застрѣленнаго товарища. Къ порѣзанной рукѣ портянку прижималъ.

Злоказовцы несутъ вахту вокругъ Дома. Это потяжелѣй, чѣмъ въ Домѣ: на улицѣ холодно, особенно ночами, да и опаснѣй: кто угодно можетъ прокрасться къ забору и выстрѣлить, и бомбу кинуть.

Лямина рѣдко ставили на внѣшнюю охрану. Онъ былъ – «внутренній». Домашній песъ, шутилъ про себя.

Слишкомъ много солдатъ. Всѣ не вмѣщались въ комнаты перваго этажа. Авдеевъ расселилъ ихъ въ сосѣднемъ домѣ; раньше здѣсь жило семейство Попова. «Ты куда?» – «Въ домъ Попова, на ночевку». – «А пѣтухъ тамъ у васъ есть?» – «Зачѣмъ пѣтухъ?» – «Чтобъ будить». – «А я думалъ, чтобъ – сварить!»

Фрицъ покостылялъ на кухню – заварить себѣ чаю. Ляминъ, понизивъ голосъ, крикнулъ ему въ сутулую спину:

– Эй, и на меня завари!

Австриякъ обернулся, и Ляминъ пальцами потеръ въ воздухъ, показаль, что завари, значить, сложилъ пальцы въ щепоть и вродѣ какъ чаю въ стаканъ насыпаль.

– Йа!

«Оремъ мы. Ее... разбудимъ».

...Пашка спала въ кладовой. И запыралась изнутри.

Онъ какъ-то ее спросилъ: тебѣ тамъ не душно? не задохнешься часомъ? – а она засмѣялась: у меня воздуха въ легкихъ впрокъ запасено, я рыба глубоководная. И показала ему языкъ. Такой, озорной, обидной, она раньше нравилась ему. Теперь у него къ ней осталось одно: боязнь, страхъ за нее. А на чемъ же ты спишь? Книги штабелями сложила и сплю.

Онъ видѣль, что она вретъ, но какъ докажешь?

За окномъ захрипѣль моторъ. Что въ авто ночью дѣлаеть Люхановъ?

«Чортъ, можетъ, провѣряеть. Можетъ, Авдеевъ куда-то кого-то везти приказаль. Но не царей. Всѣ спятъ. Никто за ними не идетъ, будить ихъ».

...какъ она... спать? Этого онъ не видить. Нѣтъ, видить. Но не глазами.

...она спать такъ: голову повернула на подушкѣ, лежитъ на спинѣ, одна рука вздернута и повернута ладонью вверхъ, другая лежитъ на одѣялѣ. Она хотеть повернуться и не можетъ. Ей снится сонъ. И ему снится сонъ. Ей и ему снится одинъ и тотъ же сонъ.

...въ этомъ снѣ – губы ощущали теплую кожу, колкія кружева, тепло, а вотъ жаръ, а вотъ еще жарче, это слишкомъ пылающе, такъ нельзя долго. Можно не выдержать.

... – Эхэй! Микаиль! Йа приносить тшай!

Онъ стяхнулъ морокъ. Приняль изъ рукъ австрияка горячій стаканъ. Обжегъ ладони и самъ своему дѣтскому ожогу засмѣялся.

– Спасибо, Фриць. Ты другъ.

– Трукъ, трукъ, йа!

Фриць все время мерзъ и ходилъ даже въ теплые дни въ накинутаю на плечи шинели.

«Сколько мы на фронтахъ такихъ вотъ австрияковъ побили, нѣмцевъ, венгровъ – не счесть. А нынче они наши друзья. Трукъ, трукъ. Мировая революція это, вотъ это что!»

Ляминъ поставилъ стаканъ съ коричневымъ горячимъ чаемъ на полъ, на плашку недавно крашеной половицы.

Мировая революція представилась ему въ видѣ страшной и прекрасной, громаднаго роста бабы, съ полной голою грудью, съ широченными, въ три обхвата, бедрами; она стояла, оперевъ одну ногу въ одинъ городъ, другую – въ другой, ея рыжія огненные космы бѣшено и весело развѣвались въ ночи, и она волосами своими освѣщала непроглядную ночь – поля, лѣса, города съ заводскими трубами, снѣга въ лощинахъ, желѣзнодорожные пути, старые тракты; стояла надъ землей, глядѣла сверху на людскіе города и хохотала, и что-то задиристое, путеводное кричала, и отъ ея яростнаго крика города загорались, полихали заводы и фабрики, трещали пулеметы, люди валились на снѣгъ площадей, осыпались, какъ песокъ или дряхлая известь со стѣны, царскіе дворцы, лопались жирные животы капиталистовъ, а баба все стояла, крѣпко оперевъ ноги въ землю, опускала голову, и пламя съ ея головы перекидывалось на материки, на дальніе острова, на столицы и хижины.

«Миръ хижинамъ, война дворцамъ... Вотъ точно такъ! Война – дворцамъ! Вся кровушка выпита изъ насъ! Вы нами владѣли? Теперь вотъ тарелкой каши повладѣйте-ка! И та – вамъ не принадлежит!»

Моторъ тархтѣль, тархтѣль, потомъ смолкъ. Ляминъ все-таки подошелъ къ окну: а вдругъ кто чужой моторъ заводить? Рядомъ съ автомобилемъ стоялъ Сережка Люхановъ. Онъ увидѣль Лямина въ окнѣ и успокаивающе подн्याль къ плечу кулакъ: я тутъ, все въ порядкѣ, штатная провѣрка. Ляминъ кулакъ сжалъ въ отвѣтъ. Такъ другъ другу потрясли кулаками, и Ляминъ вернулся на свое мѣсто подъ лѣстницей.

Чай ждалъ его, какъ песь, у его ногъ. Онъ наклонился за чаемъ, и тутъ за дверью въ комнатѣ царей раздался тонкій женскій стонъ, и онъ дернулъ, носкомъ сапога задѣль чай, стаканъ опрокинулся, и чай вылился на полъ. Онъ слѣдилъ, какъ кипяткокъ медленно течеть по крашеной половицѣ. «Вотъ и попилъ и согрѣлся». Оглянулся: чѣмъ бы подтереть? – и рукой махнулъ: и такъ высохнетъ.

«Хорошо живемъ. Охраняемъ царя, хорошая служба. И денежку даютъ. И харчъ опять же. И...»

Передъ глазами замельтешили, побѣжали конскія морды, конскія ноги. Уши услышали уже позабытый грохотъ. Снаряды летѣли, и пули свистѣли, и онъ – среди всего этого крошева и огня – тоже стрѣляль, а вокругъ столбомъ вставала до неба страшная, оглушительная ругань, онъ въ мирѣ и въ жизни своей никогда такого мата не слышалъ, какъ тамъ, на войнѣ.

«Война! Я-жъ воеваль. Я что, туда опять хочу?! А вѣдь ушлють, ежели что. Вдругъ что напорточа съ царями этими. Или – Красной Арміи солдаты понадобятся. И все, каюкъ: Авдеевъ напишетъ приказъ, меня разсчитаютъ, погрузятъ въ моторъ... потомъ въ вагонъ... и...»

гражданская наша война большая... по всей Россіи размахнулась... пошлють куда хотять... хоть въ донскія степи... хоть подь Петроградъ... хоть подь Иркутскъ... хотъ...»

Медленно, шопотными стылыми губами, повторялъ себѣ: я же живой, я пока еще живой, потому что я тутъ, при царяхъ, при царяхъ.

«Цари мою жизньешку спасають, выходить такъ».

Что, онъ долженъ быть имъ благодарень? Какъ это раньше, при царяхъ, говорили: «премного благодарень»...

...глаза слипались, и между рѣсницами мелькали, среди конскихъ ноздрей и бѣшенныхъ, угольныхъ косящихъ глазъ, женскіе глаза; они уходили и уводили, и онъ шель, а потомъ летѣлъ, и его губы уже цѣловали эти улетающіе глаза, а женщина вродѣ бы сидѣла на конѣ, хорошо сидѣла въ сѣдлѣ; да не женщина, а дѣвочка, милый подростокъ, только у нея почему-то сильныя руки деревенской бабы – она и сѣно можетъ граблями ворошить, и лопатой весь огородъ вскопаетъ – не охнетъ... и вотъ верхомъ скачетъ... Маша... Маша!..

...я Пашка, Пашка я, а ты дуракъ!..

...и конскія морды мотались и всхрапывали, и хвосты летѣли мимо, все летѣло мимо, мимо, все жглось, обжигалось, нельзя было ни къ чему прикоснуться, все умирало на глазахъ, и даже плакать нельзя было, слезы всѣ выжегъ огонь, и зрочки выжегъ, глаза вытекли, онъ видѣлъ нутромъ, а нутро – вотъ оно стонало, плакало и выло, оно рычало и орало и рвалось на-двое, а въ него стрѣляли, и вылѣзали наземь и кишки, и сердце, и всѣ дурацкіе людскіе потроха, а они у насъ такіе же, какъ у коня, у свиньи, у всей на свѣтѣ живности; человекъ! остановись! зачѣмъ ты убиваешь человекъ! Вѣдь ты же его не освѣжуешь, не съѣшь, въ его шкуру не одѣнешья! Зачѣмъ!..

... – Ты! Солдатъ Ляминъ! Почему спишь на караулѣ?! Э-э-э-эй, Ляминъ, такъ твою растакъ!

Михаилъ махнулъ башкой, какъ конь, и выпрямился, выгнулъ спину и выпятилъ грудь. Винтовку – къ ногѣ.

– Виновать, товарищъ Мошкинъ!

– А-а-а-ахъ, ты...

Къ нему слишкомъ близко, такъ, что пахнуло отвратнымъ перегаромъ, подошель Александръ Мошкинъ.

Товарищъ Мошкинъ, правая рука Авдеева. То ли его замѣститель, то ли его ученикъ. Да просто помощникъ; парень на подхватѣ. Авдеевъ уходитъ на ночь къ себѣ домой, въ Домъ не ночуетъ – вмѣсто него тутъ торчитъ Мошкинъ. Онъ злоказовецъ и, видно, старый пріятель Авдеева. Солдаты страннымъ образомъ кличуть его не Александръ, а Гордей. Почему? «Поварь Гордей, не отрави людей!» Мошкинъ поварешку отродясь въ рукахъ не держалъ. Вотъ бутылку – это да, это съ удовольствіемъ и всегда пожалуйста. Особенно на дармовщинку.

– Такъ-растакъ, Ляминъ! Повеселимся?! Али ночка не коротка?!

Ляминъ держалъ винтовку крѣпко.

«А что, ежели попугать? Взять да и на него наставить».

«Онъ тебѣ потомъ такого наставить... не дури...»

– А у меня косушечка есть!

Вынулъ изъ кармана косушку. Поводилъ ею въ воздухѣ.

– А еще у меня... вотъ что есть!

Вынулъ изъ другою большую сизую бутылъ, въ ней плескалось мутное, бѣлесое.

– Глафирка гнала. Охъ, слезу вышибаетъ! Закуска-то какъ? Имѣется? Али поварихой закусимъ? Ты не противъ? Отъ задка кусочекъ...

У Михаила передъ глазами помрачнѣло.

– Ты говори, да не заговаривайся.

– Сейчасъ народъ разбужу! Эй! Народъ!

Оралъ въ полный голосъ. Изъ караульной высывались головы.

– А, поварь Гордей.

– Мошкинъ это!

– Поварь Гордей, не страшай людей...

Мошкинъ, держа въ обѣихъ рукахъ водку и самогонъ, вращалъ бутылками не хуже, чѣмъ жонглеръ въ циркѣ.

– Давай-давай, лѣнивцы! Отмѣтимъ нынѣшнюю ночку!

– А што, Мошка, нынѣшняя ночка сильно отличацца отъ давешней?

На кругломъ веселомъ, лоснящемся лицѣ Мошкина, скорѣе женскомъ личикѣ, съ мелкими кукольными противными чертами, для мужика негожими, нарисовался таинственный рисунокъ. Онъ прижалъ къ губамъ бутылъ съ самогономъ, горло бутылки – какъ прижималъ бы палець: тс-с-с-с.

– Тиха, тиха... Я вамъ щасъ... отдамъ приказъ. Живо въ гостиную! И валяйте оттуда – не сите роялю въ караульную!

Солдаты, потягиваясь, выходили изъ караульной. Кто не спалъ, стоялъ на часахъ – винтовки на плечи вскинулъ, подошелъ ближе: что за шумъ, а драки нѣтъ?

– Слыхали! Быстро – роялю – въ караульную! Не... обсуждать-ть-ть! – оглянулся на застывшего Лямина. – А ты глухой, што ли, Ляминъ?! Или ты противъ?! А-а-а-ахъ, ты противъ... приказа?!

– Я не противъ! – Ляминъ прислонилъ винтовку къ периламъ.

Солдатъ Исуповъ схватился за ручку двери въ гостиную и рванулъ дверь на себя.

«Вотъ такъ бы взять... и рвануть дверь... ту...»

Царямъ приказано не запирается на ночь. Они выполняютъ приказъ. Они – послушные. Они – овцы.

Солдаты, стуча сапогами, вваливались въ гостиную, обступали большой рояль, похожий на застылое черное озеро, озеро подъ чернымъ льдомъ, – раньше инструментъ стоялъ въ чехлѣ, да холщовый чехоль содрали безжалостно – на солдатскія нужды, на портянки.

– Эка какое чудище!

– Дыкъ она же чижелая, рояля эта.

– А насъ-то много.

– Ты, Севка, заходи съ тыла! Съ тыла!

– А игдѣ у ея тыль?

– Давай, ребя, хватай! Подымай!

– Разъ-два-взяли... еще разъ взяли!

– Понесли-и-и-и-и-и!

Спускали рояль по лѣстницѣ, какъ чудовищный, для невѣроятнаго толстяка, черный гробъ. Струны скорбно звенѣли. Толстыя рояльные ножки ударились о перила. Солдаты кричали, хохотали, шутили солено, жгуче.

– Похоронную музыку умѣешь играть?! Не умѣешь?! Такъ научись.

– А рояля-то бокомъ на бабу похожа! Такъ бы и прислонился.

– А кто изъ насъ наилучшій музыкантъ?

– Да вонъ, Ленъка Сухоруковъ! Онъ такую музыку игрывалъ въ окопахъ! Онъ такую музыку игрывалъ въ окопахъ! На костяхъ да на штыкахъ!

– Ленъ, и чо, народъ слухалъ?

– Слухалъ, ищо какъ! И денежку кидаль!

– Ну ты арти-и-и-и-истъ...

Кряхтя, задѣвая боками рояля о стѣны, шумно, съ криками и прибаутками, наконецъ, перетащили рояль въ караульную комнату. Подкатили къ окну.

– Ой, у ея и колесики... славно...

– Пошто къ окну водрузилъ! Таперя къ окну не подойдешь, фортку отворить!

Мошкинъ качался въ дверяхъ, все обнималъ, лелѣялъ свои бутылки.

– Вотъ, отлично, хорошо, люблю! Муз-з-зыку...

– Эй, тyani стаканы!

– А мы изъ горла. По кругу.

– Заразишься какой-нить заразой!

– А ты чо, больной? Не дыши на меня!

– Да ты жъ не докторъ, дышите, не дышите...

Өедоръ Переверзевъ уже тащилъ гармошку. Уже перебиралъ пальцами по перламутровымъ пуговицамъ, растягивалъ мѣха.

Мошкинъ, шатаясь, добрался до рояля. Ему услужливо пододвинули стулъ. Онъ сѣлъ, провѣрилъ задомъ, крѣпко-ли, хорошо-ли сидеть, покачался на стулѣ взадъ-впередъ, даже попрыгалъ; откинулъ крышку, нѣжно, пьяно погладилъ клавиши.

– Ухъ ты моя маленькая, роялюшка моя. Какъ давно я на тебѣ не игралъ. А вотъ щасъ поиграю на душенькѣ моей.

Обѣ руки на клавиши положилъ.

Михаилъ смотрѣлъ: черная-бѣлая, черная-бѣлая, и такъ торчатъ въ рояльной пасти всѣ эти зубы – то черные, то бѣлые. Въ ночи – свѣтятся. Въ караульной темно. Илюшка внесъ зажженную керосиновую лампу. Въ лампѣ, внутри, трепеталъ, умиралъ и рождался опять смутный, мерцающій сквозь всю закопченную жизнь, хилый огонь. Красный. И тутъ красный. Странный красный фитиль, красно горить.

«И неужто будетъ играть? Брямкать по этимъ чернымъ, бѣлымъ зубамъ?»

Мошкинъ вжалъ пальцы въ клавиши, а потомъ побѣждалъ ими по клавишамъ, и изъ рояля полѣзли, поползли, а потомъ и полетѣли упрямые звуки. Звуки жили отдѣльно, а Мошкинъ отдѣльно. Неужели онъ все это дѣлалъ своими руками?

«И гдѣ только научился?»

Мошкинъ запѣлъ мощно, пьяно, фальшиво и все-таки красиво.

– Ахъ, зачѣмъ эта ночь! Та-а-акъ была хороша... Не болѣла бы грудь! Не страдала бѣ душа!

Солдаты знали эту пѣсню. Подхватили.

– Полюбилъ я ййо-о-о-о... Полюбилъ горячо-о-о-о! А она на любовь... смотреть такъ холодно...

Ляминъ крѣпко почесалъ себѣ грудь поверхъ гимнастерки. «Фу, пахну, стирать одежду надо, въ баню надо. Когда еще поведутъ?»

Въ стекло часто, мотаясь подъ теплымъ сильнымъ вѣтромъ, была усыпанная крупными зелеными почками вѣтка.

«Будто сердце бьется».

– И никто не вида-а-аль... какъ я въ церкви стоялъ!.. Прислонившись къ стѣнѣ-е... безутѣшно... рыда-а-а-аль!

– Слышите, ребята! Кончайте вы это уныніе! Оно же и смертный грѣхъ, однако! Однако давайте-ка наши, родненькія припѣвочки! Эх-х-х-хъ!

Илюшка несъ стаканы, вставленные одинъ въ другой, высокой горкой. Раздавалъ стрѣлкамъ. Солдаты брали стаканы, вертѣли, переворачивали, нюхали.

– Чисто ли вымыть, нюхашь?

– А какъ иначе! Выблюешь же, ежели – изъ грязи пить!

– Да по мнѣ хоть изъ лужи, былъ бы самогонъ крѣпкій!

– Поваръ Гордей, наливай!

Обѣ бутылки, притащенные Мошкинымъ, стояли на рояльной крышкѣ.

Мошкинъ всталъ, качнулся, но удержался на ногахъ; зубами открылъ одну бутылку, вторую, ему подносили стаканы, и онъ наливалъ такъ – изъ обѣихъ рукъ. И ни капли на полъ не сронилъ, такой аккуратный.

Солдатъ Переверзевъ закрутилъ, завертѣлъ гармошку, растянулъ, сжалъ, гармошка издала пронзительный визгъ, потомъ зачистилъ, забѣгалъ пальцами по пуговицамъ и самъ зачистилъ голосомъ, выталкивая веселыя жгучія слова изъ щербатаго рта:

*Ты куда мене повель,
Такую косолапую?!
Я повель тебе въ сарай,
Немного поцарапаю!*

Частушку подхватилъ, вѣрнѣе, вырвалъ изо рта у Ѳедора покраснѣвшій послѣ глотка водки Илюшка. Онъ подбоченился, вцѣпилъ себѣ въ ремень, выставилъ впередъ ногу въ гармошкой сморщенномъ сапогѣ.

*Гармонистъ, гармонистъ,
Торчатъ пальцы вилками!
Ты сыграй мнѣ, гармонистъ,
Какъ бараю милку я!*

Подскачилъ, уперъ руки въ боки Степанъ Идрисовъ:

*Эхъ, яблочко,
Ицо зелено!
Мнѣ не надо царя,
Надо Ленина!*

Всѣ пили. Опустошали стаканы.

Стаканъ въ рукѣ у Михаила обжигалъ лютымъ холодомъ, запотѣлъ, будто стоялъ на льду или въ погребѣ, и вотъ его вытащили и втиснули ему въ кулакъ.

Онъ пилъ, глоталъ, самогонъ дохнулъ въ него чѣмъ-то былымъ, забытымъ, – домашнимъ. Пьянками, пирушками изъ дѣтства – когда разговлялись на Пасху, когда, послѣ смертей и поминокъ, друзья притекали къ отцу, стукали четвертями объ столъ, разсаживались и сидѣли долго, и пили, и голосили пѣсни, и быками ревѣли: плакали такъ.

Ѳедоръ кинулъ Лямину черезъ веселые шары, теплыя кегли головъ, юно и бодро подбритыхъ, косматыхъ, сѣдыхъ, лысыхъ:

– А ты чо не поешь? Али не нашъ, не русскій?!

Самогонкахватила обухомъ по головѣ. Все цвѣтно и пылко закружилось, заблестѣло

восторгомъ и слезами. Ляминь поставилъ стаканъ на рояль, сдѣлалъ ногами немислимое колѣнце – подпрыгнуть и ножницами ноги въ воздухѣ скрестилъ: разъ-два! – а когда приземлился, колѣни согнулъ, присѣлъ – и такъ пошелъ въ-присядку, выбрасывая ноги въ сапогахъ въ разныя стороны, и уже кого-то носкомъ сапога больно ткнулъ, и на него выругались и засмѣялись.

*Эхъ, яблочко,
Да на тарелочкѣ!
Зимній мальчишки берутъ,
А не дѣвочки!*

*Эхъ, яблочко,
Да кругложопое!
Революція виситъ
Надъ Европою!*

Гогочуть, огрызаются, головами крутятъ, частушки подхватываютъ; вотъ уже всѣ хотятъ пѣть, вотъ уже всѣ горланяютъ вперебой, кто во что гораздъ, и Мошкинъ зажимаетъ уши руками и визгливо кричитъ:

– Ти-ха!.. Люди-то вѣдь спятъ!..

– Люди? – Ванька Логиновъ подшагнулъ къ Мошкину. Протянулъ руку за ополовиненной бутылью. Безъ всякаго стакана, изъ горла, мощно хлебнулъ. – Это они – люди?! Цари говенные?! Сосали изъ насъ вѣка соки, силушку... землю всю – себѣ подъ пузы подгребли!.. пировали, танцевали, пока мы на пашняхъ да въ забояхъ да на мануфактурахъ – корчились... а ты: лю-у-уди!.. Сказалъ тоже.

И сразу, безъ перерыва, оглушительно, хрипло грянулъ, растягивая въ отчаянной улыбкѣ ротъ безъ верхняго рѣзца – въ дракѣ выбили:

*Эхъ, яблочко,
Да сѣмя дулею!
Попляши-ка ты, нашъ царь,
Да подъ пулею!*

Переверзевъ такъ терзалъ гармонь, что Ляминь испугался: какъ бы не разорвалъ на-двое.

«Она тамъ спитъ. Она... уже не спитъ».

– Ты... – коснулся плеча Федора. – Потише, а...

– А што, ушки болятъ?!

Гармонь орала, взвизгивала и вздыхала, и плакала, какъ человекъ.

Всюду – на полу, на полкахъ, на черномъ льду рояля – окурки, папиросы, самокрутки, стаканы, портянки, снятыя отъ жары гимнастерки, и даже – среди всего этого – впопыхахъ сдернутый съ шеи вмѣстѣ съ рубахой чей-то, на грубомъ веревочномъ гайтанѣ, почернѣлый натѣльный крестъ.

##

Утро застало людей врасплохъ. Кто стоялъ на караулѣ – такъ и стоялъ, выпить не пригласили; а кто смогъ, тотъ мошкинской водки въ себя залилъ вдоволь и оглупѣлъ – оказалось, у Мошкина еще, для разврата и забавы, длинногорлая четверть была запрятана въ комиссарскомъ сундукѣ; и вспомнилъ онъ о ней во-время, когда всѣ частушки переголосили, всѣ щиплющіе за душу романсы были перепѣты, и пальцы Мошкина уже впотѣмахъ шарили по клавишамъ, какъ сонные, умирающіе, сбрызнутые хлоркой тараканы. Ахъ ты чортъ, братва, у меня-жъ еще есть! Тащи! Тащи!

И притащилъ; и часъ насталь, заснули. Кто на кроватяхъ, кто на полу вповалку.

Ляминь проснулся прежде всѣхъ. Поглядѣлъ на часы на стѣнѣ. Мѣрно, неумолимо ходилъ маятникъ. «Вотъ маятникъ; и жизнь – маята; и отмѣриваютъ часы время этой безтолковой маяты. Мы часы изобрѣли, чтобы время на куски порѣзать. Порѣзанное на мелкіе кусочки, оно вродѣ бы не такъ страшно. А цѣликомъ – время, временище – у-у-у-у...» Провелъ ладонью ото лба къ подбородку. Колночій, обрость. Надо лезвіе у Авдеева попросить, пусть въ галантерею кого отрядить: свое отдалъ Бабичу побриться, тотъ – Логинову, такъ и потерялось.

«Кто-то жадный заховаль. Воришка. Но не полѣзешь же всѣхъ обыскивать».

Лежалъ. Думалъ. Солдаты храпѣли. Люди. Онъ все чаще, все горше называлъ ихъ

всѣхъ – люди. Отчего-то комъ въ горлѣ вставаль, когда онъ представляль, какъ въ городъ войдутъ бѣлые, и какъ окружать Домъ, и какъ будутъ по всѣмъ имъ палить. Пуля! Она такая маленькая. Человѣкъ самъ себѣ придумаль смерть, мало ему той, могучей и черной, что маячить у всѣхъ впереди. Онъ выдумаль свою, гораздо болѣе мучительную; и кичится этимъ, и гордится, и называетъ это какъ попало: войной, революціей, праведнымъ судомъ. А то и безъ суда разстрѣливаетъ; какіе на войнѣ суды? На войнѣ – враги, два врага, и кто кого.

«Законъ природы. Звѣри тоже дерутся. Но они – за самку, за бабу. А мы за кого?»

Въ первый разъ ярко вспыхнуло передъ сморщеннымъ въ раздумьѣ лбомъ: да, а мы-то за кого помираемъ? За самихъ себя? Но когда еще наше счастье. За революцію? А что она дастъ, что принесетъ? Никто не знаетъ. И не узнаетъ. За Ленина? Чтобы онъ тамъ, въ Кремлѣ, крѣпко на обитомъ кожей стулѣ – сидѣль? Удержался?

«А Антанта накинется... а генералы бѣлые эти...»

Часы мѣдно, раскатисто били. Ляминъ насчиталь девять ударовъ. Ужаснулся. «Мой ли караулъ?» Ничего не помнилъ. Лохмотья, обрывки частушекъ всплывали и качались на водѣ прозрачнаго утра. «Бога нѣтъ, царя не надо... губернатора убьемъ...»

Топали сапоги въ коридорѣ. Дверь открылась.

– Тэ-э-э-экъ, – куринымъ клекотомъ протянулъ Авдеевъ, – тэ-э-э-экъ... Мошкинъ! Сука!

Мошкинъ, спавшій на полу, вздернулъ кудлатую голову, уставилъ кругленькое бабье личико на коменданта.

– Я!

Всталъ на удивленье быстро. Какъ и не валялся. И даже не качался.

Въ караульной дико, густо пахло перегаромъ и табакомъ.

«Податей платить не надо... на войну мы – не поидемъ!..»

– Окно – открыть!

– Такъ нельзя же, товарищъ комен...

– У нихъ – нельзя! У насъ – можно!

Мошкинъ, осторожно переступая черезъ спящихъ, высоко поднимая ноги – такъ и спалъ въ сапогахъ, – подобрался къ окну и долго возился съ защелками и шпингалетами. Распахнулъ. Ворвались воздухъ, вѣтеръ.

Ляминъ тоже поднялся. Опускаль закатанные рукава гимнастерки.

Авдеевъ, тоже удивительно, не ругался, не сердился. Обозрѣль спящихъ солдатъ. Покачалъ головой.

– Ну надо же иногда, товарищъ комендантъ... Вѣдь сами видите, какая служба... Не служба, а тоска поганая.

Улыбка прочертила тяжелое лицо Авдеева.

– Ну ладно. Но чтобы сегодня ни-ни!

Наткнулся глазами на Михаила. Глаза коменданта лѣниво ощупали Лямина: а, тотъ?.. тотъ исполнительный. Четкій. Но не тронь его грубой рукой. Окрысится. Или затаится, что совсѣмъ плохо. Съ такими, какъ тотъ Ляминъ, надо такъ же четко: приказъ – выполнение, хорошо сдѣлалъ – наградить. А плохо тотъ солдатъ не дѣлалъ еще никогда. Онъ воеваль, а у тѣхъ, кто воеваль, за пазухой вмѣсто сердца – кремень.

– Солдатъ Ляминъ! Сегодня въ караулъ на крыльцо. Двери охраняй!

– Слушаюсь, товарищъ комендантъ.

– А я – къ нимъ пойду!

Ухмылка стала пошлой, черезчуръ довольной; морда кота, играющаго съ мышью, подумаль Ляминъ и потеръ пяткой сапога о носокъ, счищая присохшую лепеху грязи.

...Аликсъ стояла у зеркала, когда вошелъ комендантъ Авдеевъ.

Онъ былъ противень ей. Впрочемъ, какъ и они всѣ, тюремщики. Но Авдеевъ былъ противень особенно. Ей хотѣлось плюнуть въ его харю, и она тутъ же одергивала себя, упрекала въ безчувствіи и злобѣ, тутъ же, на ходу, гдѣ заставало ее это чувство – въ коридорѣ, въ столовой, во дворѣ на скудной блѣдной прогулкѣ, – пыталась молиться, и молитва выходила плохо, застревала не только въ горлѣ – во лбу, въ сердцѣ. Больная, длинная заноза. И мучить, и колеть, и вытащить нельзя. И теперь уже никто не вытащить.

Ея Ники провелъ бессонную ночь изъ-за криковъ пьяной солдатни; онъ лежалъ на кровати, уже одѣтый. Легъ въ штанахъ и гимнастеркѣ поверхъ нищаго, въ дырахъ, покрывала. Это не было покрывало инженера Ипатьева; комендантъ откуда-то распорядился доставить его, вмѣстѣ съ огромными, величиной съ добрую шубу, подушками, набитыми смраднымъ старымъ перомъ. Можетъ-быть, изъ блошиной пролетарской ночлежки?

Аликсъ дернула угломъ рта, и ея лицо стало напоминать ожившую бѣлую венеціанскую маску.

Она хотѣла поздороваться съ этимъ человѣкомъ – и не поздоровалась. Не могла.

Стала совсѣмъ плохой христіанкой, никудышной.

И Авдеевъ, тоже не здороваясь, торжествующе сказалъ:

– Ну какъ почивали... граждане? – черезъ шматокъ молчанія добавилъ: – Арестованные. – Благодарю. Ужасно, – подаль голосъ съ кровати царь.

И царь тоже не могъ говорить съ Авдеевымъ. Мало того, что онъ ихъ унизилъ по прїѣздѣ, – онъ продолжаетъ унижать ихъ и сейчасъ, и всякій день! Царь напряженно думалъ, чѣмъ и какъ онъ, по рожденью и по праву царь, могъ бы унижить это красное отребье, бывшаго слесаря. Думалъ, кривилъ ротъ, по лбу его текли и извивались мучительныя морщины, но такъ ничего и не придумывалось ему этакаго, чтобы Авдееву вдругъ стало больно. А потомъ онъ такъ же, какъ Аликсъ, останавливалъ себя и упрекалъ: «Какъ можно! Господь создалъ всѣхъ, всѣхъ людей одинаковыми! А эти люди, они просто заблудились! Ихъ просто нашпиговали дикими идеями... И они запутались. Имъ можно, имъ надо помочь!»

Но какъ, чѣмъ помочь? И будетъ ли эта помощь принята? Царь не зналъ. Говорить съ ними о Христѣ? Они Его отвергаютъ. Для нихъ Бога нѣтъ уже давно; съ самага начала революціи, о которой, какъ они говорятъ, они всю жизнь мечтали, они приближали ее, не шли, а просто бѣжали къ ней, брели, спотыкаясь о смерти и ссылки, ползли. И вотъ доползли. И она обернулась братоубійственной войной. «Авдеевъ, ты мой братъ! И я бы обнялъ тебя, и расцѣловалъ на Пасху, троекратно. А ты... морду воротишь. Ты – меня – презираешь! Ты ненавидишь меня, я же вижу; но я, я долженъ тебя – любить! Какъ мнѣ это сдѣлать? Какъ мнѣ сдѣлать это искренне, по-настоящему, такъ, какъ это дѣлалъ, умѣлъ Христосъ?»

– Въ чемъ ужасъ-то?

Николай скинулъ съ кровати обмотанныя портянками ноги на полъ. Долго натягивалъ сапоги. Потомъ медленно, очень медленно поднялъ лицо къ коменданту. Лицо царя, прежде такое прївѣтливое и сіяющее, все неистово заросло бородой и напоминало грозовую тучу.

– Ваши, – онъ подчеркнулъ это, – ваши солдаты всю ночь буянили. Что они праздновали? Свадьбу? Крестины?

Авдеевъ уже нагло смѣялся.

– Скажите, а вы, граждане полковникъ, никогда, въ армейскую свою бытность, не веселились, не гуляли, не... кутили? Или, вы хотите сказать, вы никогда въ жизни не пили водки? Съ мужчинами такое бываетъ.

Царица такъ и стояла около зеркала. Вертѣла въ рукахъ пузырекъ съ духами «Шурге» Франсуа Коти. Потомъ поставила духи на зеркальную тумбу, они зелено, алмазно отразились въ зеркалѣ; схватила кисти своего шелковаго капота и стала нервно щипать ихъ.

– Почему же нѣтъ. Я веселился. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рядомъ за стѣной не спали.

– Ничего! Вѣдь перетерпѣли же? – весело крикнулъ Авдеевъ.

Авдеевъ понималъ, что издѣвается надъ царями. И это доставляло ему ни съ чѣмъ не сравнимую радость, даже счастье. Слесарь, онъ теперь распоряжался царской семьей! Вотъ какъ вознесла его жизнь! Когда она его еще такъ вознесетъ? Да, видимо, уже никогда. Значить, надо ловить этотъ мигъ удачи. И пусть неудачникъ трясется въ рыданьяхъ. А онъ – празднуетъ! Это онъ сегодня празднуетъ! Да каждый день съ царями – какъ день рожденья; какое удовольствіе ихъ топтать, видѣть, какъ глаза бывшей императрицы темнѣютъ отъ ярости!

Царица бросила вертѣть шелковыя кисти халата. Сказала себѣ: спокойно, спокойно, Аликсъ, успокойся. Это всего лишь человѣкъ; и ты всего лишь человѣкъ. Васъ жизнь поставила на одну доску. Но вѣдь и одесную Христа висѣлъ разбойникъ, и ошую висѣлъ; и одинъ Его поносили и проклинали, а другой смиренно, нѣжно попросилъ Его: «Помяни насъ, Господи, егда прїидеши во Царствїи Твоемъ!» – и Онъ отвѣтилъ живой и любящей душѣ: «Нынѣ же будешь со Мною въ Раю».

...А этотъ, этотъ – неужели съ тобою въ Раю будетъ?..

...Боже, не надо мнѣ такого сосѣдства... и Рая тогда – не надо...

Сдѣлала шагъ къ Авдееву. Очень важный, трудный шагъ.

– Я бы хотѣла васъ попросить.

– Ну?

Авдеевъ опять улыбался. Онъ не могъ скрыть радости и довольства.

– Я бы хотѣла, чтобы рояль... которую, не знаю по чьему приказу, сегодня ночью перенесли въ караульную комнату... была возвращена на прежнее мѣсто. Въ гостиную. Моя дочь Марїа... она любитъ играть на рояли. И другіе дѣти тоже. Пожалуйста! Прошу васъ!

Авдеевъ прищурился. Всѣ, кто побывалъ въ Москвѣ, рассказывали, что ихъ вождь, Ленинъ, любитъ прищуриваться; и теперь Авдеевъ пытался копировать Ленина. И все время щурился тоже. Какъ будто плохо видѣлъ.

– Идите вы къ чорту!

Аликсъ изо всѣхъ силъ попыталась не отшатнуться.

– Господь вамъ судья.

Она тяжело, черезъ силу подняла тяжелую, растолстѣвшую руку и медленно, скорбно перекрестила коменданта. Комендантъ плюнулъ царицѣ подь ноги.

– Тѣфу! Не надо мнѣ этихъ вашихъ крестовъ! Вы и такъ уже всю землю, все небо закрестили! Крестили, крестили, и что толку? Вездѣ огонь полыхаетъ! Война! И мы побѣдимъ.

– Симъ побѣдиши... – прошептала старуха и уже себя самое осѣнила крестнымъ знаменіемъ.

Авдеевъ побѣдно поглядѣлъ на царя, на царицу и вышелъ. Нарочно громко хлопнулъ дверью. Аликсъ растерянно обернулась къ мужу.

– Зачѣмъ тогда онъ приходилъ?

– Ты такъ и не поняла? – Николай смотрѣлъ на жену печально, еще немного – и глаза его превратятся въ кругляги, полныя невылитыхъ слезъ, огромныя, мрачно-свѣтлыя очи византійской иконы. – Поглумиться.

– Но вѣдь глум... – она искала русское слово. – Глум... насмѣшка... издѣвательство... это... ему же будетъ хуже, его же жалко! Ему все это вернется... рикошетомъ... вернется все, все...

Жена уже плакала. Мужъ подошелъ къ ней, взялъ ее за плечи и сталъ покрывать ея влажное, дряблѣе, нѣжное, востроносое лицо мелкими, быстрыми поцѣлуями.

– Да, да. Конечно. Вернется. И его жалко. Ты права. За него надо молиться. Ты будешь за него молиться? Будешь?

– Буду... Буду...

Она всхлипывала, какъ набѣдокурившая дѣвочка. Крѣпко обняла его за шею. Шея царя стала слабая, онъ весь былъ истощенъ, слабъ и хилъ, еле стоялъ на ногахъ. Ему всего пятьдесятъ лѣтъ. Всего пятьдесятъ.

А ей? А ей – три тысячи.

– Мальчикъ мой, – сказала царица и сильно, больно притиснула его голову къ своему сѣдому виску, къ зареванной щекѣ.

# #

...Мошкинъ поджидалъ Авдеева въ комендантской комнатѣ. Авдеевъ вошелъ со слишкомъ радостнымъ, неудержимо радостнымъ лицомъ. Съ такимъ лицомъ послѣ исповѣди по улицѣ мальчишки бѣгутъ; въ кражѣ конфетъ покаются, имъ простятъ, и счастье – голубемъ за паухой.

– Ночное дежурство прошло спокойно, товарищъ...

– Да ужъ понялъ! – Авдеевъ усѣлся за комендантскій столъ. Озиралъ его. Чувствовалъ себя начальникомъ. И правда – чуточку – царемъ. – Приберите какъ слѣдуетъ караульную!

– Приберемъ.

– Пустыя бутылки повыкиньте! Подметите. Бабъ заставьте. Пашку вашу и эту, ихнюю дѣвицу, Нюту.

– Я самъ прослѣжу.

– Да, и вотъ еще... Слушай-ка, что расскажу! Забавное дѣльце. Царьки наши просили меня услужить имъ.

– У... служить?... это какъ...

– А такъ! Приказы задумали раздавать! Старуха прицѣпилась ко мнѣ, какъ банный листъ: перенеси да перенеси рояль опять въ гостиную. Дочь ея, видите-ли, будетъ на той рояли брякать! Чай, перебьется дочь!

– Перебьется, товарищъ...

– И что ты думаешь, я ей отвѣтилъ?

Мошкинъ сдѣлалъ личико масленое, хитрющее.

– Думаю, вы отвѣтили какъ надо, товарищъ комендантъ!

И у Авдеева лицо замаслилось.

– Точнехонько думаешь. Я ихъ – къ чорту послалъ!

У Мошкина округлились глаза.

– Какъ? Царей – къ чорту? У-ха-ха-ха!

Выходка Авдеева ему понравилась; до того понравилась, что онъ утиралъ глаза выгибомъ руки и махалъ рукой, и трясъ головой, и опять заливался, заходилъ смѣхомъ:

– О-ха-ха-ха, ха, ха! Къ чорту! Къ чорту, это же надо, а!

– Красноармеецъ Мошкинъ, молчать! – Мошкинъ замолкъ. – Раскочегарился. Гдѣ охранникъ Украинцевъ?

– На посту.

– Гдѣ именно?

– У забора. Уличная охрана.

- Позови его ко мнѣ. Дѣло къ нему есть.
- Можетъ, Лямина позвать? Вотъ Ляминъ – дѣльный. Онъ вамъ любое дѣло провернетъ. Авдеевъ задумался.
- Нѣтъ. Лямина не надо. Украинцевъ попроворнѣй.
- ...У стрѣлка Украинцева были кривые, торчащіе въ разныя стороны передніе зубы; такъ выросли, никто не виноватъ, и такіе уродливые, хоть въ пьяной дракѣ выбивай; а у его закадычнаго дружка, стрѣлка Арсенія Васильева, изъ далекаго города Хабаровска родомъ, были ужасно выпученные глаза. Глаза выкатывались изъ орбиты, какъ два крутыхъ яйца, лѣзли, выпирали, и Васильевъ ими чудовищно, ради шутки, вращалъ, пугая и веселя солдатъ. Всѣ его такъ и звали – Лупоглазый.
- А Украинцева – Кривоzubый. Два сапога пара.
- Ты вотъ что, Криво... Украинцевъ! – Авдеевъ долго смотрѣлъ на бойца, потомъ крѣпко ударилъ его по плечу, и Украинцевъ слегка подогнулъ ноги. – Порученіе къ тебѣ. Интересно свойства. Получится, не получится у тебя – не знаю. Но впередъ! А вдругъ!
- Что за порученіе, товарищъ комендантъ?
- Изъ-за кривыхъ зубовъ Украинцевъ шепелявилъ, и получалось что-то вродѣ: «сто за полусеніе, товарищъ комендантъ».
- Деликатное-же, говорю. Подкатись шаромъ къ царю. Подружись съ нимъ!
- Подружиться?.. ого...
- Да, да-да! Мнѣ это надо. Не только мнѣ, какъ ты понимаешь. Войди въ довѣріе. Кури съ нимъ. Болтай. Сиди напротивъ. Я тебя для начала поставлю у его дверей на карауль.
- Опять?.. но вы же отмѣнили карауль на второмъ этажѣ, товарищъ Авдеевъ!
- Отмѣнили, да. А теперь опять назначаю.
- И о чемъ... мнѣ съ царемъ-то... балясничать?
- Разспрашивай его. О разныхъ разностяхъ. О томъ, кто ему пишетъ. По комъ онъ тоскуетъ. О чемъ думаетъ. Да, да, не пялься на меня такъ изумленно!
- Но я простой мужикъ...
- Да. Ты простой. И это хорошо. Пусть царь говоритъ съ простымъ мужикомъ. Тебѣ больше довѣрія. И запоминай, хорошенько запоминай, что онъ тебѣ будетъ вѣщать.
- Зачѣмъ? Вы скажите, а то я чо-то не понималъ ничо.
- Намъ надо, – Авдеевъ щелкнулъ пальцами, – улики добыть. Ну, что они бѣжать замышляють.
- А, понялъ.
- А твой дружокъ? Лупоглазый?
- Что – Лупоглазый?
- Онъ сообразительный?
- Украинцевъ захохоталъ. Оборвалъ хохоть.
- Вотъ ужъ не знаю.
- Ну твой дружокъ же!
- Да вродѣ не блаженный.
- Отлично. И его подключимъ. Ты ему все тихонько только разъясни. Если охрана узнаетъ о нашей развѣдкѣ – до царя дойдетъ все очень быстро.
- Авдеевъ откинулся на спинку стула. Мошкинъ сидѣлъ у окна. Напѣвалъ тихо и злобно:
- Пускай въ гостиной... мужъ простодушный... жену гуляющую... подъ утро ждетъ... Любоникъ знаетъ: она, послушная... смѣясь и пла-а-ача!.. къ нему придеть...
- Встрялъ въ разговоръ:
- Вотъ это вѣрно. Это вѣрно. Надо съ царя начать. Его прощупать.
- Товарищъ Мошкинъ! Одобрятъ?
- Еще какъ!
- Мошкинъ уже гдѣ-то успѣлъ раздобыть на опохмель. Щеки розовѣли, носикъ задорно торчалъ. Кукольная его мордочка чуть опухла послѣ попойки, но глаза – уже глотнулъ – блестяли, зыркали остро, внимательно.
- А можетъ, ты за это дѣло возьмешься?
- Нѣ-етъ, товарищъ Авдеевъ. Лучше я – при васъ!
- При мнѣ, ну да, кто-то же долженъ быть при мнѣ... да...
- Тоскливо, косо посмотрѣлъ.
- У тебя глоточка нѣтъ?
- Оглянулся на Украинцева.
- Солдатъ Украинцевъ! Все поняли?
- Все! Разрѣшите итти?
- Идите!
- Кривоzubый шарахнулся за порогъ.

– Есть глоточекъ, товарищъ комендантъ. Извольте.
Мошкинъ вытащилъ изъ кармана косушку, какъ ящерицу за хвостъ.
Авдеевъ хлебнулъ и закрылъ глаза.

##

Они сидѣли втроемъ на лавкѣ во дворѣ: царь, Боткинъ и солдатъ Арсеній Васильевъ, Лупоглазый. Вечерѣло. Странная, хитрая, какъ дикій звѣрь въ тайгѣ, уральская весна. То оттааетъ на пригоркахъ, и почки готовы вотъ-вотъ взорваться, то опять завернуть холода, и на робко вылѣзшую въ оврагахъ и на проталинахъ травку посыплеть изъ тучъ отчаянный, вражескій снѣгъ.

Арсеній курить «козью ногу». Свернулъ ее изъ старой газеты. Царь близоруко вглядывался. Онъ дѣлалъ на газету собачью, охотничью стойку.

– Простите, товарищъ Арсеній, а у васъ осталась газета?

– Какая? – зѣнки Васильева еще болѣе округлились, выкатились почти наружу, на щеки.

– Ну, вотъ эта, – царь указалъ на самокрутку. – Вѣдь вы же кусокъ только оторвали. А газета, газета-то сама осталась?

– На черта вамъ газета, гражданинъ Романовъ? – Лупоглазый искуривалъ «козью ногу» быстро, будто жадно обцѣловывалъ или голодно отгрызалъ отъ нея клочки, какъ бѣлка отъ шишки. – Ить она рваная.

– Да вотъ... почитать хочу. Новости.

Лупоглазый кинулъ окурокъ на землю и придавилъ сапогомъ.

– Такъ ить она старая.

– Старая? А за какое число?

– За невѣсть какое уже. Прошло, проѣхало.

Николай судорожно вздохнулъ.

– Понимаете, мнѣ здѣсь не носятъ газетъ. А въ Тобольскѣ – носили. Мальчишка съ почты всякій разъ приносилъ.

– Ну, здѣсь у насъ ить такого парнишки нѣту.

Табачно, горячо выдохнулъ. Боткинъ въ тоскѣ чертилъ на дворовой землѣ неясный рисунокъ весенней, съ надутыми почками, вѣткой.

Лупоглазый сощурился и задалъ, какъ ему казалось, лукавый и умный вопросъ:

– Газеты-то газетами, и чорта ли въ нихъ. А вотъ письма-то вы ить получаете. А хто вамъ пишетъ посланія? Цари, короли? Жалко имъ васъ?

Николай опустилъ голову и смотрѣлъ, какъ докторъ возить вѣткой по свѣжей мокрой землѣ, перемѣшанной съ пескомъ и мелкими камнями.

– Жалко.

– А вы – жалитесь, да?

– Нѣтъ. Не жалуюсь. Господь заповѣдалъ намъ принимать все смиренно, что выпадаетъ на долю.

– Доля, доля! – Лупоглазый потеръ переносе. – Доля, судьба! А вотъ хто мнѣ разъяснить, что жъ такое судьба! И слово-то какое, не вразумлю никакъ. Суть-ба. Суть нашей жисти, или какъ? И почему говорятъ: у каждаго своя судьба? Жисть, это я понимаю. Живешь-живешь и въ одночасье помрешь. Живетъ кошка, живетъ и собака. И волкъ въ тайгѣ – живетъ. А – судьба? Съ какого боку къ ней подобраться?

Боткинъ бросилъ рисовать на землѣ скорбный иероглифъ. Царь и докторъ переглянулись.

– Не объяснишь... – беззвучно шепнули губы Боткина.

– Судьба, – раздумчиво повторилъ царь. И, словно его гнали, подгоняли плетями, батогами, будто бѣжалъ онъ, уворачиваясь отъ ударовъ, бѣжалъ и задыхался, и чуть не плакалъ, и пытался крикнуть, докричаться, достучаться, быстро заговорилъ: – Да вѣдь судьба – это и есть Богъ! Понимаете, Богъ! Если человекъ живетъ безъ Бога, отвергъ Бога, онъ и свою судьбу не слѣпитъ, онъ будетъ жить хуже звѣря... животной жизнью будетъ жить, поймите вы это! А вѣрующій въ Бога – принимаетъ свою судьбу съ радостью... со счастьемъ!.. и не проситъ иной судьбы взамѣнъ. Потому что онъ живетъ свою жизнь, свою собственную, ту, которую ему и далъ Господь... сужденную ему!.. а не чью-то другую, вотъ поэтому и – своя судьба! И судьба – это не просто покорность судьбѣ: будь что будетъ, и все, а я сложу руки и ничего, ничего ни съ собой, ни съ судьбой дѣлать не буду... Богъ всѣмъ намъ даетъ – выборъ! Выборъ, понимаете, выборъ! И вы думаете, выборъ сдѣлать просто?! Ой, ой, какъ непросто! Бываетъ, человекъ и ошибается! И тогда онъ... кается... плачетъ... проситъ прощенья у Бога: Господи, я вступилъ не на тотъ путь! На невѣрный путь! Просить: вразуми, Господи, помоги! И я... исправлюсь... я сдѣлаю единственный, вѣрный выборъ! Выберу свою судьбу! А – не побѣгу вмѣстѣ съ толпами кого-то убить, растерзать... надругаться... разрушить, сжечь!

Вотъ вы все разрушили! И хотите наново построить! А вы знаете, какую вы себѣ судьбу выбрали?! Знаете, чью – судьбу?!

Уже кричалъ. Всталъ съ лавки. Боткинъ впервые видѣлъ царя такимъ: одновременно и смиреннымъ, и яростнымъ. Онъ думалъ, такъ среди людей быть не можетъ.

– Судьба – это выборъ! – всегда спокойные, свѣтлые, глаза Николая горѣли темнымъ огнемъ. – Выбралъ – такъ иди! Невѣрно выбралъ путь – пошелъ по нему, побѣждалъ – оступился – ногу сломалъ – душу сломалъ! Хочешь вернуться – а не можешь! Затягиваетъ въ пропасть! Это – дьяволъ! Это и есть дьяволъ. Онъ всегда рядомъ съ Богомъ. Дьяволъ съ Богомъ борются... всегда, всегда... и люди другъ съ другомъ борются, думая наивно, что это они другъ съ другомъ воюють!.. а на самомъ дѣлѣ... на самомъ...

Боткинъ тоже всталъ. Обхватилъ рукой царя чуть выше кисти, за обшлагъ кителя.

– Ваше величество, успокойтесь. Не стоять они вашихъ...

Царь не слушалъ, не слышалъ. Нависъ надъ сидящимъ, широко разставившимъ ноги въ нечищенныхъ сапогахъ Лупоглазымъ. Кричалъ торопливо, хрипло, быть-можетъ, вовсе и не для лупоглазаго Васильева, а для себя.

– На самомъ дѣлѣ – въ однихъ дьяволъ, въ другихъ Богъ. Богъ съ дьяволомъ это воюють! А не люди! Людская каша, война, революція... все оттого, что одни идутъ за дьяволомъ, а другіе отъ себя Бога не отпускаютъ! Не хотятъ отпустить! Въдъ главное, главное въ нашей жизни – это не мы сами, не наши дѣти, внуки, наши заводы, наши помѣстья... даже не наша земля, хотя она – Родина, и ея лѣса, пашни, поля, рѣки, моря... это все тоже мы... это все тоже наше тѣло, наша душа... но даже не она – главное! Наиглавнѣйшее – Богъ! Только Онъ! Онъ... все знаетъ... всѣхъ ведетъ... и кто Ему измѣняетъ – тѣхъ Онъ наказываетъ... жестоко, страшно... всѣ ихъ дѣла можетъ однажды стереть въ порошокъ... именно дѣла, даже не жизни... можно жить – и быть ходячимъ мертвецомъ! Если Бога въ тебѣ, съ тобой нѣтъ. Вотъ такъ и ваши всѣ дѣла... могутъ умереть... однажды... всѣ, всѣ!.. вся ваша революція!.. все, за что вы боролись... за что проливаете свою кровь и кровь братьевъ... вашихъ...

Уже дрожалъ, мелко тряся. Изъ оконъ, любопытствуя, выглядывали солдаты вечерняго караула. Боткинъ торопливо снялъ съ себя плащъ и накинулъ царю на жесткія, деревянно торчащія плечи.

– Богъ, вотъ что основа жизни! И смерти тоже. Богъ! Одинъ! А вы Бога...

Закашлялся. И кашлялъ долго, съ надрывомъ. Боткинъ хлопалъ его по спинѣ. Лупоглазый сидѣлъ какъ каменный.

Царь выдохнулъ и утеръ ротъ кулакомъ.

– Убили...

Шатнулся.

– Уничтожили...

Докторъ подхватилъ царя подъ мышки.

– Идемте домой, ваше величество. Идемте. Бросьте. Не стоять они всѣ вашихъ... проповѣдей...

Повель царя, какъ больного. Осторожно, медленно. Лупоглазый смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Просунулъ пальцы подъ фуражку и почесалъ затылокъ. Чесалъ долго. Потомъ опустилъ руку и выругался.

Одиноко, самъ себѣ, сказалъ, зло глядя на опустѣлую лавку:

– Ить какъ онъ завернулъ. Насъ, дескать, Богъ покараетъ. За революцію. За то, что мы, мать-перемать, мы, народъ!.. лучшей жисти захотѣли. Именно жисти, а не муки мученической. А онъ про Бога: Богъ, Бо-о-о-огъ! Ну, и кого Онъ покаралъ? Васъ же и покаралъ. За все хорошее! Вотъ такъ оно!

...Въ окнѣ стоялъ Ляминъ. Онъ не столько слышалъ, сколько видѣлъ все. Человѣческія фигурки двигались, махали руками, кричали, кутались въ плащи, курили, топтали сапогами окурки, выпускали изо ртовъ то, что выпускать безнаказанно нельзя.

Царь шелъ и тряся.

– Вы не заболѣли, ваше величество? У васъ не лихорадка? Надо беречься инфлюэнцы... здѣсь Уралъ, весенніе холода...

Внезапно царь обнялъ Боткина и крѣпко, крѣпко прижался къ нему. Искалъ утѣшенія. Это объятіе было чистымъ, честнымъ и беззащитнымъ.

– Простите меня, Евгенийъ Сергѣичъ. Я сорвался. Я не долженъ былъ себѣ этого позволять... съ ними. Въдъ это мой народъ! Мои солдаты! Мои – люди! И они меня предали. Они – отреклись отъ меня! Это не я отрекся: они отреклись!

– Успокойтесь, успокойтесь...

– Меня утѣшаетъ то... – зубъ на зубъ у царя не попадалъ. – Что Спаситель... тоже былъ преданъ... однако я ни въ коемъ случаѣ, никогда!.. не сравню себя съ Нимъ... Но каждый изъ насъ, слышите, каждый!.. долженъ держатъ въ сердцѣ Его путь... и по возможности – повто-

рить его... повторить...

– Сейчас горячаго чаю, ахъ, жаль, лимона нѣтъ, варенья нѣтъ...

– И если мы сейчас Его Голгоѣскій путь повторимъ – я не удивлюсь, слышите меня, нисколько, нисколько...

– Слышу, ваше величество, какъ не слышать...

Вель по лѣстницѣ такъ же медленно, и царь съ трудомъ одолѣвалъ ступени. Поднялись. Боткинъ провелъ царя въ спальню. Царица метнулась къ нему.

– Что такое! Досидѣлись во дворѣ! На немъ же лица нѣтъ, докторъ! Что случилось?!

– Ничего особеннаго, ваше величество. Просто на дворѣ похолодало. Вечерній вѣтерокъ. А простуда застарѣлая. Вѣдь его величество кашляетъ уже давно? Давно. Но я, какъ могъ, тотъ кашель снялъ. А нынче... да тамъ разговоръ такой вышелъ, съ охраной...

– Съ охраной?!

Николай уже легъ. Аликсъ сама стаскивала съ него сапоги, разматывала портянки.

– Съ охранникомъ однимъ. Знаете, такой лупоглазый. Онъ сталъ спрашивать его величество о письмахъ, что онъ получаетъ... и самъ пишетъ. А его величество свелъ разговоръ на Бога... на божественное... и – переволновался, это бываетъ...

Крупныя слезы старухи быстро капали на царскіе сапоги и скатывались на плахи пола.

– Аликсъ, душка, – тихо и медленно, стуча зубами, сказала царь. – Я умѣю молчать. Я долго молчалъ. Я раньше бесѣдовалъ и правда съ принцами, съ королями. А теперь я бесѣдую съ Кривоzubымъ... съ Лупоглазымъ. Это мои собесѣдники. На колченогой лавкѣ... въ тюремномъ дворѣ...

– Молчи! Выпей, прошу тебя!

Она держала его голову. Николай привсталъ съ подушки и выглоталъ изъ мензурки самодѣльную микстуру доктора Боткина.

– И я бесѣдую съ ними... про замазанныя окна, про то, почему на рынкѣ сушеный чебакъ... про то, гдѣ покупаютъ хорошій табакъ... и почему рояль перенесли въ караульную... и про то, почему мнѣ не приносятъ свѣжихъ газетъ... и про наши жуткія, дырявыя одѣяла... и про мышей, онѣ часто приходятъ въ кухню и даже пробираются къ намъ въ спальни... и про клоповъ, какъ удачно передъ отъѣздомъ инженера изъ Дома ихъ поморили... Аликсъ! Я – про клоповъ! Аликсъ...

– Сейчас онъ успокоится, – синими губами вытиснулъ выдохъ Боткинъ.

Царица наваливала на мужа одѣяла, какія подъ руку подвернулись; распахнула шкапъ и вытащила свою шубу; и тоже на него бросила. Онъ переставалъ стучать зубами. Взглядъ прояснялся. Брови подвинулись вверхъ, размахнулись съдыми дугами подъ высокимъ, въ морщинахъ, лбомъ.

– Ты похожъ на святителя Николая, – прошептала царица.

И погладила царя по рукѣ, лежавшей поверхъ сѣраго мышинаго, вытертаго одѣяла.

– Ну, я пойду? – такъ же, шопотомъ, спросилъ Боткинъ.

– Идите, Евгенийъ Сергѣичъ. И... вотъ что...

Старуха поманила доктора пальцемъ. Онъ нагнулся низко, они едва не столкнулись лбами.

– Держите языкъ за зубами.

– О да. Да.

...Поздно вечеромъ, уже около полуночи, царь и царица, сидя за столомъ въ осиротѣвшей, безъ рояля, гостиной, открыли огромную, ветхую, въ коричневомъ кожаномъ переплетѣ съ потертымъ тисненіемъ, пахнущую воскомъ и ладаномъ книгу. Ветхій и Новый Завѣты подъ однимъ переплетомъ; книгу принесла ей дѣвица Демидова, а ей дала эта ихъ красная повариха, Прасковья Бочарова, а Бочаровой далъ неизвѣстно кто – и неизвѣстно на сколько: попользоваться, на время, или навсегда подарили – они не знали. Книгу Аликсъ страстно желала оставить себѣ: ихъ родовую, еще Александра Второго, Библию у нихъ украли въ Тобольскѣ, когда они отправились въ церковь на литургію къ архіепископу Гермогену. Пришли, теплые, свѣтлые, расслабленные. Аликсъ хватилась книги въ тотъ же вечеръ. И кому изъ солдатъ она понадобилась? Они всѣ теперь красные, и Богъ для нихъ – мусоръ: вымести изъ избы, забыть навѣкъ.

Библия, книга книгъ, вотъ она. Старуха нѣжно гладила телячій древній переплетъ.

– Давай раскрою наугадъ, – прошептала Николаю.

Раскрыла. По обыкновению, закрыла глаза и слѣпо повела указательнымъ пальцемъ по страницѣ.

– Ну что тамъ?

– Седьмая строчка сверху.

– Читай... ты...

Николай набралъ въ грудь воздуху и радостно прочиталъ:

– Блажени алчущіе и жаждущіе правды, яко тиі насытятся.

Счастье высвѣтилось и на оплывшемъ лицѣ царицы. Оно даже стало моложе, глаже. И глаза – глубже и яснѣ. Будто умылась колодезной водой.

– Читай всѣ блаженства, – тихо сказала она.

– А около гостиной сейчасъ вѣдь караула нѣтъ?

– Нѣтъ, – Александра Ѳедоровна задумалась. – Хотя все можетъ быть. Мы это узнаемъ, если высунемся въ дверь.

Царь, съ тѣмъ же счастливымъ выраженіемъ лица, будто онъ сидѣлъ на лужайкѣ въ царскосельскомъ паркѣ, безопасно махнулъ рукой.

– Они только этого и ждутъ.

– А ты правда прощаешь имъ? Ну, какъ Христось намъ заповѣдалъ?

Онъ тяжело вздохнулъ.

– Правда.

– Начинай.

– Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ... есть Царствіе Небесное. Блажени плачущіи, яко тиі утѣшатся...

Они попеременно читали главныя слова ихъ жизни, и жизни каждаго, и даже жизней этихъ, кто, крича и глумясь, или молча, ненавидяще, ихъ сторожилъ.

И вѣдь всѣ они, вся охрана дома инженера Ипатьева, всѣ солдаты, до единого, всѣ родились и воспитались въ простыхъ русскихъ семьяхъ: крестьянскихъ, рабочихъ, разночинскихъ, мастеровыхъ, – и въ тѣхъ семьяхъ, въ тѣхъ домахъ на стѣнѣ въ красномъ углу всегда висѣла икона, и Святая Библия лежала на видномъ мѣстѣ, на самой верхней полкѣ этажерки или дряхлаго, сто разъ чиненнаго комода, и ее читали въ двенадцатые праздники, и по ней молились, и у изголовья покойника читали псалмы и каѳизмы изъ Псалтыри, и по воскресеньямъ – съ дѣтьми – по пыльной или зимней хрусткой дорогѣ – да непремѣнно – въ храмъ, и какъ же случилось такъ, что всѣ эти дѣти, всѣ эти люди, выросшіе съ Богомъ и подъ Богомъ, рѣзво, кроваво втоптали Его въ грязь?

Кто перегнулъ палку времени? И – сломалъ ее?

– Блажени кротцыи, яко тиі наслѣдятъ землю.

– Блажени... блажени...

...Марія лежала въ постели, свернувшись въ комочекъ, и думала: вотъ такъ бѣлки сворачиваются въ дуплѣ, когда зима. Она не слышала, какъ читаютъ Евангеліе родители въ гостиной. Она знала. Она часто видѣла то, чего нельзя увидѣть глазами; и ее это не пугало, она понимала это въ себѣ, лелѣяла, никому не говорила. Даже мама. А что мама? Она можетъ огорчиться. А сейчасъ мама нельзя огорчать. Сейчасъ имъ всѣмъ тяжело, а мама – тяжелѣй всѣхъ.

Били часы. Марія загибала пальцы. Двѣнадцать. Полночь. Слеза вытекла изъ угла глаза быстро, стыдливо, стремительно, и затекла въ складку ужасной, громадной и плоской, какъ плаха, чужой вонючей подушки.

##

– Ники, что ты дѣлаешь?

Сама увидѣла. Прижала ко рту пальцы.

– Ахъ, солнце. Прости. Я тебѣ помѣшала.

Эта его улыбка. Она обвиваетъ ему щеки и бороду солнечнымъ плющомъ, дикимъ виноградомъ. Ливадія умерла. Дворцы разрушены. Въ Крыму побоище. Въ Крыму безъ суда и слѣдствія на улицахъ разстрѣливаютъ людей; ни въ чемъ не повинныхъ, просто – прохожихъ, беременныхъ женщинъ, стариковъ и старухъ, малыхъ дѣтей. Египетская язва, вотъ проклятье твое! Гладь и моръ, вотъ огонь твой!

Кто писалъ ей про Крымъ? Элла? Братъ Ники Мишель? Она уже забыла. Все спуталось въ головѣ, ее расколола на-двое мигрень, и мигрень стала жизнью и войной. Прекратите боль. Оборвите ее. Не жалѣйте меня. Пожалуйста. Пожалуйста.

– Пожалуйста...

Царица вѣдѣпилась въ спинку стула.

– Ты меня просишь о чемъ-то, милая? Я готовъ.

Отодвинулъ дневникъ, всталъ передъ нею.

Онъ такъ вставлялъ передъ ней всегда; чтобы глазами до ея глазъ дотянуться. Они одного роста, и очень удобно глаза въ глаза глядѣть.

Жена помотала головой. Щеки затряслись.

– Нѣтъ-нѣтъ. Ничего. Я просто хочу... тебя... поцѣловать.

Взяла его голову руками и прижалась ко лбу сухими, горячими губами. Царь изловиль

ея летящую руку и напечатлѣль отвѣтнѣй поцѣлуй, щекоча ея запястье бородой.

– Солнышко, мнѣ пятьдесятъ.

– Спасибо Господу за это.

– Мнѣ самому странно. И... страшно.

– Чего тебѣ страшно, любимый?

– Изъ нашей фамиліи мало кто доживаль до пятидесяти.

– Пустое. Ты – дожилъ. И еще поживешь.

Онъ опять сѣлъ. Тяжело впечаталъ задъ въ обитый черной тонкой кожей стулъ. Кожа была пришилена къ спинкѣ и къ сидѣнью позолоченными мѣдными кнопками.

– А зачѣмъ я живу? – онъ глядѣль на нее безпомощно, безумно, взгляды поплыль, рѣсницы задергались. – Во имя чего я живу?

Аликсъ смотрѣла на царя, какъ на дикаго звѣря изъ дальнихъ странъ черезъ прутья клѣтки смотреть дѣти.

– То-есть какъ это – во имя чего? Наши дочери... и нашъ Бэби...

– Дѣти не отвергли меня. Меня растоптала и выкинула за борть моя страна. Моя родина! Вотъ Пасха прошла. Христа распяли, и Онъ опять воскресъ. Въ который разъ. А я, женушка, я – не воскресну. И ты... не воскреснешь.

Сидя на стулѣ, обхватилъ ее за располнѣвшую талию. Спряталъ лицо у нея на животѣ.

– Ники, помни: мученія – это тоже царскій вѣнецъ.

– Терновый...

– Мы всѣ на землѣ повторяемъ Христа. Кто-то больше. Кто-то меньше. Но все равно – всѣ. Все равно – Его. Все равно...

Онъ все сильнѣе вжималъ лицо въ ея родной, выносившій пятерыхъ его дѣтей, мягкій, обвислый животъ.

– Земля въ огнѣ... города горять... камни падаютъ, дома растаскивають по кирпичамъ, по костямъ... на костяхъ – пляшутъ... Братъ убиваетъ брата.

– Каинъ и Авель, Ники! Каинъ и Авель!

– Да что мнѣ Библия, – оторвалъ лицо отъ ея живота. Опять глядѣль снизу вверхъ, жалобнымъ шенкомъ, найденышемъ. – Я ее – наизусть знаю! Но вѣдь этотъ народъ, этотъ!.. мнѣ былъ данъ Богомъ. И Богъ вѣнчалъ меня на царство – надъ моимъ народомъ, этимъ, вотъ этимъ... – указалъ на дверь. – А что, если... я – самъ попустиль этотъ ужасъ? Если я – преступникъ? Аликсъ, я, я – преступникъ! Это мое преступленіе!

Опять спряталъ лицо въ складкахъ ея юбки. Плечи ходили ходуномъ.

Жена нѣжно, судорожно все гладила, и гладила, и гладила его голову.

Не знала, что сказать. Ей казалось – онъ оглохъ и теперь никогда не услышитъ ее.

– Не кори себя. Ты ни въ чемъ не виноватъ. Слышишь! Ни въ чемъ!

Ея слова бились объ него, какъ крупныя градины – о глухую черную землю.

– Я стояль у родовой постели этого ужаса! Этой революціи! Я глядѣль, какъ она рождается! Болѣе того! Я стояль у постели ея... зачатія... и я все, все видѣль... и я – не остановиль...

– Какъ бы ты остановиль? – голосъ Александры отвердѣль. – Отправиль бы беременную Россію къ доктору Боткину? На abrasio?

– Абразіо... Абразіо... Къ чорту все...

– Ники! Молись!

Быстро прижала ладонь къ его губамъ. Ладонь горячая и сухая. Будто бы у нея вѣчно температура.

Цѣловаль ея ладони, безсчетно, виновато, благодарно.

– Прости. Прости! Я самъ не свой. Я гибну. Задыхаюсь.

– Скоро пріѣдутъ дѣвочки. И ты задышишь.

– Солнце! Какъ мнѣ искупить свой грѣхъ?!

Всталъ со стула. Аликсъ попятилась. Царь упалъ передъ ней на колѣни. Сталъ истово, размашисто креститься – какъ пьяный мужикъ тамъ, въ Дивѣвѣ, когда они обрѣтали мощи преподобнаго Серафима. Мужикъ, налившій зѣнки до краю, бухался о плиты храма лбомъ, раскидываль руки и все оралъ: «Господи! Всѣхъ възь! Господи! Варварушку! Митюшку! Еремушку! Возлюбленную Василису! Всѣхъ! Серафимушка! Верни! Верни! Верни, все отдамъ!» Мужика оттаскивали за плечи, за ноги отъ аналоя, отъ грознаго священника въ парчовой ризѣ, а онъ все билъ руками и ногами и все оралъ: «Верни! Верни!»

Крестился и рыдалъ. Вголосъ, не стѣсняясь. Поднималъ къ ней, какъ къ образу, искаженное лицо. Она ужаснулась: такъ онъ сталъ на себя не похожъ. А вотъ на того пьянаго, слѣпота отъ отчаянія, бородатаго, лысаго мужика – похожъ. Онъ все крестился и крестился, быстро, будто сейчасъ умереть и перекреститься опоздаетъ, задыхаясь, торопясь, словно опаздывающая куда-то туда, гдѣ рѣшается всеобщая, страшная судьба.

– Господи! Чѣмъ искуплю мой грѣхъ?! Что мнѣ сдѣлать для Тебя, Господи?! Какъ уга-

даю Твою волю? Да будетъ воля Твоя, а не моя, Господи! Все возьми... всѣхъ возьми... всѣхъ насъ возьми, я готовъ!.. но верни – Россію... Россію!

– Ники... я прошу тебя...

Она тоже упала на колѣни рядомъ съ нимъ и беспомощно хватала его горячими руками, похожими на двухъ тяжелыхъ и толстыхъ старыхъ змѣй, то за голову, за виски и уши, то за шею, то гладила по мятой пропотѣвшей гимнастеркѣ, то разстегивала пуговицу ворота, чтобы ему было вольготнѣй дышать, то обнимала, обматывала вокругъ него свои длинныя, сильныя, когда-то красивыя и тонкія, а теперь толстыя, съ висячей, выше локтей, дряблой кожей, руки и прижимала къ себѣ, къ своей груди такъ сильно, что изъ нея разомъ вылеталъ весь воздухъ, и ей казалось – она упала въ рѣку и тонетъ, – и она бормотала, шептала ему въ ухо, и его сѣдая спутанная прядь щекотала ей губы:

– Помогите намъ искупить вину, если она есть на насъ!.. Помогите намъ угадать Твою волю!.. Господи, любимый, золотой, не дай намъ сгинуть вмѣстѣ съ Россіей... пусть мы погибнемъ, а она будетъ жить... будетъ, будетъ!.. Господи, если суждено страдать – будемъ страдать! Господи... не покинь...

Они оба плыли въ широкой и бурной, холодной рѣкѣ, и оба хватались другъ за друга, и оба были другъ для друга широкими, пробковыми, крашенными красной и бѣлой краской – половина бѣлая, половина красная, – отчаянными спасательными кругами.

##

...Медленно тянулись дни. Въ темпѣ Adagio. Или даже Largo. Или даже еще медленнѣе – Grave. Царь сидѣлъ за столомъ и медленно, трудно писалъ дневникъ. Двѣ-три фразы – а сгибался надъ ними цѣлый часъ. И вѣдь такія простыя слова. Онъ не любилъ много словъ. Онъ вѣдь военный: шагомъ маршъ! И маршируютъ солдаты, а полковникъ стоитъ и глядитъ на нихъ. На тѣхъ, кто Россіи служить.

А сейчасъ солдаты – кому служить? Краснымъ владыкамъ?

Онъ раздумывалъ, и жизнь становилась медленнымъ, тоскливымъ размышленіемъ. А мысли вдругъ превращались въ медленныхъ змѣй. Подползали къ ногамъ, взбирались на колѣни, ползли по груди, обвивали шею. Душили. Онъ рвалъ ихъ съ шеи слабыми руками. Руки и вправду ослабѣли – здѣсь, въ Ипатьевскомъ домѣ, не было ни турника, ни гантелей; мышцы одрябли, и единственное, чѣмъ онъ спасалъ тѣло, это англійская гимнастика по утрамъ. Вставалъ съ постели, если была въ Домѣ вода, принималъ холодную ванну, крѣпко растирался – ложился на полъ – и начиналъ отжиманья. Отъ двадцати доходилъ до ста. Поднимался съ пола весь мокрый и красный, какъ послѣ бани. Аликсъ стаскивала съ него исподнее и обтирала его сухимъ полотенцемъ.

«Аликсъ, я агнецъ», – однажды сказалъ онъ ей. Хотѣлъ смѣшливо, а вышло серьезно. «А я тогда овечка?» – тоже серьезно спросила жена. «Не бойся, насъ не зарѣжутъ и не сварятъ. А что, если Лупоглазый правъ, и мы дѣйствительно заговорщики? Я же написалъ Элль, что мы ждемъ любыхъ хорошихъ новостей изъ Петрограда. Любыхъ! Это слово можно истолковать по-разному». Аликсъ напялила на него свѣжую сорочку, цѣловала въ затылокъ. «Я была бы только рада, если бы насъ освободили. Я вѣрю, есть офицеры... можетъ, они ходятъ рядомъ... Но какъ представлю Мурманскъ, и англійскіе корабли, и льды Баренцева моря, и...» – «Что?» – «Я не хочу уѣзжать изъ Россіи. Не могу. Все главное происходитъ здѣсь».

Набросивъ полотенце ему на шею, она садилась въ спальнѣ въ кресло-качалку. Очень любила она это кресло; мѣрно и тихо качаясь, она впадала въ странное и блаженное равнодушіе. Ей, въ креслѣ-качалкѣ, было все равно. Она скользила зрачками по замазаннымъ известью окнамъ и все считала ихъ – разъ, два, три, четыре окна. Четыре стороны свѣта. Четыре времени года. Четыре стороны креста. А православный крестъ восьмиконечный. Почему восемь? Перевернутая восьмерка – безконечность. Восемь – это, навѣрное, семь таинствъ, и восьмое, самое главное – Воскресеніе.

Четыре окна, бѣлая мгла. Сѣрый, мутный туманъ. Свѣтлый мракъ. Живая смерть. Смерть при жизни. Она такая спокойная, мутная, бѣлесая. Она – малярная кисть, обмакнутая въ ведро съ известью. Кресло, качайся, я еще разъ толкну тебя ногами. Подъ ногами – деревянныя салазочки, кресло качается, а ноги на салазочкахъ стоятъ; очень удобно. Не затекаютъ. Bravo тому, кто придумалъ качалку. Чувствуешь себя въ колыбели. Она забыла себя ребенкомъ. Какой она была ребенокъ? Бойкій? Угрюмый? Послушный? Строптивый? Не помнить. Качалка, туманъ и грезы. Она мечтаетъ. Сегодня – опять мечтаетъ. О чемъ? Голова обвязана мокрымъ платкомъ. Голова опять болитъ, но это теперь все равно. Она будетъ болѣть всегда. Надо полюбить свое страданіе, тогда оно перестанетъ быть страданіемъ.

Разъ, два, три, четыре окна. Четыре сестры, ея дочки. И пятый – ея мальчикъ. Онъ боленъ гемофилией, она подарила ему его смерть. Всѣ врачи, и Боткинъ тоже, говорятъ, что

мальчикъ не доживетъ и до шестнадцати. Мигрень, она прокалываетъ насквозь виски. Болитъ поясница, стрѣляетъ въ колѣнныя чашечки, и черный осьминогъ изъ глубины всплываетъ и поднимается къ головѣ, и плотно обхватываетъ ее щупальцами, и присасывается, и тянетъ изъ нея жизнь. Качалка качается, и она вмѣстѣ съ ней, и она уже не боится сидящаго на головѣ осьминога. А онъ вовсе не черный, а красный. Онъ насосался ея крови. Сколько крови она промакивала стерильной ватой, когда ухаживала за ранеными! Сколько крови – въ операционной – подтирала мокрой тряпкой! А потомъ опять тщательно мыла, терла руки подъ мраморнымъ больничнымъ рукомойникомъ и вставала къ операционному столу. И снова текла эта кровь. Рѣка крови. Она властно приучила себя не терять чувства при видѣ крови. Сердито говорила себѣ: это просто кровь, и въ тебѣ она течетъ – точно такая же!

Качаясь, она беретъ въ руки книгу. Житіе преподобнаго святого нашего Серафима Саровскаго. Онъ все сказалъ ей, Серафимушка. Все предсказалъ. Такъ что волноваться? Назначенное да сбудется. Качайся и читай вслухъ, у тебя это хорошо получается. Ты даже писать умѣешь по-церковно-славянски; и, хоть тебѣ это трудно, невозможно, но ты дѣлаешь это. Ты всегда любила дѣлать невозможное; дѣлать то, что выше твоихъ силъ. А теперь силы растаяли. Онѣ исчезли въ бѣломъ туманѣ.

Бѣлый туманъ. Вотъ и кончилась святая книга. А теперь что мы будемъ дѣлать, мигрень? Мигрень, мы будемъ вышивать. А вотъ и пяльцы. Она на Пасху начала новое рукодѣліе. Синяя птица, и въ хвостѣ – золотые глаза, и на головѣ корона изъ перьевъ; это павлинь, онъ сидитъ, вѣспился въ вѣтку, а на вѣткѣ расцвѣтаетъ большая алая роза. Вышиваетъ гладью, и плотно, густо ложатся стежки. Нить превращается въ царскую птицу. Нѣтъ, ну его, вышиванье! Глаза утомляются и болятъ. Мигрень, давай-ка лучше порисуемъ! Не вставая съ качалки, взять съ тумбочки маленькій рисунокъ. Онъ не законченъ. На немъ – голова ея сына.

Ихъ сторожать. Но все равно не устерегутъ. Она грезить о побѣгѣ. Ей чудятся кони, храпящіе у крыльца; и возокъ; и офицеры въ плащахъ. Охрана выбѣгаетъ и палитъ имъ вслѣдъ, да поздно – кони скачутъ во весь опоръ. Они думаютъ, они такіе простые! Наивные! О нѣтъ, они очень умные, мудрые. Они все тщательно продумаютъ. Никто и ничего и никогда не узнаетъ. Соберутся, сложатъ вещи. Перекрестятся, когда услышать свистъ за окномъ.

Они говорятъ, она слышала: царь на царя непохожъ, вродѣ какъ нашъ, мужикъ, солдатъ бородатый, даромъ что полковникъ. И рожа такая простецкая. И бороду не подстригаетъ, торчитъ она лохмами. А про нее такъ шепчутъ: злая, жестокая! Не злая и не жестокая, а строгая. Дисциплины нѣтъ. Все развалили. И армію тоже. Развѣ это солдаты? Это же не солдаты. Это слюнтяи. Курятъ, пьютъ, сквернословятъ. Солдатушки, бравы ребяташки, гдѣ же ваша слава?

Качалась. Напѣвала. Прижимала руку ко лбу и стонала отъ боли.

Наша слава... русская держава... вотъ гдѣ наша... слава...

Другъ, Григорій, приди, спаси, защити. Покачай меня въ колыбели. Утѣшь сына моего. Избави отъ боли, страданій, печали и воздыханій, но даруй жизнь безконечную. Это моя молитва? Я сама сочинила? Нѣтъ, это вѣчная молитва. Такъ всѣ русскіе люди молятся. И я русская. Я всегда была русской. Я русская, и я люблю Россію, и вотъ она горитъ, горитъ ея сѣверъ, горитъ югъ, пылаетъ западъ, въ огнѣ востокъ, а я все равно люблю ее. Все равно.

##

– Родная, знаешь, мнѣ кажется, времени нѣтъ.

– Какъ нѣтъ?

– Ну вотъ такъ. И часто кажется – нѣтъ и пространства.

– Милый, а гдѣ же тогда живемъ всѣ мы? И почему – живемъ?

Николай отодвинулъ тетрадь. Промокать написанное не стали: чернила сами сохли.

– Ты замѣтила, что мы живемъ только сейчасъ? Сію минуту?

– Да... это такъ. Но у насъ есть прошлое!

– Аликсъ, прошлаго для насъ нѣтъ. Ты можешь его потрогать? Пошупать, вдохнуть?

Царица стояла за спиной мужа и нѣжно перебирала его волосы на затылкѣ.

Кровь отлила отъ ея лица. Она это поняла по круженію головы. Хорошо, что на столѣ нѣтъ зеркала и онъ не видитъ ея блѣдности.

Она вспомнила, какъ жгла въ каминѣ свое прошлое.

Все. Безъ остатка. Тамъ, во дворцѣ. Дворецкій разжегъ каминъ на славу. Дрова полыхали. Въ креслѣ – изваяніемъ – сидѣла Лили День и безмолвно смотрѣла, какъ царица бросаетъ въ огонь свои давніе дни.

Дѣвичьи дневники. Дорогія записки. Засохшіе цвѣты. Милыя бездѣлушки. Вотъ эту

тряпичную розу Ники ей подарилъ, когда вернулся изъ Японіи. А вотъ бумажный голубокъ, его сдѣлала малютка Оличка и подарила ей на Благовѣщеніе.

И письма, письма. Всѣ ея письма и всѣ письма къ ней. Письма Распутина. Письма кайзера Вильгельма. Письма Эллы и покойнаго ея мужа Сергѣя. Письма Иоанна Кронштадтскаго.

Лили, я не могу! Что не можете, ваше величество? Я не могу сжечь нашу съ Ники переписку. У меня – рука не поднимается! Такъ не жгите. Помолитесь и спрячьте. Значить, такъ хочеть Богъ. Да, такъ хочеть Богъ.

– Нѣтъ. Не могу.

Горять родныя слова. Горять улыбки. Горять любимыя руки. Горитъ записка, гдѣ Другъ буквами величиною съ цѣлый домъ, криво и косо и смѣшно, царапаетъ: «Я ПОМОЛИЛСА ЗА МАЛЕНЬКАГО ОНЪ БУДИТЬ НЫНЧЕ ЗДАРОВЪ. ГОСПОДИ ИСУСЕ ХРИСТЕ ЗАЩИТИ НЫ!».

– Вотъ и я не могу. И – никто не можетъ. Такъ гдѣ же прошлое?

Руки остановили ласку.

– Не знаю... У Бога. На небесахъ.

– Все на небесахъ. Мертвые – въ могилахъ, а все равно на небесахъ. Время – на небесахъ. Сожженные усадьбы, убитые люди – на небесахъ. Земля сама летитъ въ небесахъ. Съ опредѣленной скоростью, ее давно вычислили.

– Но у насъ есть будущее.

Голосъ царя звучалъ совсѣмъ слабо:

– Нѣтъ. У насъ нѣтъ будущаго.

– Но почему?

Сказала – однимъ дыханіемъ.

– Потому что съ нами нашъ мигъ. Вотъ онъ. Вотъ! Поймалъ! А онъ уже улетѣлъ. И налетѣлъ новый мигъ. Другой. Все другое. И кто скажетъ: прошлое ли онъ или уже будущее?

Она едва дышала, а онъ, сидя къ ней спиной, затылкомъ, напротивъ, говорилъ ясно, твердо и четко, по-военному, какъ команду, почти жестко.

– Нѣтъ...

– Да. Есть только счастье сіюминутное. Мгновенное. Въ этомъ мгновеніи – весь міръ. И всѣ его вчера, и всѣ его завтра.

– Постой... какъ это у Блейка... «о вѣчность, ты въ одномъ мгновеньѣ?..»

Онъ услышалъ уже плачущій, задыхающійся голосъ. Рѣзко обернулся на стулѣ. Поцѣловалъ одну руку жены, другую.

– Прости, я обидѣлъ тебя.

– Нѣтъ. Какъ можешь такъ думать.

– Я знаю.

Встала. Крѣпко обнялись. Отъ Аликсъ пахло вербеной.

– Но почему же... – она проглотила слюну. Прижалась щекой къ его бородастой щекѣ. – Почему Богъ попускаетъ зло?

Царь обнималъ ее и молчалъ. Вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Какъ подранокъ.

– Видишь, что творится... Россію убиваютъ... И Богъ – смотреть на все это съ небесъ? И не остановить? Не прекратить разомъ? Вѣдь мы такъ Ему молились... я – молилась...

– Это вѣчная теодицея, – царь вздохнулъ такъ глубоко, что она испугалась – выдержать ли напоръ воздуха легкія. – Богъ – это не благодный ангелочекъ. Ты помнишь, какъ Онъ плетью выгналъ торжниковъ изъ храма?

– И красную нечисть выгнать? Да? Да?

Царица отпрянула отъ мужа, искала глазами глаза.

Онъ погладилъ ея лобъ, виски, поцѣловалъ одинъ глазъ, второй. Ея рѣсницы защекотали ему губы.

– На все Его воля. Можетъ-быть, красные посланы намъ въ испытаніе. Чтобы провѣрить насъ на прочность... на стойкость. Чтобы мы вкусили бѣду, тогда ярче и полнѣе будетъ радость.

– Да! Да!

– Солнце, а ты могла бы ихъ простить?

Теперь она задрожала въ его рукахъ. Онъ все еще не выпускалъ ее.

Будто выпустить – и все: утонетъ, какъ корабль.

За нее – держался.

Аликсъ нахмурилась.

– Такъ я... стараюсь... каждый день... молиться за нихъ и прощать...

Онъ опять припалъ къ ней. Щеки соприкасались. Сонныя артеріи быстро, судорожно толкали кровь, бились на слипшихся шеяхъ.

– Это хорошо. Хорошо. Прощай ихъ. Молись за нихъ. Всякая молитва дойдетъ до Госпо-

да. Самая наималѣйшая. А мы цари.

– Мы уже не цари.

– Но надо всѣхъ прощать.

– Заранѣе?

– Всегда.

– Я стараюсь.

– Но вотъ я воеваль. И я – убиваль. И вель солдатъ на смерть. Во имя Бога я это дѣлаль?

Или не во имя?

– Боже. О чемъ ты. Ты защищаль свою страну.

– Значить, Богъ – не агнецъ, а воинъ. Онъ – съ мечомъ.

– Война – тоже дѣло Божіе, если она праведна.

– А революція? Что, если революція вымететь изъ дома весь мусоръ?

– Но я не мусоръ. И дѣти наши не мусоръ. И жизнь людей не мусоръ.

– Жизнь сплетниковъ, что отравили жизнь намъ, вотъ мусоръ. Или ты не помнишь, какъ тебя въ Петроградѣ травили? Да по всей Россіи.

Говорили, тѣсно обнявшись, торопливо, слишкомъ тихо, боясь не успѣть, а вдругъ не выскажутъ всего, тайнаго, больнаго, самаго главнаго.

– Помню. Значить, принять Бога суроваго?

– Да. Принять. Онъ одинъ. И мы Его дѣти.

– Но Онъ казнить своихъ дѣтей.

– Саранча тоже летѣла на поля и пастбища Египта. И дѣти Риццы погибли, и она бѣгала возлѣ нихъ, распятыхъ, съ пучкомъ розогъ и отгоняла воронъ, чтобы не выклевали дѣтямъ глаза. И Самсонъ побилъ несмѣтно филистимлянъ ослиною челюстью. И Юдиѣ отрубила голову Олоферну. Богъ проливаль океаны крови. Но Богъ и милостивъ.

Вотъ теперь, держа за плечи, отодвинулъ ее отъ себя. Глаза его, съ прозрачными сѣрыми радужками, горѣли ясно и чисто, будто онъ только-что умылся.

– Вотъ. А ты говоришь – Богъ суровъ.

– А ты говоришь – теодицея.

Оба тихо, прозрачно засмѣялись.

Хотя не до смѣха было.

Каждый смѣялся, утѣшая другого.

...а еще царь не разъ говорилъ женѣ, то ли внушая ей это, то ли утѣшая, то ли самъ себѣ зубы заговаривая: вотъ они всѣ, какъ заведенные, твердятъ – пролетаріи, пролетаріи, но, милая, въ Россіи же никогда не было никакихъ пролетаріевъ, русскій пролетарій – это чушь, химера, это просто морокъ, его нѣтъ и не было, его выдумали, да кто угодно: эти бородачи Марксъ и Энгельсъ, этотъ полоумный Плехановъ, и этотъ... этотъ... какъ его... съ волосами какъ осьминожки шупальца... а!.. Троцкій... а у насъ – въ Россіи – всякъ, кто трудится въ городѣ, всякій заводской рабочій, всякій халдей въ рестораціи, всякая горничная у барыньки, любой садовникъ, любой банщикъ, любой послѣдній подметала въ нумерахъ и дворникъ съ метлой и лопатой – всѣ связаны съ деревней, у всѣхъ корни – на селѣ! Въ землѣ – корни! Россія – земельная страна, крестьянская земля! И никогда никакому крикливому Ленину не побороть русскаго мужика! Не свернуть ему шею, вѣдь онъ силенъ какъ быкъ! Весь этотъ большевизмъ какъ вспыхнулъ, такъ и погаснетъ. Причемъ только въ городахъ. Деревню ему никогда не одолѣть. Милая, говоришь, всѣ наши красные солдаты, вся наша охрана – изъ деревень? Что жъ, можетъ, ты и права. Но это тѣ, кто изъ нея удраль, кто соблазнили безнаказанными грабежами и убійствами. А тѣхъ, кто остался на землѣ, все равно больше. Все равно! Я – вѣрю въ это!

...и царица слушала, кивала, качала головой, вродѣ бы одобряя и вродѣ бы не соглашавься, – и, умолкнувъ, онъ не зналъ, что еще говорить; онъ бралъ ея руку, рука пахла вербеной, кислой капустой и зубнымъ порошкомъ, и цѣловаль уже натруженные, какъ у пролетарки, съ набрякшими узлами вень, любимыя руки.

...Царица сидѣла съ ногами на кровати, прикрывъ ступни этимъ позорнымъ, драненькимъ одѣялишкомъ, и читала письмо изъ Тобольска. По мѣрѣ чтенія тонкія, изогнутыя ея брови сдвигались къ переносицѣ. Царь лежалъ рядомъ, вытянувъ ноги, въ исподнемъ, по-верхъ одѣяла.

– Ты не мерзнешь, Sunny?

Александра ласково ущипнула мужа за кончикъ носа.

– Нѣтъ. Отъ кого письмо?

– Отъ Лизы Эрсбергъ.

– О чемъ пишетъ?

– О нашихъ лѣкарствахъ.

Глаза царя сверкнули, словно двѣ блесны подѣ толщей быстрой холодной воды.

Лѣкарства, этимъ словомъ они смѣшно, по-дѣтски обозначили ихъ фамильныя сокровища.

Такъ и называли драгоценности – и въ письмахъ, и въ разговорѣ; во всѣхъ красныхъ домахъ стѣны имѣютъ огромныя красныя уши.

– И что?

– Просить, чтобы мы оставили всѣ флаконы и пилюли въ Тобольскѣ. Пишетъ, что... въ дорогѣ лѣчебныя свойства могутъ вывѣтриться, ибо не всѣ пузырьки... плотно заткнуты пробками... И вотъ еще... – прочитала, слегка запинаясь: – «Наслѣднику Цесаревичу въ любой моментъ могутъ понадобитсяъ снадобья и притирания, а также компрессы и чистый спиртъ. И, если поднимется жаръ, безъ пилюль мы не обойдемся. Настоятельно прошу Васъ, Ваше Величество, подумать и не лишать насъ Своимъ Августѣйшимъ приказомъ столь необходимыхъ для Наслѣдника и Великихъ Княжонъ лѣкарствъ». А? Какъ тебѣ?

Царь вытянулъ по одѣялу ноги, закинулъ за голову руки и сладко, долго потянулся.

– Ники! Какъ можно быть такимъ безмятежнымъ!

– Мятежными пусть будутъ мятежники. Дай письмо.

Царь взялъ листокъ и бѣгалъ по нему глазами.

– Ну и почеркъ. Или это я сталъ слабо видѣть?

– Лиза всегда такъ пишетъ.

– Ну давай подумаемъ. Можетъ, и правда оставить?

У царицы руки крупно колыхались. Она выдернула бумагу изъ рукъ царя.

– Лиза очень просить. Умоляетъ. Они всѣ просятъ. Они говорятъ – здѣсь, на Уралѣ, очень страшно. Лѣкарства могутъ разбить... испортить. Вылить изъ флаконовъ и налить, представь, яду! Лиза пишетъ: тамъ у васъ обыски...

Тыкала въ хрустящей въ рукахъ царя листокъ узкимъ властнымъ пальцемъ.

– Я все равно прикажу ей! Все равно!

Отбросила одѣяло. Гнѣвно вскочила съ постели.

– А ты лежишь!

Царь смѣялся.

– Душка, ты такой мнѣ нравишься. Нравилась всегда. Ты такая хорошенькая, когда сердишься.

Дряблый подбородокъ царицы чуть колыхнулся. Она отвернула голову, и царь видѣлъ, какъ ея маленькое ухо обкручиваетъ, обвиваетъ кольцомъ сѣдая прядь.

– Дѣлай что хочешь! Съ лѣкарствами – это твое рѣшеніе. Я полагаюсь на тебя.

Царица неожиданно быстро встала передъ кроватью на колѣни и покрыла мелкими, дѣтскими поцѣлуями голову и грудь царя.

– Спасибо, спасибо тебѣ! Но я, нѣтъ, не буду рѣшать, не я. Мы – оба! Какъ ты скомандуешь, такъ и будетъ!

Царь, продолжая улыбаться, махнулъ рукой:

– Выполнять приказъ!

Когда жена сѣла за столъ и окунула перо въ чернильницу, улыбка быстро сошла съ его лица.

Она писала, ея плечи шевелились; шевелились, сходились и расходились лопатки подѣ сѣрымъ шерстянымъ лифомъ, а онъ все смотрѣлъ ей въ спину, смотрѣлъ тяжело и долго, безконечно смотрѣлъ. Потомъ глаза устали и сами закрылись. Задремаль.

А она все сидѣла за столомъ и быстро писала, и такъ же быстро шептала:

– Свобода – это право и счастье всѣхъ... я вѣрю, что красныя комиссары все поймутъ и отпустятъ насъ на свободу... мы вѣрные граждане своей страны... мы служили ей вѣрой и правдой... грядетъ счастье... надо вѣрить въ лучшее... лѣкарства всегда нужны, они всегда должны быть подѣ рукой... мы должны быть всегда здоровы, это угодно Господу... только у-па-куй-те флаконы какъ можно тщательно... чтобы не пролилось ни капли... особенно тѣ лѣкарства, которыя необходимы Наслѣднику... и только не пе-ре-пу-тай-те...

За свѣтлымъ, обласканнымъ солнцемъ стекломъ не видно ничего, кромѣ бѣлаго зимняго тумана. Метель весной. Известковая слѣпая метель. Снѣгъ залѣпилъ окна, и они вродѣ какъ въ Тобольскѣ, и еще будетъ, только будетъ Христово Рождество.

##

Глубокой ночью, въ Тобольскѣ, въ Губернаторскомъ домѣ, творилось священнодѣйствіе. А впрочемъ, обычнѣйшее изъ обычныхъ дѣлъ. Женщины шили.

Со стороны – распахнута дверь – сидятъ дѣвицы и шьютъ; но отчего посреди ночи?

А имъ такъ захотѣлось. Днем – выпались.

Лифы и буфы. Струятся складки. То холстина, то шерсть, то шелкъ. А вотъ даже бархатъ подвертывается подъ руку. Самъ такъ и лѣзетъ. Пришей меня! Ушей меня!

А если охрана спроситъ, что онѣ тутъ дѣлаютъ?

Можно быстро отвѣтить: мы хотимъ завтра одѣться во все новое, намъ старое надоѣло.

А можно и такъ: Настѣ приснился сонъ, а онѣ вѣщій, вѣдь нынче ночь съ четверга на пятницу; и сонъ такой – мы всѣ сидимъ и шьемъ. И иголки мелькаютъ въ рукахъ. Узкія стальныя молніи во мглѣ.

Какая мгла, мы же вонъ – на столѣ – свѣчку жжемъ!

При свѣчкѣ не увидишь, куда иглу втыкаешь. Эй, охрана, зажечь свѣтъ!

Настинька, что ты такъ кричишь-то, тебѣ привидѣлась охрана. Они ночью не придутъ. Спокойно шей. Я спокойно шью, Таточка. Я только не знаю, куда... вотъ этотъ...

А, этотъ! Вотъ сюда. Давай покажу. Вотъ такъ.

А эту... пуговицу куда, Тата?

Оличка, думаю, вотъ сюда. И къ ней... рядомъ... давай еще одну...

...Ночь только кажется огромной. На самомъ дѣлѣ она идетъ, и проходитъ уже. И онѣ должны успѣть. Онѣ нынѣшней ночью, впятеромъ – Лиза, нянька Саша, Тата, Настя и Ольга – зашиваютъ всѣ драгоцѣнности, что они увезли съ собой изъ Петрограда, въ одежды великихъ княжонъ. Работы много. Бриллианты, сапфиры, изумруды, жемчуга, золото надо спрятать искусно. Защитъ подъ подкладки, вшить въ лифы платьевъ, съ испода корсетовъ, обшить камни холстиной, превратить ихъ въ пуговицы.

Татьяна дирижируетъ этой ночью. Ночь – оркестръ. Драгоцѣнности – ноты. Иглы и нитки – скрипки и виолончели. И поютъ, вздрагиваютъ голоса, исполняя не разученныя никогда еще партіи.

– Прячь лучше... все видно...

– Вотъ прекрасный лифъ. Давай... вотъ тебѣ подкладка... я сама вырѣзала...

– Бери скорѣй. Самый крупный...

Огромный алмазь перетекъ изъ дрожащихъ пальцевъ Насти въ пальцы Лизы Эрсбергъ.

– А сами не можете, ваше высочество?... ладно, давайте...

– Ольга. Держи. Не вырони. У тебя руки трясутся.

– Это у тебя трясутся.

– Не возводи на меня поклепъ.

– Ваше высочество, дайте я.

– Сашинька!.. какая ты добрая.

– Тутъ была пуговица зеленая... зеленая...

– Изумрудъ, что ли?... это папа подарилъ мама на свадьбу...

– Тихо... не ори...

– Я развѣ ору...

Руки ходятъ, передаютъ другъ другу камни, золото высверкиваетъ яркой спинкой ящерицы. Камни холодные. Ихъ только-что достали со дна рѣки. Со дна жизни. Ихъ обтекала кровь, какъ вода. Ихъ цѣловали и ранили себѣ губы; да все въ прошломъ. Дѣвочки, а что съ нами было въ прошломъ? Кто помнить? Не будемъ про прошлое. Давай лучше про будущее. Давай! Намъ скоро освободятъ. Вотъ тамъ, куда мы ѣдемъ. Мама сказала, есть отрядъ вѣрныхъ офицеровъ. Тата, Таточка, а ты правда вѣришь въ это? Тише!

Нянька Саша Теглева сидитъ спиной къ закрытой двери. У Сашиньки очень широкая спина, и стулъ къ двери стоитъ слишкомъ близко. Когда, не дай Богъ, будутъ открывать – наткнутся на стулъ и открыть не смогутъ. Пока будутъ возиться со стуломъ – дѣвочки все успѣютъ спрятать. А если они захотятъ обыскать?

– Душки, а можетъ, запереться?

– Настя, Родионовъ же позавчера сбиль съ двери защелку.

– А ты дѣлай такъ: бери холщовый лифъ... вотъ... камни насыпай въ лифъ платья... вотъ такъ... накладывай холстъ... и зашивай, вотъ такъ, аккуратненько, по бокамъ... а потомъ прошей насквозь, простегай, ну, какъ одѣяло...

– Вотъ такъ?..

– Да, миленькая, именно такъ... У тебя – получается...

Вѣтеръ, вѣтеръ. Стекла въ окнѣ трясутся. Души трясутся. Но души – не зайцы. И не должны подгибать лапки. Ихъ мама смѣлая. Смѣлыми стануть и онѣ. Да уже стали. Цесаревичъ въ своей комнаткѣ спитъ спокойно, не стонетъ. Сегодня воистину спокойная ночь.

– Лиза!.. кажется, кто-то идетъ. Шаги по коридору!

– Никого... тебѣ почудилось...

Опять шьютъ, кладутъ, обкладываютъ тканью, зашиваютъ по краю, по краю.

Игла прокалывает жизнь по краю. По краю.

И онъ, вмѣстѣ съ иглой, тоже идутъ по краю. Онъ – живыя иглы и тянуть за собой черную нить времени.

Въ окно, какъ въ зеркало, глядится густо-синее небо съ крупными сибирскими звѣздами. Небо само себѣ нравится. Анастасія вскидываетъ отъ шитья лицо. Лицо цвѣта гимназическаго мѣла, нехорошо дѣвчкѣ не спать въ это время; если не спишь въ два часа ночи, то и не заснешь до утра, говоритъ мама. Но сегодня такая ночь. Она слишкомъ важная. Мама все правильно рѣшила. Это драгоценности короны. Скоро комиссаровъ прогонять чудесные бѣлогвардейскіе отряды, великіе герои, и снова наступить... на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ... благоволеніе...

– Таточка...

– Что?.. тише...

– А мама мнѣ говорила: нельзя причинять боль никакому живому существу...

– Все вѣрно говорила... шей...

– Она говорила: каждый цвѣтокъ, каждый лепестокъ чувствуетъ боль... и ужасъ... и даже камень – чувствуетъ... А наши камни – чувствуютъ?.. вотъ они сейчасъ боятся, когда мы ихъ куда-то въ темноту зашиваемъ... какими-то нитками... они тоже живые?..

– Шей, Стася... все – живое...

– А животные?..

– Что – животные?..

– Мы же ихъ убиваемъ... а потомъ ѣдимъ... имъ тоже больно...

– Всѣмъ больно...

– Оличка, я знаю, что всѣмъ... а что, если вообще не жрать мяса?..

– Настя, не жрать, а ѣсть... Настя, мы же не ѣдимъ мяса въ постъ...

– Постъ – проходить... и потомъ опять мясо...

– Лиза! Подай мнѣ вонъ то ожерелье.

– Длинное, жемчужное?..

– Да... въ немъ мама была... на коронаціи...

– Господи, какое красивое... я будто вѣкъ не видала всѣ наши драгоценности...

– Ну вотъ смотри и запоминай...

– Да я и такъ все помню...

– Мама сказала: кто изъ васъ первой будетъ выходить замужъ – той и подарю жемчуга...

– Ой, тогда я – первой выйду!..

– Настинька, сначала жениха заведи...

– Саша! Знаешь что... встань... и пересядь на кровать, къ намъ... а сама ножку стула – въ ручку двери воткни... такъ надежнѣе...

Нянька Теглева встала и послушно исполнила приказаніе Ольги. Перевернула стулъ и продѣла ножку въ дверную мѣдную, сто лѣтъ не чищенную ручку. Осторожно присѣла на край кровати.

– Насъ всѣхъ здѣсь много... я кровать продавлю...

– Не бойся, ты худенькая. Не продавишь...

Рубины. Вотъ этотъ – изъ Индіи. Подарокъ англійскаго короля Георга. Колье королевы Викторіи. Ожерелье покойной матери Аликсъ, ихъ бабушки, ее онъ никогда не знали – она въ могилѣ. Жемчуга, розовые, черные и желтые, добытые со дна моря, это папа привезъ изъ Японіи, какая сказочная страна, тамъ женщины ходятъ въ деревянныхъ сандаляхъ и въ кимоно, и на спинѣ завязываютъ огромный бантъ, онъ похожи на тропическихъ бабочекъ. А вотъ и золотая бабочка, въ размахъ крыльевъ вставлены крупные и мелкіе сапфиры. Тоже Индія? А можетъ, Африка? Драгоценности – это весь міръ. Вотъ онъ, весь на ладони, передъ тобой.

И рассыпался, раскидывался вдоль по кровати, по сматымъ простынямъ, весь міръ – алмазы и рубины, кровь и слезы, крики задыхающихся отъ газовъ на военныхъ поляхъ, ругань въ окопахъ, тусклый стальной блескъ угрюмыхъ танковъ, медленно падающей съ брестера офицеръ, солдаты въ грязи, стонущіе, тянущіе руки: больно! больно! спасите! – жемчуга стерильныхъ бинтовъ, опалы марли, хрустальные друзья госпитальной ваты, парча хирургическихъ повязокъ, и вотъ, страшно улыбаясь, обливаясь кровью рубиновъ и яшмы, турмалиновъ и коралловъ, встаетъ убитый человѣкъ, а у него вмѣсто сердца – сквозь рѣшетки, прутья реберъ – горитъ свѣча, и огонь падаетъ на непролазную грязь, на столбовую дорогу, на стонущихъ, умирающихъ отъ взрыва, на разстрѣлянныхъ во рву, – драгоценности, вотъ онъ – свѣчи уже въ рукахъ людей, ихъ толпа, они идутъ, да не въ храмъ, а мимо храма, за сумасшедшимъ человѣкомъ, онъ такъ страшно, надсадно кричить, вопить: за мной! я дамъ вамъ счастье! а всѣхъ, кто не съ нами, мы убьемъ! – и лысая его голова сверкаетъ гладко обточеннымъ кабошономъ, и внутри чудовищной лысины, въ

ея блѣдномъ опалѣ, перекатывается огонь красной крови, ея несгораемый, неопалимый сгустокъ, – умирають цари, надъ ними поють панихиду, надъ ними кадятъ и зажигаютъ всѣ, всѣ до одной, золотыя свѣчи на гигантскомъ небесномъ паникадилѣ, оно размахнулось во все звѣздное весеннее небо, это Пасхальное золото, и это кровью красятъ яйца, это не яйца искусника Фаберже – это то алое яйцо, что несчастная Магдалина поднесла на голой ладони надменному императору Тиберию, поцѣловала и поднесла, – это все было еще до раскола, еще до Иоанна Грознаго, еще до князя Олега и княгини Ольги, еще до скорбныхъ бездонныхъ иконъ Византіи, – такъ давно, что люди уже забыли, какъ это было, а драгоценности вотъ не забыли, онѣ, живыя, весь путь прошли, катились по землѣ и катились, и переступали босыми, въ мозоляхъ, ногами каторжанъ, и звенѣли серебряными кандалами, они только прикидывались чугунными, и захлестывали живыя шеи золотыми веревками, онѣ лишь притворялись пеньковыми, – а сокровища все вспыхивали, все обжигали руки и сердца, блестя въ ртахъ вмѣсто зубовъ, торчали подо лбами вмѣсто глазъ, бросали ихъ въ печь вмѣсто чернаго древняго угля, лопатой гребли изъ отхожаго мѣста, грузили на телѣги и выкидывали на свалку вмѣстѣ съ робронами на китовомъ усѣ и фламандскими кружевами, – а они все катились и катились изъ тьмы, изъ смерти, изъ прошлаго, и надъ ними впору было стоять со свѣчей и пѣть ирмосы и тропари, а Кто тамъ стоитъ, улыбаясь во все драгоценное лицо?.. воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправь... и сушимъ во гробѣхъ... животь даровавъ...

Да это не человекъ! Это свѣча! Это... драгоценность...

– Таточка, у тебя нитка порвалась... и запуталась... давай я вставлю.

– Спасибо, душка, я сама.

– Тебѣ плохо видно. Свѣча догораеть.

– Свѣча?.. да, и правда...

– Правда?..

– Все, все правда...

– И то, что мы сидимъ и шьемъ здѣсь, тоже правда?

– Да.

– А я думала, мнѣ все это снится...

Катится круглый теплый жемчугъ подъ ихъ еще дѣтскіе пальцы. Нѣтъ прощенія. И нѣтъ возврата.

Подъ столомъ перевернулся и во снѣ взлаялъ ихъ любимый спаниель.

– А рубинъ похожъ на кровь, Тата.

– Настя, что ты болтаешь.

– Дѣвочки... дѣвочки... умоляю, тише...

# #

...Татьяна грѣла руки подъ мышками. Анастасія насмѣшливо бросила:

– Хочешь, выну тебѣ изъ баула зимнюю муфточку?

– Отстань! – сначала бросила въ отвѣтъ Татьяна, а потомъ миролюбиво добавила:

– Не сердись, я нарочно. Спасибо. Не надо.

Съ парохода на желѣзнодорожный вокзалъ ихъ опять везли въ этихъ кургузыхъ сибирскихъ возкахъ. Они маленькіе, верхъ хиленькій, изъ тонкой ткани, напоминають не телѣгу, а пролетку, и трясутся, Боже мой, такъ трясутся на мостовой! А на дорогѣ въ распутицу – такъ просто валяются на-бокъ. Сколько разъ эти клятые возки переворачивались въ пути! И ржали лошади, и красноармейцы выгоняли сестеръ на снѣгъ, и дядька Нагорный ласково бралъ на руки братика – а ну какъ зашибется, отъ матери нагоняй, лѣчоба безконечная, и слезъ не оберешься.

– Таточка, ты держись за меня и не упадешь.

– Съ чего ты взяла, что я упаду!

И опять эта свѣтлая, какъ молодой мѣсяцъ, улыбка.

– Стасинька, прости, если я тебѣ грублю. Я въ этомъ Тобольскѣ какъ-то огрубѣла.

Анастасія взяла холодныя руки сестры въ свои. Возокъ колыхался студнемъ, кони тащились въ гору.

– Ерунда. Не думай ни о чемъ плохомъ! Тутъ и такъ все плохое вокругъ.

Она фыркнула.

– А Сибирь? Развѣ она плохая? Она-же очень красивая. Я рада, что я увидела ее. А то смотришь на картѣ: Сибирь, Сибирь, а тамъ все зеленымъ закрашено, это могучіе лѣса.

– Таточка, а мы что, теперь уже не цари?

– А ты сама какъ думаешь, кто мы?

– Таточка, а ты кѣмъ хочешь стать, когда вырастешь?

– Пианисткой.
 – О-о-о! Какъ это красиво. Но это-же надо такъ много заниматься на рояли!
 – Да, надо. Работать надо вездѣ и всегда.
 – А я думала, ты хочешь стать врачомъ. Какъ нашъ докторъ Боткинъ.
 – Почему это?
 – Ну ты же работала сестрой милосердія.
 – Но и ты тоже. И всѣ мы. Была война.
 – У тебя такъ хорошо получалось перевязывать раны. И накладывать мази. Раненые говорили: мнѣ не больно, не больно! А сами бѣлые какъ мѣль лѣжатъ. И чуть не орутъ. Отъ боли.

– А ты кѣмъ хочешь стать, Настюша?
 Возокъ сильно накренило, и онѣ завизжали и вцѣпились другъ въ дружку.
 – Вотъ, я говорила, держись за меня! Я хочу стать цирковой артисткой. И ходить по проволочкѣ! И чтобы всѣ, всѣ на меня смотрѣли!
 – Охъ, Stasic... – Татьяна подоткнула кудри подъ фетровую шапочку съ темной вуалькой. – Ты такъ себя любишь?

– Нѣтъ, нѣтъ! Наплевать на меня! Я васъ, васъ всѣхъ люблю! Насъ...
 Въ возкѣ впереди катили матросъ Нагорный, цесаревичъ и Ольга.
 Солнце насквозь пробивало лучами Ольгины сѣроголубые глаза, и они свѣтились изнутри. Вотъ они плыли на пароходѣ – уже свобода. Вотъ они катятъ въ этихъ дурацкихъ крохотныхъ, какъ для куколь, телѣгахъ – свобода! А сейчасъ будетъ вокзалъ, и поѣздъ. И свобода нестись по гладкимъ безконечнымъ рельсамъ вдаль, все вдаль и вдаль. На невѣдомый Уралъ. Они увидятъ Уралъ! И это – свобода. А Домъ? Гдѣ они будутъ жить. Что Домъ? Домъ – тюрьма? Но вѣдь жизнь – свобода.

...Не ври себѣ, Ольга, мать тамъ плачетъ... писала вѣдь: окна закрасили бѣлой краской...
 ...За телѣгами съ царскими дѣтьми ѣхали возки съ челядью.

Бывшая гофъ-лестриса, старая Шнейдеръ, ѣхала вмѣстѣ съ камеръ-фрау Тутельбергъ. Фрейлина Гендрикова – съ баронессой Буксгевденъ и нянькой Теглевой. Служанка, дѣвица Эрсбергъ, тряслась рядомъ съ Пьеромъ Жильярромъ и камердинеромъ Гиббсомъ. Генераль-адъютантъ Татищевъ – съ лакеемъ Трупомъ и поваромъ Харитоновымъ, и у ихъ ногъ, на пучкѣ сѣна, примостился поваренокъ Ленъка Сѣднень. Поваренокъ Сѣднень, пока ѣхали, то-и-дѣло поднималъ голову и спрашивалъ, глядя въ скорбныя лица сѣдоковъ:

– А когда въ поѣздъ сядемъ, я съ его высочествомъ смогу поиграть?
 Татищевъ наклонялся къ мальчишкѣ, опускалъ ему картузь на носъ:
 – Ну конечно! Кто жъ спорить! Еще досыта наиграетесь!
 ...Время то пласталось, прислоняясь, притираясь къ землѣ, то поднималось высоко и разслаивалось, превращаясь въ облака, въ лужи, въ крыши, въ людской говоръ, во всю немовѣрную даль пространства.

– Все, выгружайся! Прибыли! Вокзалъ!
 Они вышли изъ возковъ – кто выскочилъ, кто выплылъ, кто вывалился, кто ковылялъ, ощупывая ногами твердую землю. Графиня Гендрикова прислонила руку ко лбу и тихо охнула:

– Боже, какъ кружится голова!
 – Это отъ дороги, – Пьеръ Жильяръ ловко подхватилъ фрейлину подъ локоть, – сейчасъ пройдетъ... дышите глубже...

...Поѣздъ былъ поданъ для нихъ однихъ; больше ни для кого. Другихъ пассажировъ тутъ не было. Только они, дѣти царя и ихъ слуги. Въ вагонъ второго класса посадили восемь челоуѣкъ; въ вагонъ четвертаго класса – девять. Поваренокъ Сѣднень видѣлъ – матросъ несетъ цесаревича въ другой вагонъ. Чуть не заплакалъ, кусалъ губы.

– Мы въ разныхъ вагонахъ! Въ разныхъ!
 – Да хватить ныть, – одернулъ его поваръ Харитоновъ, – лучше держи-ка корзину съ провизіей, неси!

Ленъка тащилъ тяжелую корзину и былъ гордъ этимъ.
 Въ корзину лежали: круглые широченные, какъ острова посреди Тобола, ситные, бутылки съ жирнымъ коровьимъ молокомъ, заткнутыя бумагой, бутылъ подсолнечнаго масла, въ кастрюлькѣ – варенныя яйца, въ пакетахъ изъ плотной бумаги – соль и сахаръ, въ высокой стеклянной банкѣ – малосольная рыба кунжа, а еще банка съ моченой черемшой, а еще – банка съ кислой капустой: въ послѣднемъ селѣ, гдѣ мѣняли лошадей, черемшу, капусту и кунжу имъ принесли крестьянки. Низко кланялись, пятились, когда возки стонулись, утирали слезы.

Харитоновъ тоже несъ корзину. Въ ней спали вареная картошка и соленые помидоры. И еще пачки макаронъ, и нѣсколько пачекъ чая, и банка меда – прощальный подарокъ

старой актрисы императорских театров Лизаветы Скоробогатовой, жившей напротив Губернаторского дома. Лизавета отдала медь в руки смущенной Анастасии, перекрестила ее, земно поклонилась и ушла.

Что-то вѣдь происходитъ навсегда. И никогда больше...

Погрузились в вагоны. Паровозъ издалъ истеричный гудокъ, и поѣздъ двинулся. Сначала медленно, потомъ быстрѣе. Колеса стучали, дѣвочки переглядывались.

– Ольга, ты ѣсть хочешь?

– А ты?

– Мы-то ладно. Алешинька, ты будешь ѣсть?

Алексѣй лежалъ на верхней полкѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ Климъ Нагорный.

– Климушка, а если поѣздъ тряхнетъ и братикъ упадетъ?

Матросъ налегъ грудью на полку, разставилъ руки, изобразилъ изъ себя медвѣдя.

– Да никогда! Вотъ какъ я его защищу!

Смѣхъ чистый, будто ледяшки или стекляшки перекатываются.

Цесаревичъ лежалъ на спинѣ и повернулъ голову; глаза закрыты, и вдругъ открылъ – можно утонуть в этихъ радужкахъ. Мать передала ему этотъ, безъ дна, взглядъ. Будто кто-то огромный внезапно вычерпалъ землю, и туда хлынула вода, и ея прозрачность безмѣрна: гляди в нее, и увидишь, какъ на днѣ ходятъ рыбы, какъ горятъ золотомъ камни и скорбно шевелятся водоросли. А вотъ плыветъ маленькая желтая рыбка, она сама прозрачная, просвѣчена насквозь – все внутри видать: и скелеть, и кишки, и пузырь, и дышашія жабры. У рыбки нѣтъ чешуи, она вся слѣплена изъ золотого жира, а можетъ, выточена изъ желтаго минерала.

Такъ онъ смотритъ. Глаза-озера, глаза-моря.

...эти глаза многое знаютъ изъ того, что люди еще не знаютъ.

...но его ротъ объ этомъ молчитъ. И вѣрно. Ничего говорить не надо. Все произойдетъ само. Въ свой чередъ.

Въ вагонъ, гдѣ ѣхалъ Харитоновъ, послали гонца – Нагорнаго. Цесаревича сняли съ верхней полки и осторожно усадили на нижнюю. Онъ глядѣлъ въ окно, подперевъ голову руками, слишкомъ тонкими въ запястьяхъ. Пришелъ Харитоновъ, на вощеной бумагѣ разложили желтые кругляши картошки, красные мячи соленыхъ помидоръ, а когда открыли банку съ черемшой и острый чесночный духъ наполнилъ вагонъ, перебивъ запахъ мазута и паровозной гари, – всѣ отъ неожиданности громко засмѣялись.

– Ой, что это?

– Это черемша! Сибирскій дикій лукъ!

...И ѣли, и неприлично облизывали пальцы, и сердито-ласково подавала Татьяна Алексѣю синія салфетки, вынимая изъ ридикюля.

Вотъ, ѣшьте эту простую, великую, народную ѣду. Такую ѣду ѣсть вашъ народъ. А вы...

...а мы тоже ее ѣдимъ, мы же всегда съ нашимъ народомъ, я – съ моимъ народомъ, и я, и я, и я тоже...

##

Колыханье поѣзда то усыпляло, то раздражало. Колеса били спящихъ по головѣ. Рельсы въ полудремѣ становились стальными руками, руки тянулись къ нимъ, вотъ-вотъ достануть. Нагорный легъ рядомъ съ Алексѣемъ, чтобы онъ не свалился. Ольга сѣла на верхней полкѣ. Полка подъ ней скрипѣла. Несмазанный винтъ, старый болтъ. Она боялась: поѣздъ затормазить, и она полетитъ съ полки внизъ, и расшибется. Люди ребра ломаютъ, когда съ вагонныхъ полокъ падаютъ.

Спустила ноги. Спрыгнула. Вкусно и сильно пахло черемшой. Отъ нихъ ото всѣхъ тоже, навѣрное, пахнетъ; черемша крѣпче чеснока. У Ольги на плечахъ ажурный пуховый платокъ. Закутала въ него шею, плечи. Носомъ дышала въ шерсть, грѣла носъ.

Кинула взглядъ на полку напротивъ. Глаза Анастасии, бессонные, огромные, какъ у матери, – иконописные, – устали на нее.

– Что не спишь?

– Оля, не сердись, прошу тебя.

– Я не сержусь.

– Я не сержу-у-у-усь, – тихонько пропѣла Анастасия изъ Роберта Шумана, – и гнѣва въ се-э-э-эрдцѣ нѣ-е-е-еть...

– Тихо!

– Оля. Я вотъ хотѣла спросить. Давно. А можно сейчасъ спрошу?

– Можно, – Ольга наклонилась къ ней ближе.

– Оличка... Вотъ человѣкъ безсмертенъ, да? – сама себѣ отвѣтила: – Да. Душа его без-

смертна. И всѣ души предстануть на Страшномъ Судѣ передь Господомъ, знаю-знаю-знаю! Но безсмертіе – это одно, а смерть... – поежилась. Ольга внимательно слушала, не перебивала. – Смерть – это совѣсьмь другое.

– Кто же спорить, другое, – тихо, почти безслышно отозвалась Ольга.

Глаза ея во тѣмѣ вагона свѣтились то синимъ, то сѣрымъ огнемъ.

– А что, если... когда мы умираемъ, мы съ собой туда – ну, туда – уносимъ навсегда – ну да, навсегда! – нашъ конецъ? Ну, нашу кончину? Ну вотъ, напримѣръ, тебя сбило авто. И ты на всю-всю вѣчную жизнь остаешься это... переживать. Ну, съ этой мукой и остаешься – жить – на всю, всю вѣчность! Потому что это было твое послѣднее... земное. Или... напримѣръ... человекъ рѣшилъ покончить съ собой. Ну рѣшилъ и рѣшилъ, смертный грѣхъ, все понятно, но вѣдь самоубійцы – есть! Мало ли вѣшаются! Въ рѣку съ моста прыгаютъ... стрѣляются! Взвелъ курокъ... приготовился... пухъ!.. послѣдняя боль, ужасная... И... онъ уже тамъ, понимаешь, ТАМЪ... а эта ужасная мука все длится, длится... и всю безконечную загробную жизнь – всю-всю! – онъ ее ощущаетъ. И съ ней всю вѣчность тамъ – на томъ свѣтѣ – такъ и живетъ!

– Это хуже ада, – медленно и опять почти беззвучно шепнула Ольга.

– Да. Хуже. А вдругъ?

Поѣздъ трясло. Ольга и Анастасія обѣ вцѣпились въ шпингалеты, на которыхъ висѣли деревянные жесткія полки.

Невозможная нѣжность высвѣтила треугольное, исхудалое лицо Ольги.

– Но такъ могутъ быть наказаны только великіе грѣшники. Праведники – нѣтъ.

Анастасія, обѣими руками держась за ржавый шпингалетъ, зашептала быстро, горячо, негодующе:

– Навсегда! Навсегда! Это ужасное слово. Оно ужасно! Вотъ мы живемъ, да. Живемъ. И у насъ тоже есть горести всякія, печали. Вотъ горе. Папа больше не царь. Мама не царица. Мы въ ссылкѣ. Мы арестанты. Насъ везутъ на Уралъ, насъ сторожать, надъ нами смѣются какъ хотятъ, а недавно солдатъ Агаѣоновъ пырнулъ меня штыкомъ, такъ, въ шутку, я понимаю. Но такъ гадко стало. А когда мы ѣхали въ возкахъ съ пристани въ Тюмени, я посмотрѣла назадъ и увидала – подлѣ пристани, у самой воды, лежать... – она прижала ладонь къ щекѣ. Другой рукой сжимала шпингалетъ. – Лежать... Не могу... я сразу отвернулась... лежать...

– Да кто лежитъ, что?..

Анастасія прижала пальцы къ губамъ. И по пальцамъ, по губамъ, по ея кругленькому крѣпенькому, похожему на шляпку боровика подбородку уже ползли бѣлыя, блестящія въ ночи елочными хрустальными стекляшками, обильныя слезы.

– Трупы...

Тряска состава. Путь. Стальной и прямой. Съ проселочной дороги, съ торговаго тракта можно свернуть. Съ рельсовъ – никогда.

– Люди... Убитые... Оля, ихъ было такъ много... такъ!.. Я никогда не видѣла столько труповъ. Они... были навалены другъ на друга... ну, какъ дрова... или даже нѣтъ... это было какое-то страшное тѣсто, мѣсиво... и изъ него торчали ноги, головы... будто люди уже не люди, а такъ, страшная куча... стогъ жуткаго сѣна... Я зажмурилась и всю дорогу до вокзала ѣхала зажмуренная... А меня все Гендрикова спрашивала, и Лиза тоже: что съ тобой да что съ тобой!.. А вы съ Татой... ничего не замѣтили... а я взяла себя въ руки... и даже улыбалась... Ольга молчала.

– И, когда мы сѣли въ поѣздъ... вотъ сюда, въ этотъ вагонъ... я все думала: сколько же народу по всей Россіи убито, умерло! И гдѣ теперь всѣ ихъ души! А умерли-то они безвинно, неповинно вѣдь! Никто не хотѣлъ умирать! А ихъ убиваютъ... безъ счета... никто уже давно трупы эти не считаетъ... И я подумала: а вдругъ человекъ, котораго убиваютъ, этотъ послѣдній ужасъ – туда – съ собой – навѣкъ – уносить! И тамъ съ нимъ – такъ и живетъ душа! Такъ и кричить: не убивайте! Не убивайте!

Ольга молчала.

Шторки по краямъ вагоннаго окна, грязныя и измусоленные, были перевязаны лентами и походили на придворныхъ дамъ, брезгливо поднявшихъ подола при переходѣ черезъ вешнюю лужу. За окномъ неслись поля, степи, сосновые боры, увалы. Съ полей еще не весь сошелъ снѣгъ, и земля глядѣла черными яминами глазъ изъ-подъ грязнаго, бывшаго зимою чисто-бѣлымъ, снѣжнаго монашьяго платя.

– Но это если... если грѣшникъ, сказала ты... И не могутъ, не могутъ же всѣ люди въ Россіи – и на всей, всей землѣ – быть грѣшниками! Значить, и святыхъ разстрѣливаютъ! И просто – людей, простыхъ людей, никакихъ не святыхъ, а простыхъ, и даже, можетъ, въ Бога не вѣрующихъ! Вотъ нашъ Другъ, онъ былъ святой. И его – застрѣлили! Такого прекраснаго! Алешиныѣкъ теперь безъ него... такъ трудно, неумогу... онъ же вылѣчивалъ его... онъ же –

молился.. А за этихъ всѣхъ – за тѣ трупы – кто молится?! Зачѣмъ они тамъ лежатъ, около пристани? Зачѣмъ вездѣ, всюду лежатъ? А вдругъ ихъ души... живыя... теперъ такъ и живутъ тамъ, и мучатся?.. и навсегда... и никогда не остановить, не прекратить... этотъ ужасъ...

Выпустила изъ руки шпингалетъ. Рѣзко, быстро легла на полку и отвернулась лицомъ къ стѣнѣ.

Промелькнулъ въ окнѣ малюсенькій, какъ скворешня, развѣздъ. Въ домикѣ горѣло окно. Оно горѣло такъ красно, кроваво, будто крови налили въ банку и банку подсвѣтили съ днища яркимъ прожекторомъ.

Снѣга перемежались черной оттаявшей землей, земля – послѣдними снѣгами. Паровозъ дымилъ, гудѣлъ, и черный дымъ заволакивалъ стекла, а вѣтеръ снова протиралъ ихъ. Гудки разрѣзали слухъ и душу на куски, какъ горькій пирогъ.

Ольга молчала.

##

Ночь, и звѣзды падаютъ съ зенита, будто въ нихъ стрѣляютъ; выстрѣлъ, и одна упала, выстрѣлъ – вторая.

За революцію такъ всѣ привыкли къ пулямъ и трупамъ. «Пуля», «трупъ», «смерть» – обыкновенныя слова, не лучше и не хуже другихъ. Въ мирное время опасались болтать о смерти всуе; она была тайной за семью замками, свѣчами панихиды, ночной Псалтырю. А теперъ? Убили того, другого. Тюкнули. Шлепнули. Кокнули. Отправили въ расходъ.

Мѣнялся словарь и мѣнялся такъ быстро, что услѣдить за пытками языка было невозможно.

Убивали одинъ языкъ, нарождался другой.

Но, пока царила смерть, не рождалось ничто.

Ночь, и поѣздъ брякнулъ барабанами колесъ и всталъ. И болѣе не шевелился, не вздрагивалъ.

Поѣздъ – убили.

– Поѣздъ убили, – во снѣ пробормотала Анастасія и перевернулась на другой бокъ.

Ее Ольга расталкивала за плечо:

– Настя, проснись. Стасинька, проснись! Анастаси!

Стонала, во снѣ же отбрыкивалась.

– Спать... спать хочу...

– Стася, пріѣхали.

Всѣ поднимались съ полокъ, заспанные, суровые, кто съ обиженнымъ лицомъ, кто съ яснымъ, смиреннымъ взглядомъ. Нагорный одѣвалъ цесаревича. Алексѣй, сонно глядя, какъ дядька продѣваетъ ему руку въ рукавъ, говоритъ:

– Не надо, къ чему эти заботы, я сама.

Татьяна уталкивала дорожныя мелочи въ бауль. Нагорный метнулся:

– Позвольте, я застегну замокъ. Я сильный.

Цесаревичъ еще спящими, вялыми пальцами застегивалъ пуговицы на сѣромъ длинномъ френчѣ.

– Гдѣ моя фуражка?

Онъ носилъ военную фуражку. Онъ хотѣлъ стать военнымъ, какъ отецъ. А потомъ мѣнял рѣшеніе: «Я буду строить корабли! Морскіе, океанскіе, большіе!»

Ночь, и запасной путь.

– Гдѣ мы?

– На запасныхъ путяхъ, какъ будто. Вокзала не видно.

– А можетъ, съ другой стороны!

– А сколько сейчасъ времени, господа?

– Сейчасъ гляну. Брегетъ... гдѣ брегетъ...

– Потерялся?

– О нѣтъ. Вотъ. Ого-го! Два часа по-полуночи.

– Два часа, это уже сегодня, девятое мая...

– Святитель Николай. Никола Вешній. Помолимся.

Дѣвушки и Алексѣй перекрестились, а Анастасія начала читать неожиданно яснымъ, звенящимъ голосомъ, на весь вагонъ:

– Радуйся, избавленіе отъ печали; радуйся, подаяніе благодати. Радуйся, нечаемыхъ золь прогонителю; радуйся, желаемыхъ благихъ насадителю. Радуйся, скорый утѣшителю въ бѣдѣ сущихъ; радуйся, страшный наказателю обидящихъ... Радуйся, Николае, великій чудотворче! Радуйся, Николае...

За окномъ дождь. Онъ идетъ и идетъ. Моросить, безысходно и безконечно. Зачѣмъ онъ

возникъ? Заморосиль? Онъ укрываетъ тонкой пленкой слезъ весь этотъ непонятный Уралъ, и пути, и селедочные узкіе рельсы, и пропитанныя мазутомъ, какъ чернымъ масломъ, шпалы, вымачиваетъ деревья и крыши въ этомъ безпредѣльномъ небесномъ разсолѣ, поливаетъ землю, а земля все впитываетъ, она все поглотить, и дожди и снѣга и трупы, и даже времена, и кружева и красныя звѣзды, эти страшныя пентаграммы, ей, молчащей на полміра, черной, грозной, безповоротной, всегда ждущей, никогда не сытой, ей все равно.

– Настя... Тебѣ удалось уснуть?

Ольга нашла ея руку. Какая тоненькая рука. Въ запястьѣ не дай Богъ переломится, какъ ножка богемскаго хрустальнаго бокала.

– Да. Немного. Мнѣ снился сонъ.

– Почему ты прячешь лицо? Ты плачешь?

Ольга подняла ея опухшее лицо за подбородокъ, вынула изъ кармана кружевной швейцарскій платокъ и крѣпко, царапая жесткимъ кружевомъ ей щеки, вытерла ей слезы.

– Это ничего. Пройдетъ.

– Все пройдетъ, пройдетъ и это.

– Это царь Соломонъ? Надпись на кольцѣ?

– Это кольцо раньше носилъ царь Давидъ. Его отецъ.

– Оля, я хочу перечитать Псалтырь.

– Всю?

– Ну не всю сразу, конечно. Хочу пятидесятый псаломъ... тридцать второй... восемьдесятъ пятый... и еще девяностый.

– «Живый въ помощи Вышняго»? Ты развѣ наизусть не помнишь?

– Боюсь запнуться.

– Ну, слушай.

Ольга шопотомъ читала Девяностый псаломъ. Климъ дышалъ на стекло, крѣпко протиралъ его рукавомъ. Алексѣй тихо смѣялся:

– Климъ, дождикъ-то снаружи.

Фонари на далекомъ, невидимомъ перронѣ разливали неясный свѣтъ надъ рельсами и крышами вагоновъ. Въ ихъ вагонѣ бойцы растопили котель и, кажется, грѣли кипятокъ. Пахло дешевымъ чаемъ, духъ какъ отъ завареннаго вѣника.

– Попросить бы у нихъ чайку, – очень тихо, однѣми губами, боясь помѣшать чтенью псалма, прошептала Алексѣй на ухо дядкѣ.

Нагорный плотнѣе прислонилъ губы къ уху цесаревича.

– Что? А, чаю. Можно. Я сейчасъ спрошу.

Всталъ, большой, плечи раздвинули воздухъ. Попятился, прижавъ палецъ ко рту. Потомъ вразвалку двинулся по вагону, подошелъ къ горячему котлу, въ немъ уже булькала, шипѣла вода. Рядомъ никого. Нагорный рубанулъ ночь легкимъ вскрикомъ:

– Эй! Кто-нибудь!

Въ тишинѣ, за обитой телячьей кожей дверью, послышалось ругательство. Высунулась голова краснаго солдата, безъ фуражки.

– Што ищо?! Почивайте! Ищо дозволенья не дадено.

– Какого дозволенья? Чаю-то попить?

– Дуракъ! На землю сойтить!

– Такъ и будемъ тутъ ночку коротать?

– Видать, такъ.

– Дай хоть кипятку.

– А заварка-то у васъ е?

– Ежели отсыплешь – благодарень буду.

Красноармеецъ опять выругался.

– Подставляй горсть.

Нагорный подставилъ. Боецъ сыпанулъ ему въ ладонь жменю чаю.

– Хорошъ, будетъ, спасибо.

– Богъ спасетъ, – сказалъ красноармеецъ и спросилъ: – А кружки е? Стаканы тамъ?

– Есть, братецъ. Все есть.

– А, это, папироской не угостишь? Башъ на башъ.

– Не курю. Но добыть могу.

– Добудь, морякъ, поплавай по морьямъ.

Нагорный вѣжливо затворилъ дверь въ служивое купэ и двинулся съ горстью чая къ сестрамъ.

...Насыпали чай въ дорожные стаканы. Нагорный пошелъ къ котлу – заваривать. За нимъ побѣжала Анастасія. Потомъ двинулись по вагону Татьяна и Ольга – два бѣлыхъ призрака. Чтобы обрадовать мать и отца, надѣли въ дорогу лучшія платья: изъ бѣлой холстины, обши-

тыя вологодскимъ кружевомъ. И теперь, въ ночи, летѣли по вагону двѣ бѣлыя бабочки: то ли живыя, то ли снятыя. А можетъ, ангелы. Да нѣтъ, сестры милосердія. Чаю имъ! Горячаго! Когда еще попьютъ.

...а можетъ, души ожившія; и тоже чаю хотятъ, только сахару нѣтъ. Ни комочка.

А если и есть – весь соленымъ ночнымъ дождемъ вымочень.

Заварили. Пили. Нагорный громко прихлебывалъ. Алексѣй строго наступалъ ему на ногу ногой и дѣлалъ круглые глаза. Потомъ прыскалъ въ стаканъ, и тогда уже грозила пальцемъ Татьяна. Ольга глубоко погружала глаза въ законную тьму.

...Пассажиры вагона четвертаго класса тоскливо глядѣли въ мокрыя окна, какъ пассажиры вагона второго класса идутъ, волоча ноги по кислой гречневой кашѣ непролазной грязи, – ноги утопаютъ въ родной мокрой землѣ, а великія княжны волокутъ тяжелые чемоданы, и у Татьяны въ рукахъ цѣлыхъ два, она же сильная, она... какъ выражается дядька Нагорный... сдюжить; а за пазухой у нея сидитъ ея чудесная собачка, французскій бульдожка Ортино, ты только не лай, милый, ты утро потревожишь. И этотъ вокзалъ, гдѣ онъ, его не видно. Можетъ, это вокзалъ-призракъ, какъ все здѣсь; а можетъ, его совсѣмъ нѣтъ.

Маленькую болонку Джимми, чтобы не придерживать рукой, Настя посадила въ платокъ и узелъ завязала сзади себѣ на шеѣ. Усмѣхнулась: какъ повязка-косынка, у раненыхъ, если въ руку солдата ранило.

Въ такой же повязкѣ, какъ въ нагрудной кошелкѣ, Ольга тащила спаниеля Бэби – Джоя. Джой время отъ времени безпокойно влзаивалъ.

Дождь билъ молоточками въ землю, вода стекала съ мокрыхъ собачьихъ мордъ, земля раскисала, потомъ загустѣвала, въ нее можно было окунать ложку и швырять ее на сковородку, и выпекать черные блины. Съ коркой прошлогоднихъ листьевъ. Съ солью прошлогодняго снѣга. Подъ дождемъ быстро снѣгъ исчезнетъ, послѣдніе его клочья.

Сестеръ опередилъ Нагорный. Онъ несъ Алексѣя. Такъ несутъ хрустальный кубокъ. Гдѣ же пролетки? Или опять эти нелѣпыя возки, подобные тобольскимъ и тюменскимъ дикимъ кибиткамъ? Охрана сказала: сядете въ пролетки, онѣ на перронѣ, за тремя составами. Обойдите составы, и все сами увидите. Утро, дождь и слякоть. Татьяна чувствовала у груди тепло собаки, а глаза ея ловили плывущую въ маревѣ дождя широкую, какъ баржа, спину Нагорнаго. Вонъ онъ, перронъ, его сѣрая плаха. И правда, пролетки. Даже съ тентомъ, о счастье, они укроются отъ дождя. Зонты у нихъ съ собой, въ чемоданахъ, но сейчасъ несподручно ихъ вынимать. Грязь! Всюду грязь. Великая грязь. Ужъ лучше снѣгъ. Въ снѣгу тоже можно завязнуть.

Нагорный о чемъ-то сердито говорилъ съ конвоемъ на перронѣ. Махалъ руками. Мокрыя ленты его безкозырки ползли на плечи черными ужами. До Татьяны донеслось:

– ...безсердечныя твари!

И слѣдомъ – громко, на весь перронъ, чужой голосъ, и услышала не только она, но и сестры:

– Это пусть ваши твари, голубая кровь, сами несутъ свои чемоданы!

Анастасія запунцовѣла. Ольга, напротивъ, побѣлѣла.

– Мы уже твари, – прошептала она. Нога утонула въ грязи. Она вытащила ногу, и грязь гадко хлопнула.

А можетъ, мы драконы. Или хищныя многозубыя шуки. Или ядовитыя змѣи, и полземъ, полземъ по этой грязи, по этой сырой и волглой землѣ, и ищемъ, кого бы смертельно укусить. Нѣтъ, мы вурдалаки, и мы питаемъ покойниками, разрываемъ свѣжія могилы. Нѣтъ, мы чудовища гораздо страшнѣе; намъ нѣтъ имени, извѣстно только, что у насъ голубая кровь, и въ этомъ единственная наша вина. Нѣтъ, мы...

У пролетокъ стояла новая, невѣдомая охрана. Глядѣли уныло, исподлобно. У кого винтовки за плечами, у кого наперевѣсь. Будто за цесаревнами кто-то черный идетъ; видимо, заговорщикъ. И вооруженъ до зубовъ. Нагорный мѣрилъ дикимъ взглядомъ человѣка, что держалъ лошадь подъ-узды. У человѣка надъ слишкомъ высокимъ, будто онъ болѣлъ водяной, выпуклымъ лбомъ торчали вкось и вверхъ безумные волосы. Волосъ было такъ много, что войди въ нихъ – и заблудишься. Человѣкъ возвращалъ матросу такой же дикій, разстрѣливающей взглядъ.

По ихъ соединеннымъ взглядамъ можно было пройти, какъ по веревочному мосту надъ пропастью.

Глаза, вѣдь это почти огонь. Они сожгутъ всѣ мосты, если надо.

– Комиссаръ Ермаковъ! – крикнули отъ второй пролетки. – Разсаживай арестованныхъ!

Татьяна подволокла оба чемодана къ пролеткѣ. Бульдогъ у нея за пазухой высунулъ большеглазую гладкую, курносую морду и бѣшено, ненавидяще залаялъ.

– Тихо, Ортино, тихо, тихо... А то тебя убьютъ...

– Заползай! – истошно крикнулъ комиссаръ Ермаковъ и указалъ пальцемъ на пролетку. –

А лучше – прыгай живо!

Татьяна, еле дыша, взгромоздила одинъ чемоданъ въ пролетку. Ермаковъ стоялъ и смотрѣлъ. Онъ напоминалъ ожившую тумбу на базарной площади. Бѣшеные глаза, бѣшенныя руки. И собака лаяла бѣшено, будто старалась попасть съ чужимъ бѣшенствомъ въ одну ноту.

– Таточка, миленькая, – уныло сказала Алексѣй. – Я же не могу тебѣ помочь, это мнѣ тяжело... а я – калѣка...

– Ты не калѣка! – громко крикнула Татьяна. По ея вискамъ текъ потъ. Она втащила въ пролетку второй чемоданъ. – Никогда больше не говори про себя такъ! Товарищ комиссаръ! Тутъ больше мѣста для людей нѣтъ!

Ермаковъ указалъ Ольгѣ и Анастасіи на вторую пролетку. За этими экипажами стояли еще три.

Въ первой пролеткѣ возсѣдалъ подъ дождемъ комиссаръ Бѣлобородовъ, начальникъ всего Урала, весь Уралъ подъ нимъ, подъ краснымъ царемъ.

А комиссаръ Ермаковъ глянулъ на Бѣлобородова такъ, будто бы это онъ, Ермаковъ, тутъ одинъ царь. И другихъ тутъ быть не должно.

– Что возитесь?! – во весь голосъ крикнулъ Бѣлобородовъ. – Я весь вымокъ! Хоть выжимай!

– Трогай! – крикнулъ Ермаковъ кучеру такъ, будто оралъ: «Убирайся!»

Лощадь заржала и рванула. Пролетка съ наслѣдникомъ и Татьяной тронулась.

Ольга прыгнула въ пролетку первой и подала руку Анастасіи. Джой весело твякнулъ. Джимми отозвался.

– Настинька, давай, ты же ловкая...

Анастасія, придерживая на груди повязку съ Джимми, взобралась и отдула со щеки прядь, выбившуюся изъ-подъ шапки.

– О да. Я такая ловкая.

– Собачницы хрѣновы! Мало имъ вещей, псовъ за собой тянуть!

Ермаковъ махнулъ рукой, будто въ бою, въ кровавой кашѣ рубилъ чью-то зазѣвавшуюся голову; тронулась пролетка съ сестрами. Лошади шли одна за другой, вѣтеръ дулъ въ лицо, и Татьяна одной рукой обняла Алексѣя за плечи.

– Алешинька, скоро увидимъ мама и папа. И Машиньку.

– Я по Машкѣ соскучился. Очень.

– И я тоже.

Мокрые хвосты лошадей и мокрая ихъ спины растаяли въ сѣрой измороси.

– Выводи! – крикнулъ Ермаковъ охранѣ вагона четвертаго класса.

И вывели ихъ всѣхъ – царскихъ слугъ, вѣрную свиту, вѣрныхъ, жалкихъ, беспомощныхъ, съ бѣгающими глазами: куда это насъ привезли?.. Боже, какой дождь и туманъ!.. – всѣхъ ихъ: фрейлинъ и поваровъ, лакеевъ и гувернеровъ, графинь и статсъ-дамъ, солдатъ и генераловъ – и вся вина ихъ въ томъ, что они царскіе, бывшіе, бросовые, дешево и сердито позолоченные; а позолоту стряхнуть, а взять на прицѣль, да только не здѣсь, хотя перронъ весьма удобенъ для разстрѣла, – надо обождать, сдѣлать все по закону, а закона-то нѣтъ, каждый сейчасъ самъ себѣ царь, и кто надъ ними тутъ царь? – да онъ, Ермаковъ, – а они, отребье, огрызки, вонь идутъ, ноги волокутъ по размытой дождями землѣ, оступятся да въ грязь упадутъ, а туда имъ и дорога, ибо грязь они, грязь и плѣсень міра, и какъ можно скорѣе надо съ этой плѣсенью расправиться, чтобы легкія свободно развернулись и сердце пламенно забилося подъ красной, свободной звѣздой.

Комиссаръ Родіоновъ глядѣлъ еще человѣческимъ лицомъ, а комиссаръ Ермаковъ – бѣсымъ.

– Бѣсъ, – сказала графиня Гендрикова и тайкомъ, мелко, перекрестила грудь.

Солдатъ Волковъ сказалъ:

– Госпожа Гендрикова, я вотъ изъ вагона... варенье захватилъ...

И протянулъ банку съ запекшейся чернокрасной, ягодной кровью.

– Это – вамъ...

Графиня не успѣла вымолвить «вотъ спасибо». Скорымъ шагомъ подошелъ Ермаковъ.

– Что это у васъ?! Нельзя! Запрещено!

Вывалъ банку изъ рукъ Волкова. Сунулъ въ руки подбѣжавшаго охранника.

– Жрите, къ чаю. Всѣ изъ вагона вышли?! Пересчитать еще разъ! По головамъ!

И ихъ, какъ скоть, считали по головамъ.

– Разъ, два, три, четыре, пять, шесть... семь, восемь, девять... Разсаживай!

Впереди трясся въ пролеткѣ Бѣлобородовъ. Конвойные, на коняхъ, скакали по обѣ стороны кортежа.

– Насъ какъ въ гробахъ везутъ, хоть мы и живые, – няня Теглева обернула мокрое лицо

къ графинѣ Гендриковой.

Графиня сжала руку няньки. Онѣ обѣ глядѣли на чужой дымный городъ Екатеринбургъ. Дома, и трубы, и колонны, и крыльца, и мокрая деревья, и заплоты. Стекла блестятъ, какъ слезы. Вотъ встали около глухого высоченнаго забора. Дома за нимъ не видно. Здѣсь сойдемъ? Выйти Харитонову и Сѣдневу! Остальнымъ оставаться на мѣстахъ! Впередь!

И ѣхали впередь. И пріѣхали. Вышли всѣ, щупая ногами мокрая, положенныя на грязь доски. По дощатымъ тротуарамъ гуськомъ прошли въ каменный домъ. Надъ дверью – красная тряпка. Красный ситцевый передникъ грязной поварихи. Весь вымокъ. А, да, это ихъ новый флагъ. Это теперь флагъ нашей Россіи. Со святыми упокой. Съ чѣмъ, съ чѣмъ?! Шептаться – отставить!

Комиссаръ Бѣлобородовъ прыгнулъ съ пролетки на землю. Глядѣлъ на людей, какъ на вещи: эта стоящая, эта чуть подороже, а эта просто хламъ. Зычно прокричалъ:

– Открывай ворота! Арестантовъ – принимай!

Ворота заскрипѣли. Ихъ отворяли. Навстрѣчу привезеннымъ вышелъ приземистый, толстобрюхий человекъ, животь у него нависалъ надъ туго стянутымъ ремнемъ. Пряжка ремня горѣла въ дождевой хмари мѣдно-краснымъ раскаленнымъ углемъ. Толстобрюхий издалъ натужный вопль:

– За-а-апускай... арестованныхъ!

– Гдѣ мы, Господи? – прошелестѣла баронесса Буксгевденъ. Рубиновая серьга у нея въ ухѣ больно, жарко сверкнула. На серьгу взглядомъ василиска смотрѣлъ Бѣлобородовъ.

А сзади него – глазами и шевелящимися пальцами, руками – уже раздѣвалъ женщину, уже пробовалъ на вкусъ безызвѣстный охранникъ со щеткой усомъ подъ висячимъ носомъ, съ оспинными рябинами по всему широкому, какъ мѣдный казанъ, лицу.

– Мы въ тюрьмѣ, – отозвался генераль-адъютантъ Татищевъ. – Отъ сумы да отъ тюрьмы въ Россіи – не отрекайся.

Комиссаръ Бѣлобородовъ радостно засмѣялся.

– А я въ тюрьмѣ родился благодаря вашему чортову царизму.

Графъ Татищевъ кусалъ губы.

– То-есть какъ? Правда? Вы... родились въ застѣнкѣ? Въ... тюремной камерѣ?

Бѣлобородовъ продолжилъ смѣхъ, смѣхъ извергался изъ него мощно, искренне, длинно, ему не видно было конца, и Татищевъ терпѣливо ждалъ – такъ пережидаютъ залиvistый лай собакъ на охотѣ, когда онѣ дружно и бѣшено поднимаютъ волка.

– Тюрьма – вся наша родная страна. Вся Россія была тюрьма! Непонятно?

Опять хохоталь.

Смѣхъ его когда-нибудь кончился.

И въ наступившей тишинѣ, подъ дождемъ, во дворѣ екатеринбургской тюрьмы, около пролетокъ, что доставили ихъ не къ любимымъ царямъ, а въ каменную пасть краснаго звѣря, графъ Татищевъ отчетливо, по-армейски, сказалъ, глядя въ самую середину мокрой фуражки комиссара Бѣлобородова, въ черный мокрый козырекъ:

– Очень даже понятно. Понятно все. Вы додѣлаете то, что мы не успѣли. Переимете опытъ. Вы изо всей Россіи сдѣлаете образцовую разстрѣльную тюрьму.

Бѣлобородовъ заоралъ:

– Молчать!

Графъ Татищевъ усмѣхнулся и развелъ руками, будто проигралъ въ вистъ или въ преферансъ лучшимъ друзьямъ.

Потомъ выпрямился. И ни одного ордена, ни одного креста на груди, а всѣмъ почудилось – его грудь въ орденахъ. И обливаешь, поливаетъ ихъ слезами нудный, обложной дождь.

Генераль и комиссаръ мгновенно молча глядѣли другъ на друга.

Татищевъ тихо сказалъ, и Бѣлобородовъ услышалъ:

– Ротъ не заткнешь мнѣ, холопъ.

Продолжение следует